ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

Том 24. № 5 2025

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

Volume 24. No. 5 2025

Founder:
Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

Учредитель:
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный университет»

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Number **ПИ № ФС77-78163** of March 13, 2020)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер **ПИ № ФС77-78163** от 13 марта 2020 г.)

The journal is included into **“The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses”** that came in force on December 1, 2015

Журнал включен в **«Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»**, вступивший в силу с 01.12 2015 г.

The journal is included into **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** and **Scopus**

Журнал включен в базы **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** и **Scopus**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **eLIBRARY.RU** (Russia), **MLA** (USA), **CrossRef** (USA), **DOAJ** (Sweden), **ProQuest** (USA), **CiteFactor** (Canada), **COPAC*** (Great Britain), **Google Scholar** (USA), **Journalindex.net** (USA), **JournalSeek** (USA), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (USA), **OCLC WorldCat©** (USA), **SHERPA/RoMEO** (Spain), **MIAR** (Spain), **ZDB** (Germany), **“CyberLeninka” Scientific Electronic Library** (Russia), **“Socionet” Information Resources** (Russia), etc.

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**, **MLA** (США), **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **ProQuest** (США), **CiteFactor** (Канада), **COPAC*** (Великобритания), **Google Scholar** (США), **Journalindex.net** (США), **JournalSeek** (США), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (США), **OCLC WorldCat©** (США), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **MIAR** (Испания), **ZDB** (Германия), **Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»** (Россия), **Соционет** (Россия) и др.

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2025
Том 24. № 5

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2025
Volume 24. No. 5

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY
LINGUISTICS
2025. Vol. 24. No. 5
Academic Periodical
First published in 1996
6 issues a year

Editorial Staff:
Assoc. Prof., Dr. *E.M. Sheptukhina* – Chief Editor (Volgograd)
Prof., Dr. *E.Yu. Ilyinova* – Deputy Chief Editor (Volgograd)
Prof., Dr. *S.V. Ionova* (Moscow)
Prof., Dr. *S.S. Takhtarova* (Kazan)
Cand. *I.A. Safonova* – Executive Secretary (Volgograd)
Cand. *O.S. Volkova* – Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:
Prof., Dr. *R.S. Alikaev* (Nalchik);
Prof., Dr. *N.S. Bolotnova* (Tomsk);
Prof., Dr. *D. Voyvodich* (Novi Sad, Serbia);
Prof., Dr. *V.Z. Demyankov* (Moscow);
Leading Researcher, Dr. *N.N. Zapolskaya* (Moscow);
Prof., Dr. *M.V. Zelikov* (Saint Petersburg);
Prof., Dr. *D.Yu. Ilyin* (Volgograd);
Prof., Dr. *V.I. Karasik* (Volgograd);
Prof., Dr. *A.F. Kelletat* (Mainz, Germany);
Prof., Dr. *K. Koncharevich* (Belgrade, Serbia);
Prof., Dr. *E.I. Koriakowcewa* (Siedlce, Poland);
Prof., Dr. *L.P. Krysin* (Moscow);
Prof., Dr. *O.A. Leontovich* (Volgograd);
Prof., Dr. *I.P. Lysakova* (Saint Petersburg);
Prof., Dr. *O.A. Prokhvatilova* (Moscow);
Prof., Dr. *O.N. Prokhorova* (Belgorod);
Prof., Dr. *V.I. Terkulov* (Donetsk);
Dr. Phil., Prof. of Slavonic Philology *V.S. Tomelleri* (Turin, Italy);
Assoc. Prof., Dr. *E. Hoffmann* (Vienna, Austria);
Prof., Dr. *N.L. Shamne* (Volgograd);
Prof., Dr. *L. Shipelevich* (Warsaw, Poland);
Dr. *R. Schmitt* (Mannheim, Germany);
PhD, Assoc. Prof. *Yan Kai* (Zhuhai, China)

Editors, Proofreaders: *M.V. Gayval, I.V. Smetanina*
Editors of English texts: *O.S. Volkova, D.A. Novak*
Making up and technical editing by *O.N. Yadykina*

Passed for printing on Sept. 25, 2025.
Date of publication: Dec. 23, 2025. Format 60×84/8.
Offset paper. Typeface Times.
Conventional printed sheets 18.1. Published pages 19.5.
Number of copies 500 (1st printing 1–29 copies).
Order 103. «C» 33.

Open price

Address of the Editorial Office and the Publisher:
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.
Volgograd State University.
Tel.: (8442) 40-55-79. Fax: (8442) 46-18-48.
E-mail: vestnik2@volsu.ru

Journal website: https://l.jvolsu.com
English version of the website:
https://l.jvolsu.com/index.php/en/

Address of the Printing House:
Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.
Postal Address:
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.
Publishing House of Volgograd State University.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

© Volgograd State University, 2025

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ
2025. Т. 24. № 5
Научно-теоретический журнал
Основан в 1996 году
Выходит 6 раз в год

Редакционная коллегия:
д-р филол. наук, доц. *Е.М. Шептухина* – главный редактор (г. Волгоград)
д-р филол. наук, проф. *Е.Ю. Ильинова* – зам. главного редактора (г. Волгоград)
д-р филол. наук, проф. *С.В. Ионова* (г. Москва)
д-р филол. наук, проф. *С.С. Тахтарова* (г. Казань)
канд. филол. наук *И.А. Сафонова* – ответственный секретарь (г. Волгоград)
канд. филол. наук *О.С. Волкова* – технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:
д-р филол. наук, проф. *Р.С. Аликаев* (г. Нальчик);
д-р филол. наук, проф. *Н.С. Болотнова* (г. Томск);
д-р филол. наук, проф. *Д. Войводич* (г. Нови Сад, Сербия);
д-р филол. наук, проф. *В.З. Демьянков* (г. Москва);
д-р филол. наук, ведущий науч. сотр. *Н.Н. Запольская* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *М.В. Зеликов* (г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук, проф. *Д.Ю. Ильин* (г. Волгоград);
д-р филол. наук, проф. *В.И. Карасик* (г. Волгоград);
д-р, проф. *А.Ф. Келлетат* (г. Майнц, Германия);
д-р филол. наук, проф. *К. Кончаревич* (г. Белград, Сербия);
д-р филол. наук, проф. *Е.И. Коряковцева* (г. Седльце, Польша);
д-р филол. наук, проф. *Л.П. Крысин* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *О.А. Леонтович* (г. Волгоград);
д-р филол. наук, проф. *И.П. Лысакова* (г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук, проф. *О.А. Прохватилова* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *О.Н. Прохорова* (г. Белгород);
д-р филол. наук, проф. *В.И. Теркулов* (г. Донецк);
д-р филологии, проф. слав. филологии *В.С. Томеллери* (г. Турин, Италия);
д-р, доц. *Э. Хоффманн* (г. Вена, Австрия);
д-р филол. наук, проф. *Н.Л. Шамне* (г. Волгоград);
д-р гуманит. наук, проф. *Л. Шипелевич* (г. Варшава, Польша);
д-р социол. наук *Р. Шмитт* (г. Мангейм, Германия);
PhD (филология), доц. *Янь Кай* (г. Чжухай, Китай)

Редакторы, корректоры: *М.В. Гайваль, И.В. Сметанина*
Редакторы английских текстов: *О.С. Волкова, Д.А. Новак*
Верстка и техническое редактирование *О.Н. Ядыкиной*

Подписано в печать 25.09 2025 г.
Дата выхода в свет: 23.12 2025 г. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 18,1.
Уч.-изд. л. 19,5. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–29 экз.).
Заказ 103. «С» 33.

Свободная цена

Адрес редакции и издателя:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Волгоградский государственный университет.
Тел.: (8442) 40-55-79. Факс: (8442) 46-18-48.
E-mail: vestnik2@volsu.ru

Сайт журнала: https://l.jvolsu.com
Англояз. версия сайта журнала:
https://l.jvolsu.com/index.php/en/

Адрес типографии:
400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.
Почтовый адрес:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Издательство
Волгоградского государственного университета
E-mail: izvolgu@volsu.ru

© ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Андреев С.Н., Максимчук Н.А. Ономастическое наполнение географических нормативно-научных текстов: квантитативный подход 6

Ильинова Е.Ю., Кочетова Л.А. Дискурсивно-корпусная реконструкция медийного образа Китая в русскоязычном новостном контенте 21

Ефимова А.Д. Когнитивно-языковое освоение концептуального заимствования *бренд* как феномена рекламного дискурса 38

Дзюбенко А.И. Лингвопрагматика художественного вымысла: ирреальная модальность в романе В.В. Орлова «Аптекарь» 51

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

Барахоева Н.М. Типологический статус нахских языков 62

Галкина Е.В., Краснощекова С.В., Дунганова Д.Э. Языковые особенности письменной речи двуязычных взрослых в условиях русско-кыргызского билингвизма 73

Фадеева М.Ю. Объективация категории чужести в ксеносфере русской, немецкой, английской лингвокультур 86

Бармина-Шаляпина Д.Э. Виртуальная личность англоязычного инфлюенсера: лингвокреативный аспект [*На англ. яз.*] 101

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Никитин О.В. Лингвистические парадигмы XXI в.: диалоги с академиком В.М. Алпатовым 114

Юдина Н.В., Оборская С.А. Изучение кхмерского языка: достижения и перспективы 138

Потапова Р.К., Потапов В.В., Курьянова И.В. Методы интерпретации невербальной информации применительно к задачам речевого портретирования (на материале звучащей речи) 151

Лекомцева И.А., Абдульманова А.Х., Вьюнова Е.К., Куликова М.Н. Методика функционально ориентированного сопоставительного поиска коммуникативно равноценных межъязыковых соответствий 162

ДИСКУССИИ

Дмитриева Е.Г., Капустина В.А. Региональный текст: в поиске критериев определения 175

Бутакова Л.О. Возможности моделирования пространства города и региона на основе регионального текста и дискурса 183

CONTENTS

EVOLUTION AND FUNCTIONING OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Andreev S.N., Maksimchuk N.A. Onomastic Content of Geographical Normative Scientific Texts: A Quantitative Approach 6

Ilyinova E.Yu., Kochetova L.A. Media Representation of China in the Russian-Language News Discourse: Corpus-Assisted Reconstruction 21

Efimova A.D. Cognitive and Linguistic Development of the Conceptual Borrowing "Brand" as a Phenomenon of Advertising Discourse 38

Dzyubenko A.I. Linguistic Pragmatics of Literary Fiction: Unreal Modality in V.V. Orlov's Novel "The Pharmacist" 51

INTERCULTURAL COMMUNICATION AND COMPARATIVE STUDIES OF LANGUAGES

Barakhoeva N.M. The Typological Status of the Nakh Languages 62

Galkina E.V., Krasnoshchekova S.V., Dunganova J.E. Language Features of Written Speech in Adult Bilinguals in the Conditions of Russian-Kyrgyz Bilingualism 73

Fadeeva M.Yu. Verbalization of Foreignness in the Xenosphere of Russian, German, English Linguocultures 86

Barmina-Shalyapina D.E. English-Speaking Influencer's Virtual Personality: Linguocreative Aspect 101

MATERIALS AND REPORTS

Nikitin O.V. Linguistic Paradigms of the 21st Century: Dialogues with Academician V.M. Alpatov 114

Yudina N.V., Oborskaia S.A. The Khmer Language Studies: Achievements and Prospects 138

Potapova R.K., Potapov V.V., Kuryanova I.V. Non-Verbal Information Interpretation in Speech Portraiture (Exemplified by Oral Speech) 151

Lekomtseva I.A., Abdulmanova A.Kh., Vyunova E.K., Kulikova M.N. Functional Contrastive Analysis to Identify Communicatively Equivalent Cross-Linguistic Correspondences 162

DISCUSSIONS

Dmitrieva E.G., Kapustina V.A. Regional Text: In the Search for Definition Criteria 175

Butakova L.O. Modeling the City and Region on the Basis of Regional Text and Discourse 183

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.5.1

UDC 81'373.21
LBC 81.053.16

Submitted: 29.05.2024
Accepted: 31.03.2025

ONOMASTIC CONTENT OF GEOGRAPHICAL NORMATIVE SCIENTIFIC TEXTS: A QUANTITATIVE APPROACH

Sergey N. Andreev
Smolensk State University, Smolensk, Russia

Nina A. Maksimchuk
Smolensk State University, Smolensk, Russia

Abstract. The article focuses on topical issues of statistical processing of educational books, which might contribute to their content peculiarities identification. The aim of this interdisciplinary research, within the framework of which this study is conducted, is to determine the role and place of proper names in the structure of universally mandatory knowledge and its individual fragments. The analysis undertaken resulted in identifiing and structuring the onomastic space of geographical normative scientific macrotexts. The application of quantitative analysis revealed the composition of the onomastic core and periphery of these macrotexts, as well as the basic and variable components of onyms and their distribution across the text. The composition and frequency of toponyms in geographical normative scientific texts are noted to serve as markers of the content of the geographical excerpt of the normative scientific picture of the world (universally mandatory geographical knowledge). The findings allow for conclusions not only about the composition and structure of the onomastic content of normative scientific macrotexts but also about the degree of its stability over time. The proposed methodology for determining the onomastic (informational) load of a text can be applied to the analysis of textbooks in other subjects. The analysis applied to onomastic content of geographical normative scientific texts, which forms particular onomastic space, has significant practical relevance, related to the objectification of expert evaluations of existing textbook texts and the prospect of developing recommendations for newly created ones.

Key words: proper name, universally mandatory scientific knowledge, normative scientific text, onomastic load of a text, onomastic background, quantitative analysis.

Citation. Andreev S.N., Maksimchuk N.A. Onomastic Content of Geographical Normative Scientific Texts: A Quantitative Approach. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 5, pp. 6-20. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.5.1

© Андреев С.Н., Максимчук Н.А., 2025

УДК 81’373.21
ББК 81.053.16

Дата поступления статьи: 29.05.2024
Дата принятия статьи: 31.03.2025

ОНОМАСТИЧЕСКОЕ НАПОЛНЕНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НОРМАТИВНО-НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ: КВАНТИТАТИВНЫЙ ПОДХОД

Сергей Николаевич Андреев
Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Россия

Нина Алексеевна Максимчук
Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Россия

Аннотация. Исследование посвящено решению актуальных задач определения содержательных характеристик текстов учебной литературы с применением методов статистической обработки их лексического наполнения. Работа выполнена в русле междисциплинарных исследований, нацеленных на установление роли и места имен собственных в структуре общеобязательного знания и его отдельных фрагментов. В результате проведенного анализа выделено и структурировано ономастическое пространство географических нормативно-научных макротекстов. С применением квантитативного анализа выявлены состав ономастического ядра и периферии данных макротекстов, распределение онимов по тексту. Показано, что состав и частотность топонимов в географических нормативно-научных текстах служат маркерами содержания географического фрагмента нормативно-научной картины мира (общеобязательного географического знания). Полученные результаты позволяют сделать выводы не только о составе и структуре ономастического наполнения нормативно-научных макротекстов, но и о степени его устойчивости во времени. Предлагаемая методика оценки ономастической (информационной) нагруженности текста может быть использована для анализа учебников по другим предметам. Анализ ономастического наполнения географических нормативно-научных текстов, формирующего определенное ономастическое пространство, имеет практическую значимость, связанную с объективацией экспертизы текстов существующих учебников и с перспективой разработки рекомендаций для вновь создаваемой учебной литературы.

Ключевые слова: имя собственное, общеобязательное научное знание, нормативно-научный текст, ономастическая нагруженность текста, ономастический фон, квантитативный анализ.

Цитирование. Андреев С. Н., Максимчук Н. А. Ономастическое наполнение географических нормативно-научных текстов: квантитативный подход // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 5. – С. 6–20. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.5.1

Введение

Представляемое исследование выполнено в рамках разработки концепции изучения языкового выражения содержания общеобязательного научного знания. Научный фрагмент общеобязательного знания человека (нормативно-научная картина мира, далее – ННКМ) складывается из научных и научно-практических сведений, усвоению которых в значительной степени посвящен процесс образования. Особенность этого фрагмента состоит в том, что он складывается не стихийно, а в результате целенаправленного сообщения отобранных и одобренных обществом научных сведений, овладение которыми регламентируется социумом и закрепляется в нормативных документах (образовательных стандартах, программах, учебниках и т. д.). Основным средством трансляции общеобязательных научных сведений служат нормативно-научные тексты (далее – ННТ) – специально созданные и принятые обществом научные тексты, функционирующие в учебной литературе. Основной формой представления научного знания в учебных целях служат учебники как нормативно-научные макротексты. Одним из двух (наряду с термином) опорных элементов нормативно-научной картины мира, существующей в сознании носителей научного знания, является имя собственное (далее – ИС).

Предмет исследования в данной статье – ономастическое наполнение (топонимы) нор-

мативно-научных текстов учебников географии, цель – разработка методики определения ядерного и периферийного компонентов общеобязательного научного знания путем сопоставительного анализа структуры ономастического наполнения школьных учебников географии разных временных периодов.

Работа имеет междисциплинарный характер, поскольку поставленная цель объединяет несколько смежных дисциплин: ономастику (языковой материал представлен ономастической лексикой), когнитивную лингвистику (имя собственное рассматривается как носитель общеобязательного научного знания, которое влияет на формирование личности), теорию учебно-научного текста (имя собственное функционирует в нормативно-научных текстах, формируя их информационную насыщенность), прикладную лингвистику.

Теоретическое значение исследования связано с тем, что оно позволит расширить представление об онимах как носителях общеобязательного научного знания и ономастическом наполнении нормативно-научных текстов как ономастическом пространстве, его практическая значимость обусловлена возможностью использования представленных методов при анализе и экспертной оценке нормативно-научных текстов действующих учебников.

Ономастическое наполнение нормативно-научных текстов определенной тематической отнесенности (в том числе – географической) формирует своего рода ономастическое пространство. Современные философские теории пространства рассматривают фундаментальные измерения человеческого мира, выражаемые в специфических нестрогих понятиях верх – низ, центр – окраина, поверхность – глубина, удаленность – близость и др., которые фиксируются уже на уровне обыденного сознания и отражают то, в каких именно координатах и векторах описывается динамика и статика человеческого существования [Философия..., 2004]. Очевидно, что значительная часть пространственных координат и векторов в их вербальном выражении будет иметь, помимо нарицательных обозначений, собственные наименования, что позволяет применить к термину пространство уточняющее определение.

В лингвистике появление термина ономастическое пространство связано с именами В.Н. Топорова и А.В. Суперанской. В.Н. Топоров трактует (топ)ономастическое пространство как совокупность принадлежащих ему собственных наименований [Топоров, 2004]. А.В. Суперанская, понимая ономастическое пространство как совокупность всех имен собственных, употребляющихся в определенном социуме в определенную историческую эпоху, подчеркивает, что его объем и характер могут меняться [Суперанская, 1973].

Используя понятие ономастического пространства в целях нашего исследования, мы обозначаем этим термином совокупность ономастических единиц нормативно-научных текстов разных уровней – от ННТ одного раздела до ННТ отдельного учебника (макротекста) или всей учебной линии – предметного гипертекста [Максимчук, Голубничая, 2018]. Анализ ономастического пространства любого ННТ может быть комплексным, одновременно охватывая онимы всех представленных в нем разрядов, или последовательным, проводимым по отдельным разрядам. В данной работе детально анализируются топонимы (конкретно – названия стран) как основной разряд онимов в географических текстах – носителях базового географического знания.

Поскольку наполнение ономастического пространства как составной части (фрагмента) лексической системы языка позволяет квалифицироваться в терминах теории поля [Супрун, 2000; Максимчук, 2017; и др.], то применение квантитативного анализа частот имен собственных позволяет определить состав ядра и периферии данной ономастической структуры, уровень информационной нагруженности одноименных нормативно-научных текстов и, следовательно, выявить степень сходства и различия в представлении базового географического знания в учебниках разных поколений.

В перспективе комплексный анализ ономастического наполнения нормативно-научных текстов как носителей существенного объема общеобязательного научного знания в сочетании с корпусным анализом других характеристик учебных текстов (см., например: [Куприянов, Солнышкина, Лехницкая, 2023; Монахов, Турчаненко, Чердаков, 2023;

Лапошина, Лебедева, 2024; и др.]) и методом экспертных оценок позволит выработать концепцию построения оптимального учебного текста с учетом его содержательных задач, потребностей и возможностей адресата.

Материал и методы

Материалом для проведения исследования послужили ННТ учебников географии. Выбор обусловлен несколькими причинами. География относится к традиционным предметам общего образования, что свидетельствует о понимании обществом важности формирования системы географических знаний как компонента научной картины мира для ориентации человека в окружающем его физическом (материальном) мире в целом и мире разных стран и народов в частности. В современной ситуации, характеризующейся повышенной геополитической турбулентностью, значительными изменениями в природной географической среде, освоение молодыми людьми базового географического знания может способствовать, согласно нормативным образовательным документам, формированию целостного представления о роли России в современном мире, ценностных ориентаций личности. Кроме того, в структуре географических знаний имя собственное занимает особое место, поскольку все географические объекты, известные человеку, имеют индивидуальные наименования – топонимы, составляющие один из самых многочисленных разрядов ономастической лексики.

При определении источников материала исследования (учебников) учитывались следующие параметры. Во-первых, учебники должны быть рекомендованы к использованию высшими образовательными институтами, чем подтверждается их статус носителей общеобязательного научного знания, структура которого закреплена в нормативных документах. Во-вторых, они должны быть существенно разделены во времени, что позволяет рассматривать их содержание в динамическом аспекте, оценивая степень его стабильности и актуальности. В-третьих, источники должны принадлежать разным авторам, что обеспечивает, на наш взгляд, большую объективность выявляемых сходства и различий в структуре представляемого общеобязательного научного знания.

Источниками послужили учебники географии для 10 класса 1991 г. (ГЕО-1) и 10–11 классов 2018 г. (ГЕО-2), отвечающие всем трем требованиям.

В работе использованы описательный, структурный, сравнительно-сопоставительный методы, квантитативный анализ (сбор, подготовка, преобразование данных, кодирование, создание базы данных, визуализация результатов, статистический анализ).

Отбор имен собственных из текстов проводился программными средствами с использованием кода на Python и двух модулей: регулярных выражений (Regular Expressions) и спейси (spaCy).

Рассматривались все разряды и структурные типы онимов, включая аббревиатуры. Не учитывались иноязычные имена собственные, приводимые на латинице (их количество в исследуемых массивах ограничивается несколькими единицами).

Изучение ономастической структуры географических ННТ проводилось при помощи квантитативного анализа частот. Были рассмотрены следующие аспекты: 1) уровень ономастической насыщенности текста и частотное ядро ономастической структуры; 2) периферия ономастической структуры; 3) характер распределения частот вводимых в учебный текст онимов от его начала к концу; 4) использование ономастической системы для описания ведущих в политико-экономическом отношении стран мира. На всех этапах исследования анализ проводится как в рамках отдельных учебников, так и в их сопоставлении друг с другом.

Результаты

Уровень ономастической насыщенности текста и частотное ядро ономастической структуры

В результате анализа были получены данные о количестве онимов и их соотношении с общим объемом текста, что позволило определить уровень ономастической насыщенности текста (далее – ОНТ). Под ономастической насыщенностью понимается количе-

ство ономастических единиц на единицу текста. В свою очередь, единицей текста считается завершенный текстовый отрезок любой протяженности, объем которого в данном случае диктуется особенностями учебно-образовательных (нормативно-научных) требований к полноте раскрытия содержания текста, обозначенного его заглавием.

Определение уровня ОНТ достигается путем установления процентного отношения проприальной лексики к общему количеству лексических единиц рассматриваемого текстового массива.

Нами были установлены следующие значения: ОНТ в ГЕО-1 составляет 6,56 %, в ГЕО-2 немногим больше – 7,82 %. Таким образом, уровень ономастической насыщенности текста в обоих источниках сходный: на каждые 15 (ГЕО-1) и 13 (ГЕО-2) слов приходится один оним.

Очевидно, что общий уровень ОНТ зависит не только от количества различных онимов, используемых в тексте, но и от их повторяемости – частотности. В таком случае для характеристики ономастического наполнения сопоставляемых текстов важным оказывается вопрос о влиянии на уровень их ономастической насыщенности конкретных ономастических единиц.

Вопросы о критериях разграничения частотной и малочастотной лексики и выявлении границы между этими двумя частотными областями лингвистических единиц в настоящее время часто решается при помощи использования критерия Хирша, широко применяемого в наукометрии [Hirsch, 2005]. Этот критерий основан на поиске такой лексической единицы, частота которой совпадает с ее рангом [Popescu, 2007; Popescu, Altmann, 2006]. Использование данного критерия позволило получить значимые результаты в области изучения соотношения синсемантической и автосемантической лексики, структуры текста, при исследовании вопросов золотого сечения и др. [Andreev, Místecký, Altmann, 2018, с. 93–95; Místecký. 2018; Pan, Qiu, Liu, 2015; Zhang, Liu, 2020].

В качестве примера приведем данные по одному из разделов ГЕО-2. Ранжирование имен собственных, используемых в последней теме (главе) этого учебника, обнаруживает, что они образуют последовательность по убыванию частот: *Земля* (ранг 1; частота 12), *США* (2; 12), *Россия* (3; 11), *Мировой океан* (4; 10), *ООН* (5; 9), *Африка* (6; 8), *Азия* (7; 7), *Европа* (8; 5) и т. д. Согласно этому критерию точка отсечения (H-point) устанавливает границу, которая проходит по ониму *Азия*, имеющему частоту 7, совпадающую с его рангом. В тех случаях, когда полного совпадения нет, предложена методика определения условной границы [Mačutek, Popescu, Altmann, 2007]. Для приведенной последовательности привлечение этого дополнительный критерий не потребовалось.

Пороговым значением для ранжированного по частоте ряда имен собственных ГЕО-1 стал оним *Европа* с частотой и рангом 26. На 26 онимов частотной части списка приходится 42 % всех словоупотреблений ИС в учебнике, причем на первые 15–32 %.

В ГЕО-2 граница проходит по слову *Лондон* с частотой и рангом, равными 30. Слова частотного списка охватывают 42 % словоупотреблений всех онимов в ГЕО-2, первые 15 слов – 36 %.

Рассмотрим этот показатель для 15 наиболее частотных онимов в обоих источниках, поскольку на эти онимы приходится около трети всех словоупотреблений ИС. Состав и частотный ранг данных единиц являются весьма важными показателями для характеристики содержательной стороны текста. Полученные данные представлены в таблице 1, в которой также приводится процентное выражение использования данного онима и его ранг по частотности.

Как видно из таблицы, в ядро высокочастотных онимов входят названия ведущих в экономическом и политическом отношении стран, а также частей света. При этом данные обоих учебников почти полностью совпадают. Единственное исключение состоит в том, что в ГЕО-1 в число самых частотных попал оним *Земля*, а в ГЕО-2 его место занял оним *Бразилия*. Однако и здесь изменения крайне незначительные: оним *Земля* в ГЕО-2 стал 17 по рангу, а оним *Бразилия* с 16 ранга в ГЕО-1 поднялся на 12 ранг в ГЕО-2.

Совпадение обнаруживается и по рангам: 4 из 15 наиболее частотных онимов – *США*, *СССР* / *Россия*, *Индия*, *Азия* – имеют полное

Таблица 1. **Ядро ономастической структуры в сопоставляемых учебниках**

Table 1. **The onomastic structure core in compared textbooks**

ГЕО-1			ГЕО-2		
Ранг	Оним	%	Ранг	Оним	%
1	*США*	5,14	1	*США*	5,73
2	*СССР*	3,21	2	*Россия*	4,30
3	*Япония*	3,01	3	*КНР*	3,40
4	*Африка*	2,42	4	*Европа*	2,78
5	*Западная Европа*	2,28	5	*Япония*	2,61
6	*Индия*	1,93	6	*Индия*	2,39
7	*Канада*	1,84	7	*Африка*	2,17
8	*Азия*	1,69	8	*Азия*	2,17
9	*Австралия*	1,64	9	*Канада*	1,83
10	*ФРГ*	1,64	10	*Латинская Америка*	1,55
11	*Земля*	1,62	11	*ФРГ*	1,46
12	*Франция*	1,52	12	*Бразилия*	1,43
13	*Латинская Америка*	1,52	13	*Австралия*	1,40
14	*Великобритания*	1,30	14	*Франция*	1,39
15	*КНР*	1,15	15	*Великобритания*	1,27

ранговое соответствие, а ФРГ и Великобритания занимают смежные позиции в сопоставляемых текстах. Если опустить это единственное несовпадение по лексическому составу, то для остальных единиц обоих списков коэффициент ранговой корреляции Спирмена показывает большое сходство $R = 0{,}71$ (статистически значим для $p < 0{,}05$). Причем в четырех случаях (*США*, *СССР* / *Россия*, *Индия*, *Азия*) имеет место и сходство рангов. Таким образом, на уровне частотной лексики ономастическое наполнение географических ННТ в высшей степени стабильно.

В текстах обоих рассматриваемых источников лидируют онимы *США – Россия* / *СССР*, однако, как будет показано ниже, ономастическая структура представления этих стран значительно различается, что связано уже с другой характеристикой текста. Кроме них в частотный список онимов (выше точки Хирша) входят все страны – основатели БРИКС и все страны «Большой семерки».

Состав, а также количество употребляемых в географических текстах онимов и их частотность в определенной степени являются отражением объективного места объекта ономастической номинации на географической и экономической картах мира (и, следовательно, в структуре географического знания). Полученные данные о частотах, употребленных в географических текстах имен собственных, можно рассматривать как предварительные ориентиры в содержании географического фрагмента ННКМ (общеобязательного географического знания).

Характеризуя совокупность наиболее частотных онимов анализируемых географических макротекстов не только как ономастическое ядро их лексического наполнения, но и как центральную часть общеобязательного географического знания, обратим внимание на другие компоненты данной полевой структуры и, прежде всего, на ее периферию.

Периферия ономастической структуры

При изучении частотных показателей значение имеют не только высокочастотные, но и малочастотные единицы – гапаксы (см. об этом: [Popescu, Altmann, 2006]). Мы обнаружили имена собственные, используемые в учебнике один раз (Hapax legomena): *Баотоу*, *Брисбен*, *Корба*, *Науру*, *Того*, *Эссен* и др. (ГЕО-1); *Аньхой*, *Бурунди*, *Лхасой*, *Теночтитлан*, *Цзянсу* и др. (ГЕО-2), и имена собственные, которые используются в учебнике два раза (Hapax dislegomena): *Бокаро*, *Лагос*, *Оман* и др. (ГЕО-1), *Гуандун*, *Луанда*, *Свазиленд* и др. (ГЕО-2).

В таблице 2 приводятся данные о количестве таких единиц в процентах от всех ИС и указано количество словоупотреблений этих малочастотных слов относительно всех словоупотреблений ИС.

По этим показателям оба учебника снова представляются достаточно сходными, хотя в случае с гапаксами речь идет не о сход-

Таблица 2. **Процентный состав гапаксов в текстах, %**

Table 2. **Percentage composition of hapaxes in texts, %**

Тип ИС	Лексические единицы		Словоупотребления	
	ГЕО-1	ГЕО-2	ГЕО-1	ГЕО-2
Hapax legomena	47,47	55,83	8,74	9,76
Hapax dislegomena	15,43	14,27	5,68	4,99

стве списков лексических единиц, а о том месте, которое они занимают в текстах. Согласно данным таблицы 2, в обоих учебниках около половины всех онимов употребляется только один раз: в ГЕО-1 – несколько меньше половины, в ГЕО-2 – несколько больше. Если к этим данным добавить данные об ИС с частотой использования, равной двум, то остальная проприальная лексика составит менее 40 % в ГЕО-1 и менее 30 % в ГЕО-2 от общего количества всех онимов. Однако частотные онимы охватывают около 85 % всех словоупотреблений ИС в обоих учебниках.

Таким образом, содержательная (познавательная) значимость частотных ИС в формировании фрагмента географического знания подтверждается объективными (количественными) показателями, а сами онимы из приведенного списка можно квалифицировать как ключевые имена (слова) данных географических макротекстов.

Принципиальная правомерность отнесения имен собственных к разряду ключевых слов географического ННТ, помимо признания имени собственного одним из основных носителей общеобязательного знания, поддерживается положением о том, что наиболее значимыми в тексте являются те слова, которые позволяют представить текст в свернутом виде [Новиков, 2007, с. 56]. Логично предположить, что указанная последовательность отношений должна быть справедлива и в обратном направлении: признанное в современной ономастике рассмотрение имени собственного как свернутого текста это подтверждает.

Ключевые слова в значительной степени характеризуют понятие информативности текста, под которой понимается системный признак (категория) текста, «связанный со свойством текста фиксировать знания о мире, отражающие авторское мировосприятие, выраженное в конкретной речевой форме» [Жеребило, 2011]. Однако для имен собственных считаем недостаточным связывать информативность текста только с ключевыми (частотными) онимами, тем более что в абсолютном выражении в географических ННТ преобладают онимы средней и малой частотности.

В структуре ономастического наполнения географических текстов эти онимы составляют ближнюю и дальнюю периферии, располагающиеся в границах между ядром и зоной гапаксов и составляющие зону информационного (ономастического) расширения. В нее входят ИС с показателями частотности 3–4, тематически (содержательно) соотносящиеся с одной из единиц ядра. Единицы зоны ономастического расширения находятся с ключевым онимом в отношениях включения: страны – моря – реки – горы – равнины – города и т. д.

Зона гапаксов, объединяющая Hapax legomena (с учетом или без Hapax dislegomena), составляет так называемый ономастический фон, участвующий в формировании географического знания, основным манифестантом которого является тот или иной ключевой оним текста (определение степени участия конкретных онимов зоны информационного расширения и зоны гапаксов в формировании предметного знания относится к перспективам исследования). В отличие от единиц зоны расширения, гапаксы могут иметь в разной степени отдаленные, но прямые связи с ключевыми онимами или не иметь таких связей. Однако в любом случае количество онимов-гапаксов в составе ономастического фона ННТ в значительной степени и определяет уровень ономастической (информационной) нагруженности текста.

Распределения частот онимов от начала текста к его концу

Особенность оценки ОНТ состоит в том, что она может устанавливаться в статическом и динамическом аспектах. С позиций статики под ономастической (информационной) нагруженностью текста будем понимать ко-

личество разных онимов в процентном соотношении с общим количеством лексических единиц в тексте (фрагменте, разделе и т. д.). Информационная нагруженность в динамическом ракурсе обусловливается тем, как быстро возрастает количество онимов в текстах от начала учебника к концу. Для установления этого показателя можно использовать методику определения сумм с нарастающим итогом, в ряде исследований позволившую получить существенные результаты [Naumann, Popescu, Altmann, 2012].

На рисунке 1 по оси *x* отложены Введение и 7 тем учебника ГЕО-1, по оси *y* – количество использования онимов. От темы к теме количество словоупотреблений онимов возрастает, так как каждый раз к словоупотреблениям в данной теме прибавляются словоупотребления онимов, использованных раньше.

Аналогичные данные по росту числа словоупотреблений онимов во Введении и 12 главах ГЕО-2 приводятся на рисунке 2.

Чтобы выявить характер нарастания количества онимов и того, есть ли какая-нибудь упорядоченность в этом нарастании, можно использовать степенную функцию [Naumann, Popescu, Altmann, 2012; Andreev 2016]:

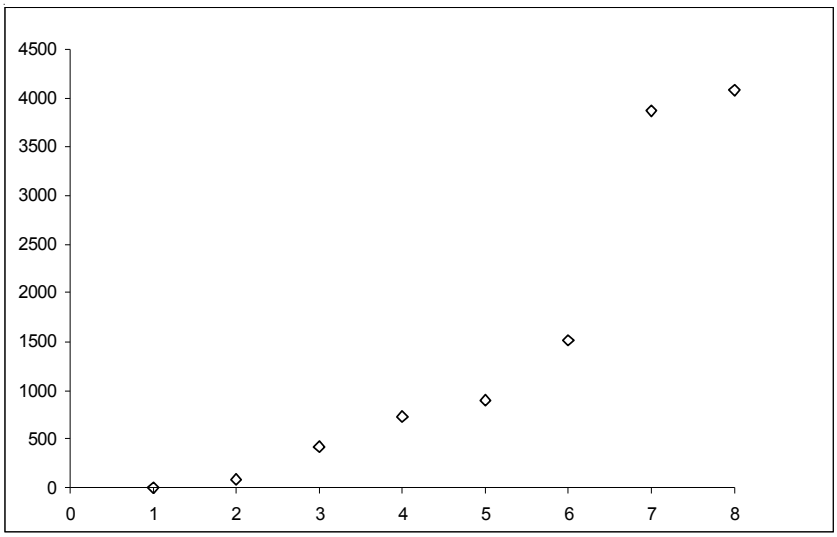


Рис. 1. Суммы словоупотреблений ИС с нарастающим итогом в ГЕО-1

Fig. 1. Cumulative sums of onyms frequencies in GEO-1

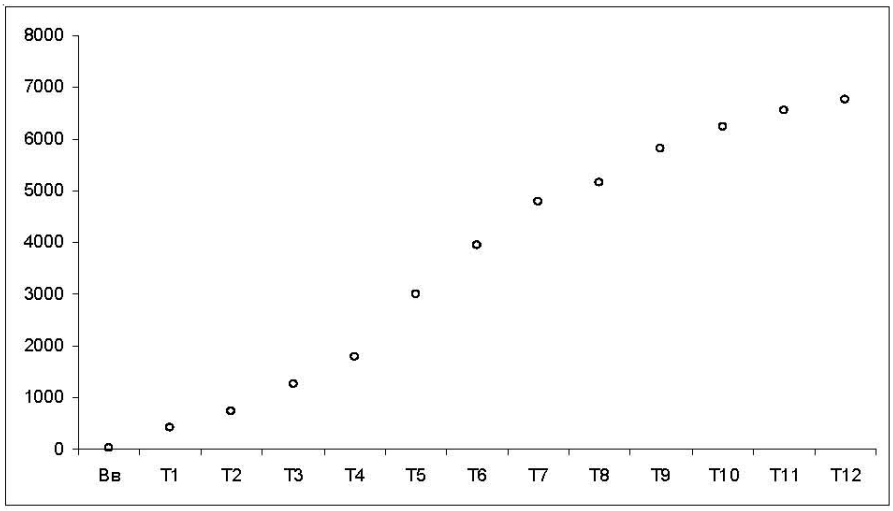


Рис. 2. Суммы словоупотреблений ИС с нарастающим итогом в ГЕО-2

Fig. 2. Cumulative sums of onyms frequencies in GEO-2

$$y = ax^b,$$

где a и b – параметры.

Ее применение показано на рисунках 3 и 4.

Кружками обозначены наблюдаемые суммы, линия показывает теоретически ожидаемые частоты согласно этой функции. Как видно на рисунках, кружки расположены близко к линии, а иногда и накладываются на нее. Это говорит о том, что функция хорошо отражает распределение частот. На это же указывает и коэффициент детерминации r^2, который может иметь значения в диапазоне от 0 до 1. Для ГЕО-1 $r^2 = 0{,}941$ (рис. 3), для ГЕО-2 $r^2 = 0{,}967$ (рис. 4). В обоих случаях коэффициент детерминации близок к верхнему пределу, что свидетельствует об успешности применения данной функции.

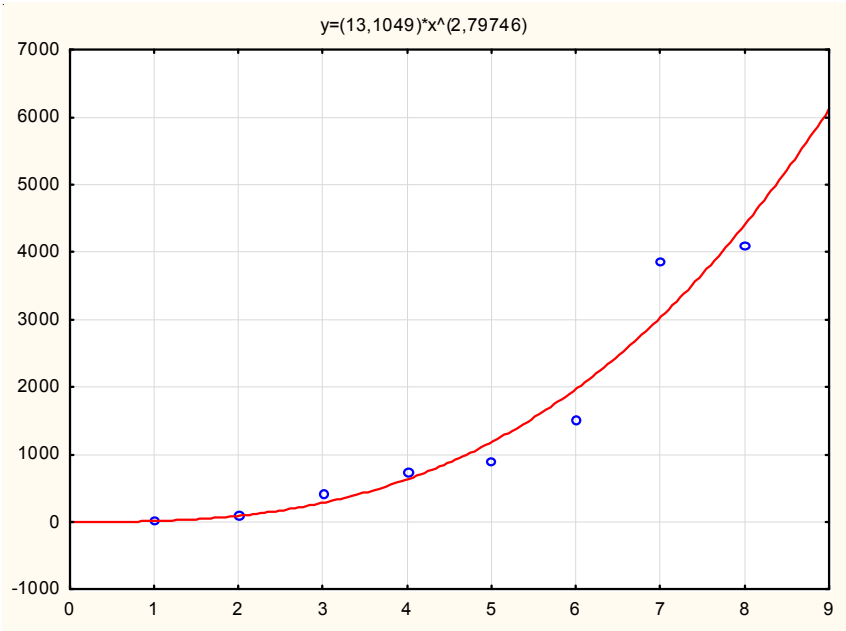


Рис. 3. Аппроксимация распределения частот онимов с нарастающим итогом в ГЕО-1

Fig. 3. Fitting the cumulative frequency distributions of onyms in GEO-1

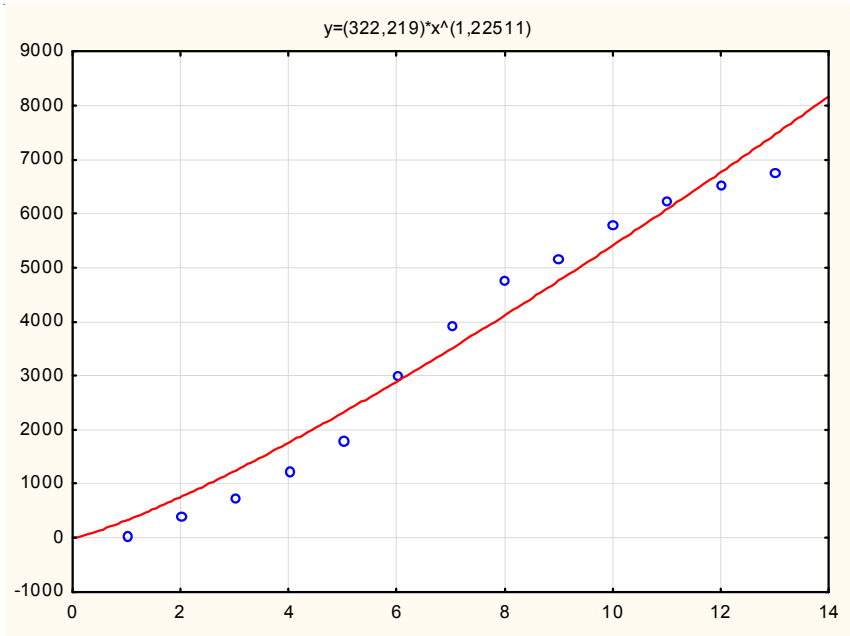


Рис. 4. Аппроксимация распределения частот онимов с нарастающим итогом в ГЕО-2

Fig. 4. Fitting the cumulative frequency distributions of onyms in GEO-2

Несмотря на то, что в обоих случаях степенная функция успешно отражает распределение накопленных частот словоупотреблений, в характере накопления ИС от начала к концу в двух учебниках наблюдаются значительные различия. В ГЕО-1 имеется резкий рост использования ИС только к концу учебника, в то время как в ГЕО-2 нарастание имеет более плавный характер.

Ономастическая система в описании двенадцати ведущих стран мира

На основе анализа имен собственных в географических ННТ представляется возможным рассмотреть ономастическую структуру описания ведущих стран мира в обоих учебниках. В число этих стран вошли страны – основатели БРИКС и члены «Большой семерки» (G7). Отметим, что в ГЕО-1 отсутствует самостоятельный раздел о России, поскольку учебник посвящен политической и экономической географии зарубежных стран, в то время как ГЕО-2, также в основном направленный на описание зарубежных стран, такой раздел включает. Кроме того, в ГЕО-1 практически не представлена Южно-Африканская Республика. Целесообразно начать анализ с тематически более объемного учебника, то есть с ГЕО-2. При подсчете онимов отбирались только те из них, которые относятся к рассматриваемой стране, причем анализу в этом случае подвергался не весь текст учебника, а только соответствующий параграф или раздел.

Для анализа привлекаются два параметра: количество словоупотреблений онимов (tokens) и количество разных онимов (types) – уникальных лексем. При подсчете словоупотреблений (tokens) каждый оним учитывался столько раз, сколько он был употреблен в тексте. При подсчете уникальных лексем (types) каждый оним учтен только один раз вне зависимости от того, сколько раз он встречается в тексте.

Полученные в результате подсчетов данные представлены в виде диаграммы рассеяния (рис. 5).

На этой диаграмме по оси *x* отложены частоты словоупотреблений ИС, по оси *y* – количество уникальных лексем. Как видно на диаграмме, в нижних регистрах выстраивается достаточно плотная группа, которая от левого нижнего угла вытягивается в направлении к верхнему правому. Абсолютный минимум по обоим параметрам у ЮАР, абсолютный максимум – у США. В описании США находим максимум словоупотреблений ИС и максимум различных уникальных лексических единиц ИС. Примерно в середине диаго-

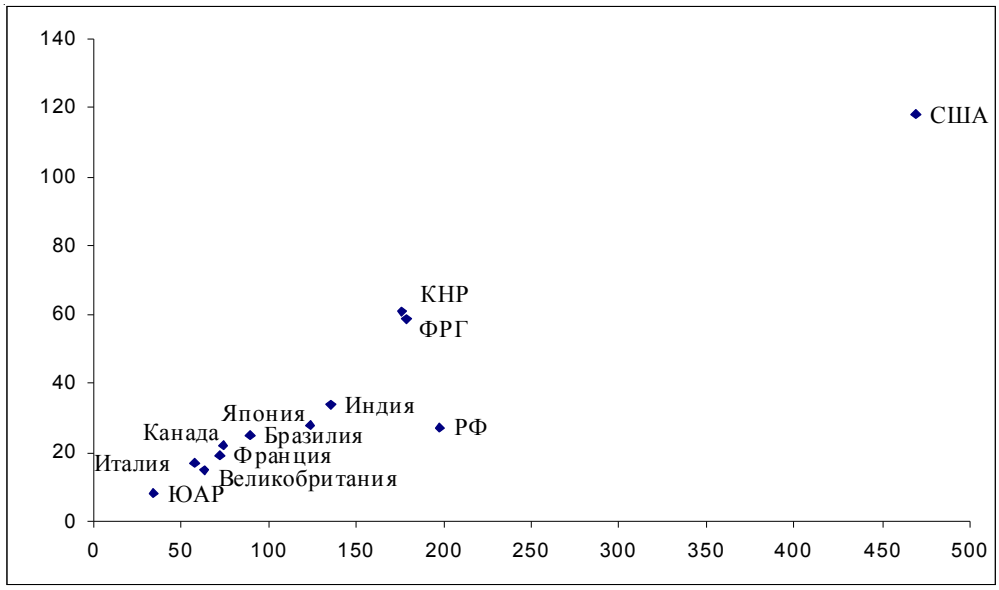


Рис. 5. Диаграмма рассеяния стран по количественным параметрам ономастической структуры их описания в ГЕО-2

Fig. 5. Scatterplot of countries by quantitative parameters of their description onomastic structure in GEO-2

нального кластера ЮАР – США располагаются Китай и ФРГ, которые образуют отдельную подгруппу. Она несколько отклоняется от оси вверх, что отражает большее разнообразие ономастического пространства данных разделов по сравнению с общей тенденцией при описании стран в этом учебнике.

По оси абсцисс к этой подгруппе близка Россия, однако ее положение относительно оси ординат значительно отличается от Китая и ФРГ (а также Индии из общего кластера) по количеству используемых уникальных ИС. Так, при описании РФ на оним *Россия* (с вариантом *РФ*) приходится 158 словоупотреблений, то есть 80 % от использования всех онимов, которые связаны с Россией. Для сравнения, в тексте о США на оним *США* с вариантом *Соединенные Штаты* приходится только 35 % словоупотреблений, а остальные онимы отражают различные географические объекты в США. При описании Германии название страны (*ФРГ* / *Германия*) составляет 34 % от всех онимов в тексте, Китая (*Китай* / *КНР*) – 48 %.

На рисунке 6 приводятся данные относительно описания стран в учебнике ГЕО-1.

В ГЕО-1 наблюдается в целом та же картина, что и в ГЕО-2. США находится в правом верхнем углу с максимальными по обоим показателям значениями. КНР образует отдельный кластер, однако в него входит Индия, а не ФРГ. Остальные страны образуют единый кластер, вытянутый по диагонали.

Обсуждение результатов

Изучение ономастического наполнения географических нормативно-научных текстов показывает, что состав и количество употребляемых в них онимов, их частотность являются маркерами содержания географического фрагмента нормативно-научной картины мира (общеобязательного географического знания).

Для единиц ономастического ядра, номинирующих ведущие объекты на географической и экономической картах мира (и, следовательно, в структуре географического знания), зафиксирована суммарная частота употребления, равная приблизительно 40 % при интенсивности использования онимов в тексте с частотой 1 оним на 14 слов.

Уровень отсечения частотного списка, формирующего ядро содержания географического фрагмента нормативно-научной картины мира, от периферии совокупного ономастического пространства находится в диапазоне 26–30 рангов в ранжированном по нисходящей ряду ИС.

Малочастотная лексика, в обоих источниках выполняющая функцию информацион-

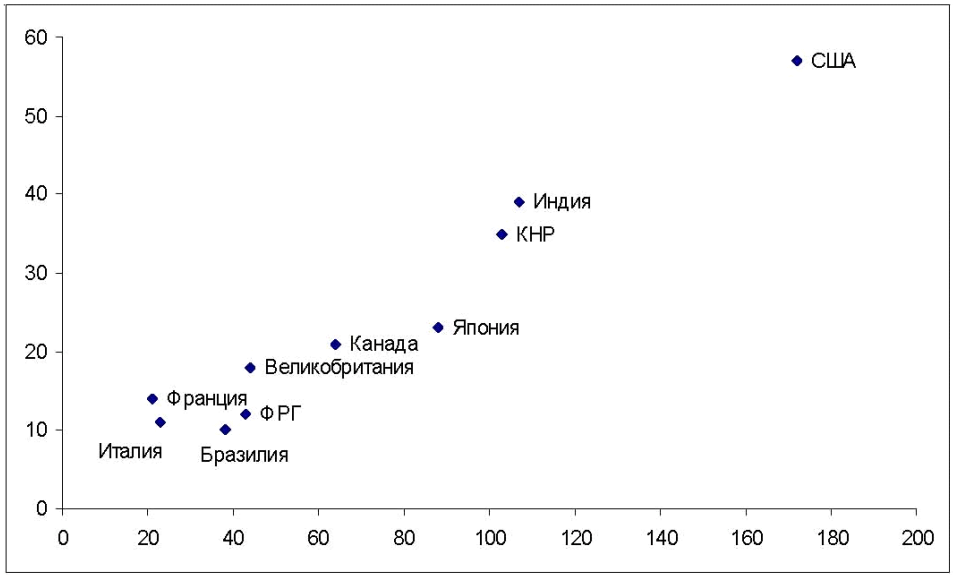


Рис. 6. Диаграмма рассеяния стран по количественным параметрам ономастической структуры их описания в ГЕО-1

Fig. 6. Scatterplot of countries by quantitative parameters of their description onomastic structure in GEO-1

ного расширения и/или создания ономастического фона, оказывает серьезное влияние на полноту раскрытия содержания ключевых имен. Охватывая менее 10 % всех словоупотреблений ИС, онимы гапакс легомена составляют около половины всех ИС в учебных текстах.

Рост использования онимов от начала учебника к концу имеет тенденцию, отражаемую степенной функцией.

Несмотря на достаточно большой период времени, разделяющий выпуск анализируемых учебников, и произошедшие за это время значительные изменения в политико-экономической ситуации в стране и в мире, сравниваемые ННТ характеризуются весьма высоким уровнем сходства их ономастического пространства. Это отражается в целом ряде аспектов: в области ономастической насыщенности макротекста; идентичности ономастического состава ядра; соотношении гапаксов с частотной лексикой и, как следствие, формировании сходного ономастического фона; специфике ономастического описания стран.

Установление с помощью квантитативных методов функции нарастания ономастической (информационной) напряженности текста служит существенным основанием как для анализа концентрации ИС с применением метода, предложенного в наших предыдущих работах и основанного на суммировании частот для аппроксимации распределения признака [Андреев, 2023], так и для разработки рекомендаций по созданию новых текстов.

Выявленная близость основных характеристик ономастического пространства двух источников ННТ, находящихся на противоположных точках почти тридцатилетней временной оси, может рассматриваться с позиции соотношения статики и динамики в характеристике географического фрагмента общеобязательного научного знания. Эта близость свидетельствует в пользу объективности представляемой в учебниках информации, ее достоверности и подчеркивает определенную (и необходимую) устойчивость общеобязательного знания. В связи с полученными результатами возникает вопрос о соотношении в структуре общеобязательного знания стабильности и актуальности, что, в свою очередь, требует более четкого определения самого понятия актуальности по отношению к базовому знанию. Очевидно, что в решение этого вопроса, имеющего не только образовательное, но и социокультурное значение, данные квантитативного анализа нормативно-научных текстов разной временной принадлежности могут внести необходимую объективность.

Выводы

Проведенное исследование позволило получить следующие результаты и сформулировать некоторые выводы.

В ходе квантитативного анализа ономастического наполнения нормативно-научных макротекстов двух школьных учебников географии были выделены и охарактеризованы ядро и периферия ономастического пространства сопоставляемых географических нормативно-научных макротекстов, определен состав единиц, выполняющих роль информационного расширения и формирующих ономастический фон.

Результаты анализа частот проприальной лексики показали высокую интенсивность использования онимов в текстах. Их распределение отражается степенной функцией, параметры которой позволяют оценить интенсивность введения имен собственных в текст и рост их количества от начала учебника к его концу.

Ономастическая структура характеризуется сильным противопоставлением частотного ядра и периферии. Школьные учебники, разработанные и изданные с большой разницей во времени, демонстрируют выраженную инерцию структуры ядра. Оно характеризуется высокой степенью устойчивости во времени как по составу лексических единиц, их частотности, так и по соотношению параметров ядра между собой (частотные ранги, точка отсечения от периферии, количество типов онимов).

Перспективой работы является применение описанной методики для исследования ономастического пространства других предметных фрагментов ННКМ с целью определения сходств и различий ономастической структуры ННТ в зависимости от предметной сферы, на основе чего предполагается разработка рекомендаций по ономастическому наполнению предметных ННТ для составителей новых учебников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреев С. Н., 2023. Распределение атрибутов в поэмах А.С. Пушкина и гипотеза Скиннера // Вестник Томского государственного университета. Филология. № 82. С. 5–22. DOI: 10.17223/19986645/82/1

Жеребило Т. В., 2011. Термины и понятия: Методы исследования и анализа текста : слов.-справ. Назрань : Пилигрим. 108 с.

Куприянов Р. В., Солнышкина М. И., Лехницкая П. А., 2023. Параметрическая таксономия учебных текстов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 22, № 6. С. 80–94. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.6.6

Лапошина А. Н., Лебедева М. Ю., 2024. Сравнительный анализ текстов учебников русского языка для начальной школы с использованием количественных методов // Русский язык в школе. Т. 85, № 5. С. 7–26. DOI: 10.30515/0131-6141-2024-85-5-7-26

Максимчук Н. А., 2017. Терминологическое поле ономастического пространства // Известия Смоленского государственного университета. № 4 (40). С. 155–167.

Максимчук Н. А., Голубничая А. В., 2018. Ономастическое пространство учебного макротекста: константы и переменные // Ученые записки ВГУ им. П.М. Машерова. Т. 25. С. 148–154.

Монахов С. И., Турчаненко В. В., Чердаков Д. Н. 2023. Школьный учебный текст в аспекте терминоупотребления: корпусный анализ // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. Т. 9, № 1. С. 27–49. DOI: 10.18413/2313-8912-2023-9-1-0-3

Новиков А. И., 2007. Текст и его смысловые доминанты / под ред. Н. В. Васильевой, Н. М. Нестеровой, Н. П. Пешковой. М. : Ин-т языкознания РАН. 224 с.

Суперанская А. В., 1973. Общая теория имени собственного. М. : Наука. 246 с.

Супрун В. И., 2000. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. Волгоград : Перемена. 172 с.

Топоров В. Н., 2004. Имя как фактор культуры // Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике: в 3 т. Т. 1. М. : Яз. слав. культуры. С. 380–383.

Философия : энцикл. слов., 2004 / под ред. А. А. Ивина. М. : Гардарики. 840 с.

Andreev S., 2016. Verbal vs. Adjectival Style in Long Poems by A.S. Pushkin // Glottometrics. Vol. 33. P. 25–31.

Andreev S., Místecký M., Altmann G., 2018. Sonnets: Quantitative Inquiries. Lüdenscheid : RAM-Verlag. 128 p. (Studies in Quantative Linguistics ; vol. 29).

Hirsch J. E., 2005. An Index to Quantify an Individual's Scientific Research Output // Proceedings of the National Academy of Sciences of the USA. Vol. 102, iss. 46. P. 16569–16572. DOI: 10.1073/pnas.0507655102

Mačutek J., Popescu I-I., Altmann G., 2007. Confidence Intervals and Test for H-Point and Related Text Characteristics // Glottometrics. Vol. 15. P. 45–52.

Místecký M., 2018. Counting Stylometric Properties of Sonnets: A Case of Machar's Letni Sonety // Glottometrics. Vol. 41. P. 1–12.

Naumann S., Popescu I.-I., Altmann G., 2012. Aspects of Nominal Style // Glottometrics. Vol. 23. P. 23–55.

Pan X., Qiu H., Liu H., 2015. Golden Section in Chinese Contemporary Poetry // Glottometrics. Vol. 32. P. 55–62.

Popescu I.-I., 2007. Text Ranking by the Weight of Highly Frequent Words // Exact Methods in the Study of Language and Text. Berlin : N. Y. : Mouton de Gruyter. P. 555–565.

Popescu I.-I., Altmann G., 2006. Some Aspects of Word Frequencies // Glottometrics. Vol. 13. P. 23–46.

Popescu I.-I., Altmann G., 2008. Hapax Legomena and Language Typology // Journal of Quantitative Linguistics. Vol. 15, № 4. P. 370–378. DOI: 10.1080/09296170802326699

Zhang X., Liu H., 2020. Function Words in Male and Female Authors: A Diachronic Investigation of Modern Chinese Prose // Glottometrics. Vol. 48. P. 67–87.

ИСТОЧНИКИ

ГЕО-1 – Гладкий Ю. Н., Лавров С. Н. Экономическая и социальная география мира : проб. учеб. для 10 класса сред. шк. М. : Просвещение, 1991. 272 с.

ГЕО-2 – Максаковский В. П. География. 10–11 классы : учеб. для общеобразоват. организаций. Баз. уровень. 27-е изд. М. : Просвещение, 2018. 416 с.

REFERENCES

Andreev S.N., 2023. Raspredelenie atributov v poemah A.S. Pushkina i gipoteza Skinnera [The Distribution of Attributes in Poems by Alexander Pushkin and Skinner's Hypothesis]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University

Journal of Philology], no. 82, pp. 5-22. DOI: 10.17223/19986645/82/1

Zherebilo T.V., 2011. *Terminy i ponyatiya: Metody issledovaniya i analiza teksta: slov.-sprav.* [Terms and Concepts: Methods of Research and Text Analysis. Dictionary-Reference Book]. Nazran, Piligrim Publ. 108 p.

Kupriyanov R.V., Solnyshkina M.I., Lehnickaja P.A., 2023. Parametricheskaya taksonomiya uchebnykh tekstov [Parametric Taxonomy of Educational Texts]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 22, no. 6, pp. 80-94. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.6.6

Laposhina A.N., Lebedeva M.Yu., 2024. Sravnitelnyy analiz tekstov uchebnikov russkogo yazyka dlya nachalnoy shkoly s ispolzovaniem kolichestvennykh metodov [Comparative Analysis of Texts of Russian Language Textbooks for Primary School Using Quantitative Methods]. *Russkiy yazyk v shkole* [Russian Language at School], vol. 85, no. 5, pp. 7-26. DOI: 10.30515/0131-6141-2024-85-5-7-26

Maksimchuk N.A., 2017. Terminologicheskoe pole onomasticheskogo prostranstva [Terminological Field of Onomastic Space]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Smolensk State University], no. 4 (40), pp. 155-167.

Maksimchuk N.A., Golubnichaja A.V., 2018. Onomasticheskoe prostranstvo uchebnogo makroteksta: konstanty i peremennye [Onomastic Space of Educational Macrotext: Constants and Variables]. *Uchenye zapiski VGU im. P.M. Masherova* [Scientific Notes of VSU Named After P.M. Masherov], vol. 25, pp. 148-154.

Monahov S.I., Turchanenko V.V., Cherdakov D.N., 2023. Shkolnyy uchebnyy tekst v aspekte terminoupotrebleniya: korpusnyy analiz [Terminology Use in School Textbooks: Corpus Analysis]. *Nauchnyy rezultat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoy lingvistiki* [Research Result. Theoretical and Applied Linguistics], vol. 9, no. 1, pp. 27-49. DOI: 10.18413/2313-8912-2023-9-1-0-3

Novikov A.I., 2007. *Tekst i ego smyslovye dominanty* [Text and Its Semantic Dominants]. Moscow, In-t yazykoznaniya RAN. 224 p.

Superanskaya A.V., 1973. *Obshhaya teoriya imeni sobstvennogo* [General Theory of Proper Names]. Moscow, Nauka Publ. 246 p.

Suprun V.I., 2002. *Onomasticheskoe pole russkogo yazyka i ego khudozhestvenno-esteticheskiy potentsial* [Onomastic Field of the Russian Language and Its Artistic and Aesthetic Potential]. Volgograd, Peremena Publ. 172 p.

Toporov V.N., 2004. Imya kak faktor kultury [Name as a Factor of Culture]. Toporov V.N. *Issledovaniya po etimologii i semantike: v 3 t. T. 1* [Toporov V.N. Research on Etymology and Semantics. In 3 Vols. Vol. 1], Moscow, Yaz. slav. kultury Publ., pp. 380-383.

Ivin A.A., ed., 2004. *Filosofiya: entsikl. slov.* [Philosophy. Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Gardariki Publ. 840 p.

Andreev S., 2016. Verbal vs. Adjectival Style in Long Poems by A.S. Pushkin. *Glottometrics*, vol. 33, pp. 25-31.

Andreev S., Místecký M., Altmann G., 2018. *Sonnets: Quantitative Inquiries*. Lüdenscheid, RAM-Verlag. 128 p. (Studies in Quantative Linguistic; vol. 29).

Hirsch J.E., 2005. An Index to Quantify an Individual's Scientific Research Output. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the USA*, vol. 102, iss. 46, pp. 16569-16572. DOI: 10.1073/pnas.0507655102

Mačutek J., Popescu I.-I., Altmann G., 2007. Confidence Intervals and Tests for the H-Point and Related Text Characteristics. *Glottometrics*, vol. 15, pp. 45-52.

Místecký M., 2018. Counting Stylometric Properties of Sonnets: A Case of Machar's Letni Sonety. *Glottometrics*, vol. 41, pp. 1-12.

Naumann S., Popescu I.-I., Altmann G., 2012. Aspects of Nominal Style. *Glottometrics*, vol. 23, pp. 23-55.

Pan X., Qiu H., Liu H., 2015. Golden Section in Chinese Contemporary Poetry. *Glottometrics*, vol. 32, pp. 55-62.

Popescu I.-I., 2007. Text Ranking by the Weight of Highly Frequent Words. *Exact Methods in the Study of Language and Text.* Berlin, New York, Mouton de Gruyter, pp. 555-565.

Popescu I.-I., Altmann G., 2006. Some Aspects of Word Frequencies. *Glottometrics*, vol. 13, pp. 23-46.

Popescu I.-I., Altmann G., 2008. Hapax Legomena and Language Typology. *Journal of Quantitative Linguistics*, vol. 15, no. 4, pp. 370-378. DOI: 10.1080/09296170802326699

Zhang X., Liu H., 2020. Function Words in Male and Female Authors: A Diachronic Investigation of Modern Chinese Prose. *Glottometrics*, vol. 48, pp. 67-87.

SOURCES

Gladkiy Yu.N., Lavrov S.N. *Ekonomicheskaya i sotsialnaya geografiya mira: prob. ucheb. dlya 10 klassa sred. shk.* [Economic and Social Geography of the World. Pilot Textbook for 10th Grade High School]. Moscow, Prosveshhenie Publ., 1991. 272 p.

Maksakovskiy V.P. *Geografiya. 10–11 klassy: ucheb. dlya obshcheobrazovat. organizatsiy. Baz. uroven* [Geography. 10–11 Grades. Textbook for General Education Organizations. A Basic Level]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 2018. 416 p.

Information About the Authors

Sergey N. Andreev, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of English Language, Smolensk State University, Smolensk, Russia, smol.an@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-7076-1241

Nina A. Maksimchuk, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Language, Smolensk State University, Smolensk, Russia, nmaximchuk@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-2792-1355

Информация об авторах

Сергей Николаевич Андреев, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка, Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Россия, smol.an@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-7076-1241

Нина Алексеевна Максимчук, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Россия, nmaximchuk@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-2792-1355

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.5.2

UDC 81'42:070
LBC 81.055.1

Submitted: 31.01.2025
Accepted: 01.07.2025

MEDIA REPRESENTATION OF CHINA IN THE RUSSIAN-LANGUAGE NEWS DISCOURSE: CORPUS-ASSISTED RECONSTRUCTION

Elena Yu. Ilyinova
Volgograd State University, Volgograd, Russia

Larisa A. Kochetova
Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. Using the method of corpus-assisted discourse analysis, the mediatization of the image of China in the Russian-language media outlets is studied. The quantitative parameters of the texts are extracted; the topics of news narratives and their distribution in the media are found, syntactic structures including the country nominations and supportive semantic classes of lexical items are identified; the evaluative and metaphorical components of the media image are reconstructed. The analysis of the quantitative parameters of the thematic corpus showed that short news texts and texts elaborating on the events signals predominantly an informative function. This finding is supported by topic modelling which revealed two out of nine dominant topics, namely "Business, Commerce, Economics, Finance" and "Politics and International Relations", the share of texts with the topics of culture, leisure, art and sports is not significant, which indicates a skewed coverage of the country's image in Russian official press. The nominations *China*, *CPR*, *Beijing*, *Celestial Empire* hold core positions in nominative, attributive, subject-predicate and predicate-object syntactic structures. The method of collocations revealed the main semantic classes of words used in the identified syntactic structures that form conceptual, evaluative and metaphorical representations of China's media conceptualization in Russian news narratives. The novelty of the research consists in demonstrating efficiency of the corpus linguistic tools in identifying a media image of a country conceptualized for discursive community perception by semantic techniques.

Key words: mediatization, news narrative, media representation, discursive corpus analysis, semantic representation, China.

Citation. Ilyinova E.Yu., Kochetova L.A. Media Representation of China in the Russian-Language News Discourse: Corpus-Assisted Reconstruction. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 5, pp. 21-37. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.5.2

УДК 81'42:070
ББК 81.055.1

Дата поступления статьи: 31.01.2025
Дата принятия статьи: 01.07.2025

ДИСКУРСИВНО-КОРПУСНАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ МЕДИЙНОГО ОБРАЗА КИТАЯ В РУССКОЯЗЫЧНОМ НОВОСТНОМ КОНТЕНТЕ

Елена Юрьевна Ильинова
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Лариса Анатольевна Кочетова
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. Медиатизация образа Китая изучена с опорой на методику дискурсивно-корпусного анализа, основанную на извлечении количественных параметров текстов, определении тематики новостных нарративов и их дистрибуции в СМИ, выделении синтаксических структур, образованных номинациями

© Ильинова Е.Ю., Кочетова Л.А., 2025

страны, выявлении их лексического наполнения, реконструкции оценочной и метафорической составляющих медиаобраза. Анализ количественных параметров тематического корпуса показал доминирование текстов коротких новостных сообщений и текстов, детализирующих события. Тематика нарративов о Китае представлена в девяти категориях, среди которых лидируют темы «Бизнес, коммерция, экономика, финансы» и «Политика и международные отношения», незначительную долю составляют тексты с тематикой культуры, досуга, искусства и спорта, что указывает на одностороннее освещение в СМИ социального образа страны. Номинации *КНР*, *Китай*, *Пекин*, *Поднебесная* образуют номинативные и атрибутивные, субъектно-предикатные и предикатно-объектные сочетания. Методом коллокаций установлены основные семантические классы слов, характерные для выделенных синтаксических структур, которые формируют концептуальные, оценочные и метафорические признаки репрезентации медиаобраза Китая. Новизна результатов состоит в объективизации эффективности использования инструментов дискурсивно-корпусного анализа для установления семантических приемов конструирования медиаобраза отдельной страны в сознании членов дискурсивного сообщества.

Ключевые слова: медиатизация, новостной нарратив, медийный образ, корпусный анализ дискурса, семантическая репрезентация, Китай.

Цитирование. Ильинова Е. Ю., Кочетова Л. А. Дискурсивно-корпусная реконструкция медийного образа Китая в русскоязычном новостном контенте // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 5. – С. 21–37. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.5.2

Введение

Поиск подходов к лингвистическому моделированию стратегий информирования и дискурсивной репрезентации в новостных сообщениях и аналитических статьях следует отнести к актуальным методологическим задачам современной теории медийного дискурса. В фокусе внимания часто находятся вопросы функциональной значимости сферы массмедиа, типологии информационных каналов в общем пространстве публичной коммуникации. Исследователи подробно описывают жанровые и лингвостилистические особенности текстов, образующих массмедийный контент (см., например: [Добросклонская, Хуэйцинь Чжан, 2015; Тырыгина, 2010; Буряковская, 2014; и др.]), обращаются к изучению коммуникативно-дискурсивных стратегий и тактик массового информирования, с опорой на тематико-семантический анализ лексики проводят когнитивно-семантическую реконструкцию микроструктуры медийных текстов, выявляя разнообразие их тактических ходов и жанрово-стилистических характеристик [Буряковская, 2013; Мельникова, 2015; Нигматуллина, 2018; Трофимова, Ду Цюаньбо, 2016; и др.]. Анализируя коммуникативно-прагматическую значимость текстового контента в современной информационно-цифровой реальности, ученые отмечают его роль в создании особого пространства актуальных смыслов, поскольку информационные сообщения о фактах и событиях подаются посредством оценочных интерпретаций субъектов медиадискурса, тем самым оказывая воздействие на формирование мнения современного общества, прямо или косвенно сопутствуя преобразованию аксиологических смыслов отдельных концептуальных сегментов социальной картины мира [Кочетова, Кононова, 2024; Медиатизация..., 2024; Politova, 2025].

Особое место среди объектов аксиологической (ценностной) интерпретации действительности в медиадискурсе занимает *медийный образ* или *медийный имидж* отдельного институционального, территориального или регионального образования (например, страны, отдельной территории, области), информация о котором регулярно транслируется в информационно-цифровом пространстве. Изучение публикаций позволяет отметить некоторые расхождения исследователей в выборе базового термина, обозначающего результат медийной дискурсивной интерпретации социальной реальности. Часть ученых рассматривает *медиаобраз страны* (см., например: [Андрюшкова, Неволина, 2017; Галинская, 2013; Глушкова, Зайцева, 2017; Злобина, Лян, 2019; Ланцевская, 2015; Лицзюнь, 2019; Макарова, Мартынова, 2019; Морозова, 2017; Сорокина, 2010]), другие – *медиаимидж территории / региона* (см., например: [Кошкарова, 2017; Кошкарова, Мукушев, 2021; Лашова, 2015; Сидорская, 2021; Сяоцзюань, 2017; Улитина, 2013; Цао, 2020; Чжоу, 2018]). Тер-

минологически *медийный образ* или *медийный имидж* признают близкими номинациями (см., например: [Кошкарова, Мукушев, 2021; Кучумова, Хуан Чжуан, 2017; Ню Хэ, 2023; и др.]), однако как термины они используются для обозначения разных приемов создания ценностной доминанты актуального концептуального объекта социальной картины мира. Так, имиджем считается целенаправленно конструируемый образ отдельного феномена социальной реальности, отличающийся эмоциональной окраской [Гизатова, Иванова, 2021, с. 223], образом – общее представление о социальном объекте, создаваемое с помощью приемов объективного и достоверного информирования [Сидорская, 2021]. Образ и имидж различаются прагматическим намерением активного субъекта: в отличие от вербализуемого в медийном пространстве образа, который постепенно формируется у читающей новости публики на основе публикуемой информации о событиях, порой с негативными последствиями, имидж призван закреплять в сознании массовой аудитории впечатление, преднамеренно создаваемое с опорой на подбор фактов и стилистических приемов их описания. Такой контент всегда ориентируется на заданный знак социальной оценки [Галинская, 2013]. Будучи проявлением манипулятивного процесса «мягкой силы» [Ткачева, 2019], аксиологический знак имиджа заранее избирается для проекта имиджмейкерства. Таким образом, *медийный имидж* в своей текстовой форме опирается на вербальные средства и факты, намеренно конструирующие положительный или отрицательный образ объекта в публичной сфере, при этом его формирование зависит от вербальных образов – воплощенныех в слове представлений о фактах и событиях, связанных с объектом социального интереса.

В аспекте хронологии медиатизация образа отдельного объекта стремится к объективности (то есть относительно достоверному изображению события, передаче актуальных фактов о нем). В такой практике нет намерения выбирать только положительные или отрицательные черты, что отличает эту технику медиатизации от манипулятивной техники создания имиджа, при которой неизбежно доминирование заданного знака оценочности. В процессе длительного мониторинга новостного контента возможно выделение дискурсивно-текстовых приемов создания актуальных медиаобразов отдельного объекта, лингвопрагматический анализ их семантического отображения открывает возможность для лингвистической реконструкции общего тематико-смыслового состава, отражающего контуры формируемого образа или имиджа. Все это свидетельствует об актуальности и научной ценности изучения феномена медиатизации в ракурсе дискурсивно-текстовых приемов создания медийного образа или имиджа.

В публикациях, посвященных медийной репрезентации образа или имиджа, активно обсуждаются приемы описания геополитических или геокультурных образований – медиаобраза или медиаимиджа страны (страновой имидж), отдельного региона, территории (региональный, территориальный имидж) [Кучумова, Хуан Чжуан, 2017; Лай Линчжи, 2018; Ню Хэ, 2023; Трофимова, Рязанова, 2015; Трофимова, Ду Цуаньбо, 2016; и др.]. Создание подобного медиаимиджа как правило нацелено на внедрение позитивного представления о стране в международном медийном пространстве, его цель – с помощью изображения значимых характеристик объекта внедрять в сознание читающей публики других стран его концептуальную доминанту с элементами позитивной оценки, то есть формировать первичный имидж страны. К сегодняшнему моменту имеется значительное количество публикаций, описывающих особенности формирования имиджа России в китайских СМИ [Кошкарова, Мукушев, 2021; Кучумова, Хуан Чжуан, 2017; Трофимова, Рязанова, 2015; Юйбо Го, 2025] или Китая в российских и международных СМИ [Ду Цюаньбо, 2016; Ню Хэ, 2023]. Исследователи описывают информационную представленность другой страны в собственных СМИ или сведения из китайских СМИ, цитируемых на разных европейских информационных платформах, отмечая рост упоминания и цитирования в них официальных СМИ КНР как проявление *soft power* в технике медиатизации, что осуществляется при помощи выбора тематики сообщений, включении субъективных мнений и оценок в семантическую организацию текста, дискурсивно описывающего фрагмент социальной реальности с

использованием различных языковых механизмов медиатизации. В этой статье представлены результаты дискурсивно-корпусного изучения медиатизации образа Китая в информационном пространстве русскоязычных СМИ. Цель работы – моделирование тематико-семантической, оценочной и метафорической составляющих медиаобраза Китая, формируемого русскоязычными информационными порталами, приемы дискурсивно-корпусной реконструкции, охватывающей большие коллекции текстов.

Материал и методы

Корпусное изучение дискурсивных практик, основанное на использовании компьютерного инструментария для анализа значительного по объему текстового контента, находит широкий отклик в прикладной лингвистике, что объясняется возможностью получить точные данные о специфике стратегий и тактик выражения разных смыслов носителями того или иного языка. Учитывая рассмотренные выше научные подходы к описанию образа страны, предлагается исследовательская модель комплексного описания особенностей языковой объективации образа Китая в российских средствах массовой информации, на основе разработанной нами методологии корпусно-дискурсивного анализа [Ilyinova, Kochetova, 2024].

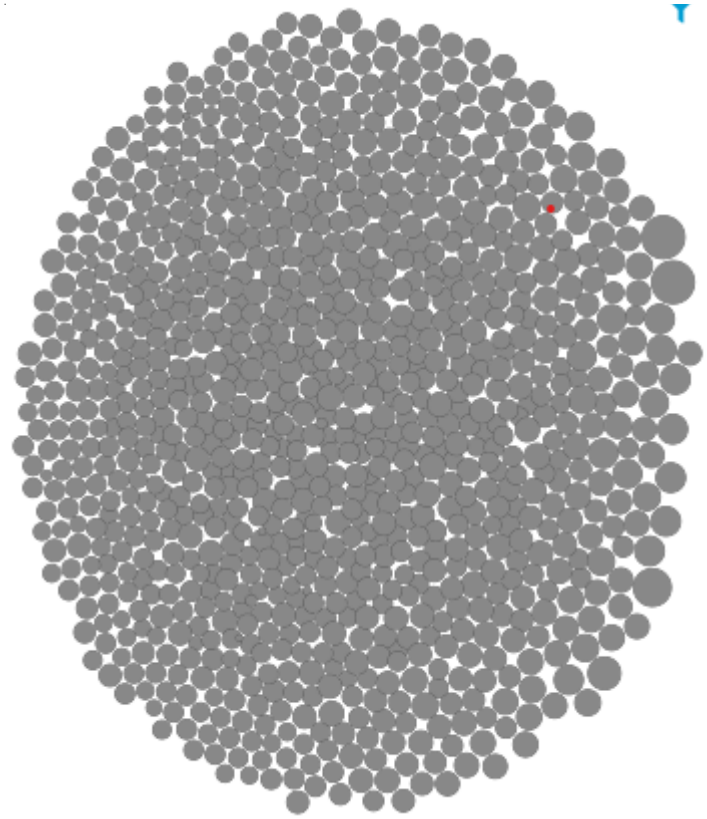
Предлагаемая методика базируется на методах корпусной лингвистики [McEnery, Hardy, 2011; Чернявская, 2018], корпусно-дискурсивного анализа [Partington, 2004; Baker, 2006; Mautner, 2009], позволяющих выявить смыслы, содержащиеся не в отдельных текстах, а их больших коллекциях.

В предшествующих работах мы показали, что данный инструментарий эффективен как средство обнаружения и верификации контекстуально обусловленных смыслов, возникающих вследствие регулярного использования языковых единиц в определенных дискурсивных моделях [Кочетова, Ильинова, 2023; Кочетова, Кононова, 2024]. Основным лингвистическим методом изучения медийных практик репрезентации образа страны выступил метод коллокаций. В корпусной лингвистике коллокация определяется как совместное появление двух или более лексических единиц в максимальном интервале единиц слева и справа от анализируемого слова [Sinclair, 1991], считается, что сила ассоциативной связи между словами может быть измерена [Stubbs, 1995]. В качестве ядра коллокаций были избраны актуальные номинации страны, что позволило выделить синтагматические структуры и установить характерные для них семантические классы слов, отражающие содержательное наполнение анализируемого феномена, в том числе оценочную составляющую образа страны и метафорические механизмы его концептуализации, и, в итоге, реконструировать ценностную составляющую образа в медийных нарративах.

Моделирование медийного образа Китая в русскоязычном новостном контенте с опорой на методику дискурсивно-корпусной реконструкции его вербальной (тематико-семантической, оценочной и метафорической) репрезентации позволило выявить языковые приемы медийного конструирования актуального для отдельного временного периода представления о стране или территории, которое регулярно транслируется в СМИ в последние десятилетия. В зависимости от социальных и политических условий медиаобраз страны конструируется с опорой на стратегии позитивной, негативной или нейтральной дискурсивной репрезентации, что получает отражение в выборе фактологической основы содержания текста (медийного нарратива) и подборе средств лексико-тематической вербализации образа.

Анализ проводился на материале авторского корпуса текстов, размещенных на официальных информационных порталах различных медиа групп («Известия», «Ведомости», «РБК», «Комсомольская правда», «Аргументы и факты» и «Коммерсантъ») с 2015 по 2025 годы. Эти издания различаются целевой аудиторией и стилистикой подачи событий. Корпус включает 1 000 текстов, общим объемом 1 107 862 слова. Структура корпуса, полученная с помощью программы LancsBoxX (версия 5.0.0) [Brezina, Platt, 2025], представлена на рисунке. Размер кружка на рисунке зависит от количества слов в тексте.

Размер текстов варьируется в пределах от 200 до 5 550 слов, то есть в корпусе представлены текстовые образцы различной жан-



Визуализация корпуса текстов, репрезентирующих медийный нарратив о Китае
Visualization of the population of texts in the corpus of media narratives about China

ровой принадлежности: от коротких новостных сообщений до аналитических статей. В процентном соотношении доминируют тексты коротких новостных сообщений 800–1 000 слов (38 % от общего количества текстов), тексты объемом 1 000–2 000 слов составляют 45 %; развернутые статьи, объемом от 2 000 до более 5 000 слов, составляют всего 2,3 %. В исследовании также использовался Газетный корпус Национального корпуса русского языка (НКРЯ), включающий тексты, посвященные теме Китая, опубликованные в период с 2010 до 2025 гг., общим объемом 815 141 029 слов.

Алгоритм исследования включает в себя несколько этапов. На предварительном этапе выделялись основные номинации страны и нации, позволяющие сформировать базовый когнитивно-семантический центр концептуализируемого образа страны. Далее с опорой на синтаксические структуры анализировалась дискурсивная специфика использования номинаций, определялась их дистрибуция в средствах массовой информации и устанавливалась их корелляция с тематической принадлежностью текста. Эмпирический анализ корпусного материала позволил обнаружить значительное смысловое обогащение концептуального содержания и существенное расширение семантического объема исследуемого образа в медийном дискурсе, что свидетельствует о тематико-смысловой разработанности соответствующего концепта в дискурсивных практиках русскоязычных СМИ новейшего периода. Далее по данным корпусов на основе анализа коллокаций рассматривались ассоциативно-образные признаки, связанные с концептуализацией исследуемого образа, устанавливалась оценочная составляющая и выявлялась метафорическая специфика дискурсивной репрезентации медиаобраза Китая.

Результаты и обсуждение

Изучение дистрибуции номинаций в корпусе показало, что в российских СМИ широко используется номинация *Китай*, которая не является официальным наименованием государства, но повсеместно представлена в прессе. Официальное название государства *Ки-*

тайская Народная Республика и *КНР* чаще встречается в деловых изданиях, таких как «Коммерсант», «РБК» и «Ведомости». Популярная, ориентированная на обычных читателей пресса, («Комсомольская правда» и «Аргументы и факты»), гораздо чаще других изданий обращается к мифопоэтическому термину *Поднебесная*. Распределение номинаций в СМИ отражено в таблице 1.

Как показывает таблица 1, процент использования аббревиатурной номинации *КНР* самый небольшой в «Комсомольской правде» и «Аргументах и фактах». Напротив, в этих изданиях доминирует номинация *Поднебесная* (25,06 и 18,96 % соответственно), ассоциирующаяся с тысячелетней историей Китая, его многовековыми традициями и мудростью, в остальных информационных порталах, за исключением «Известий» (20,22 %), она используется значительно реже. Номинация *Пекин*, основанная на метонимическом переносе и обозначающая «правительство», преобладает в «Известиях» и «Ведомостях» (23,1 и 22,42 % соответственно), которые чаще освещают политические события.

Моделирование тематической составляющей медийного нарратива о КНР в русскоязычном дискурсе мы проводили с опорой на систему номинаций на основе данных Национального Корпуса Русского Языка (НКРЯ), а также собственного корпуса текстов. Соотнесение номинаций страны с тематикой текстов показывает, что, кроме прямой номинации *Китай*, которая используется в текстах, посвященных науке и технологиям, например:

(1) В **Китае** разработали цифрового прокурора. Ученые Китайской академии наук разработали искусственный интеллект, который способен изучить уголовное дело на основе устного описания и предъявить по нему обвинение, пишет газета South China Morning Post. (В Китае разработали цифрового прокурора // Ведомости. 27.12.2021);

в текстах с тематикой «Досуг, развлечения», «Природа», «Искусство и культура» появляется метафоричное название страны *Поднебесная*:

(2) Дары российских морей и гастрономический колорит **Поднебесной** встретятся в ресторане Grebeshki, куда с двухдневными гастролями приезжает именитый китайский шеф-повар Цзяо Ян (Северо-восточный Китай и русский Север: гастроли шефа Цзяо Яна в Grebeshki // Ведомости. 15.05.2025);

реже с тематикой «Природа», «Искусство и культура», «Медицина» и «Политика».

Аббревиатура *КНР*, номинация *Китай* и наименование столицы *Пекин*, представляющие собой метонимический перенос и обозначающие правительство страны и его деятельность, тяготеют к теме «Бизнес, коммерция, экономика, финансы», но широко используются и в текстах, относящихся к тематике «Политика и международные отношения»:

(3) **Пекин** выступил против «незаконных санкций» ЕС за сотрудничество с Москвой (Война санкций // РБК. 13.02.2024).

В таблице 2 представлено распределение номинаций страны в соответствии с тематической принадлежностью текста. В число перифрастических номинаций Китая входят оценочно-нейтральные лексемы и сочетания: *партнер*, *восточный сосед*, *ближайший сосед России*, *страна*, *держава*, *военно-стратегический партнер России*; положи-

Таблица 1. **Частота видов номинаций страны в различных изданиях в корпусе «Центральные СМИ» (НКРЯ), %**

Table 1. **Frequency of the country nominations across media outlets in the "Central Media" corpus (NCRL), %**

Издание	Номинации			
	Китай	*КНР*	*Поднебесная*	*Пекин*
Комсомольская правда	15,06	4,74	25,06	5,14
Известия	17,93	14,73	20,22	23,1
Аргументы и факты	13,44	1,61	18,96	2,5
Ведомости	13,37	19,27	3,56	22,42
Коммерсант	17,33	13,51	8,83	9,7
РБК	5,93	14,47	3,37	1,39
Прочие	16,94	31,67	20,00	35,75

Таблица 2. **Дистрибуция номинаций страны в соотношении с тематической принадлежностью текста в корпусе Центральных СМИ (по данным НКРЯ) в период с 2010 по 2025 гг., %**

Table 2. **Distribution of the country nominations in relation to the topic in the corpus in the Central Media Corpus (by NCRL data) from 2010 till 2025, %**

Тема	Номинации			
	Китай	*Пекин*	*КНР*	*Поднебесная*
Бизнес, коммерция, экономика, финансы	26,16	20,00	36,71	–
Политика и международные отношения	31,72	38,02	29,11	8,84
Армия и вооруженные конфликты	2,91	12,96	2,22	–
Здоровье и медицина	5,36	–	4,49	6,6
Наука и технологии	24,01	18,12	18,18	37,33
Искусство и культура	7,74	5,45	5,56	8,33
Спорт	0,54	5,45	2,74	–
Природа	0,93	–	–	10,81
Досуг, развлечения	0,63	–	0,99	28,09

тельно-оценочные единицы и структуры, включающие в том числе прилагательные со значением превосходства, такие как *новая сверхдержава*, *лидер всемирного рынка*, *самая развитая в мире страна*, *страна с наибольшей численностью населения*, *фабрика мира*, *главная производительная площадка планеты*. В оценочной квалификации страны используются лексические единицы, акцентирующие размер: *огромная держава*, *растущая сверхдержава*, *огромная страна*, *миллиардный Китай*; силу и богатство: *великая держава*, *сильный Китай*, *мощный и богатый сосед*, *крупнейший сосед и торговый партнер*; успех и значимость: *лидер мировой экономики*, *стратегический партнер*, *ключевой партнер*, *важный партнер*. Таким образом, мы можем отметить вариативность атрибутивных характеристик номинаций страны, конструирующих положительную оценочность медиаобраза.

Важным аспектом исследования является определение коллокаций, образованных основными номинациями страны, и выделение синтаксических моделей, обладающих определенным интерпретирующим потенциалом и репрезентирующих совокупности смыслов, объективируемые одной языковой единицей в коммуникации. По наблюдениям Л.А. Фурс, такая репрезентация соотносится со «смысловой объемностью» структуры предложения, определяемой как увеличение смысловой нагрузки предложения за счет приращения дополнительных смыслов в условиях принципа языковой экономии [Фурс, 2021, с. 476].

Корпусный анализ показал, что к типичным для номинаций страны синтаксическим структурам прежде всего относятся: 1) номинативные сочетания, включающие имена существительные в им. пад. и номинации страны в род. пад.; 2) субъектно-предикатные сочетания с глаголами физического действия / состояния, акциональными глаголами, обозначающими действия, обычно приписываемых живому существу; 3) предикатно-объектные сочетания; 4) атрибутивные сочетания с номинациями страны.

Номинативные структуры, образованные именами существительными в им. пад. и номинациями страны в род. пад.

Для номинации страны авторы текстов тяготеют к использованию некоторого набора синтаксических конструкций, характеризующихся определенным лексическим наполнением, отражающим особенности дискурсивного конструирования медиаобраза Китая. Так, коллокации, включающие аббревиатуру *КНР*, преимущественно употребляются в номинативной конструкции с генетивом [N + *КНРgen*], где класс существительных ограничен лексемами, обозначающими государственные должности и органы власти (*вице-премьер КНР*, *власти КНР*, *посол КНР*, *председатель КНР*, *глава МИД КНР*, *столица КНР*, *консульство КНР*, *представитель МИД КНР*), род занятий (*инженеры КНР*, *ученые КНР*, *бизнесмены КНР*, *спортсмены КНР*, *медики КНР*).

Номинация *Поднебесная*, апеллируя к массовому читателю, часто образует коллокации с лексемами и словосочетаниями, относящимися к семантическому полю досуга, развлечения, путешествий и культуры: *богатая культура Поднебесной*, *традиции Поднебесной*, *гастрономический колорит Поднебесной*, *деловая культура Поднебесной*, *поэзия Поднебесной* и др.

В составе исследуемой конструкции номинация *Китай* образует коллокации с существительными различных семантических классов, обозначающими географические, территориальные, экономические, военные, технологические, политические реалии: *города Китая*, *юг Китая*, *территория Китая*, *экономика Китая*, *рынок Китая*, *экспортеры Китая*, *компании Китая*, *власти Китая*, *армия Китая*.

В структуре медийного образа важное место занимает репрезентация Китая как экономического лидера:

(4) **Экономика Китая** развивается не по дням, а по часам на глазах у всего мира (К 2040 г. экономическая мощь КНР превысит американскую // РБК. 11.09.2004);

(5) Севморпуть поможет нарастить поставки российского сырья из Арктики в **Китай**, об этом рассказал «Известиям» посол России в КНР Игорь Моргулов. Он отметил, что маршрут становится связующим звеном между **рынком КНР** и ресурсной базой РФ (Севморпуть поможет нарастить поставки российского сырья из Арктики в Китай // Известия. 03.06.2025);

(6) Европа захватывает первенство в борьбе за **авиарынок Китая**, **один из самых больших в мире**. В 2021 году местные авиакомпании перевезли 440 млн пассажиров, это второй результат после США с четырехкратным отрывом от третьего места, занимаемого Россией. **Китай** остается полем битвы двух крупнейших авиаконструкторских компаний мира (Звездный час для Airbus: почему Китай скупает европейские лайнеры // Известия. 07.06.2025).

Страна позиционируется как мощная военная держава (7), а также как лидер научного и технологического прогресса (8):

(7) **Войска КНР** планомерно трансформируются в армию американского образца с мощным флотом и авиацией, способную вести боевые действия далеко от дома, защищая глобальные интересы **новой сверхдержавы** (Китайская армия намерена к 2049 году стать передовой мировой военной силой // Парламентская газета. 01.10.2020);

(8) **КНР** последние годы ведет разработку экранопланов. Так в 2023 году **научно-исследовательский центр кораблестроения Китая** представил прототип экраноплана для спасательных операций и межостровных перевозок в Южно-Китайском море (Экранопланов громадье // Известия. 13.06.2025).

Субъектно-предикатные сочетания с глаголами

В субъектно-предикатных структурах, в которых субъект представлен номинациями *Китай*, *Пекин*, *Поднебесная* и аббревиатурой *КНР*, предикаты объективируются различными семантическими группами глаголов:

– глаголами, обозначающими ментальные и речевые действия, например, *КНР считает*, *КНР выступает / заявляет*, *Китай размышляет*, *Китай обвинил*, *Китай ответил* (*Дании «пощечиной»*), *Китай выразил протест*, *Китай отказался* (*от продажи ТТо*), *Китай отвечал* (*симметричными шагами*):

(9) Несмотря на то, что **КНР** открыто не **заявляет** о своих претензиях на мировое лидерство в будущем, а лишь **призывает** к созданию «новой политической и экономической архитектуры», все больше стран начинают поглядывать на Восток с тревогой, полагая, что **Пекин** «мягко стелет, но жестко спать» (АиФ. 18.10.2017);

– акциональными глаголами, обозначающими различные виды действий, например, *Китай скупает*, *Китай ведет* (*переговоры*), *Китай растит* (*конкурента*), *Китай добывает*, *Китай вкладывает*, *Китай запустил*:

(10) **Китай запустил** первый с 2016 года пилотируемый корабль «Шэньчжоу-12» к строящейся орбитальной станции «Тяньгун». На борту корабля находятся три космонавта, которым предстоит провести на орбите три месяца (РБК. 17.06.2021);

– глаголами, обозначающими достижения, такие как *обогнать*, *наращивать*, *входить*, *закрепиться*, например, *Китай обгоняет* (*Запад*), *Китай остается* (*привлекательным для*, *доминирующим рынком*, *ключевым рынком*), *Китай вошел* (*в топ 3*, *в число трех главных*, *в тройку главных*), *Китай добился* (*успехов*), *Китай закрепился*:

(11) **Китай** уже давно **закрепился** как основной импортер промышленного оборудования и всех видов машиностроения в Россию после снижения доли европейской продукции в последние годы («Атом» и речь: РФ и КНР решили инвестировать в электрокары и онлайн-маркеты // Известия. 22.05.2025);

– глаголами с семантикой власти, например, *позволять*, *разрешать*, *контролировать*:

(12) **Китай контролирует** или является крупным инвестором более чем в 20 портах Европы (РБК. 07.11.2023);

(13) В **Китае** регуляторы **запретили** банкам использовать для привлечения новых клиентов разного рода подарки (Коммерсант. 10.06.2025);

– глаголами, обозначающими контроль и санкционирование, например, (*о*)*штрафовать*, *ужесточать* (*контроль*), (*за*)*блокировать*:

(14) **Китай ужесточает контроль** над интернет-платформами, изменяя принципу невмешательства и ссылаясь на риск злоупотребления рыночной властью с целью подавления конкуренции, неправомерного использования данных потребителей и нарушения их прав, говорится в статье (Китай оштрафовал Alibaba за нарушения антимонопольного законодательства // Ведомости. 20.11.2021);

(15) **Китай** временно **заблокировал** запланированные трансграничные листинги между Шанхайской и Лондонской фондовыми биржами из-за политической напряженности с Великобританией (Reuters: Китай приостановил фондовые операции между Шанхаем и Лондоном // Ведомости. 02.01.2020);

(16) **Китай** сейчас **контролирует** почти 20 % глобального ВВП. Но при этом он предпочитает не играть окрепшими мускулами (АиФ. 22.03.2023);

– глаголами эмоционального отношения, например, *Китай возмутился*, *Китай потрясен*, *Китай недоволен*:

(17) **Китай недоволен** тем, что американцы вмешиваются в его валютные дела, и, в свою очередь, подозревает их в том, что они вбрасывают в экономику огромные суммы свеженапечатанных денег исключительно для того, чтобы снизить курс доллара и тем самым искусственно увеличить конкурентоспособность США (Театр валютного зрителя // Коммерсант. 22.11.2010);

– глаголами с семантикой отрицания и избегания:

(18) **Пекин** разумно **избегает** игры мускулами и крайне осторожен в заявлениях; **Пекин** не говорит об особом китайском пути и **не пытается экспортировать** свою модель развития (АиФ. 18.10.2017);

– глаголами с семантикой изменения:

(19) Туристы из Приморья увидели обновленную страну и захотели остаться там жить. За последние пять лет **Поднебесная изменилась** практически до неузнаваемости (Китай уже не тот: что стало с Поднебесной за несколько лет, пока нас там не было // UssurMedia. 09.12.2023).

Предикатно-объектные сочетания

Такие сочетания с номинациями страны образованы:

– глаголами, обозначающими эмоциональные состояния, например, *разозлить*, *раздражать*:

(20) Такой подход, разумеется, **раздражает Пекин**, требующий уважения к своему растущему политическому и экономическому влиянию (ВЛАДИМИР ПАВЛОВ. Китай готов к атаке // РБК Daily. 12.12.2007);

– глаголами с семантикой обвинения и угрозы Китаю другими странами:

(21) 13 мая США **обвинили Китай** и Иран в попытке украсть интеллектуальную собственность у американских компаний и институтов, разрабатывающих вакцины и лекарства от COVID-19 (Вакцина от коронавируса стала яблоком раздора // Ведомости. 16.05.2020);

(22) США **пригрозили Китаю** пошлинами в случае нарушения условий сделки (США пригрозили Китаю пошлинами в случае нарушения условий сделки // РИА Новости. 13.12.2019);

– глаголами со значением лидерства, неспособности идти на уступки:

(23) Если уж китайцы научились **выигрывать «золото»** и в плавании, то пиши пропало – **догнать Китай** в общем зачете будет крайне сложно (Дина Беляева. Российская сборная собрала небогатый стартовый урожай // РБК Дейли. 30.07.2012);

(24) «...Индия может быть конкурентоспособна в производстве машинного оборудования, одежды, но никак не может **догнать Китай**, например, в производстве бытовой техники», – резюмирует г-н

Саэз (Индия гонится за Китаем // РБК Daily. 29.09.2006);

(25) Исполняющий обязанности главы Пентагона Патрик Шанахан, выступая в среду в вашингтонском Центре стратегических и международных исследований, заявил, что США начинают терять преимущество в космосе, **уступая Китаю** (США признали потерю лидерства в космосе // Парламентская газета. 20.03.2019);

(26) Bloomberg: США **проигрывают Китаю** битву за интернет (Раздел «Технологии». Цукерберг создал секретный аккаунт в TikTok для слежки за знаменитостями // gazeta.ru. 14.11.2019).

Атрибутивные сочетания

Атрибутивные структуры с номинацией *Китай* [Adj + *Китай*] включают в основном относительные прилагательные, например, *современный Китай*, *древний Китай*, *дружественный Китай*, *соседний Китай*:

(27) Сама технология не нова: ее применяли еще в **Древнем Китае**. При этом тот бережный метод сжигания позволяет избежать вредных выбросов в атмосферу (В Иркутской области открылся завод по производству угля // Парламентская газета. 28.09.2018);

(28) Почему, если мы поставляем двигатели в США, мы не можем поставлять их **дружественному Китаю**? (Рогозин заявил о готовности России поставлять ракетные двигатели в любую страну // Коммерсант. 03.09.2018).

Количество таких коллокаций невелико, более распространенной является модель, образованная прилагательным *китайские* и существительными, обозначающими социальные, профессиональные и др. группы: *китайские компании*, *китайские партнеры*, *китайские ученые*, *китайские инвесторы*, *китайские автопроизводители*, *китайские экспортеры*, *китайские агропромышленные комплексы*, *китайские повара*, *китайские мужчины*, *китайские туристы*, *китайские спортсмены* и др.

Данная коллокация преимущественно используется в новостных сообщениях, информирующих о достижениях, открытиях и технологических прорывах:

(29) **Китайские ученые** разработали робота для вживления имплантов в мозг (Известия. 22.05.2025);

(30) У других **китайских IT-гигантов** уже есть свои начинания в области цифрового здравоохранения: у крупнейшего в мире дистрибутора онлайн-игр и разработчика приложения WeChat компании Tencent есть сервис WeDoctor, а у крупнейшего в мире маркетплейса Alibaba – Alibaba Health (IT-гигант Baidu намерен привлечь $2 млрд для своего биотехнологического стартапа // Ведомости. 09.09.2020);

(31) А до нее о намерении выпускать электромобили заявил **китайский** автомобильный **гигант** Geely Automobile (Электротранспортная Россия будущего // Ведомости. 01.04.2021);

(32) По словам Юй Чендуна, **китайский** телекоммуникационный **гигант** сожалеет, что до сих пор инвестировал только в разработку чипов, но не в их производство (Huawei анонсирует новый процессор // Ведомости. 09.08.2020).

Следующие классы коллокаций с прилагательным *китайский* объективируют:

– представления о Китае как о стране философии, мистики и мудрости, которые прочно укоренились в российском общественном сознании, например, *китайский менталитет*, *китайская мудрость*, *китайская поговорка*:

(33) Особенность **китайского менталитета** и конфуцианские традиции предполагают способность смотреть на события в длительной перспективе (АиФ. 18.10.2017);

– представления о культуре, традициях и искусстве Китая, например, *китайский фольклор*, *китайские кинофестивали*, *китайский язык*, *китайские коллекции музеев*, *китайская кухня*, *Китайский календарь*, *китайский Новый год*:

(34) В среду, 29 января отмечается **Китайский новый год**, известный также как Праздник весны. Для россиян торжество – еще одна возможность встретить Новый год по восточному календарю и познакомиться с богатой культурой **Поднебесной** (Китайский Новый год: традиции праздника, где и как отметить в России // Известия. 28.01.2025).

Модель, образованная существительным, обозначающим нацию, и предикатом [*китайцы* + V], включает глаголы с семантическими признаками «способности, достижения, научно-технологическое лидерство»:

(35) **Китайские** скоростные поезда — самые быстрые в мире: средняя скорость на линиях высокоскоростных магистралей (ВСМ) в КНР составляет около 300 км/ч, а сейчас тестирование проходит

поезд с максимальной скоростью 450 км/ч и крейсерской – 400 км/ч. **Китайцы** уже **строят высокоскоростные железные дороги** в других странах, включая и Европу (в Сербии, например) (Звездный час для Airbus: почему Китай скупает европейские лайнеры // Известия. 07.06.2025);

(36) Среди новых перспективных направлений инвестиционного сотрудничества с **Китаем** можно выделить, к примеру, **намерение строить электростанции на Луне** в дополнение к Международной научной лунной станции, а также **проектирования в области зеленой энергетики и ИИ** («Атом» и речь: РФ и КНР решили инвестировать в электрокары и онлайн маркеты // Известия. 22.05.2025).

В предикативной позиции модели [Китайцы + Adj]

в русскоязычной прессе используются оценочные лексемы: *китайцы упорные*, *спокойные*, *прагматичные ребята*, *народ шумный*, а также *недружелюбный*, *неприятный*, *невежливый*, *восприимчивы к пропаганде*, *скрупулезны в плане гигиены*. В медийных текстах отмечается упорство и решимость Китая идти по пути к достижению своих целей, подчеркивается, что в случае неудачи они не готовы отступить:

(37) При Януковиче был сорван многомиллиардный контракт на поставки сельхозпродукции, под который уже был сделан авансовый платеж. При Зеленском Киев разорвал почти завершенную сделку по покупке ряда заводов. Но, наталкиваясь на подобные препятствия, **китайцы не расстраиваются** и при следующем режиме возвращаются к решению той же самой задачи (АиФ. 16.10.2024).

Важным интерпретирующим механизмом дискурсивного конструирования образа страны, формирующим оценочность и определяющим ее эмоциональное восприятие, выступает метафорическая концептуализация. Метафорические модели, транслируемые через новостные тексты, в русскоязычной прессе концептуализируют образ КНР амбивалентно. Так, опираясь на метафорическую модель «Фондовый рынок Китая – ад», следующий текст предупреждает инвесторов о непрозрачности, непредсказуемости и манипулятивном характере китайского фондового рынка, несущего огромные риски:

(38) Наоборот, купивший сегодня на дне второе дно получает в подарок, а китайский рынок – это не только **поднебесная** империя, но и **инвестиционная преисподняя**, где в кипящие котлы убытков инвесторов загоняет коммунистическая партия (Каковы основные риски на фондовом рынке и как их избежать // Ведомости. 19.12.2021).

Метафорическая модель «Китай – буксир» имплицирует силу Китая и его способность помочь восстановлению мировой экономики в пандемийный период:

(39) «**Поднебесная**», закачав в хранилища громадные запасы дешевой нефти, может стать тем **буксиром**, который начнет потихоньку вытаскивать мировую экономику из кризиса, при условии, конечно, что и остальные страны начнут восстанавливать спрос на промышленные и потребительские товары (Нефти пожелали расти в цене. Нефть не услышала // Парламентская газета. 11.04.2020).

Зооморфная метафорическая модель «Китай – Животное» имплицирует исходящую от него угрозу:

(40) Тяжелая поступь **Поднебесной.** Более 75 процентов товаров, продаваемых через Интернет, – иностранного производства (Через год российские интернет-магазины могут умереть // Парламентская газета. 01.10.2015).

Выражение *тяжелая поступь* обозначает манеру ходьбы, характеризующуюся силой и, возможно, некоторой медлительностью, свойственной грузному человеку или крупному животному, способному неосознанно нанести вред менее крупным партнерам.

Обобщая приведенные характеристики, основанные на тематико-семантической, оценочной и метафорической репрезентации Китая, отметим, что к настоящему моменту в информационных порталах России при создании медиаобраза Китая доминирует коммуникативный тон дипломатической нейтральности: в медийном контенте представлены материалы, сообщающие об эффективности экономической деятельности страны на внутреннем и внешнем рынке, о мощном потенциале ее материального и нематериального влияния в мире, о сдержанности политической и культурной дипломатии страны.

Выводы

Таким образом, являясь мощным инструментом трансляции социально значимых образов, средства массовой информации не толь-

ко репрезентируют, но часто и формируют информационную повестку дня. Изучение дискурсивной репрезентации образа одной страны в медийном контексте другого национально-культурного сообщества с применением инструментов корпусно-параметрического анализа способствует уточнению в границах имагологических исследований кросс-культурных стереотипов, ассоциируемых с другими субъектами мирового социума. Медийный образ как дискурсивно проецируемое представление о социальном объекте создается с помощью приемов достоверного новостного информирования об актуальных событиях; в отличие от вербализации медиаимиджа, преднамеренно создаваемого через подбор фактов и манипулятивных приемов их описания, текстовое содержание медиаобраза может быть оценочно нейтральным или варьироваться от позитивного до негативного.

Использованная в ходе анализа методика дискурсивно-корпусной реконструкции медийного образа Китая подтверждает, что новостные сообщения и комментарии в русскоязычном официальном новостном контенте моделируют положительный образ Китая как могущественного стратегического союзника России с большим экономическим и военным потенциалом, «неукротимым» народом, стремящимся к лидерству в сфере научных технологий и кросс-культурному сотрудничеству.

Семантически образ Китая в медийном дискурсе опирается на номинации *КНР*, *Китай*, *Пекин*, *Поднебесная*, вокруг которых объединяются прилагательные и глаголы, формирующие собирательный образ страны как мирового технологического, экономического и политического лидера, добившегося впечатляющих результатов в экономике и новых технологиях; как активного участника международного сообщества, готового к взаимовыгодному сотрудничеству в разных социальных сферах. Отметим эмотивную сдержанность русскоязычного информационного контента; в нем доминирует лексика с нейтральной экспрессивно-стилистической окраской, принадлежащая книжно-литературному регистру речи. При этом в некоторых популярных медиа встречаются атрибутивные сочетания, несущие семиотические коннотации, ассоциируемые с амбивалентностью восприятия китайцев (например, *упорные*, *прагматичные*, *спокойные*, но *шумные*, *сметливые*, *хитрые в бизнесе* и пр.), в этой разновидности СМИ доминирует экспрессивно-эмоциональная номинация *Поднебесная*.

Метафорическая составляющая образа Китая, формируемая российскими СМИ, не отличается разнообразием: экономическое лидерство Китая в мире сравнивается с *буксиром*, зооморфное сравнение продвижения Китая на мировом рынке указывает на силу и мощь (*тяжелая поступь*), выявлено критичное восприятие – фондовый рынок Китая в силу особенностей национального регулирования концептуализируется как ад (*инвестиционная преисподняя*).

В российских СМИ доминирующими темами являются экономическая, репрезентирующая образ Китая как мощной державы с впечатляющими экономическими достижениями на внешнем рынке, страны, активно развивающей научный сектор и совершающей технологические прорывы на производстве; политическая, конструирующая образ Китая как активного участника международной политики, страны, включенной в значимые политические и экономические блоки мира. Об этом свидетельствует тематическая отнесенность текстового контента, его семантический состав и выделенные модели коллокаций. Значительно меньшую долю составляют тексты с тематикой здоровья и медицины, культуры, досуга, искусства и спорта, что указывает на неравномерное распределение тем и несбалансированность освещения образа страны в официальной прессе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андрюшкова Н. А., Неволина А. А., 2017. Медиаобраз государства: политический имидж (на примере материалов зарубежных СМИ) // PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект. № 17. С. 131–137.

Буряковская В. А., 2013. Имплицитная агрессивность масс-медиального дискурса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». № 3. С. 28–35.

Буряковская В. А., 2014. Коммуникативные характеристики массовой культуры в медийном

дискурсе (на материале русского и английского языков). Волгоград : Перемена. 228 с.

Галинская Т. Н., 2013. Понятие медиаобраза и проблема его реконструкции в современной лингвистике // Вестник Оренбургского государственного университета. № 11 (160). С. 91–94.

Гизатова Г. К., Иванова О. Г., 2021. Имидж как конструкт социальной реальности // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. Т. 163, кн. 4–5. С. 222–229. DOI: 10.26907/2541-7738.2021.4-5.222-229

Глушкова Т. С., Зайцева О. А., 2017. Медиаобраз как инструмент создания территориального имиджа: когнитивный аспект // Наука о человеке: гуманитарные исследования. № 3 (29). С. 50–57.

Добросклонская Т. Г., Хуэйцинь Чжан, 2015. Медиалингвистика в России и за рубежом: достижения и перспективы // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 1. С. 9–19.

Ду Цюаньбо, 2016. Жанрово-стилистическое своеобразие имиджа Китая в российских интернет СМИ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 4 (58), ч. 1. С. 12–14. URL: www.gramota.net/materials/2/2016/4-1/1.html

Злобина Ю. И., Лян К., 2019. Образ Китая в российской печати: национально-культурные особенности коммуникации // Медиаисследования. № 6. С. 205–212.

Кочетова Л. А., Ильинова Е. Ю., 2023. Лингвокультурная специфика дискурсивных практик репрезентации кибербезопасности в русскоязычном медийном пространстве: корпусный подход // Научный диалог. № 12 (3). С. 134–152. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-134-152

Кочетова Л. А., Кононова И. В., 2024. Медиатизация регулятивной ценности «здоровый образ жизни» в англоязычных СМИ: корпусный подход // Научный диалог. № 13 (6). С. 186–208. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-186-208

Кошкарова Н. Н., 2017. Русскоязычные СМИ Китая как инструмент формирования медиаимиджа страны и мира // Политическая лингвистика. № 5 (65). С. 85–88.

Кошкарова Н. Н., Мукушев И. О., 2021. Образ России в китайских СМИ // Политическая лингвистика. № 3 (87). С. 87–100. DOI: 10.26170/1999-2629_2021_03_08

Кучумова Е. В., Хуан Чжуан, 2017. Проблемы формирования имиджа России в Китае на современном этапе // Россия в глобальном мире. № 11 (34). С. 78–96.

Лай Линчжи, 2018. Языковые аспекты формирования имиджа России в китайских СМИ // Гуманитарный вектор. Т. 13, № 1. С. 130–135.

Ланцевская Н. Ю., 2015. Медиаобраз территории как комплекс стереотипов брендинга места // Вестник Шадринского государственного педагогического института. № 4 (28). С. 101–103.

Лашова С. Н., 2015. Основные каналы формирования имиджа региона в интернете // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистка. № 4. С. 124–127.

Лицзюнь Г., 2019. Лексическая репрезентация образа Китая в российском публицистическом дискурсе // Научный диалог. № 3. С. 38–53. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-3-38-53

Макарова С. В., Мартынова И. Н., 2019. Лексические средства создания негативного образа Китая в современной американской прессе // Вопросы общего языкознания, семасиологии и лингвистики текста. С. 127–132.

Медиатизация лингвокультурных феноменов: аспекты языковой репрезентации, 2024 / Е. Ю. Ильинова, Л. А. Кочетова, И. В. Кононова [и др.]. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2024. 220 с.

Мельникова Е. А., 2015. Специфика медиарепрезентации реальности в жанре новостной заметки // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. № 4 (28). С. 94–100. DOI: 10.15688/jvolsu2.2015.4.12

Морозова О. В., 2017. Формирование образа России в условиях политической напряженности (на материале американской прессы) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. Т. 14, вып. 4. С. 110–114. DOI: 10.18500/1817-7115-2014-14-4-110-114

Нигматуллина Э. Р., 2018. К уточнению понятия «Медиасобытие» // Когнитивные исследования языка. № 35. С. 295–300.

Ню Хэ, 2023. Формирование имиджа Китая в западных массмедиа в контексте инициативы «Один пояс – один путь» (по материалам британского новостного телеканала BBC News) // Вопросы теории и практики журналистики. Т. 12, № 4. С. 784–800. DOI: 10.17150/2308-6203.2023.12(4).784-800

Сидорская И. В., 2021. Об употреблении терминов «образ» и «имидж» в русскоязычных исследованиях: проблемы медиарепрезентации территорий // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. № 3. С. 173–197. DOI: 10.30547/vestnik.journ.3.2021.173197

Сорокина О. Н., 2010. Языковая реализация образа Китая в СМИ США: информационная модель «Экономический рост Китая» // Вестник Томского государственного университета. № 341. С. 24–29.

Сяоцзюань Ван, 2017. Имидж Китая в онлайн-версии газеты «Аргументы и факты» // Медиалингвистика. № 1 (16). С. 58–70.

Ткачева Н. В., 2019. Национальные медиа как инструменты продвижения мягкой силы Китая // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. № 6. С. 94–128. DOI: 10.30547/vestnik.journ.6.2019.94128

Трофимова Г. Н., Ду Цюаньбо, 2016. Стилистика русскоязычных средств массовой информации Китая в аспекте их «мягкой силы» воздействия // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. № 3 (39). С. 159–164. DOI: 10.21685/2072-3024-2016-3-15

Трофимова Г. Н., Рязанова А. Ю., 2015. Основные предпосылки формирования имиджа Китая в России // Полилингвиальность и транскультурные практики. № 1. С. 60–64. URL: https://journals.rudn.ru/polylinguality/article/view/2275

Тырыгина В. А., 2010. Жанровая стратификация масс-медийного дискурса. М. : URSS. 310 с.

Улитина М. О., 2013. Методологические подходы к формированию международного имиджа государства // Вестник МГЛУ. № 2 (662). С. 207–222.

Фурс Л. А., 2021. Смысловая объемность структуры предложения // Исследования языка и современное гуманитарное знание. Т. 3, № 2. С. 160–166. DOI: 10.33910/2686-830X-2021-3-2-160-166

Цао Цин, 2020. Взаимодействие в сфере медиа как способ формирования позитивного имиджа Китая в странах ЕАЭС // Знак: проблемное поле медиаобразования. № 3 (37). С. 135–145. DOI: 10.24411/2070-0695-2020-10319

Чернявская В. Е., 2018. Дискурсивный анализ и корпусные методы: необходимое доказательное звено? Объяснительные возможности качественного и количественного подходов // Вопросы когнитивной лингвистики. № 2 (55). С. 31–37.

Чжоу Ц., 2018. Продвижение положительного имиджа Китая в традиционных СМИ и медиа нового типа // Медиаскоп. Вып. 2. DOI: 10.30547/mediascope.2.2018.11

Юйбо Го, 2025. Представление российской научно-технологической сферы в медиадискурсе КНР на примере газеты Science and Technology Daily // Медиалингвистика. Т. 12 (1). С. 138–152. DOI: 10.21638/spbu22.2025.108

Baker P., 2006. Using Corpora in Discourse Analysis. L. : Continuum. 208 p.

Brezina V., Platt W., 2025. *#LancsBox X* [software], Lancaster University. URL: http://lancsbox.lancs.ac.uk

Ilyinova E.Yu., Kochetova L.A., 2024. Mediatization of Artificial Intelligence Concept in the Russian Language Media Discourse: Corpus-Based Approach // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Vol. 23, № 5. P. 108–123. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.5.9

Mautner G., 2009. Corpora and Critical Discourse Analysis // Contemporary Corpus Linguistics. L. : Continuum. P. 32–46.

McEnery T., Hardy A., 2011. Corpus Linguistics: Method, Theory and Practice. Cambridge : Cambridge University Press. 301 p.

Partington A., 2004. Corpora and Discourse, a Most Congruous Beast // Corpora and Discourse. Bern : Peter Lang. P. 11–20.

Politova A. A., 2025. Translation of Periodical Titles as a Reflection of the Current Dynamics in Translation Strategies // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Vol. 24, № 1. P. 25–39. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.1.3

Sinclair J. M., 1991. Corpus, Concordance, Collocation. Oxford : Oxford University Press. 197 p.

Stubbs M., 1995. Collocations and Semantic Profiles. On the Cause of the Trouble with Quantitative Studies // Functions of Language. № 2/1. P. 23–55.

REFERENCES

Andryushkova N.A., Nevolina A.A., 2017. Mediaobraz gosudarstva: politicheskiy imidzh (na primere materialov zarubezhnyh SMI) [Media Image of a State: Political Image (On the Example of Foreign Mass Media)]. *PR i reklama v izmenyayushchemsya mire: regionalnyy aspekt* [PR and Advertising in the Changing World], no. 17, pp. 131-137.

Buryakovskaya V.A., 2013. Impltsitnaya agressivnost mass-medialnogo diskursa [Implicit Aggressiveness of Mass-Media Discourse]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya «Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika»* [RUDN Journal of Language Studies. Semiotics and Semantics], no. 3, pp. 28-35.

Buryakovskaya V.A., 2014. Kommunikativnye kharakteristiki massovoy kultury v mediynom diskurse (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov) [Communicative Characteristics of Mass Culture in Media Discourse (On the Material of the Russian and English Languages)]. Volgograd, Peremena Publ. 228 p.

Galinskaya T.N., 2013. Ponyatie mediaobraza i problema ego rekonstruktsii v sovremennoy lingvistike [Media Image and the Problem of its Reconstruction in Modern Linguistics]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of the Orenburg State University], no. 11 (160), pp. 91-94.

Gizatova G.K., Ivanova O.G., 2021. Imidzh kak konstrukt socialnoy realnosti [Image as a Construct of Social Reality]. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*

[Proceedings of Kazan University. Humanities Series], vol. 163, books 4–5, pp. 222-229. DOI: 10.26907/2541-7738.2021.4-5.222-229

Glushkova T.S., Zaytseva O.A., 2017. Mediaobraz kak instrument sozdaniya territorialnogo imidzha: kognitivnyy aspekt [Media Image as a Tool for Building a Territorial Image]. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya* [Human Science: Humanitarian Studies], no. 3 (29), pp. 50-57.

Dobrosklonskaya T.G., Huyeytsin Chzhan, 2015. Medialingvistika v Rossii i za rubezhom: dostizheniya i perspektivy [Media Linguistics in Russia and Abroad: Achievements and Perspectives]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i Mezhkulturnaya Kommunikatsiya* [Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication], no. 1, pp. 9-19.

Du Tsyuanbo, 2016. Zhanrovo-stilisticheskoe svoeobrazie imidzha Kitaya v rossiyskikh internet SMI [Genre and Stylistic Peculiarities of an Image of China in the Russian Internet Media]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory and Practice], no. 4 (58), pt. 1, pp. 12-14. URL: www.gramota.net/materials/2/2016/4-1/1.html

Zlobina Yu.I., Lyan K., 2019. Obraz Kitaya v rossiyskoy pechati: natsionalno-kulturnye osobennosti kommunikatsii [The Image of China in the Russian Press: National and Cultural Characteristics of Communication]. *Mediaissledovaniya* [Studies on Media], no. 6, pp. 205-212.

Kochetova L.A., Ilyinova E.Yu., 2023. Lingvokulturnaya spetsifika diskursivnykh praktik reprezentatsii kiberbezopasnosti v russkoyazychnom mediynom prostranstve: korpusnyy podkhod [Linguocultural Specifics of Cybersecurity Discursive Practices Representation in Russian Media Communication: Corpus-Assisted Approach]. *Nauchnyy dialog*, no. 12 (3), pp. 134-152. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-134-152

Kochetova L.A., Kononova I.V., 2024. Mediatizatsiya regulyativnoy tsennosti «zdorovyy obraz zhizni» v angloyazychnykh SMI: korpusnyy podkhod [Media Studies of Regulatory Value of Healthy Lifestyle in English Media: A Corpus-Based Approach]. *Nauchnyy dialog*, vol. 13, no. 13 (6), pp. 186-208. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-186-208

Koshkarova N.N., 2017. Russkoyazychnye SMI Kitaya kak instrument formirovaniya mediaimidzha strany i mira [Russian-Language Media in China as a Tool for Shaping Media Image of the Country and the World]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], no. 5 (65), pp. 85-88.

Koshkarova N.N., Mukushev I.O., 2021. Obraz Rossii v kitayskikh SMI [Russia's Image in Chinese Mass-Media]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], no. 3 (87), pp. 87-100. DOI: 10.26170/1999-2629_2021_03_08

Kuchumova E.V., Huan Chzhuan, 2017. Problemy formirovaniya imidzha Rossii v Kitae na sovremennom etape [The Formation of the Image of Russia in China at the Present Stage]. *Rossiya v globalnom mire* [Russia in the Global World], no. 11 (34), pp. 78-96.

Lai Lingzhi, 2018. Yazykovye aspekty formirovaniya imidzha Rossii v kitayskikh SMI [Language Aspects of the Russia's Image in the Chinese Media]. *Gumanitarnyy vektor* [Humanitarian Vector], vol. 13, no. 1, pp. 130-135.

Lantsevskaya N.Yu., 2015. Mediaobraz territorii kak kompleks stereotipov brendinga mesta [The Territory's Media Image as a Set of Stereotypes Branding Space]. *Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta* [Journal of Shadrinsk State Pedagogical Institute], no. 4 (28), pp. 101-103.

Lashova S.N., 2015. Osnovnye kanaly formirovaniya imidzha regiona v internete [The Main Channels for the Formation of the Region's Image on the Internet]. *Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistka* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism], no. 4, pp. 124-127.

Litszyun G., 2019. Leksicheskaya reprezentatsiya obraza Kitaya v rossiyskom publitsisticheskom diskurse [Lexical Representation of the Image of China in Russian Journalistic Discourse]. *Nauchnyy dialog*, no. 3, p. 38-53. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-3-38-53

Makarova S.V., Martynova I.N., 2019. Leksicheskie sredstva sozdaniya negativnogo obraza Kitaya v sovremennoy amerikanskoy presse [Lexical Means of Building the Negative Image of China in the Modern American Press]. *Voprosy obshchego yazykoznaniya, semasiologii i lingvistiki teksta* [Issues of General Language Science, Semasiology and Text Linguistics], pp. 127-132.

Ilyinova Ye.Yu., Kochetova L.A., Kononova I.V. et al., 2024. *Mediatizatsiya lingvokulturnykh fenomenov: aspekty yazykovoy reprezentatsii* [Mediatization of Lingua-Cultural Phenomena: Issues of Linguistic Representation]. Volgograd, Izd-vo VolGU. 220 p.

Melnikova E.A., 2015. Mediareprezentatsii realnosti v zhanre novostnoy zametki [On Specifying Media Representation of Reality in the Genre

of News Story]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 4 (28), pp. 94-100. DOI: 10.15688/jvolsu2.2015.4.12

Morozova O.V., 2017. Formirovanie obraza Rossii v usloviyakh politicheskoy napryazhennosti (na materiale amerikanskoy pressy) [Creating the Image of Russia in Political Tension Conditions (Based on American Press)]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [Izvestia of Saratov University. Philology. Journalism], vol. 14, iss. 4, pp. 110-114. DOI: 10.18500/1817-7115-2014-14-4-110-114

Nigmatullina E.R., 2018. K utochneniyu ponyatiya «Mediasobytie» [On Clarifying the Notion of "Media Event"]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], no. 35, pp. 295-300.

Niu He, 2023. Formirovanie imidzha Kitaya v zapadnykh massmedia v kontekste initsiativy «Odin poyas – odin put» (po materialam britanskogo novostnogo telekanala BBC News) [The Forming China's Image in the Western Mass Media in the Context of the Belt and Road Initiative (Based on the Materials of the British News Channel BBC News]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki* [Theoretical and Practical Issues of Journalism], vol. 12, no. 4, pp. 784-800. DOI: 10.17150/2308-6203.2023.12(4).784-800

Sidorskaya I.V., 2021. Ob upotreblenii terminov «obraz» i «imidzh» v russkoyazychnykh issledovaniyakh: problemy mediareprezentatsii territoriy [On Using the Term "Image" in Russian-Language Studies and the Problem of Media Representation of Territories]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, no. 3, pp. 173-197. DOI: 10.30547/vestnik.journ.3.2021.173197

Sorokina O.N., 2010. Yazykovaya realizatsiya obraza Kitaya v SMI SShA: informatsionnaya model «Ekonomicheskiy rost Kitaya» [Linguistic Realization of the Image of China in American Media: The Information Model "China's Economic Growth"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], no. 341, pp. 24-29.

Xiaoyuan Wang, 2017. Imidzh Kitaya v onlayn-versii gazety «Argumenty i fakty» [National Image of China in On-Line Newspaper "Arguments and Facts"]. *Medialingvistika*, no. 1 (16), pp. 58-70.

Tkacheva N.V., 2019. Natsionalnye media kak instrumenty prodvizheniya myagkoy sily Kitaya [National Media as Tools to Promote China's Soft Power]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, no. 6, pp. 94-128. DOI: 10.30547/vestnik.journ.6.2019

Trofimova G.N., Du Tzuanbo, 2016. Stilistika russkoyazychnykh sredstv massovoy informatsii Kitaya v aspekte ikh «myagkoy sily» vozdeystviya [Stylistics of the Russian Langauge Media of China in the Aspect of their "Soft Power" Influence]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* [Penza State University. University Proceedings: Volga Region. Humanities], no. 3 (39), pp. 159-164. DOI: 10.21685/2072-3024-2016-3-15

Trofimova G.N., Ryazanova A.Yu., 2015. Osnovnye predposylki formirovaniya imidzha Kitaya v Rossii [Main Prerequisites for Formation of Image of Russia in China]. *Polilingvialnost i transkulturnye praktiki* [RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices], no. 1, pp. 60-64. URL: https://journals.rudn.ru/polylinguality/article/view/2275

Tyrygina V.A., 2010. *Zhanrovaya stratifikatsiya mass-mediynogo diskursa* [Genre Stratification of Mass-Media Discourse]. Moscow, URSS Publ. 310 p.

Ulitina M.O., 2013. Metodologicheskie podkhody k formirovaniyu mezhdunarodnogo imidzha gosudarstva [Methodological Approaches to the Formation of the International Image of the State]. *Vestnik MGLU* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], no. 2 (662), pp. 207-222.

Furs L.A., 2021. Smyslovaya obyemnost struktury predlozheniya [The Sentence Structure Capacity for Meaning]. *Issledovaniya yazyka i sovremennoe gumanitarnoe znanie* [Language Studies and Modern Humanities], vol. 3, no. 2, pp. 160-166. DOI: 10.33910/2686-830X-2021-3-2-160-166

Cao Cin, 2020. Vzaimodeystvie v sfere media kak sposob formirovaniya pozitivnogo imidzha Kitaya v stranah YeAES [China and the EAEU Countries: Cooperation of the Mass Media as a Way to Create a Positive Image]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya* [Sign: Problematic Field of Media Education], no. 3 (37), pp. 135-145. DOI: 10.24411/2070-0695-2020-10319

Chernyavskaya V.E., 2018. Diskursivnyy analiz i korpusnyye metody: neobkhodimoye dokazatelnoye zveno? Obyasnitelnyye vozmozhnosti kachestvennogo i kolichestvennogo podkhodov [Discourse Analysis and Corpus Methods: A Necessary Evidentiary Link? Explanatory Power of Qualitative and Quantitative Approaches]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], no. 2 (55), pp. 31-37.

Chzhou Ts., 2018. Prodvizhenie polozhitelnogo imidzha Kitaya v traditsionnykh SMI i media novogo

tipa [Promoting a Positive Image of China in Traditional and New Media]. *Mediascope*, iss. 2. DOI: 10.30547/mediascope.2.2018.11

Yuybo Guo, 2025. Predstavlenie rossiyskoy nauchno-tekhnologicheskoy sfery v mediadiskurse KNR na primere gazety Science and Technology Daily [Representation of the Russian Scientific and Technological Sphere in the Media Discourse of the People's Republic of China Using the Example of the "Science and Technology Daily" Newspaper]. *Medialingvistika* [Media Linguistics], vol. 12 (1), pp. 138-152. DOI: 10.21638/spbu22.2025.108

Baker P., 2006. *Using Corpora in Discourse Analysis*. London, Continuum. 208 p.

Brezina V., Platt W., 2025. *#LancsBox X (Software), Lancaster University*. URL: http://lancsbox.lancs.ac.uk

Ilyinova E.Yu., Kochetova L.A., 2024. Mediatization of Artificial Intelligence Concept in the Russian Language Media Discourse: Corpus-Based Approach. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 23, no. 5, pp. 108-123. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.5.9

Mautner G., 2009. Corpora and Critical Discourse Analysis. *Contemporary Corpus Linguistics*. London, Continuum. P. 32-46.

McEnery T., Hardy A., 2011. *Corpus Linguistics: Method, Theory and Practice*. Cambridge, Cambridge University Press. 301 p.

Partington A., 2004. Corpora and Discourse, a Most Congruous Beast. *Corpora and Discourse*. Bern, Peter Lang, pp. 11-20.

Politova A.A., 2025. Translation of Periodical Titles as a Reflection of the Current Dynamics in Translation Strategies. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 24, no. 1, pp. 25-39. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.1.3

Sinclair J.M., 1991. *Corpus, Concordance, Collocation*. Oxford, Oxford University Press. 197 p.

Stubbs M., 1995. Collocations and Semantic Profiles. On the Cause of the Trouble with Quantitative Studies. *Functions of Language*, no. 2/1, pp. 23-55.

Information About the Authors

Elena Yu. Ilyinova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Translation Studies and Linguistics, Volgograd State University, Volgograd, Russia, ilynov@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0002-3310-4020

Larisa A. Kochetova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Translation Studies and Linguistics, Volgograd State University, Volgograd, Russia, kochetova@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0002-5278-7373

Информация об авторах

Елена Юрьевна Ильинова, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода и лингвистики, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия, ilynov@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0002-3310-4020

Лариса Анатольевна Кочетова, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода и лингвистики, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия, kochetova@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0002-5278-7373

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.5.3

UDC 81'42:659.123.1
LBC 81.055.51.6

Submitted: 13.02.2025
Accepted: 01.07.2025

COGNITIVE AND LINGUISTIC DEVELOPMENT OF THE CONCEPTUAL BORROWING "BRAND" AS A PHENOMENON OF ADVERTISING DISCOURSE

Anna D. Efimova

Volgograd State University, Volgograd, Russia;
State University of Humanities and Technology, Orekhovo-Zuyevo, Russia

Abstract. This article presents the results of a study of the cognitive-linguistic development of the borrowed advertising term "brand" in the discursive practices of Russian-language linguistic culture. The study was conducted using a corpus of texts collected from dzen.ru web-site and the National Corpus of the Russian Language. An analysis of the collocation potential of the lexeme "brand", its metaphorical models, and contexts of use revealed that due to cognitive-linguistic regulation the concept enriches it content, develops new associations and acquires new value-based meanings. The lexeme "brand" is used not only to name goods and services but also as a symbol denoting objects of spiritual and cultural heritage, reflecting the specific features of the country's historical development. It was found that the conceptual borrowing "brand" is used predominantly in positive evaluative contexts, maintaining associations with foreign brands that are attributed qualities such as prestige and exclusivity. At the same time, the phrases "local brand" and "regional brand" conceptualize the concept as an indicator of the country's economic power on a global level. The phrase "family brand", denoting a family-owned business, conveys the values of family as the fundamental unit of society, a shared common cause that unites people. The phrase "green brand" evokes strong associations with nature and natural products. The metaphorical models represent *brand* as a human being, endowing it with will, feelings and emotions. The study of the brand as a new conceptual and linguistic phenomenon in the era of globalization provides insight into the transformations in the value-based worldview of Russian linguistic culture.

Key words: advertising discourse, conceptual borrowing, globalization, value, brand, cognitive and linguistic regulation.

Citation. Efimova A.D. Cognitive and Linguistic Development of the Conceptual Borrowing "Brand" as a Phenomenon of Advertising Discourse. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 5, pp. 38-50. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.5.3

УДК 81'42:659.123.1
ББК 81.055.51.6

Дата поступления статьи: 13.02.2025
Дата принятия статьи: 01.07.2025

КОГНИТИВНО-ЯЗЫКОВОЕ ОСВОЕНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ЗАИМСТВОВАНИЯ *БРЕНД* КАК ФЕНОМЕНА РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСА

Анна Дмитриевна Ефимова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия;
Государственный гуманитарно-технологический университет, г. Орехово-Зуево, Россия

© Ефимова А.Д., 2025

Аннотация. В статье описаны результаты изучения когнитивно-языкового освоения рекламного заимствования *бренд* в дискурсивных практиках русскоязычной лингвокультуры. Исследование проведено на материале собранного корпуса текстов, в который вошли данные Национального корпуса русского языка и статьи с платформы dzen.ru. Анализ сочетаемостных возможностей лексемы *бренд*, моделей ее метафорического осмысления и функциональной специфики позволил установить, что в результате когнитивно-язы-

кового регулирования происходит обогащение содержания концепта, возникают новые ассоциации и ценностные смыслы. *Бренд* не только используется для именования товаров, услуг, но и выступает в качестве символа, обозначающего объекты духовно-культурного наследия, отражает особенности исторического развития страны. Выявлено, что концептуальное заимствование *бренд* употребляется преимущественно в положительных оценочных контекстах, поскольку сохраняет ассоциацию с иностранными марками, которым приписываются такие качества, как престиж и эксклюзивность. В то же время в сочетаниях «местный бренд», «локальный бренд» концепт осмысливается как показатель экономической мощи страны на мировом уровне. Сочетание «семейный бренд» (бизнес, принадлежащий семье) транслирует ценности семьи как базовой ячейки общества, совместного общего дела, объединяющего людей. Сочетание «зеленый бренд» вызывает ассоциации с природой и продуктами натурального происхождения. Основные модели метафорического осмысления концепта связаны с одушевлением бренда, приданием ему человеческих черт, наделением его волеизъявлением, чувствами и эмоциями. Изучение бренда как нового концептуального образования и языкового феномена в эпоху глобализации дает представление о трансформациях, происходящих в ценностной картине мира носителей русской лингвокультуры.

Ключевые слова: рекламный дискурс, концептуальное заимствование, глобализация, ценность, бренд, когнитивно-языковое регулирование.

Цитирование. Ефимова А. Д. Когнитивно-языковое освоение концептуального заимствования *бренд* как феномена рекламного дискурса // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 5. – С. 38–50. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.5.3

Введение

Заимствования являются языковой проекцией культурных изменений, вызванных глобализацией, и, проникая во все сферы жизни общества, осмысливаются в разных типах дискурса, что приводит к расширению и трансформации концептосферы, изменению ценностной картины мира и пополнению словарного состава языка принимающей культуры. В научной литературе процесс вхождения заимствований в концептосферу принимающего языка обозначается как «культурное освоение», «культурная апроприация» [Радбиль, 2019], «когнитивная ассимиляция» или адаптация [Беляевская, 2019], что акцентирует роль дискурсивных практик как среды, выступающей средством когнитивно-языкового регулирования концептуального образования.

Усиленный глобализацией трансфер концептуальных образований, в том числе и воспринятых институциональными типами дискурса, активно поддерживается СМИ, выступающими «фактором политической и культурной консолидации» [Карасик, 2014, с. 218], что приводит к возрастанию роли медиа в когнитивно-языковом регулировании. Когнитивно-дискурсивная обработка концептуальных заимствований происходит и в других видах дискурса (сетевом, научном, педагогическом и др.), вызывая наложение и взаимодействие ценностей глобализации и ценностей конкретной лингвокультуры, способствуя формированию новых ассоциативно-образных связей и смыслов в языковом сознании. Изучение механизмов языкового регулирования и способов адаптации концептуальных заимствований требует разработки и совершенствования методик дискурсивного анализа.

Исследование заимствованных концептуальных структур занимает важное место в современной лингвокультурологии (см., например: [Карасик, 2002; Ильинова, Волкова, 2023; Радбиль, 2024а]). В центре внимания находится проблематика установления семантических групп заимствованных единиц и типов семантической деривации, выявление синонимических отношений, в которые вступают иностранная и русская лексика в процессе функционирования в языке и речи [Маринова, 2008; Ольховская, 2022]; разработка индикаторов освоения заимствований таких, как концептуальная двуплановость новообразований, возникающая на базе исконно русских моделей языковой концептуализации мира [Радбиль, 2019], изменение фокусировки концептуального освоения семантики заимствованных единиц [Беляевская, 2019].

Важным аспектом изучения концептуальных заимствований также является установление этапов, соответствующих степени когнитивно-языкового освоения концепта в принимающей культуре, индикаторов, отражающих его «зрелость». На начальном этапе вхождения заим-

ствования когнитивно-языковое регулирование требует использования дефиниций, разъясняющих его концептуальное содержание, в том числе на основе метафор обыденной жизни, которые хорошо понятны носителю принимающей культуры. Индикатором полной адаптации и значимости концептуального заимствования в принимающей лингвокультуре становится его широкая синтагматическая сочетаемость, а также вхождение в метафорические конструкции, когда заимствование становится источником новых метафорических репрезентаций.

Показателем высокой степени освоения заимствования может быть соотнесение с базовыми ценностными концептами русской культуры, встраивание в систему ее ценностных координат. Так, ранее нами было установлено, что в русскоязычной лингвокультуре заимствование *супермен* интерпретируется в координатах аксиологических ценностей, таких как «подвиг», «интеллигентность», «героизм», «вера», «честь» [Гусева, 2024]. Результаты ценностного освоения концепта показали, что задаваемые им ориентиры поведения часто приобретают негативную оценочность, образуя ценностные оппозиции с традиционными, принятыми в русскоязычной лингвокультуре моделями поведения, что акцентирует чуждость типажа.

В данной статье мы рассматриваем заимствования в аспекте когнитивно-языкового регулирования, определяющего их ценностную интерпретацию и способы концептуализации в дискурсивных практиках принимающей лингвокультуры. Актуальность исследования объясняется тем, что на фоне множества публикаций (см., например: [Маринова, 2008; Китанина, 2005; Радбиль, 2019; и др.]), посвященных заимствованиям и анализу импортируемых концептов, в том числе институциональных, терминологических (специализированных), наблюдается недостаток работ, нацеленных на выявление способов когнитивно-языкового освоения заимствований в системе ценностных координат языковой картины мира принимающей культуры. Изучение механизмов ценностного освоения концептуальных заимствований представляет первостепенную значимость, поскольку, с одной стороны, они транслируют ценности и нормы, присущие обозначаемым ими концептам в иной культуре, а с другой, пополняя концептосферу принимающей культуры и расширяя ее словарный состав, они интерпретируются в системе ее ценностных координат, приобретая новые концептуальные оттенки и смыслы, отражающие их восприятие в принимающей лингвокультуре.

Особого внимания заслуживает изучение лингвокультурного освоения институциональных концептов, заимствование которых принимающей лингвокультурой связано с обусловленными глобализацией политическими, экономическими и другими изменениями в жизни общества. Так, нами изучена специфика когнитивно-языкового регулирования концептуального заимствования педагогического дискурса *тьютор* [Ефимова, 2024]. Вместе с тем концептуальные заимствования, воспринятые и освоенные другими видами институционального дискурса, в частности рекламным, к которым относится *бренд*, не получили освещения в когнитивно-языковом аспекте.

Возникнув в англоязычном рекламном дискурсе в начале XX в. как следствие развития массового производства и отделения товара от продавца, бренд и логотип стали неотъемлемыми компонентами рекламного текста. Отметим, что, несмотря на длительную историю отечественной рекламы, концепт «бренд» оставался невостребованным вплоть до начала XXI века. Данные, полученные из Национального корпуса русского языка показывают, что заимствование *бренд* активно проникает в русскоязычные дискурсивные практики в начале 2000-х годов. Именно в этот период начинается активное освоение лексемы и внедрение стоящего за ней концепта в русское языковое сознание. В газетном подкорпусе Национального корпуса русского языка зафиксировано 52 964 примера употребления лексемы *бренд* в 28 242 текстах из 2 728 688 текстов объемом 815 141 029 слов.

В статье описаны когнитивно-языковые механизмы лингвокультурной адаптации заимствования рекламного дискурса *бренд*, проявляющейся в динамике его концептуальных характеристик, расширении ассоциативно-образных признаков и трансформации оценочной составляющей в русской лингвокультуре.

Материал и методы

Теоретической базой исследования послужили труды по теории заимствований [Ки-

танина, 2005; Крысин, 2008; Кузина, 2022; Маринова, 2008], теории дискурса [Карасик, 2002], лингвоаксиологии и лингвокультурологии дискурса [Беляков, 2023; Радбиль, 2023], проблемам медиатизации [Ильинова, Волкова, 2023; Пром, 2020; Kochetova, 2023; O'Keeffe, 2011; Talbot, 2007].

Материалом исследования избраны тексты, размещенные на платформе dzen.ru, а также примеры из Национального корпуса русского языка. Выделена базовая для рекламного дискурса лексема *бренд*, которая в корпусе текстов употребляется 183 раза, проведен анализ ее сочетаемости, обозначены особенности ее концептуализации.

Посредством анализа сочетаемости заимствованного номинанта концепта определяются тенденции в его когнитивно-языковом регулировании и адаптации, устанавливаются его содержательные, оценочные и образно-сочетаемостные признаки, наиболее значимые для носителей данной лингвокультуры. Дискурсивно-когнитивная обработка заимствования играет важную роль в раскрытии его концептуального содержания, помогает выявить новые смыслы, которые невозможно отразить при анализе понятийной составляющей концепта.

Содержание заимствования определяется ближайшим контекстом и конкретизируется в дальнем контексте (предложении). В.И. Карасик указывает, что для интерпретации концепта особенно важно ближайшее окружение. Так, анализируя концепт «простота», имеющий в русском языке амбивалентную оценку, он подчеркивает, что контексты, отражающие значение «что-то, не требующее подготовки», например, «простая задача», связаны с отрицательной оценкой, в то время как контексты «незамысловатый, бесхитростный» («простая народная песня») связаны с положительной оценкой [Карасик, 2013, с. 97].

Дальний контекст помогает уточнить сочетаемостные особенности заимствования. Так, особенно важно обращение к дальнему контексту при уточнении сочетаемости одного и того же заимствования с противоположными по смыслу и оценочности словами (например, при субъектно-адъективных связях).

Схема описания концептуальных изменений на основе изучения сочетаемости слова-номинанта концепта разработана Т.Б. Радбилем. Она позволяет установить его семантические преобразования на основе анализа контекстов употребления. Так, рассматривая характеристики концепта «здоровье», отражающего базовые ценности современного общества, исследователь использует понятия «объем значения» и «смысловое обогащение», отмечая, что показателем значимости концепта и его «культурной разработанности» «является активное вхождение слов – репрезентантов концепта в модели концептуальной метафоризации по типу овеществления или одушевления» [Радбиль, 2024б, с. 134–135], а также «расширение сочетаемости слов – репрезентантов концепта» [Радбиль, 2024б, с. 140]. Данная схема, предложенная для анализа концептуальной динамики слов русского языка, может быть применена и для изучения основных механизмов когнитивно-языкового регулирования заимствований.

В фокусе нашего внимания находятся понятийные характеристики концептуального заимствования *бренд*, изучение его сочетаемостного профиля и установление номинативной плотности атрибутивных единиц, систематизация их семантических характеристик, а также исследование репертуара метафорических репрезентаций, отражающих лингвокультурный вектор его адаптации в ценностной картине мира.

Результаты и обсуждение

Понятийные характеристики концептуального заимствования бренд*. Интерпретация коллокационного профиля на основе атрибутивной сочетаемости лексемы* бренд

В словарях русского языка фиксируются основные понятийные составляющие *бренда*: 1) торговая марка; 2) образ торговой марки в сознании покупателя и ее концепция; 3) выделяется среди конкурентов; 4) является узнаваемым; 5) широко известен; 6) служит гарантией качества; 7) имеет символическое воплощение в виде графических знаков (логотип, слоган и т. д.); 8) связан с положительной оценкой и хорошей репутацией (СЭА).

В результате анализа контекстов установлено, что выделенные признаки сохраняются, но выражаются по-разному, что показывает, какие характеристики бренда акцентируют современные русскоязычные дискурсивные практики.

Установление концептуальных признаков заимствования *бренд* проводилось на основе анализа его атрибутивной сочетаемости, семантической категоризации лексем и установлении номинативной плотности семантических классов. Как отмечает Т.Б. Радбиль, данный тип связей (субъектно-адъективные) дает возможность выявить расширение семантического объема концепта [Радбиль, 2024б], а также определить его культурную значимость.

В коллокационный профиль заимствования *бренд* входит большая группа имен прилагательных, обозначающих территориальную и национальную принадлежность: *зарубежный бренд*, *иностранный бренд*, *российский бренд*, *международный бренд*, *федеральный бренд*, *районный бренд*, *испанский бренд*, *итальянский бренд*, *немецкий бренд*, *британский бренд*, *китайский бренд*, *локальный бренд*, *отечественный бренд*, *транснациональный бренд*.

Следующая группа коллокатов, обладающих высокой номинативной плотностью, позволяет конкретизировать типы бренда в зависимости от производимых товаров и предоставляемых услуг: *мебельный бренд*, *ювелирный бренд*, *зеленый бренд*, *продуктовый бренд*, *круизный бренд*, *исторический театральный бренд*, *парфюмерный бренд*, *рыбный бренд*, *косметический бренд* и т. д. Сочетаемость с относительными прилагательными и детализация информации показывает важность изучаемого концепта в культуре и высокую степень его освоенности [Карасик, 2009, с. 143].

Атрибутами лексемы *бренд* выступают имена прилагательные, выражающие такие признаки, как узнаваемость, спрос на товар, объем продаж, качество, статус, вызываемые товаром эмоции, назначение, ориентацию на определенную группу людей и т. д.: *крупный*, *новый*, *большой*, (*всемирно* / *широко*) *известный*, *прекрасный*, *культовый*, *современный*, *люксовый*, *узнаваемый*, *традиционный*, *потребительский*, *неизвестный*, *модный*, *именитый*, *прославленный*, *продаваемый*, *непритязательный*, *проверенный*, *привлекательный*, *пестрый*, *малопродуктивный*, *премиальный*, *высочайшего качества*, *устойчивый*, *недорогой*, *сильный*, *экспортный*, *высокий*, *любимый*, *небольшой*, (*самый*) *продаваемый*, *эксклюзивный*, *вновь созданный*, (*самый*) *быстрорастущий*, *личный*, *социальный*, *единственный*, *розничный*, *якорный*, *нишевой*, *ведущий*, *топовый*, *локальный*, *отечественный*, *активно продвигаемый*, *респектабельный*, *фанатский*.

Отметим, что в число коллокатов входят лексемы, содержащие как положительно, так и отрицательно оцениваемые признаки. Доминируют при восприятии *бренда* позитивные ассоциации, некоторые имена прилагательные употребляются в превосходной степени, выражая высокую оценку товара и услуг.

Охарактеризуем более подробно атрибутивную сочетаемость лексемы *бренд* на основе результатов анализа выражаемых именами прилагательными семантических признаков. Отдельные признаки бренда передаются словами, образующими семантические оппозиции. Так, противопоставляются объем продаж и место производства бренда: бренд может быть и известным зарубежным, и небольшим местного значения (*мировой бренд*, *всемирно известный бренд*, *локальный бренд*, *национальный бренд*, *отечественный бренд*, *региональный бренд*), хотя большее количество контекстов связано с репрезентацией понятия «крупный бренд» (155 примеров данной коллокации из 144 текстов в Национальном корпусе русского языка). Атрибутом бренда часто выступает высокий ценовой показатель (*дорогой бренд*, *премиум бренд*, *премиальный бренд*, *люксовый бренд*), вместе с тем продукция бренда может быть также предназначена для более широкой покупательской аудитории (*популярный бренд*, *недорогой бренд*). Еще одним признаком, получившим частотное выражение, является оппозиция «известный – неизвестный». Отметим, что положительная характеристика получает гораздо большее количество языковых воплощений (*именитый*, *прославленный*). Следовательно, восприятие товара в качестве бренда обусловлено наличием признаков, которые выделяют его среди других и делают узнаваемым и запоминающимся.

В контекстах подчеркивается такая черта, как уникальность, штучность товара (*эксклюзивный*, *единственный*), хотя выделяется и массмаркет-бренд. В число неотъемлемых характеристик бренда входят стабильность, основательность, солидная репутация (*устойчивый*, *проверенный*, *респектабельный*), однако коллокаты в атрибутивной позиции характеризуют бренды, которые находятся на стадии становления и развития (*быстро растущий*, *новый*). Следующая характеристика бренда – его конкурентоспособность, выражающаяся в спросе на товар (оппозиция «продаваемый», «сильный» и «малопродуктивный»). Малопродуктивность бренда ассоциируется с его навязыванием извне, что делает его не отвечающим требованиям рынка и запросам покупательской аудитории:

(1) **Пестрый и малопродуктивный бренд** contemporary art в ее глазах был искусственно навязан культуре (НКРЯ: В вечность на мотоцикле // Ведомости. 01.12.2020).

Сильный бренд, напротив, позиционируется как основанный на опыте и позиции своего создателя, учитывающий потребности и запросы общества, выражающий заложенные в товаре смыслы и не упускающий возможности рассказать о них другим. Примеры показывают, что в результате правильных расчетов и грамотного продвижения бренд приобретает большой спрос и повышает ценовой показатель, а также воспринимается как влиятельный член бизнес-сообщества:

(2) ...если у вашей компании будет **сильный бренд,** ваш средний чек вырастет в разы (Дзен: Бренд с нуля!? 13.10.2020);

(3) ...**сильный бренд** позволяет вам перейти от маленького игрока в серьезного конкурента (Дзен: Бренд с нуля!? 13.10.2020).

Нетривиальная характеристика *якорный бренд* связана с признаками, которые первыми всплывают в сознании носителя культуры при упоминании его названия. Кроме того, имена прилагательные также выражают личное отношение к бренду, чаще всего симпатию (*любимый*, *прекрасный*, *привлекательный*).

Выделим оппозицию «современный – традиционный» бренд. С одной стороны, модернизация бренда воспринимается как позитивная тенденция, способная сделать его более конкурентоспособным. В этом случае употребляются глагольные коллокаты *осовременить бренд*; *обновить бренд, наполнив новыми символами*; *сделать соответствующим требованиям времени*, а также коллокаты, представляющие собой заимствованные существительные с процессуальным значением, например, *рестайлинг бренда*. С другой стороны, для поддержания репутации бренду важно сохранить свой уникальный образ, это выражается с помощью словосочетаний *историческая преемственность бренда*; *сохранить все характерные для бренда черты*. Отметим, что прилагательное *современный* используется в контекстах совместно с другими положительно маркированными единицами, отражая важную черту современного предпринимательства – *идти в ногу со временем* как основу конкурентоспособности производителя:

(4) ...**энергичный, яркий и современный бренд** даст бизнесу дополнительное конкурентное преимущество (НКРЯ: В ногах правда есть // Ведомости. 09.11.2006);

(5) ...наиболее **раскрученным, авторитетным и современным брендом** (НКРЯ: Если завтра война. Информационная // РИА Новости. 22.06.2005).

В контекстах подчеркивается способность бренда выражать определенную идею, стать символом социальной общности и исторической эпохи (*культовый*, *фанатский*). Восприятие бренда может быть связано с деятельностью известной личности (*личный бренд*), а образ бренда напрямую зависит от внешних качеств (имя, визуальная упаковка, производимое впечатление), поведения человека (репутация, позиционирование), его мировоззрения (ценности и убеждения). Таким образом, представитель бренда воспринимается как его олицетворение:

(6) **Личный бренд** – это то, как вас воспринимают окружающие. Это ваше имя, ваш образ, ваша репутация. Он формируется на основе вашего позиционирования и визуальной упаковки, его подпитывают ваши глубинные ценности и убеждения (Дзен: Что такое личный бренд? И как его создать? 19.09.2024).

Сочетаемость с именами прилагательными показывает безусловную связь лексемы *бренд* с современными российскими реалиями. При этом, с одной стороны, позиционируются ценности русской культуры, а с другой – ценности, обусловленные глобализацией, общие тенденции в презентации бренда. Так, коллокации с лексемой *бренд* отражают приоритеты экономического развития России в связи с глобальными вызовами. Среди основных тенденций когнитивно-языкового регулирования можно представить следующие: поддержка местного производства, развитие сельского хозяйства и семейного бизнеса, выход на мировой уровень.

Коллокацией, которая стала активно употребляться с 2019 г., является сочетание *семейный бренд*. Содержание контекстов из Национального корпуса русского языка отражает такие признаки семейного бренда, как ответственность за продукцию и гарантия качества; подчеркивается ценность «доброго» имени и репутации семьи:

(7) Именно **семейные предприятия** больше всего дорожат своим **брендом** и работают качественно (НКРЯ: Тимофеева: семейные предприятия просят об адекватной налоговой нагрузке // Парламентская газета. 14.12.2020);

(8) ...**семейные бренды** зачастую выпускают продукцию более высокого качества, так как предъявляют повышенные требования к своим товарам (НКРЯ: Бибикова: поддерживать семейный бизнес должны не только регионы, но и федеральный Центр // Парламентская газета. 18.07.2019).

Развитие семейных брендов рассматривается как перспектива, которая может обеспечить экономическую и социальную стабильность общества и объединить семьи, возвращение к историческим корням:

(9) В наименовании предприятия должен присутствовать **семейный (фамильный) бренд** – по примеру популярных до революции компаний «Братья Елисеевы», «Абрикосов и сыновья» и другие (НКРЯ: В России могут легализовать семейный бизнес // Парламентская газета. 05.08.2021).

Коллокация *зеленый бренд* (49 примеров в 23 текстах НКРЯ) используется для обозначения натуральных и, соответственно, полезных продуктов:

(10) Этот законопроект направлен на развитие нашего «**зеленого бренда»**, завоевание на мировом рынке нашей качественной продукции соответствующих системных показателей (НКРЯ: «Зеленую» продукцию смогут маркировать спецзнаком // Парламентская газета. 01.06.2021).

Как показывает пример, для государства стратегическим направлением экономической политики является всесторонняя поддержка качественных отечественных продовольственных товаров как отражение приоритетной ценности здоровья человека. «Зеленый бренд» рассматривается как залог узнаваемости товара и его конкурентоспособности на мировом уровне.

Характеристикой атрибутивной сочетаемости стало частотное использование имен прилагательных, указывающих на распространение товара на конкретной территории. Следовательно, можно утверждать, что существуют реалии российской жизни, обозначаемые как *региональный* или *локальный бренд*. При описании брендовых товаров делается акцент на их уникальном колорите, отражении в данных товарах культуры и истории определенной общности людей. Традиционные производства, их народные промыслы и ремесла могут восприниматься в качестве брендов той или иной местности, позиционироваться как «визитная карточка», позволяющая создавать позитивный образ региона, подчеркивается необходимость их поддержки:

(11) С 2018 года, когда председатель Совета Федерации Валентина Матвиенко дала поручение каждому субъекту зарегистрировать объекты интеллектуальной собственности, которые могут стать их «визитной карточкой», в России появилось 103 **региональных бренда** (НКРЯ: За три года в России зарегистрировали 103 региональных бренда // Парламентская газета. 19.11.2021).

В русскоязычном дискурсе лексема бренд может приобретать более обобщенное и абстрактное значение на основе метафорического переноса, развивая признак «узнаваемость» определенной территории. При этом под брендом могут пониматься не только наименования товаров и услуг, но и названия туристических мест, древних городов с культурными традициями. Следовательно, развивается новое символичес-

кое значение лексемы. Так, в качестве известных на всей территории страны брендов выступают объекты исторического наследия «Золотое кольцо» и «Серебряное ожерелье»:

(12) «...Это должен быть **федеральный бренд**, как Золотое кольцо или Серебряное ожерелье», – сказал парламентарий (НКРЯ: Школьникам предложат изучать географию прямо с борта теплохода // Парламентская газета. 07.07.2021).

Наличие сильных российских брендов, способных ответить на вызовы современности в условиях глобальной экономики и выйти на международную арену, воспринимается как приоритетная цель, влияющая на позицию страны в мировом сообществе:

(13) Несколько **высоких брендов** капитально улучшают технологическую репутацию всей страны (НКРЯ: Когда смартфоны будут реже ломаться // Парламентская газета. 11.11.2021).

Несмотря на активное позиционирование и поддержку российских брендов, в российском языковом сознании наблюдается тесная связь лексемы *бренд* с характеристикой *иностранный*, вероятно, в связи с восприятием всего иностранного как наиболее качественного и престижного. Лексема *иностранный* употребляется в одном контексте с именами прилагательными, имеющими положительную оценочность, например, *модный* или *эксклюзивный*, в то время как российский товар имеет связь с лексемами *местный*, *недорогой*, *рассчитанный на широкую покупательскую аудиторию*:

(14) ...помимо представленных на сайте эксклюзивных иностранных продуктов потребитель может заодно приобрести и знакомый ему локальный товар (НКРЯ: Natura Siberica может начать продажи в США // Ведомости. 10.11.2020).

Иностранный товар выступает для российских производителей эталоном, объектом для подражания. Среди важных концептуальных признаков иностранного бренда можно выделить высокое качество, доверие к нему потребителей и репутацию, которые вызывают желание у производителей российских товаров представить свой товар как иностранный:

(15) В мире современных потребителей, где **качество и престиж часто ассоциируются с зарубежными брендами**, российские компании научились эффективно использовать маркетинговые хитрости для создания у потребителей ложного впечатления об их продуктах. Эти компании умело используют иностранные названия, визуальные образы и маркетинговые стратегии, чтобы завоевать сердца покупателей (Дзен: Российские бренды, которые выдают себя за иностранные. 09.08.2024).

Кроме того, заимствование *бренд* сохраняет устойчивую ассоциацию с известными зарубежными товарами, которые упоминаются в текстах в качестве примеров удачно презентуемых мировых брендов, а их наименования становятся прецедентными, выступая в качестве символов разных стран:

(16) Во всем мире ценится немецкая оптика, автомобили, пиво, швейцарские часы, шоколад, сыр, японские фотокамеры, косметика и одежда. **Мировым брендом** становится только качественный продукт (НКРЯ: Когда смартфоны будут реже ломаться // Парламентская газета. 11.11.2021).

Таким образом, атрибутивная сочетаемость лексемы *бренд* отражает многоплановость ее интерпретации, возможность варьирования концептуальных признаков и оценочности в зависимости от комбинаторики с именами прилагательными различных семантических классов и влияния контекста на ее восприятие. Употребление лексемы *бренд* акцентирует значимость соответствующего импортированного концепта для российского сознания, поскольку бренд осмысливается как концепт, определяющий направления развития экономического потенциала страны и формирующий сознание носителей русской культуры. Дискурсивные практики выступают механизмом когнитивно-языкового регулирования концепта, раскрывая специфику его функционирования через социально значимые и политические контексты, выявляющие актуальные направления его восприятия. В результате лексема *бренд* в русском языке приобретает символическое значение, и может употребляться не только по отношению к товарам и услугам, но и к культурному и духовному наследию, развивая метафорические значения «уникальный» и «запоминающийся».

Метафорическое представление концептуального заимствования *бренд*

Как отмечалось выше, признаком культурной разработанности (освоения концептуального заимствования и его полной адаптации) является вхождение лексемы-номинанта в модели метафорического осмысления, что свидетельствует об обогащении образно-ценностных характеристик соответствующего концепта [Радбиль, 2024б, с. 135].

Контексты употребления лексемы *бренд* показывают, что для языковой репрезентации бренда используется большое количество разнообразных метафорических моделей. В ситуациях одушевления лексема *бренд* образует субъектно-предикатные сочетания, выступая в качестве активного деятеля, обладающего волеизъявлением, и требует акционального глагола, выражающего характерные поведенческие паттерны, или глагола состояния, передающего чувства и эмоции. Следующая модель отражает предикатно-объектные отношения, наблюдаемые в устойчивых выражениях, где лексема *бренд* замещает исходный компонент словосочетания, передавая семантику и образность, ранее ей не свойственную.

В метафорических контекстах бренд не просто обозначает наименование торговой марки, но приобретает символические значения. Так, модель «бренд – защита», передающая идею покровительства, актуализируется в сочетаниях *перейти под наш бренд* и *под сенью бренда*:

(17) Если собственники одного или нескольких клубов понимают, что оказались в сложной ситуации, и не знают, как им дальше развиваться, они могут **перейти под наш бренд**, и мы откроем для них то самое второе дыхание – возьмем (НКРЯ: Игорь Шашкин: «Это бизнес с хорошей кармой» // Ведомости. 11.10.2020);

(18) Кофейни в торговых залах магазинов, по мнению Миронова, понесут меньше убытков, чем самостоятельные кофейные сети, потому что они развиваются **под сенью крупных брендов** (НКРЯ: Зачем магазинам нужны собственные кофе-зоны // Ведомости. 13.12.2021).

Пример (17) вызывает ассоциации с военными действиями (перейти под наш флаг / наше знамя), когда отказ от своих товарных знаков и логотипов позволяет получить в обмен экономическую поддержку, что соответствует ценностям конкуренции в современном обществе. Пример (18), напротив, имеет ассоциации с покровом, укрытием, безопасностью, которые может обеспечить большая торговая точка. Приведенные контексты показывают, что успешные крупные бренды могут покровительствовать развитию среднего и малого бизнеса и при переходе под их управление защищать от неожиданных рисков.

Следующая модель представляет метафорический перенос в сферу, не свойственную для употребления лексемы *бренд*: «бренд – часть экосистемы». Следовательно, бренд воспринимается как развивающийся организм, живущий по законам биологического сообщества, в котором выстраиваются определенные взаимосвязи между элементами:

(19) Например, **бренды будут все больше интегрироваться в экосистемы**, которые уже накопили достаточное количество собственных данных о поведении пользователей (НКРЯ: Глобальный рынок роскоши ждут большие перемены // Ведомости. 15.11.2018).

Используется метафора «бизнес – игра», где в качестве игроков выступают бренды, которые просчитывают свои ходы и, в случае проигрыша, «уходят со сцены», уступая место более удачливым соперникам:

(20) Угроза массовых банкротств здесь будет сохраняться достаточно долго, и следует ожидать **ухода с рынка многих игроков, включая крупные бренды** (НКРЯ: Бизнес-модели ставятся на пересмотр // Ведомости. 10.11.2020).

Контексты употребления лексемы *бренд* показывают, что люди попадают в зависимость от бренда, когда начинают покупать продукцию только определенной компании:

(21) ...с брендом знакомится все больше людей, и, возможно, они **подсядут на него** (НКРЯ: Как восстановить бизнес после пандемии и сокращений персонала // Ведомости. 23.03.2021).

Бренд воспринимается как живое существо, очеловечивается. Примеры показывают, что он может иметь национальную при-

надлежность, рождаться, расти, общаться, перемещаться, конфликтовать: *вести коммуникацию с брендом*; *модные бренды делают с ними коллаборации*; *коммуникации между людьми и брендами*; *бренд переживает не лучшие времена*; *познакомился с этим молодым российским брендом*.

(22) У этого российского **бренда с финскими корнями** можно собрать мужской и женский гардероб в стиле кэжуал, найти спортивную и даже классическую одежду (Дзен: Бренды недорогой и качественной одежды. 17.04.2024);

(23) Идея с линзами и очками была настолько свежей и необычной, то ее подхватили подражатели. В основном китайские – как только бренд вышел на международную арену и **дорос до подделок** (Дзен: Бренды одежды, которые зашкварили в России. 12.02.2022).

Бренд характеризуется определенным поведением, отношением, проявлением эмоций:

(24) поэтому многим **брендам это и нравится** (НКРЯ: Человек человеку птица // Ведомости. 25.11.2020).

Кроме того, переосмысливаются существующие в языке устойчивые выражения. Фраза *Добро можно делать под любым брендом* выявляет важную характеристику бренда: настоящий бренд концентрируется не только на извлечении прибыли, но и на общественных проблемах:

(25) Основной посыл – «Добро можно делать под любым брендом» крайне актуален сейчас, когда в помощи нуждается так много людей (НКРЯ: Михаил Романов поздравил волонтеров Санкт-Петербурга // Парламентская газета. 05.12.2020).

Сделаем вывод, что при когнитивно-языковом регулировании заимствования *бренд* используются метафорические модели, направленные на объяснение сути бренда и раскрывающие разные стороны этого явления, представляющие его как живой организм, часть экосистемы; как человека, обладающего чувствами, эмоциями и волей, имеющего желания и потребности, совершающего определенные действия; как игрока в ведении бизнеса. Кроме того, бренд репрезентируется как абстрактная сущность для выражения отношений и состояний, причинно-следственных связей «бренд – покровительство», «бренд – зависимость».

Заключение

Изучение концептуального заимствования *бренд*, проведенное на основе интерпретации его сочетаемостных возможностей и метафорических контекстов, показало, что в русской лингвокультуре оно характеризуется широким набором содержательных элементов, сложной образностью и амбивалентной неоднозначной интерпретацией, является собирательным термином, обозначающим названия объектов, относящихся не только к сфере товаров и услуг, но и культурно значимым и духовным сущностям.

Войдя в русскую культуру в начале XXI в., концептуальное заимствование рекламного дискурса *бренд* в результате когнитивно-языкового регулирования прошло адаптацию и встроилось в ценностную картину мира русской культуры, выражая, с одной стороны, ценности англоговорящих стран как проводников глобализации, с другой стороны, отражая реалии российской действительности. Контексты употребления лексемы *бренд* отражают географические, политические, культурные реалии русской культуры, приоритетные направления развития и актуальные проблемы, транслируют определенные ценности. Можно отметить, что в современной русской лингвокультуре бренд как основополагающий концепт рекламного дискурса во многом определяет векторы восприятия современной действительности.

Результаты анализа атрибутивной сочетаемости лексемы *бренд* показали, что среди имен прилагательных, раскрывающих ее семантику, представлены как положительно, так и отрицательно маркированные оценочные слова. Положительные ассоциации восприятия бренда связаны с его узнаваемостью, качеством, спросом на товар, объемом продаж, уникальностью, доверием, статусом и престижем; вызываемыми эмоциями. Некоторые признаки бренда образуют семантические оппозиции, формируемые словами, которые не могут употребляться в одном контексте: «известный – неизвестный», «быстрорастущий – малопродуктивный», «респектабельный – непритязательный», «люксовый – недорогой –

массмаркет», «большой – небольшой», «локальный – мировой» и т. д. Имена прилагательные в адъективных словосочетаниях могут определять положительную или отрицательную оценку *бренда*, причины которой раскрываются в широких контекстах употребления лексемы *бренд*. С одной стороны, сохраняются ассоциации заимствования *бренд* с иностранными товарами, которые позиционируются как эксклюзивные, дорогие. С другой стороны, отражаются связи заимствования *бренд* с реалиями русской культуры: развитиемотечественных брендов мирового уровня, продвижением зеленого и семейного брендов, поддержкой местных производств, что указывает на приоритетные направления экономического развития России.

Интерпретативное поле лексемы *бренд* включает многообразные модели метафорических репрезентаций, которые отражают перенос употребления лексемы *бренд* в новые сферы. В большинстве моделей бренд одушевляется, проявляя волевые качества, чувства и эмоции, совершая определенные действия. Используются модели «бренд – человек», «бренд – живое существо, часть экосистемы», «бренд – бизнес-игрок», «бренд – защитник», «бренд – то, что вызывает зависимость».

Таким образом, когнитивно-языковое регулирование концептуальных заимствований способствует вхождению концепта «бренд» в ценностную картину мира русскоязычной культуры и одноименной лексемы в словарный состав русского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Беляевская Е. Г., 2019. О когнитивной ассимиляции заимствований // Когнитивные исследования языка. № 38. С. 348–356.

Беляков М. В., 2023. Лингвоаксиология и лингвосемиотика дипломатического дискурса: на материале открытой профессиональной дипломатии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М. 48 с.

Гусева А. Д., 2024. Языковое осмысление типажного заимствования «супермен» в русскоязычном медийном дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 23, № 4. С. 171–183. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.13

Ефимова А. Д., 2024. Медиапрезентация тьюторства как феномена педагогического дискурса // Научный диалог. Т 13, № 7. С. 172–195. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-172-195

Ильинова Е. Ю., Волкова О. С., 2023. Динамика медиатизации транскультурного концепта «Индивидуальная мобильность»: корпусно-ориентированное исследование // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 22, № 5. С. 19–39. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.2

Карасик В. И., 2002. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена. 477 с.

Карасик В. И., 2009. Языковые ключи. М. : Гнозис. 406 с.

Карасик В. И., 2013. Языковая матрица культуры. М. : Гнозис. 320 с.

Карасик В. И., 2014. Коммуникативная тональность медиадискурса // Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты : коллектив. моногр. М. : Флинта : Наука. С. 218–230.

Китанина Э. А., 2005. Прагматика иноязычного слова в русском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар. 40 с.

Крысин Л. П., 2008. Слово в современных текстах и словарях : очерки о рус. лексике и лексикографии. М. : Знак. URL: https://studfile.net/preview/2958204/

Кузина М. А., 2022. Заимствования в современном английском языке в эпоху глобализации. М. : МПГУ. 240 с.

Маринова Е. В., 2008. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования. М. : ЭЛПИС. 493 с.

Ольховская А. И., 2022. Специфика синонимических заимствований в современном русском языке // Мир русского слова. № 2. С. 14–23. DOI: 10.24412/1811-1629-2022-2-14-23

Пром Н. А., 2020. Типы адресата в медиадискурсе // Медиалингвистика. № 7 (1). С. 95–103. DOI: 10.21638/spbu22.2020.108

Радбиль Т. Б., 2019. Концептуальная двуплановость как рефлекс культурного освоения заимствований в русском языке // Когнитивные исследования языка. № 37. С. 298–303.

Радбиль Т. Б., 2023. Языковое воплощение ценностей в медиадискурсе интернета по данным корпусного анализа репрезентативных контекстов (лексема по-хорошему) // Научный диалог. Т. 12, № 6. С. 170–189. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-170-189.

Радбиль Т. Б., 2024а. Лингвокультурное освоение заимствований в сетевом медиадискурсе как проявление процессов глокализации // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. № 1. С. 98–111. DOI: 10.29025/2079-6021-2024-1-98-111

Радбиль Т. Б., 2024б. Языковое воплощение концепта ЗДОРОВЬЕ в современных отечественных дискурсивных практиках (на материале газетных корпусов) // Научный диалог. Т. 13, № 7. С. 128–153. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-128-153

Kochetova L. A., 2023. Linguocultural Specifics of Artificial Intelligence Representation in the English Language Media Discourse: Corpus-Based Approach // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 22, № 5. P. 6-18. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.1

O'Keeffe A., 2011. Media and Discourse Analysis // The Routledge Handbook of Discourse Analysis. L. : Routledge. P. 441–454.

Talbot M., 2007. Media Discourse: Representation and Interaction. Edinburgh : Edinburgh University Press. 208 p.

ИСТОЧНИКИ

Дзен. URL: https://dzen.ru

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: https://ruscorpora.ru

СЭА – Словари и энциклопедии на Академике. URL: https://dic.academic.ru

REFERENCES

Belyaevskaya E.G., 2019. O kognitivnoy assimilyatsii zaimstvovaniy [On Cognitive Assimilation of Borrowings]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], no. 38, pp. 348-356.

Belyakov M.V., 2023. *Lingvoaksiologiya i lingvosemiotika diplomaticheskogo diskursa: na material otkrytoy professionalnoy diplomatii*: *avtoref. dis. … d-ra filol. nauk* [Linguoaxiology and Linguosemiotics of Diplomatic Discourse: based on the Material of Open Professional Diplomacy. Dr. philol. sci. abs. diss]. Moscow. 48 p.

Guseva A.D., 2024. Yazykovoe osmyslenie tipazhnogo zaimstvovaniya «supermen» v russkoyazychnom mediynom diskurse [Understanding the Typical Borrowing of "Superman" in the Russian-Language Media Discourse]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 23, no. 4, pp. 171-183. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.13

Efimova A.D., 2024. Mediaprezentatsiya tyutorstva kak fenomena pedagogicheskogo diskursa [Media Representation of Tutoring as a Phenomenon of Pedagogical Discourse]. *Nauchnyy dialog*, vol. 13, no. 7, pp. 172-195. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-172-195

Ilyinova E.Yu., Volkova O.S., 2023. Dinamika mediatizatsii transkulturnogo kontsepta «Individualnaya mobilnost»: korpusno-orientirovannoe issledovanie [Transcultural Concept "Individual Mobility": Mediatization Dynamics Through Corpus-Based Study]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 22, no. 5, pp. 19-39. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.2

Karasik V.I., 2002. *Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs* [The Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd, Peremena Publ. 477 p.

Karasik V.I., 2009. *Yazykovye klyuchi* [Language Keys]. Moscow, Gnozis Publ. 406 p.

Karasik V.I., 2013. *Yazykovaya matritsa kultury* [The Linguistic Matrix of Culture]. Moscow, Gnozis Publ. 320 p.

Karasik V.I., 2014. Kommunikativnaya tonalnost mediadiskursa [The Communicative Tone of Media Discourse]. *Diskurs i stil: teoreticheskie i prikladnye aspekty: kollektiv. monogr*. [Discourse and Style: Theoretical and Applied Aspects. Collective Monograph]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., pp. 218-230.

Kitanina Ye.A., 2005. *Pragmatika inoyazychnogo slova v russkom yazyke: avtoref. dis. … d-ra filol. nauk* [Pragmatics of a Foreign Language Word in Russian. Dr. philol. sci. abs. diss.]. Krasnodar. 40 p.

Krysin L.P., 2008. *Slovo v sovremennykh tekstakh i slovaryakh: ocherki o rus. leksike i leksikografii* [The Word in Modern Texts and Dictionaries. Essays on Russian Vocabulary and Lexicography]. Moscow, Znak Publ. URL: https://studfile.net/preview/2958204

Kuzina M.A., 2022. *Zaimstvovanija v sovremennom anglijskom jazyke v epohu globalizacii* [Borrowings in Modern English in the Era of Globalization]. Moscow, MPGU Publ. 240 p.

Marinova E.V., 2008. *Inoyazychnye slova v russkoy rechi kontsa XX – nachala XXI v.: problemy osvoeniya i funktsionirovaniya* [Foreign Language Words in Russian Speech of the Late 20th – Early 21st Century: Problems of Development and Functioning]. Moscow, ELPIS Publ. 493 p.

Olkhovskaya A.I., 2022. Spetsifika sinonimicheskikh zaimstvovaniy v sovremennom russkom yazyke [The Features of Synonymous Borrowings in

Modern Russian]. *Mir russkogo slova* [World of the Russian Word], no. 2, pp. 14-23. DOI: 10.24412/1811-1629-2022-2-14-23

Prom N.A., 2020. Tipyadresata v mediadiskurse [Types of Addressee in Media Discourse]. *Medialingvistika* [Media Linguistics Journal], no. 7(1), pp. 95-103. DOI: 10.21638/spbu22.2020.108

Radbil T.B., 2019. Kontseptualnaya dvuplanovost kak reflex kulturnogo osvoeniya zaimstvovaniy v russkom yazyke [Conceptual Ambiguity as a Reflex of Cultural Assimilation of Borrowings in the Russian Language]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], no. 37, pp. 298-303.

Radbil T.B., 2023. Yazykovoe voploshchenie tsennostey v mediadiskurse internet po dannym korpusnogo analiza reprezentativnykh kontekstov (leksema po-horoshemu) [Linguistic Embodiment of Values in Internet Media Discourse: A Corpus Analysis of Representative Contexts (The Lexeme 'po-khoroshemu')]. *Nauchnyi dialog*, no. 12 (6), pp. 170-189. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-170-189

Radbil T.B., 2024a. Lingvokulturnoe osvoenie zaimstvovaniy v setevom mediadiskurse kak proyavlenie processov glokalizatsii [Linguacultural Assimilation of Borrowings in the Online Media Discourse as Manifestation of Glocalization Processes]. *Aktualnye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics], no. 1, pp. 98-111. DOI: 10.29025/2079-6021-2024-1-98-111

Radbil T.B., 2024b. Yazykovoe voploshchenie kontsepta ZDOROVYE v sovremennyh otechestvennyh diskursivnyh praktikah (na materiale gazetnyh korpusov) [Linguistic Manifestation of Concept of HEALTH in Contemporary Domestic Discursive Practices (Newspaper Corpora)]. *Nauchnyy dialog*, vol. 13, no. 7, pp. 128-153. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-128-153

Kochetova L.A., 2023. Linguocultural Specifics of Artificial Intelligence Representation in the English Language Media Discourse: Corpus-Based Approach. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 22, no. 5, pp. 6-18. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.5.1

O'Keeffe A., 2011. Media and Discourse Analysis. *The Routledge Handbook of Discourse Analysis*. London, Routledge. pp. 441-454.

Talbot M., 2007. *Media Discourse: Representation and Interaction*. Edinburgh, Edinburgh University Press. 208 p.

SOURCES

Dzen. URL: https://dzen.ru

Natsionalnyy korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. URL: https://ruscorpora.ru

Slovari i entsiklopedii na Akademike [Dictionaries and Encyclopedias on Akademik]. URL: https://dic.academic.ru

Information About the Author

Anna D. Efimova, Candidate of Sciences (Philology), Doctoral Student, Department of Translation Studies and Linguistics, Volgograd State University, Volgograd, Russia; Associate Professor, Department of English Language, State University of Humanities and Technology, Orekhovo-Zuevo, Russia, lady-ann2792@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-4465-3148

Информация об авторе

Анна Дмитриевна Ефимова, кандидат филологических наук, докторант кафедры теории и практики перевода и лингвистики, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия; доцент кафедры английского языка, Государственный гуманитарно-технологический университет, г. Орехово-Зуево, Россия, lady-ann2792@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-4465-3148

www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.5.4

UDC 81'42:821
LBC 81.002

Submitted: 19.04.2024
Accepted: 31.03.2025

LINGUISTIC PRAGMATICS OF LITERARY FICTION: UNREAL MODALITY IN V.V. ORLOV'S NOVEL "THE PHARMACIST"

Anna I. Dzyubenko
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The article considers the role of textual unreal modality in the formation and functioning of literary fiction. It identifies and describes the means of textual unreal modality, which has extensive linguistic and pragmatic potential. Analysis of the research material made it possible to establish that literary fiction arises on the "border" of literary "reality," which in V. Orlov's novel "The Pharmacist" reminds the reader of the objective reality at the turn of the 1980s and 1990s and of fiction that does not contradict this literary "reality." The functioning of the textual unreal modality in the novel is determined by the communicative and pragmatic characteristics of the subject of the story – the narrator, who plays the role of a mediator between the literary world and the reader. In the novel the subject of the story can also become an unreliable narrator and an omniscient author, which allows us to consider literary "reality" as a multi-level model, in which it is the narrator who grants fantastic features to such "reality." Literary fiction is formed through multi-level means of textual unreal modality: pronouns marking the subject of speech, introductory words, parceling, irony, gradation, metaphorization. The narrator transmits the event through his own perception of it, distorting it not only chronologically but also in terms of participation/non-participation of specific characters in events. All types of textual modality in the literary text point to characteristics of unreality.

Key words: literary text, literary fiction, unreal modality, author's intentionality, narrator, literary "reality", addressee, linguistic pragmatics.

Citation. Dzyubenko A.I. Linguistic Pragmatics of Literary Fiction: Unreal Modality in V.V. Orlov's Novel "The Pharmacist". *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 5, pp. 51-61. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.5.4

УДК 81'42:821
ББК 81.002

Дата поступления статьи: 19.04.2024
Дата принятия статьи: 31.03.2025

ЛИНГВОПРАГМАТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВЫМЫСЛА: ИРРЕАЛЬНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ В РОМАНЕ В.В. ОРЛОВА «АПТЕКАРЬ»

Анна Игоревна Дзюбенко
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. Статья посвящена определению роли текстовой ирреальной модальности в формировании и функционировании художественного вымысла. Цель работы состоит в выявлении и описании средств текстовой ирреальной модальности, обладающей обширным лингвопрагматическим потенциалом. Результаты анализа материала исследования позволили установить, что художественный вымысел возникает на «границе» художественной «реальности», которая в романе В.В. Орлова «Аптекарь» напоминает читателю объективную действительность рубежа 1980–1990-х гг., и не противоречащей этой художественной «реальности» фантастики. Способы реализации текстовой ирреальной модальности в романе «Аптекарь» обусловлены коммуникативно-прагматическими характеристиками субъекта повествования – рассказчика, который играет роль медиатора между художественным миром и читателем. В романе субъект повествования может стать и ненадежным рассказчиком, и всеведущим автором, что позволяет рассматривать художественную «реальность» как многоуровневую модель, в которой такой «реальности» именно рассказчик придает фантастические черты. Художественный вымысел формируется посредством разноуровневых

© Дзюбенко А.И., 2025

средств текстовой ирреальной модальности: местоимениями, маркирующими субъекта речи, вводными словами, парцелляцией, иронией, градацией, метафорами. Рассказчик транслирует событийность через собственное ее восприятие, искажая ее не только в хронологическом отношении, но и в плане участия / неучастия в событиях конкретных героев.

Ключевые слова: художественный текст, художественный вымысел, ирреальная модальность, авторская интенциональность, рассказчик, художественная «реальность», адресат, лингвопрагматика.

Цитирование. Дзюбенко А. И. Лингвопрагматика художественного вымысла: ирреальная модальность в романе В.В. Орлова «Аптекарь» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 5. – С. 51–61. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.5.4

Введение

Одним из перспективных объектов лингвистических исследований является художественный текст, что в целом обусловлено не только пониманием текста как высшего уровня системной организации языка, результата речемыслительной деятельности автора, но и воплощением в художественном тексте целостной индивидуально-авторской картины мира, авторских интенций, которые оказывают влияние на формирование художественных образов, обладающих системными связями и позволяющих читателю воссоздать силой своего воображения целостный художественный мир. Именно художественный текст характеризуется обширным лингвокогнитивным и коммуникативно-прагматическим потенциалом, который закономерно оказывает влияние на то, как происходит воздействие художественного текста на сознание и фантазию читателя.

Коммуникативная модель текста, развиваемая научной парадигмой современной лингвистики, обусловливает обращение исследователей не только к классической теории текста [Гальперин, 2007; Валгина, 2003; Золотова, Онипенко, Сидорова, 1998; Гаспаров, 1996], но и к тем возможностям, которые предоставляют психо- и социолингвистика, когнитивная лингвистика, литературоведение. Изучение художественного текста в настоящее время уже давно преодолело границы стилистики художественной речи, став междисциплинарной областью, в которой центральное место занимает проблематика онтологического статуса художественного образа, его вербализации и функционирования в семантическом пространстве художественного текста, а также вопросы семиозиса художественного вымысла и прагматики эстетической коммуникации.

Онтологическую основу художественного текста составляет художественный вымысел, и не принципиально, ориентирован ли такой текст на изображение художественной реальности, подражающей во всех своих параметрах и аспектах объективной действительности, или на отражение художественного мира, полностью фантастического по своей природе. В координатах современной лингвистики актуализируется исследовательский интерес к художественному вымыслу, фикциональной природе художественного текста, его семиотической и прагматической организации [Bergman, Franzén, 2022; Garcìa-Carpintero, 2019; Franzén, 2024; Stokke, 2023; Vujošević, 2024].

Вопросы референциальности художественного текста изучаются лингвистикой с позиций его достоверности, при этом аксиоматичным признается утверждение о некорректности применения к такому тексту критерия истинности [Клейменова, 2012]. «Искажение феноменологии мира» [Ильинова, 2008, с. 22], происходящее в человеческом сознании, определяет возникновение художественного вымысла, который «отражает специфические возможности мышления человека, связанные с парадоксальным умением создавать речевые продукты, не имеющие прямой референции к миру, в котором существует человек» [Ильинова, 2008, с. 70–71]. Правомерны суждения В. Шмида о нарративной природе художественного вымысла: вымысел необходим автору в описании событий, еще не произошедших в объективной действительности в конкретных пространственно-темпоральных координатах [Шмид, 2003, с. 22], но потенциально вероятных в модели мира, актуализированной в художественном тексте. Очевидно, что нарративность художественного текста определяет лингвопрагматические харак-

теристики художественного вымысла: «В зависимости от тематической направленности нарративного текста в нем можно идентифицировать субъекты высказывания, восприятия, сознания, наблюдения, рефлексии, действия, оценки, дейксиса, пропозициональной установки и др.» [Шипова, 2016, с. 163].

Изучение художественного вымысла, облигаторно реализуемого в художественном тексте, в лингвопрагматическом аспекте позволяет определить и непротиворечиво описать не только параметры процесса продуцирования художественного текста, но и разноуровневые средства воздействия на читателя, в сознании которого и осуществляется функционирование вымысла как такового. В этом случае художественный текст трактуется как результат речемыслительной деятельности не только автора такого текста, но и его адресата – читателя. Иными словами, эстетическая коммуникация по поводу художественного текста – это не только воплощение в тексте смыслов адресанта, но и обретение адресатом смыслов через текст.

Материал и методы

Модель художественной реальности, представляющая собой результат реализации художественного вымысла, не только обнаруживает новые ракурсы различных аспектов объективной действительности, но и способствует раскрытию каких-либо тенденций развития реальности. Зачастую такой путь может потребовать от автора нарушения границ жизнеподобия, перехода в пространство условности, что способствует функционированию экспликаторов художественного вымысла. Закономерно, что условность и жизнеподобие обнаруживают диалектическое взаимодействие в семантическом пространстве художественного текста. Правомерно также и рассмотрение художественного текста в координатах референциальности его семантики [Дымарский, 2001; Руднев, 2000; Мейзерский, 1992].

Художественный вымысел позволяет автору осуществить «приращение смыслов»: «Если фикциональный текст основывается на действительности, но не исчерпывается ею, то это удвоение – вымысел, выявляющий цели, которые не свойственны самой повторяющейся действительности» [Изер, 2001, с. 188]. Целенаправленность художественного вымысла определяется тем, что он выступает эффективным способом познания действительности, при этом авторская интенциональность придает эстетической информации конкретные формы, устанавливая отношения объективной действительности и той модели мира, которая получает актуализацию в художественном тексте. В этих формах заключен эмпирический опыт и самого автора, и того социо- и лингвокультурного коллектива, с которым автор идентифицирует себя. Лингвопрагматика художественного вымысла заключается в том воздействии, которое оказывают на читателя как адресата художественного высказывания результаты познания автором мира. Элементы объективной действительности становятся некими «опорными точками» авторской фантазии: такие элементы отбираются и трансформируются под воздействием авторского замысла. Мы согласны с В.П. Рудневым в том, что «художественная литература не является отражением реальности (это функция обыденной речевой деятельности), художественная литература является отражением речевой деятельности, свойственной той национальной языковой культуре, которой принадлежит автор; она является рефлексией над этой языковой культурой и обогащением ее. Поэтому законы литературы имманентны» [Руднев, 2000, с. 52].

Художественный вымысел оказывает влияние не только и не столько на элементы окружающего мира, сколько на процесс отбора и перераспределения их уже в художественной реальности, то есть вымысел получает объективацию именно в момент преодоления «границы» эмпирического опыта автора и его воображения. Бесформенное и нестабильное воображаемое, соприкасаясь с вымыслом, приобретает в результате такого взаимодействия форму и смысловое наполнение: «...повторение реальности возводится до знака, а воображаемое действует как обозначаемое им» [Изер, 2001, с. 188]. В этой связи и утверждение В.П. Руднева справедливо не только для художественного текста, но и для обыденного нарратива: «В принципе неверифицируемыми являются также выска-

зывания о будущем и прошлом. Это модальные высказывания. Они легко фальсифицируются: высказывания о будущем – будущим опытом, высказывания о прошлом – альтернативными представлениями о прошлом» [Руднев, 2000, с. 71].

Именно поэтому реальность и ирреальность не могут быть логически противопоставлены в художественном тексте: любая условность может превратиться в жизнеподобие, а любой факт, демонстрирующий сходство с реальным, может быть представлен как вымышленный. Так происходит потому, что текст специфически преломляет объективную действительность в сознании читателя, а специфика такого «преломления» напрямую зависит и от авторских интенций, и от тех языковых и текстовых средств, которые автор применяет в создании семантического пространства художественного текста с целью воздействия на воображение своего адресата. Особым образом художественный вымысел в реализации жизнеподобия и/или условности объективирован категорией модальности, изучение которой насчитывает уже не один десяток лет [Бондарко, 2001; Романова, 2008; Ваулина, 2013; Кукса, 2022]. Применительно к художественному тексту правомерно говорить именно о текстовой модальности, которая закономерно включает в свой состав и различные грамматические средства экспликации модальных значений, но не ограничивается только ими.

Материалом исследования выступает текст романа В.В. Орлова «Аптекарь» (1988), содержащий репрезентативные контексты функционирования ирреальной модальности как одного из наиболее важных экспликаторов художественного вымысла. Этот роман В.В. Орлова, входящий в трилогию «Останкинские истории», обойден вниманием критиков и недостаточно изучен с позиций литературоведения. Назовем здесь лишь содержательную статью Е.А. Сафрон [2020], доказательные выводы и результаты которой были полезны при проведении нашего научного поиска. С позиций лингвистики текст романа «Аптекарь» до настоящего времени изучен не был.

Методы исследования составляют в применении к текстовому материалу единый комплекс, в котором приоритетны общенаучный дедуктивно-индуктивный метод, методы лингвистического моделирования и филологической интерпретации, коммуникативно-прагматический анализ.

Результаты и обсуждение

Основной прагмасемантической функцией модальности является интерпретация пропозиции (диктума), которая может происходить в двух модусных измерениях – «сущее в действительности» и «сущее в возможности», что определяет ракурс рассмотрения объектов, их взаимосвязей, событий и пр. Диктум в современной лингвистике получает потенциально эвристическую трактовку в качестве модуса репрезентации пропозиционального концепта [Зеленщиков, 1997, с. 2], что закономерно позволяет рассматривать возможность и действительность как модальные характеристики бытия. Для художественного текста актуальна текстовая модальность, которая получает многоуровневую экспликацию в координатах отношений «автор – адресат», что, в свою очередь, обусловливает необходимость оценочности в процессе интерпретации диктума.

Авторская оценочность ориентирована и на то, чтобы утвердить собственную позицию в отношении сообщаемого в высказывании, упреждая потенциальную возможность возникновения коммуникативных неудач и барьеров: «Говорящий придает своим мыслям либо объективную, рассудочную форму, максимально соответствующую действительности, либо чаще всего вкладывает в выражение в самых различных дозах эмоциональные элементы; иногда эти последние отражают чисто личные побуждения говорящего, а иногда видоизменяются под влиянием социальных условий, то есть в зависимости от реального или воображаемого присутствия каких-то других лиц (одного или нескольких)» [Балли, 1961, с. 27].

Текстоцентрическая концепция модальности, выдвинутая и обоснованная А.Г. Барановым [1993], позволяет говорить об объеме и содержании категории модальности сообразно тому, каковы отношения участников текстовой деятельности – автора, читателя, текста и действительности, в связи с чем выделяются свойства субъективности языка в совокупности его когнитивных, поведенческих

и коммуникативных функций: таковы ценность, оценка и модализация. Семантика высказывания в ее отношении к оппозиции «реальность – ирреальность» представляет собой ядро поля модальности, а типы модальности вариативно воплощены «в значениях актуальности / потенциальности (возможности, необходимости, гипотетичности и т. п.); оценки достоверности; коммуникативной установки высказывания; утверждения / отрицания; засвидетельствованности (пересказывания / непересказывания)» [Бондарко, 2001, с. 37].

В тексте романа В.В. Орлова «Аптекарь» художественный вымысел возникает на «границе» художественной реальности, напоминающей читателю объективную действительность рубежа 1980–1990-х гг., и непротиворечиво представленной фантастики, что определяет основные признаки романа как «городского фэнтези». Безусловно, такая лабильность границ стратегий условности и жизнеподобия неслучайна: сама жизнь в последние годы существования СССР и постсоветскую эпоху часто характеризовалась карнавализацией, в терминологии М.М. Бахтина [1990]. На наш взгляд, формирование и функционирование художественного вымысла в романе «Аптекарь» определяется коммуникативно-прагматическими характеристиками субъекта повествования – в этом тексте есть рассказчик, он является посредником между художественным миром и читателем, и при этом рассказчик зачастую превращается во всеведущего автора, что придает художественной реальности характеристики многоуровневой модели. Например:

(1) Палец его указывал в сторону двери. Действительно, мимо стойки с раздатчицей монет Полиной шла женщина. **Красивая. Со вкусом одетая. Волосы русалочьи**. **Трезвая. И что-то трепетное, ищущее было в ее глазах, стремилась она к кому-то.** И не было в ней **ни ненависти, ни брезгливости, ни чувства превосходства, ни победительной решимости**, какие бывают у женщин, являющихся в наш автомат за своими мужчинами (Орлов, с. 369).

В этом макроконтексте на присутствие рассказчика указывает прежде всего местоимение *наш*, однако стоит подчеркнуть, что восприятие рассказчиком художественной реальности маркировано и средствами текстовой модальности: такова парцелляция (*Красивая. Со вкусом одетая. Волосы русалочьи*), ирония (*Трезвая. И что-то трепетное, ищущее было в ее глазах, стремилась она к кому-то*), однородные члены предложения, структурирующие градацию (*ни ненависти, ни брезгливости, ни чувства превосходства, ни победительной решимости*).

Текстовая модальность в приведенном контексте ирреальна: речь идет о героине, которая чудесным образом появилась из бутылки водки производства Кашинского завода и назвалась берегиней всех тех, кто при этом чуде присутствовал:

(2) Хотели дать в морду Грачеву, но тот справедливо пожал плечами – **ходили бы сами. Кашинский значит Кашинский, лишь бы стакан был чистый.** И все же **нехорошее чувство возникло у дяди Вали**. Сам он не стал открывать бутылку, а передал ее Михаилу Никифоровичу. И когда Михаил Никифорович открыл бутылку (а дядя Валя держал стакан рядом), **из нее вышла женщина. А может, девушка. Женщина-то хрен с ней, но бутылка-то оказалась пустой** (Орлов, с. 364).

Средства ирреальной модальности в этом макроконтексте маркируют субъект повествования, причем таким субъектом является и рассказчик, от лица которого ведется повествование во всем романе, и другие персонажи, рассказ которых он слышит, но при этом не участвует в ряде сюжетных событий: такова несобственно прямая речь (*ходили бы сами. Кашинский значит Кашинский, лишь бы стакан был чистый*; *из нее вышла женщина. А может, девушка. Женщина-то хрен с ней, но бутылка-то оказалась пустой*), инверсия (*нехорошее чувство возникло у дяди Вали*).

Субъект повествования в романе В.В. Орлова обнаруживает тенденцию к реализации лингвопрагматики «ненадежного рассказчика»: ирреальная модальность формируется в процессе отражения в собственных высказываний рассказчика того, что он услышал от других героев, в результате чего нарастает информационная энтропия и, как следствие, возникает ненамеренное искажение информации, например:

(3) Здесь я передаю **сведения, которые мы получили от четверых**. Михаил Никифорович и во-

обще **не большой оратор, да и камни ему не мешало бы подержать во рту**, дяде Вале в этот раз **не хотелось бы верить**, **язык** Игоря Борисовича **от нетерпения лишь трясся**, Филимон Грачев **с большим бы удовольствием, нежели говорил, руки бы жал**, поэтому мы, слушая четверых, информацию из их нервных слов как бы выковыривали (Орлов, с. 364).

Средства текстовой ирреальной модальности позволяют здесь сформулировать условия, в которых зарождается художественный вымысел: изначально ни рассказчик, ни герои, ни, конечно, читатель не верят в появление у москвичей берегини, и при этом, как убедительно доказывает Е.А. Сафрон, «актуальность проблемы нравственного выбора, осуществляемого героями, обостряется за счет того, что они решают ее в фантастической ситуации» [Сафрон, 2020, с. 49]. К таким средствам относятся прямое указание на источник информации (*сведения, которые мы получили от четверых*), а также маркеры оценочности в речи рассказчика: таковы лексемы, лексические сочетания, целостные высказывания (*не большой оратор, да и камни ему не мешало бы подержать во рту*; *не хотелось бы верить*; *язык от нетерпения лишь трясся*; *с большим бы удовольствием, нежели говорил, руки бы жал*). В целом такая трансформация субъекта повествования в «транслятора» чужих рассказов, в медиатора между персонажами и читателем, является фактором, обусловливающим создание семантического пространства жанра городского фэнтези.

Формирование художественного вымысла осуществляется и за счет воздействия высказываний других персонажей на рассказчика – очевидца определенных событий. Рассказывая об этом воздействии, сам субъект повествования участвует в продуцировании фикциональности, ненамеренно искажая события в собственных воспоминаниях, например:

(4) Что говорил <Шубников>, не вспомню, **наверное**, никогда. **Пожалуй**, слова «человек», «благо», «историческое предначертание», «добро», «воля», «повреждение нравов» им употреблялись, **но** в каких сочетаниях, я не помню. **Но** помню, что происходило **как бы** преобразование самого Шубникова и преобразование его слушателей. Очень скоро остававшееся в них чувство брезгливости было обращено **уже вовсе не** на Шубникова, **а** на самих себя, на свои несовершенства, на свои слабости и подлости (Орлов с. 647).

Средствами ирреальной текстовой модальности выступают в приведенном контексте вводные слова *наверное*, *пожалуй*, противительные союзы *но*, *а*, выражающие отношения контраста, сочетания союза и частиц *уже вовсе не... а*, *как бы*. Это впечатление преобразования Шубникова так и осталось бы только субъективным восприятием рассказчика, если бы не фантастические события, которые впоследствии происходят: Шубников, завладев паями героев, оказывается под покровительством берегини Любови Николаевны и обретает чудесные силы.

Описания художественной «реальности», данные от лица рассказчика – участника или свидетеля событий, позволяют автору реализовать ирреальную модальность, поскольку рассказчик придает этой «реальности» фантастические черты:

(5) Я шел мимо сретенских домов, останавливался и снова шел. **Они теснили меня, но не сдавливали, в них не было агрессии. Их разговор между собой и со мной получался перекрестным. И голоса в нем стали звучать из разных слоев жизни и отлетевших лет. Они вовлекли меня в свою память, позволяя и мне участвовать в их движениях во времени** (Орлов, с. 483).

Формирование художественного вымысла достигается в данном случае посредством метафоризации (метафорические контексты выделены в примере (5) полужирным). Принципиально важен композиционный статус такого рода лирических отступлений в романе В.В. Орлова, напрямую не участвующих в структурировании событийности, но выполняющих одну из определяющих функций в создании художественного вымысла – сделать «границу» между художественной «реальностью» и фантастическим миром лабильной.

Модальность в художественном тексте не может быть адекватно описана исключительно с опорой на анализ изолированных друг от друга средств разноуровневой принадлежности: совершенно недостаточно описания лексических и грамматических маркеров текстовой модальности либо синтаксических и изобразительно-выразительных средств.

В.П. Руднев выделяет виды текстовой модальности, определяющие разные типы сюжета – алетический, аксиологический, деонтический, эпистемический, темпоральный и пространственный [Руднев, 2000, с. 92]. Все типы сюжета в художественном тексте ирреальны, что способствует реализации их эффективного воздействия на читателя, его эмоциональную и познавательную сферы, хотя именно алетической модальности, связанной с категориями необходимости / возможности принадлежит ведущая роль в организации художественного вымысла. Так, в следующем примере именно алетическая модальность является ведущей:

(6) Было известно, что на Цандера и Кондратюка возникли строения ломбарда, складов, депозитария имени Третьяковской галереи, просмотровых залов, управленческого модуля, еще чего-то, но народ давился у дверей исторической части Палаты, прежнего пункта проката. А для этой реликвии и двадцати гостей было достаточно. **Но вмещались! Вмещались!** И я вместился. Вместе с толпой внесло меня в **огромный зал с поднебесным куполом**, где можно было подвешивать **маятник Фуко** и убеждать в правоте **Галилея и Коперника** упрямцев, каких не тронули еще доказательства **Исаакиевского собора** (Орлов, с. 639).

Ирреальность воссоздана сопоставлением и противопоставлением реальных (насколько это возможно в речи рассказчика и в художественном тексте в целом) размеров «исторической части» Палаты Останкинских Польз и огромного зала, который физически не мог поместиться в ней, но *вмещались! Вмещались!* Рассказчик указывает на то, что он видел сам, маркируя собственное знание, которое он пытается отграничить от вымысла, прецедентными онимами *Галилея и Коперника*, прецедентными ситуациями *маятник Фуко... Исаакиевского собора*, опираясь на аргументацию с помощью отсылки к авторитету. Художественный вымысел возникает на «границе» художественной «реальности» и ирреальности: рассказчик описывает *огромный зал с поднебесным куполом*, а читатель, разумеется, при опоре на собственные фоновые знания, должен воспроизвести в своей памяти опыт с маятником Фуко, который в период 1931–1986 гг. действительно демонстрировал опыт Жана Фуко, доказывающий вращение Земли, будучи подвешенным внутри купола Исаакиевского собора.

Особого внимания заслуживают контексты, в которых рассказчик прибегает к указаниям на недостоверность собственных впечатлений (зрительных, слуховых и пр.), способствующих функционированию художественного вымысла как феномена нарративности:

(7) **Мне показалось**, что **невдалеке мелькнула** Людмила Николаевна. Мне захотелось сейчас же догнать ее, сказать о несчастье Михаила Никифоровича и посмотреть ей в глаза. Я **мог наговорить ей и грубости. Но что бы дал теперь разговор с ней? Ничего бы не дал, кроме досад и глупостей**. Да и Любовь ли Николаевна мелькнула впереди? Я все же бросился за ней, подлинной или мнимой, однако сегодня **беготня моя превратилась в погоню Мизгиря за Снегурочкой**. Лешим же, дразнившим меня, **мог оказаться** и воспитанник Шубникова **ротан Мардарий**, чью голову в мохнатой мохеровой кепке вокзального носильщика я несколько раз видел в толпе. Но и к Мардарию я не смог пробиться. Приблизился **наконец** к нему, а он нырнул в круглое строение «Всемирной косморамы». Но зачем мне понадобился сам Мардарий? Я не знал и отстал от него... (Орлов, с. 702).

В приведенном контексте целый ряд средств текстовой модальности формирует ирреальность происходящего, фиксируя художественный вымысел: маркеры алетической модальности (возможность, вероятность) – *невдалеке мелькнула*, *мог оказаться*, *мог наговорить ей и грубости*; вопросно-ответная форма речи (диалог рассказчика с самим собой) – «*Но что бы дал теперь разговор с ней? Ничего бы не дал, кроме досад и глупостей*»; вводные слова и сочетания *мне показалось*, *наконец*. Отметим также и прецедентную ситуацию, отсылающую к прецедентному тексту, основанному на сказочном вымысле – пьесе А.Н. Островского «Снегурочка» (1873) – *беготня моя превратилась в погоню Мизгиря за Снегурочкой*. Высшей точкой функционирования вымысла здесь становится упоминание «воспитанника» Шубникова – *Мардария*, который превратился в человекоподобное существо из рыбы (!) *ротана* только потому, что Шубников начал постепенно завладевать правами тех, кто

первоначально оказался под покровительством берегини.

Формирование и функционирование художественного вымысла осуществляется в результате авторского отбора отдельных частных фактов, который актуализирован рассказчиком. Лингвопрагматика художественного вымысла заключается в возникновении нового смысла, не представляющего собой «простую сумму» смыслов этих фактов, выделяемых субъектом повествования из общего фактуального ряда. Отношения вымысла и реальности двунаправленны, а художественные образы, создаваемые авторским творческим усилием, никогда не являются результатом «чистой» фантазии – напротив, они всегда заключают в себе сходство с реальностью, которая и делает возможным использование когнитивного потенциала личности в коммуникации.

В.П. Руднев отмечает, что «предикативность как неотъемлемая черта пропозициональности... с необходимостью присуща художественной прозе, наррации. Поэтому проза и освобождает свои высказывания от логической валентности, превращая их в квазивысказывания, чтобы осуществить эстетическую функцию, которая выступает в ней как функция наррации, занимательного повествования ради самого повествования» [Руднев, 2000, с. 61]. Поэтому можно говорить о том, что лингвопрагматика художественного вымысла напрямую зависит от «точки зрения» (в терминологии Б.А. Успенского [2000]): различные субъекты повествования разными способами фиксируют в своих высказываниях и транслируют в художественном тексте ирреальную текстовую модальность.

Заключение

Результаты проведенного анализа средств текстовой ирреальной модальности позволили сформулировать следующие выводы.

Художественный текст объективирует гипотетические варианты объективной действительности: сознание человека не способно покинуть пределы опыта, усвоенного перцептивно или через возможности естественного языка. Художественный вымысел ориентирует читателя на то, чтобы обнаружить, в соответствии с интенциями автора, такие когнитивные и прагматические признаки персонажей, ситуаций, которые соответствовали бы объективной действительности в предметном и событийном отношениях. Для художественного текста свойственна приоритетная условность, особенно это касается жанров, в которых она является сюжето- и жанрообразующей (фэнтези, фантастика, в том числе и научно-популярная, утопия и антиутопия), при этом и жанры, ориентированные на жизнеподобие, характеризуются функционированием художественного вымысла, продуцируемого на разных уровнях.

Текстовая модальность художественного текста основана на соотношение семантики высказывания с членами оппозиции *реальность – ирреальность*, при этом субъект повествования и выступает основным организующим эти отношения началом. В романе В.В. Орлова «Аптекарь» центральная роль в формировании художественного вымысла принадлежит именно рассказчику, который делает фантастическое реальным через собственную наррацию, одновременно продуцируя художественный вымысел: он рассказывает о событиях сквозь призму собственного восприятия, уже искажая не только очередность событий, но и роль конкретных персонажей в них. «Двойная призма» искажения возникает тогда, когда рассказчик пересказывает услышанное от других персонажей, передает городские слухи. Художественный вымысел функционирует как в семантическом пространстве художественного текста, так и в сознании читателя.

Лингвопрагматика художественного вымысла реализуется с помощью разноуровневых модальных средств, которые в целом определяются ирреальной модальностью, свойственной всем видам модальности художественного текста и всем соответствующим сюжетам в сложном взаимодействии. При этом в отношении проанализированного материала можно говорить о предпочтительности алетической модальности, которая объективирует отношения возможности – невозможности, а художественный вымысел и делает такое невозможное возможным. В формировании художественного вымысла участвуют разноуровневые средства текстовой ирреальной модальности: местоимения, маркирующие субъект

повествования, вводные слова, парцелляция, ирония, градация, метафора. Транслирование событийности рассказчиком происходит через его собственное восприятие, подвергающее рекомбинации хронологический порядок представления событий, участие в конкретных событиях тех или иных персонажей и пр. Художественный вымысел позволяет структурировать в художественном тексте некий «аналог» реального мира, важный для читателя именно потому, что такой конструкт отражает авторские интенции и оценочность. Основной прагматической функцией художественного вымысла как образной формы когнитивной деятельности авторского и читательского сознания на основе авторской модели реальности является эстетическая функция.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Балли Ш., 1961. Французская стилистика / пер. с фр. К. А. Долинина ; под ред. Е. Г. Эткинда ; вступ. ст. Р. А. Будагова. М. : Изд-во иностр. лит. 394 с.

Бахтин М. М., 1990. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М. : Худ. лит. 544 с.

Баранов А. Г., 1993. Функционально-прагматическая концепция текста. Ростов н/Д : Рост. ун-т (РГУ). 181 с.

Бондарко А. В., 2001. К истолкованию семантики модальности // Язык, литература, эпос : К 100-летию со дня рождения акад. В.М. Жирмунского. СПб. : Наука. С. 34–40.

Валгина Н. С., 2003. Теория текста. М. : Логос. 173 с.

Ваулина С. С., 2013. Специфика функциональной соотнесенности категорий модальности и персональности в художественном тексте // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. № 3 (19). С. 34–39.

Гальперин И. Р., 2007. Текст как объект лингвистического исследования. М. : КомКнига. 144 с. (Лингвистическое наследие XX века).

Гаспаров Б. М., 1996. Язык, память, образ: лингвистика языкового существования. М. : Новое лит. обозрение. 351 с.

Дымарский М. Я., 2001. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX–XX вв.). М. : Эдиториал УРСС. 328 с.

Зеленщиков А. В., 1997. Пропозиция и модальность. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та. 242 с.

Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. 1998. Коммуникативная грамматика русского языка. М. : Филол. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова. 524 с.

Изер В., 2001. Акты вымысла, или Что фиктивно в фикциональном тексте // Немецкое философское литературоведение наших дней: Антология / пер. с нем. Д. Уффельман ; сост. К. Шрамм. СПб. : Изд-во СПбГУ. С. 186–216.

Ильинова Е. Ю., 2008. Вымысел в языковом сознании и тексте. Волгоград : Волгогр. науч. изд-во. 512 с.

Клейменова В. Ю., 2012. Лжет ли художественный текст? // Известия Уральского федерального университета. Серия 2, Гуманитарные науки. № 1 (99). С. 254–261.

Кукса И. Ю., 2022. Матричный подход как способ выражения динамики научных представлений о языковой модальности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 21, № 1. С. 140–150. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.1.12

Мейзерский В. М., 1992. Проблемы и перспективы семиотики текста // Художественный текст: онтология и интерпретация. Саратов : Изд-во СГПИ. С. 16–30.

Романова Т. В., 2008. Модальность. Оценка. Эмоциональность. Н. Новгород : НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. 310 с.

Руднев В. П., 2000. Прочь от реальности: Исследования по философии текста. II. М. : Аграф. 432 с.

Сафрон Е. А., 2020. Проблема нравственного выбора в романе В.В. Орлова «Аптекарь» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 13, вып. 9. С. 48–52. DOI: 10.30853/filnauki.2020.9.8

Успенский Б. А., 2000. Поэтика композиции. СПб. : Азбука. 347 с.

Шипова И. А., 2016. Повествовательная перспектива, тип повествовательных форм и категории субъекта как знаки нарративного художественного текста // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 15, № 1. С. 161–166. DOI: http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.1.22

Шмид В., 2003. Нарратология. М. : Яз. слав. культуры. 311 с.

Bergman K. G., Franzén N., 2022. The Force of Fictional Discourse // Synthese. Vol. 200. P. 474–498. DOI: 10.1007/s11229-022-03955-w

Garcìa-Carpintero M., 2019. Singular Reference in Fictional Discourse? // Disputatio. Vol. XI, № 54. P. 143–177. DOI: 10.2478/disp-2019-0015

Franzén N., 2024. Implicating Fictional Truth // Philosophical Studies. Vol. 181. P. 299–317. DOI: 10.1007/s11098-023-02087-2

Stokke A., 2023. Fictional Force // Philosophical Studies. Vol. 180. P. 3099–3120. DOI: 10.1007/s11098-023-02035-0

Vujošević V., 2024. The Alethic Status of Contradictions in Fictional Discourse // Organon F. Vol. 31, № 1. P. 60–89. DOI: 10.31577/orgf.2024.31104

ИСТОЧНИК

Орлов – Орлов В. В. Аптекарь // Останкинские истории. Альтист Данилов. Аптекарь. Шеврикука. Полное издание в одном томе. М. : АЛЬФА-КНИГА, 2018. С. 355–762.

REFERENCES

Balli Sh., 1961. *Frantsuzskaya stilistika* [French Stylistic]. Moscow, Izd-vo Inostr. lit. 394 p.

Bakhtin M.M., 1990. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kultura srednevekovya i Renessansa* [The Creation of Francois Rabelais and the folk Culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow, Khud. lit. Publ. 544 p.

Baranov A.G., 1993. *Funktsionalno-pragmaticheskaya kontseptsiya teksta* [Functional-Pragmatic Concept of Text]. Rostov-on-Don, Rost. un-t (RGU). 181 p.

Bondarko A.V., 2001. K istolkovaniyu semantiki modalnosti [Towards an Interpretation of the Semantics of Modality]. *Yazyk, literatura, epos: K 100-letiyu so dnya rozhdeniya akad. V.M. Zhirmunskogo* [Language, Literature, Epic. On the 100th Anniversary of the Birth of Academician V.M. Zhirmunsky]. Saint Petersburg, Nauka Publ., pp. 34-40.

Valgina N.S., 2003. *Teoriya teksta* [Theory of Text]. Moscow, Logos Publ. 173 p.

Vaulina S.S., 2013. Spetsifika funktsionalnoy sootnesennosti kategoriy modalnosti i personalnosti v khudozhestvennom tekste [Specificity of the Functional Correlation of the Categories of Modality and Personality in a Literary Text]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 3 (19), pp. 34-39.

Galperin I.R., 2007. *Tekst kak obyekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an Object of Linguistic Research]. Moscow, KomKniga Publ. 144 p. (Lingvisticheskoe nasledie XX veka [Linguistic Heritage of the 20th Century]).

Gasparov B.M., 1996. *Yazyk, pamyat, obraz: lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya* [Language, Memory, and Image: The Linguistics of Language Existence]. Moscow, Novoe lit. obozrenie Publ. 351 p.

Dymarskiy M.Ya., 2001. *Problemy tekstoobrazovaniya i khudozhestvennyy tekst (na materiale russkoy prozy XIX–XX vv.)* [Problems of Text's Formation and Literary Text (Based on Russian Prose of the 19th – 20th Centuries)]. Moscow, Editorial URSS Publ. 328 p.

Zelenshchikov A.V., 1997. *Propozitsiya i modalnost* [Proposition and Modality]. Saint Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta. 242 p.

Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Yu., 1998. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative Grammar of the Russian Language]. Moscow, Filol. fak. MGU im. M.V. Lomonosova. 524 p.

Izer V., 2001. Akty vymysla, ili Chto fiktivno v fiktsionalnom tekste [Acts of Fiction, or What Is Fictitious in a Fictional Text]. *Nemetskoe filosofskoe literaturovedenie nashikh dney: Antologiya* [German Philosophical Literary Criticism of Our Time: An Anthology]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGU, pp. 186-216.

Ilinova E.Yu., 2008. *Vymysel v yazykovom soznanii i tekste* [Fiction in Linguistic Consciousness and Text]. Volgograd, Volgogr. nauch. izd-vo. 512 p.

Kleymenova V.Yu., 2012. Lzhet li khudozhestvennyy tekst? [Does Literary Text Lie?]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts], no. 1, vol. 99, pp. 254-261.

Kuksa I.Yu., 2022. Matrichnyy podkhod kak sposob vyrazheniya dinamiki nauchnykh predstavleniy o yazykovoy modalnosti [Expressing the Dynamics of Linguistic Modality Concepts Through the Matrix Approach]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 21, no. 1, pp. 140-150. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.1.12

Meyzerskiy V.M., 1992. Problemy i perspektivy semiotiki teksta [Problems and Prospects of Text's Semiotics]. *Khudozhestvennyy tekst: ontologiya i interpretatsiya* [Literary Text: Ontology and Interpretation]. Saratov, Izd-vo SGPI, pp. 16-30.

Romanova T.V., 2008. *Modalnost. Otsenka. Emotsionalnost* [Modality. Grade. Emotionality]. Nizhniy Novgorod, NGLU im. N.A. Dobrolyubova. 310 p.

Rudnev V.P., 2000. *Proch ot realnosti: Issledovaniya po filosofii teksta. II* [Away from Reality: Studies in the Philosophy of Text. 2]. Moscow, Agraf Publ. 432 p.

Safron E.A., 2020. Problema nravstvennogo vybora v romane V.V. Orlova «Aptekar» [The Problem of Moral Choice in V.V. Orlov's Novel "The Pharmacist"]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], vol. 13, iss. 9, pp. 48-52. DOI: 10.30853/filnauki.2020.9.8

Uspenskiy B.A., 2000. *Poetika kompozitsii* [Poetics of Composition]. Saint Petersburg, Azbuka Publ. 347 p.

Shipova I.A., 2016. Povestvovatelnaya perspektiva, tip povestvovatelnykh form i kategorii subyekta kak znaki narrativnogo khudozhestvennogo teksta [Narrative Perspective, Type of Narrative Forms and Categories of the Subject as Signs of a Narrative Literary Text]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 15, no. 1, pp. 161-166. DOI: http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.1.22

Shmid V., 2003. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow, Yaz. slav. kultury Publ. 311 p.

Bergman K.G., Franzén N., 2022. The Force of Fictional Discourse. *Synthese*, vol. 200, pp. 474-498. DOI: 10.1007/s11229-022-03955-w

Garcìa-Carpintero M., 2019. Singular Reference in Fictional Discourse? *Disputatio*, vol. XI, no. 54, pp. 143-177. DOI: 10.2478/disp-2019-0015

Franzén N. 2024. Implicating Fictional Truth. *Philosophical Studies*, vol. 181, pp. 299-317. DOI: 10.1007/s11098-023-02087-2

Stokke A., 2023. Fictional Force. *Philosophical Studies*, vol. 180, pp. 3099-3120. DOI: 10.1007/s11098-023-02035-0

Vujošević V., 2024. The Alethic Status of Contradictions in Fictional Discourse. *Organon F*, vol. 31, no. 1, pp. 60-89. DOI: 10.31577/orgf.2024.31104

SOURCE

Orlov V.V. Aptekar [The Pharmacist]. *Ostankinskie istorii. Altist Danilov. Aptekar. Shevrikuka. Polnoe izdanie v odnom tome* [Ostankino Stories. Danilov, the Violist. The Pharmacist. Shevrikuka. Complete Edition in One Volume]. Moscow, ALFA-KNIGA Publ., 2018, pp. 355-762.

Information About the Author

Anna I. Dzyubenko, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Intercultural Communication and Methods of Teaching Foreign Languages, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, aidzyubenko@sfedu.ru, https://orcid.org/0000-0002-3228-4277

Информация об авторе

Анна Игоревна Дзюбенко, кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, aidzyubenko@sfedu.ru, https://orcid.org/0000-0002-3228-4277

www.volsu.ru

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.5.5

UDK 811.35.4
LBC 80/84

Submitted: 08.02.2025
Accepted: 05.06.2025

THE TYPOLOGICAL STATUS OF THE NAKH LANGUAGES

Nina M. Barakhoeva
Ingush State University, Magas, Russia;
Chechen State Pedagogical University, Groznyy, Russia

Abstract. The article describes the features of the manifestation of agglutinative and inflective ways of forming linguistic units (words, word forms, phrases, and sentences) in the Nakh languages in order to clarify the morphological type of these languages. The analysis is conducted at the phonetic, morphemic, morphological, word-formation, and syntactic levels of the language. Traditionally, the Nakh languages are classified by linguists as affixing languages, as one of the main methods of form and word formation is affixation. The study showed that the languages under consideration demonstrate signs of agglutination as the dominant method of form- and word formation: multifunctional affixes, affixal word formation, suffixal word inflection, phonetic changes of sounds at the junction of morphemes, clearly defined boundaries between morphemes, and the absence of personal verb conjugation. At the same time, signs of inflection (analyticity, syntheticity) were found. It has been established that inflection in the Nakh languages is a phenomenon of a later origin than agglutination, and that analyticity preceded syntheticity, the emergence of analyticity in the Nakh languages is due to the presence of a large number of verbal nominal forms, function words, and affixed words. Since the Nakh languages are characterized by both agglutinative (to a greater extent) and inflectional methods of form- and word formation, we consider it appropriate to classify them as affixing agglutinative-inflectional languages.

Key words: morphological classification of languages, types of languages, affixing languages, agglutinative languages, inflective languages, analyticity, syntheticity, Nakh languages.

Citation. Barakhoeva N.M. The Typological Status of the Nakh Languages. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 5, pp. 62-72. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.5.5

УДК 811.35.4
ББК 80/84

Дата поступления статьи: 08.02.2025
Дата принятия статьи: 05.06.2025

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС НАХСКИХ ЯЗЫКОВ

Нина Мустафаевна Барахоева
Ингушский государственный университет, г. Магас, Россия;
Чеченский государственный педагогический университет, г. Грозный, Россия

© Барахоева Н.М., 2025

Аннотация. В статье охарактеризованы особенности реализации агглютинативных и флективных способов образования языковых единиц (слов, словоформ, словосочетаний, предложений) в нахских языках с

целью уточнения морфологического типа данных языков. Анализ проведен на фонетическом, морфемном, морфологическом, словообразовательном, синтаксическом уровнях языка. Традиционнолингвисты относят нахские языки к аффиксирующим языкам, поскольку одним из основных способов формо- и словообразования в них является аффиксация. Исследование показало, что рассматриваемые языки демонстрируют признаки агглютинации как доминирующего способа формо- и словообразования: многофункциональные аффиксы, аффиксальное словообразование, суффиксальное словоизменение, фонетические изменения звуков в местах стыка морфем, четко выраженные границы между морфемами, отсутствие личного глагольного спряжения. При этом обнаружены признаки флектирования (синтетизма и аналитизма). Установлено, что флектирование в нахских языках имеет более позднее происхождение, чем агглютинация, а аналитизм предшествует синтетизму. Показано, что развитие аналитизма в нахских языках обусловлено наличием в них большого количества глагольных именных форм, служебных слов, аффигированных слов. Поскольку синхронно нахским языкам свойственны агглютинативный (в большей степени) и флективный способы формо- и словообразования, считаем целесообразным классифицировать их как аффиксирующие агглютинативно-флективные языки.

Ключевые слова: морфологическая классификация языков, тип языков, аффиксирующие языки, агглютинативные языки, флективные языки, аналитизм, синтетизм, нахские языки.

Цитирование. Барахоева Н. М. Типологический статус нахских языков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 5. – С. 62–72. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.5.5

Введение

Проблема построения типологической классификации языков имеет научную традицию, восходящую к трудам классиков языкознания Ф. и А. Шлегелей, В. фон Гумбольдта, Ф.Ф. Фортунатова, Р. Якобсона, И.И. Мещанинова.

Одной из последовательно развивающихся до настоящего времени является морфологическая классификация языков, нацеленная на определение общих и специфических черт естественных языков на основе свойств их грамматических структур через установление особенностей строя естественных языков. При этом анализируются признаки морфологического строения слов, особенности и способы комбинирования морфем в словах, функции аффиксов в построении словоформ и в выражении грамматических значений слов [Гумбольдт, 1984; Рождественский, 1969; Сепир, 1993; Фортунатов 1956; Якобсон, 1985].

Анализ научной литературы позволяет нам констатировать отсутствие единого мнения о точном количестве типов языков и критериев их установления. Традиционно выделяются четыре морфологических типа языков: изолирующий, флективный, агглютинативный и инкорпорирующий. Флективные и агглютинативные языки при этом рассматриваются как аффиксирующие. Ф.Ф. Фортунатов, указывая на существование выше названных морфологических типов языков, ввел понятие флективно-агглютинативных языков, в которых основы слов имеют «формы, образуемые флексиями основ, хотя отношение между основой и аффиксом... такое же, как и в языках агглютинативных...» [Фортунатов 1956, с. 154].

В аспекте типологического статуса исследовательский интерес представляют нахские языки, по-разному характеризующиеся лингвистами: в работах, посвященных общим вопросам типологии, нахские языки определяются как агглютинативные (см., например: [Климов, Алексеев, 1980, с. 210]), а в научных публикациях, посвященных исследованию различных сторон системы кавказских языков отмечается, что «нахские и дагестанские языки совмещают признаки агглютинации и флективности, при этом флективная тенденция в них, в целом, выражена сильнее, чем во всех других иберийско-кавказских языках» [Халидов, 2016, с. 41]. В связи с этим представляются необходимыми конкретизация содержания понятий агглютинации и флектирования как критериев, на которых основано выделение языкового типа, определение зоны функционирования агглютинации и флектирования в нахских языках. Кроме того, считаем, что недостаточно изучены указанные техники построения языковых единиц в исследуемых языках, а также не выявлены особенности комбинирования агглютинации с другими способами словообразования и формообразования.

Материал и методы

Для определения типологического статуса нахских языков нами исследован материал ингушского, чеченского и бацбийского языков. Для удобства изложения за основу описания взят ингушский язык, при характеристике различий между языками для сравнения приводится материал чеченского и бацбийского языков.

Всего проанализировано более 600 единиц (среди них слова и формы слов, словосочетания и предложения), образованных посредством агглютинации, а также содержащих маркеры флективного способа слово- и формообразования.

Языковой материал для статьи извлечен из переводных словарей (ингушско-русского, русско-ингушского, чеченско-русского, русско-чеченского, цова-тушинско-грузинско-русского), орфографических словарей ингушского и чеченского языков (см. список словарей). В работе нами использованы также материалы научных исследований в области теории языкознания и кавказоведения, посвященных формально-грамматической и функционально-грамматической характеристике словообразовательного, морфологического и синтаксического строя нахских языков [Баркинхоева, Хайрова, 2007; Чрелашвили, 2007; Халидов, 2010; Барахоева, Илиева, Хайрова, 2012; 2020].

Для реализации поставленных в статье задач мы пользовались описательным методом. В целях раскрытия специфики действующих в нахских языках агглютинации и флектирования как способов соединения морфем и компонентов слов, в работе мы опирались на характерологический метод. Для выявления языкового типа нахских языков применялся метод типологического анализа. Кроме того, были задействованы методы морфемного анализа и приемы установления словообразовательных связей.

Результаты и обсуждение

В работе мы опираемся на морфологическую классификацию языков, на основании которой по различным способам сочетания морфем, передающих грамматические значения, выделяются три языковых типа: изолирующие, аффиксирующие (флективные и агглютинативные, поскольку и те, и другие используют аффиксацию в слово- и формообразовании), инкорпорирующие языки. Аффиксирующие языки отличаются наличием словоизменения. В них высока роль аффиксов. Исходя из того, что характер связи между аффиксом и корнем и реализуемая аффиксом семантика могут быть разными, аффиксирующие языки делят на флективные и агглютинативные.

В нахских языках совмещаются признаки агглютинации и флективности.

Специфическим признаком флектирующих языков является многофункциональность аффиксов. В нахских языках, например, флексия *-а* в системе склонения имен существительных реализует грамматические значения ед. числа (инг. *лаьтт**а*** «земля»), родительного падежа ед. числа (инг. *кIаьнк**а***, чеч. *кIант**а*** «мальчика»), начальную форму качественного прилагательного (инг. *хоз**а*** «красивый», чеч. *хаз**а***); «внутренняя флексия», указывающая на грамматическую форму слова (инг. *ала – **оа**л* «говорить» – «говорит»; чеч. *лам – л**о**ман* «гора – горный»); а также немалое количество типов склонения имен существительных, при этом принципы их классификации (семантические или фонетические) характеризуются значительной сложностью в определении. Данная особенность выражается в отсутствии четкой системы критериев для выделения типов склонения, размытости границ между типами склонений, взаимопроникновении семантических и фонетических признаков, существовании большого количества исключений из существующих правил. В нахских языках данная ситуация усугубляется наличием обширной системы падежей, сложной морфологии имени существительного, исторически сложившихся особенностей словоизменения и специфических фонетических процессов.

Флективные языки подразделяются на синтетические и аналитические. Нахские языки в своем строе демонстрируют признаки как синтетических, так и аналитических языков.

Агглютинация характеризуется в языкознании как один из способов образования лексем и грамматических форм слова «присоединением к концу корня или образованной от

него словоформы – основы, уже включающей некоторое число суффиксов, лексемообразовательных и/или словоизменительных показателей и “суффиксов” – морфов» [Гузев, Бурыкин, 2007, с. 110].

В данной работе при анализе особенностей проявления агглютинативности в нахских языках мы базируемся на перечне основных агглютинативных признаков языка, установленных Б.А. Серебренниковым: гармония гласных, твердый порядок слов в словосочетаниях, присутствие в языке развернутых причастных определений, многообразие способов образования суффиксов, тенденция к однозначности аффиксов. При этом ученый указывал, что для уточнения значения одного суффикса может быть использован другой, из-за чего возникают «целые гирлянды суффиксов» [Серебренников, 1965, с. 13–20].

Как и в других агглютинативных языках, в нахских языках широко применяются суффиксальная и префиксальная агглютинация. Суффиксальная агглютинация является способом и словообразования, и словоизменения. Префиксация представлена в системе глагола, словосложение – в системе имен и глагола: на основе агглютинации сополагающиеся лексемы, корни слов стягиваются, образуя новые слова. Так возникают, например, сложные слова детерминативного типа: инг. *бочабIар* «грецкий орех» = *боча* «лелеемый» + *бIар* «орех»; инг. *готахьазилг* «трясогузка» = *гота* «пахота» + *хьазилг* «птичка», а также сложные слова на основе парных причастий, деепричастий, прилагательных типа *водаш-воагIаш* «навещающий» (дословно «уходящий-приходящий», *могаш-маьрша* «успешный, удачливый» (дословно «здоровый-свободный»); слова с копулятивами: *кулг-ког* «конечности» (дословно «рука-нога»), *данана* «родители» (дословно «отец-мать»), *йиша-воша* «родные, родственники» (дословно «сестра-брат»), *хьаьша-да* «гости» (дословно «гость-отец»).

Как проявление агглютинации в нахских языках рассматриваем наслоение суффиксов в случаях, когда аффиксы следуют в словоформе один за другим, например, при образовании имен существительных типа *деша – деша-**р** – деша-**р-хо*** – «учиться – учение – ученик», *кулг – кулг-**ал** – кулг-**ал-хо*** – «рука – руководство – руководитель», *Iилма – Iилма-**н** – Iмилма-**н-ча*** – «наука – научный – ученый».

Агглютинативная суффиксация также широко применяется при словоизменении, формообразовании, построении словосочетаний и предложений, что свидетельствует об однотипности способов образования грамматических форм внутри одной части речи.

Для нахских языков характерен мономорфизм: формативы – служебные морфемы – выражают лишь одно грамматическое значение. Например, образование формы прошедшего времени в нахских языках происходит наращением однотипных аффиксов к основам слов без изменения их грамматической отнесенности: *ала – оала-**р** – аьл-**ар** – аьн-**н-ад** – аьн-**на-дар*** – «говорить – говорил – сказал – сказал когда-то», *ваха – вах-**ар**, вах-**ав**, вах-**ав-ар*** – «уйти – уходил – ушел – ушел когда-то», *латта – латт-**ар**, лаьтт-**ар** – лаьтт-**ав** – лаьттт-**ав-ар*** – «стоять – стоял – постоял – стоял когда-то». Здесь производная словоформа может выражать только одно грамматическое значение времени (прошедшее время – прошедшее очевидное несовершенного вида и совершенного вида, близкое прошедшее – перфект, давнопрошедшее – плюсквамперфект). При этом следует отметить, что в нахских языках сегодня начинает развиваться тенденция кумуляции нескольких грамматических значений при образовании новых грамматических форм (признак флективности). Так, кумулятивное выражение категорий темпоральности, модальности, эвиденциальности, аспектуальности обнаруживается в аналитических формах ингушского глагола типа *ваха хиннав* – «ушел оказывается», где совмещаются значения предпрошедшего времени, удаленного действия и эвиденциальности – выражение опосредованного типа информации, заглазности действия. По нашему убеждению, это является отображением особенностей реализации предикативности на уровне глагольного сказуемого и подтверждает существующее в лингвистике мнение о том, что, очевидно, нет естественных языков, для которых характерны признаки лишь одной тенденции развития языков – агглютинативной или флективной.

В современных нахских языках обращает на себя внимание наличие первичных и

вторичных аналитических форм глагола. В качестве первичных нами рассматриваются (синхронно функционирующие уже в виде синтетических глагольных форм прошедшего времени) формы, образовавшиеся в определенный исторический период становления нахских языков в результате агглютинативного сращения соположенных рядом причастно-деепричастных форм основного глагола и вспомогательного элемента, и перехода аналитической формы в синтетическую. Это отражено в структуре следующих форм: *алина да* → *аьлна да* → *аьнна-да* → *аьннад* «сказал»; *вахна-вар* → *вахавар* «ушел», *сацина да* → *сецна-да* → *сецад* «остановился». Здесь происходят преобразование грамматической семантики исходного глагола, полная лексическая десемантизация вспомогательного глагола *-да* (в, й, б), ставшего позже морфемой *-д*, *-дар*, маркирующей формы прошедшего времени перфекта и плюсквамперфекта: *аьнна-**д***, *аьнна-**дар***. Такое образование форм прошедшего времени в нахских языках характерно только для ингушского глагола. На фоне имеющихся первичных аналитических форм в современных нахских языках функционируют аналитические конструкции той же структуры – причастно-деепричастная форма прошедшего времени исходного глагола + вспомогательный глагол *-да*, *-дар*: *дийша да* «прочитано есть», *ваха вар* «ушедший был», *сеца латт «*остановившись стоит», *дIаделла доалл* «закопано находится». Это так называемые конструкции со значением результативности действия, не подвергшиеся до конца процессу грамматикализации, так как в этих конструкциях вспомогательный элемент частично или полностью сохраняет свою семантику.

В нахских языках имеются и вновь образовавшиеся вторичные аналитические формы типа причастно-деепричастная форма + вспомогательные глаголы, полностью десемантизирующиеся в составе аналитической формы: *водаш **латт*** «идет – идущий есть (в процессе)», *яздеш **латт*** «пишется», *дешаш **латт*** «читается», *яздеш **воалл*** «пишет (конкретно в данный момент)», *яздеш **хул*** «пишет (повторяющееся действие)» (подробно о них см.: [Барахоева, 2011, с. 17–43]).

Наличие столь широкого круга аналитических форм и конструкций в ингушском языке обусловлено, по нашему мнению, проявлением агглютинации как основного способа образования грамматических форм в языке, приводящего к слиянию грамматических и лексических значений составных элементов аналитической формы или конструкции в единое грамматическое и новое лексическое значения.

В лингвистике морфологическим признаком агглютинирующих языков считается наличие четко выраженных границ между морфемами: «Морфемный стык должен быть прозрачным и по возможности совпадать с границами слогоделения, а для предотвращения фузионных явлений при стечении как согласных, так и гласных должны использоваться разделительные... гласные и согласные, служащие “прокладками” ...между морфемами» [Мельников, 1971, с.126].

В нахских языках данная закономерность представлена рельефно. Суффиксальные морфемы нанизываются на корень или основу слова, не меняя структуры корня или основы, что проявляется и на уровне словообразования, и на уровне словоизменения: *деша* – «учиться, читать», *деша-**р*** «учение», *деша-**р-хо*** «ученик», *дешар-**хо-чу-н*** «ученика» (родительный падеж), *деша-**р-хо-чун-на*** «ученика» (дательный падеж) и т. д. Как видно из примеров, словообразовательные суффиксы и падежные аффиксы в нахских языках наращиваются на корень слова, а затем на основу слова поочередно, придавая лексеме новое лексическое или грамматическое наполнение. При этом окончание родительного падежа сохраняется во всех остальных формах падежной парадигмы слова.

Характерным признаком агглютинации в нахских языках является так же и то, что на морфемном шве часто происходят фонетические изменения. Это происходит, например, при образовании форм прошедшего времени глаголов типа ***а**ла* – ***аь**ннад* «говорить – сказал», ***ле**ла* – ***лийн**над* «ходить – ходил». Здесь происходит преобразование формы глагола в результате слияния причастно-деепричастной формы исходного глагола *аьнна* с морфемой *-д* (изначально представлявшей собой служебный глагол *да* «есть»). Алгоритм данного грамматического новообразования в языке таков: исходная причастно-деепричастная

форма *алина* и вспомогательный глагол *-да* стягиваются, в результате этого звуки *л* и *н* в исходе основы взаимодействуют: звук *л* подвергается ассимиляции и переходит в звук *н*: *али-**н**а-да* → *аь**нн**ад* «сказал», параллельно происходит и палатализация гласного звука *а* → *ä* или выпадение согласного звука в глаголах типа *вах-**н**-а ва* → *вах-**а**-в* «ушел», за счет чего полудолгий *ă* переходит в долгий *ā*. Следовательно, процесс сращения основы исходного глагола и вспомогательного глагола, теряющего самостоятельное лексическое значение и переходящего в словоизменительную морфему (аффикс) в ингушском языке, сопровождается ассимиляцией конечных звуков причастно-деепричастной формы исходного глагола.

В ингушском и чеченском языках спряжение глагола отсутствует: *аз деш* – «я читаю», *Іа деш* – «ты читаешь», *цар деш* – «они читают». Во флективных языках категории лица и числа чаще всего передаются едиными маркерами, которые некогда представляли собой личные или лично-притяжательные местоимения. Однако в агглютинативных языках данные маркеры либо отсутствуют, либо устанавливаются лишь при диахроническом анализе. В современных нахских языках встречаются глагольные парадигмы, в которых имеется маркировка формы множественного числа: *аха* «идти», ***в**-ода* «я (он) идет», ***д**-о-лх*, ***б**-о-лх* «мы идем, они идут», *а**лл**а* «лежать», *у**лл*** «я (ты, он) лежит», *у**хк*** «мы (вы, они) лежат». Однако количество таких глаголов весьма ограниченно. Случаи, когда в парадигме глагола маркировано лицо, практически не встречаются в современных ингушском и чеченском языках, но представлены в современном бацбийском языке: ***ас** вуйтІ-**а-с*** «я есть», ***ахь** вуйтІ-**ахь*** «ты есть», ***о** вуйтІ-**о*** «он есть» в виде вставленного в основу слова личного местоимения (см. об этом: [Дешериев, 1953, с. 84–85]). Отсюда следует, что ингушский и чеченский языки не имеют морфологически маркированных классифицирующих грамматических категорий. Классифицирующие грамматические категории класса, лица, одушевленности / неодушевленности (внутри категории класса), здесь проявляются при сочетании имени существительного или местоимения с определенными лексемами, имеющими показатели грамматического класса в своей структуре (например, вспомогательным глаголом *-да* (в, й, б) «есть») или в контексте. В этом смысле данные категории можно квалифицировать как синтаксические. Однако, имеются исследования, свидетельствующие о рудиментарных классных показателях в системе нахских языков [Мальсагов, 1963, с. 151–153]. Данные показатели синхронно воспринимаются как часть корня слова, но, по мнению З.Г. Мальгасова, некогда представляли собой маркеры классной отнесенности существительных, в том числе, и к разряду одушевленных / неодушевленных, как например, в словах ***й**-иша* «сестра», ***в**-оша* брат, ***б**-ухь* «вершина», ***д**-ухь* «начало», ***й**-ухь* «исток, начало», ***б**-укъ* «спина», ***й**-укъ* «середина», ***д**-укъ* «ноша, бремя» и т. п.

Следующей особенностью нахских языков, свидетельствующей об их агглютинативности, является наличие в данных языках самостоятельных и служебных морфем. Например, самостоятельные морфемы (корни слов) в ингушском языке могут функционировать без аффиксов, также, как и некоторые аффиксы могут существовать в качестве самостоятельных лексем, например, глаголы типа *далла* (в, й, б) «находиться», *дала* (в, й, б) «давать», *дита* (в, й, б) «оставить», *диса* (в, й, б) «остаться», *даккха* (в, й, б) «вытащить» и другие могут выполнять функции формообразующих, словообразующих аффиксов в аналитических формах глагола, например: *дешаш **воалл*** «читая находится – читает») и сложных глаголах: *дела**дала*** (в, й, б) «засмеяться», и использоваться как самостоятельные лексемы: *Цига коа **воалл** из* «Там во дворе он находится»; *Къоалам **балар** цо кІаьнка* «Карандаш дал он мальчику»).

Кроме того, в нахских языках ограничено супплетивное формообразование. Оно незначительно представлено в системе имен существительных: *саг – нах* «человек – люди», *воІ – къонгаш* «сын – сыновья», *йоІ – мехкарий* «дочь – дочери», *йис – асараш* «иней»; в системе глагольного словоизменения и словообразования: *яха – ала*, «говорить – скажи», *тоха – етта* «ударить – бить», *кхахьа – да* – «носить – принеси», *лега – дожа*, «падать – падай».

В нахских языках существует весьма широко развитая система глагольных форм:

имени действия – масдар (*алар* – «говорение»), причастий настоящего времени (*оала* – «говорящий»), причастно-деепричастных форм настоящего времени (*оалаш* – «говоря»), причастно-деепричастных форм прошедшего времени (*аьнна* – «сказанный, сказав»), деепричастий прошедшего времени (*аьлий* – «сказав»). Причем и причастия, и причастно-деепричастные формы настоящего и прошедшего времени могут в контексте выполнять одну и ту же функцию определения при имени существительном: *дика* ***деша*** (причастие) *кIаьнк* «хорошо читающий мальчик», *дика* ***дешаш*** (деепричастие) *к1аьнк* «хорошо читающий мальчик», *дика* ***дийша*** *кIаьнк* «хорошо читавший мальчик»). В силу этого обстоятельства мы рассматриваем указанные формы как причастно-деепричастные, подчеркивая отсутствие окончательной дифференцированности данных глагольных форм в нахских языках. Это свидетельствует, на наш взгляд, с одной стороны, о синкретизме форм в нахских языках. С другой стороны, о том, что наличие такой обширной системы причастно-деепричастных форм является причиной возникновения и столь развитой системы аналитических глагольных форм в нахских языках.

Кроме того, весьма велико количество так называемых глагольных форм с обстоятельственными значениями (*аьлча* – «когда скажешь», *оалашехь* – «как только скажешь», *аьллингехь* – «сразу после того, как скажешь», *оаландаь* – «потому что говоришь» и т. п.).

В нахских языках распространены субстантивно-адъективные формы, то есть так называемые самостоятельные формы прилагательных (*хоза – хозавар* «красивый – тот, кто красивый», *дика – дикавар* «хороший – тот, кто хороший», *лакха – лакхавар* – «высокий – тот, кто высокий»), которые так же образуются в результате стяжения формы прилагательного с самостоятельной формой причастия вспомогательного глагола *да* (в, й, б) -*дар* (в, й, б).

В качестве одного из признаков агглютинации в ингушском языке нами рассматривается также наличие в нем форм выражения категорий каузатива и декаузатива. Эти формы представляют собой яркий пример деривационных непоследовательно-коррелятивных грамматических категорий и свидетельствуют о нечеткой дифференцированности словообразования и формообразования в нахских языках. Аффиксами каузатива выступают аффиксы или аффигированные глаголы типа -*де* (й, в, б) «делать» (*саца – соца* ***де*** «остановиться – остановить»), *дита* (в, й, б) «оставить» (*латта – латт* ***ийт*** *а* «стоять – дать, позволить стоять»), показателем декаузатива выступает аффигированный глагол *дала* (в, й, б) – «дать» (*каг* ***дала*** – «сломаться», *цIед* ***ала*** – «покраснеть»).

В нахской глагольной словоформе иногда могут присутствовать два маркера каузатива, отражающих преобразования действия, выраженного корнем исходного глагола. Каузативные аффиксы следуют один за другим, располагаясь за корнем исходного слова. В этом случае оба выше указанных аффигированных глагола принимают участие в образовании каузатива от исходного глагола, создавая дважды каузированные глаголы типа *саца – соца-* ***де*** *– соца-* ***д-айта*** – «остановиться – остановить – дать, позволить остановить».

Агглютинация нахских языков проявляется на уровне синтаксиса, прежде всего – в порядке слов. При исходном порядке слов в атрибутивных, детерминативных словосочетаниях, как правило, уточняющее предшествует уточняемому: ***доаккха*** *цIа* «большой дом», ***зIамига*** *йиIиг* «маленькая девочка», ***лакха*** *лоам* «высокая гора», ***готта*** *наIараш* «узкие двери» и т. п. В словосочетаниях с прямым дополнением грамматическое дополнение предшествует сказуемому: ***каьхат*** *язду* – «пишу **книгу**», ***книжка*** *деш* – «читаю **книгу**», ***болх*** *бу* – «делаю **работу**», грамматическое обстоятельство так же предшествует сказуемому: ***дика*** *деш* – «**хорошо** учится», ***хоза*** *язду* – «**красиво** пишет».

Данный порядок слов, свойственный агглютинативным языкам, в нахских языках соблюдается практически неукоснительно, за исключением случаев, когда изменением порядка слов необходимо подчеркнуть какой-либо оттенок эмоционального восприятия описываемых событий типа: Аз ***дика*** *деш* «Я учусь хорошо»; *Деш-хьона аз-м* ***дика*** «Учусь-то я хорошо» или же для передачи каких-либо грамматических признаков, например, залоговых: ***книжка*** *деша – деша* ***книжка*** «книжка читается – читаемая книжка».

В нахских словосочетаниях и предложениях отсутствует выраженное грамматическое флективное согласование между элементами синтаксической единицы. Рассмотрим два типа словосочетаний.

Первый тип – это определительные словосочетания существительных: *дото Iаг* «серебряная ложка», *дахчан кад* «деревянная миска», *аьшкан наIараш* «железные двери». Их характерной чертой является наличие двух существительных, одно из которых выступает определением к другому. При этом никаких элементов согласования определения с определяемым словом мы не находим, кроме аффиксов родительного падежа: *-о*, *-ан*. Данные аффиксы сегодня в языке выступают лишь показателями того, что тот или иной предмет произведен из какого-либо материала или предмета. Приобретая абстрактное значение, существительное в родительном падеже перешло в разряд относительных прилагательных, но не имеет никаких собственных формальных показателей словоизменения в составе определительного словосочетания, что ярко проявляется при склонении словосочетания: ***дошо*** *гIоз* «золотое кольцо», ***дошо*** *гIоз-а-ра*, ***дошо*** *гIоз-а-рв*, ***дошо*** *гIоз-а-р-ца* и т. д. По падежам изменяется определяемое существительное, форма же относительного прилагательного неизменна.

Второй тип словосочетания в нахских языках характеризуется наличием аффикса принадлежности у компонента, выступающего в качестве определения: *веш-**ий** цIа* – «брата дом», *кIаьнк-**а** къоалам* – «мальчика карандаш», *наьн-**а** коч* – «матери платье», *йиш-**ий** тIехкар* – «сестры пояс». Аффикс принадлежности (аффикс родительного падежа) выражает посессивный признак, который после абстрагирования от основного содержания может привести к преобразованию формы родительного падежа имени существительного и переходу его в разряд относительных прилагательных. Однако такая абстракция возможна, на наш взгляд, в тех словосочетаниях, в которых существительное, выражающее посессию, имеет регулярное употребление в значении характерного и постоянного признака предмета. Например, ***берий*** *гIар* «детский шум», ***наьна*** *дог* «материнское сердце», ***йиIий*** *безам* «девичья любовь», ***наьна*** *мотт* «матери язык, родной язык». Отметим, что незначительное количество относительных прилагательных в современных нахских языках, вероятно, объясняется именно тем, что процесс абстрагирования значений принадлежности, отнесенности одного предмета к другому ограничен отсутствием полностью грамматикализованных аффиксов, свидетельствующих о кардинальном изменении значения имени существительного – предметности, на признаковость и переход в разряд прилагательных.

Как и в других агглютинативных языках, в нахских языках широко распространены предложения с так называемыми обстоятельственными формами глагола, представляющими действия как некие обстоятельства, которыми сопровождаются основные события, передаваемые в предложении: *Хьо* ***дIакхаьчача****, хьаалалахь* «**Как только доедешь**, сообщи»; *Къамаьл даь* ***воаллашехь****, дIавахар из* «Как только **закончил говорить**, он ушел»; *ЦIи,* ***лоталушшехь а****, дIаяйра* «Огонь, **едва вспыхнув**, погас». Наличие такого рода обстоятельственных глагольных форм, на наш взгляд, является причиной неразвитости системы сочинительных и подчинительных союзов в нахских языках.

Мы предполагаем, что в нахских языках до начала контактов с русским языком отсутствовали сложные предложения и, следовательно, союзы как средство связи в сложносочиненном и сложноподчиненном предложениях. Сегодня тенденция к агглютинации выступает основной характеристикой грамматического строя нахских языков, которая обнаруживается на фонетическом, морфемном, словообразовательном, морфологическом и синтаксическом уровнях языка.

Выводы

Нахские языки показывают практически все характеристики агглютинативности: многофункциональность аффиксов, использование суффиксального и префиксального способов словообразования, активное использование суффиксального способа словоизменения – наращение суффиксов и аффиксов (строго последовательно друг за другом) к корню или основе слова при образовании слов и форм слов, фонетические изменения и гласных и со-

гласных звуков на стыках морфем, наличие четко выраженных границ между морфемами, отсутствие спряжения глагола, наличие самостоятельных и служебных морфем, наличие развитой системы глагольных имен действия и обстоятельственных форм глагола, а также форм каузатива и декаузатива, строгий порядок слов в словосочетаниях; ограниченность относительных прилагательных и проблематичность их идентификации; отсутствие выраженного грамматического флективного согласования между элементами синтаксической единицы.

Одновременно с агглютинацией в нахских языках отмечены признаки флективности: наличие синтетических форм, развитой системы аналитических форм, изменение корневых звуков слов, кумулятивное выражение некоторых грамматических значений.

Нахские языки, будучи аффиксирующими агглютинативными языками, демонстрируют признаки синтетичности и аналитичности в образовании слов и грамматических форм.

Результаты анализа показывают, что реализация признаков аналитичности и синтетичности в нахских языках подчинены правилам агглютинации (стяжения первичных аналитических форм и их переход в синтетические формы, параллельное образование новых аналитических форм и конструкций).

Однозначно ответить на вопрос, является ли данный этап развития нахских языков переходным к флектирующему типу языков, сложно. Однако сегодня нахские языки обнаруживают признаки агглютинативных и флективных языков, что, по нашему мнению, позволяет считать нахские языки агглютинативно-флективными аффиксирующими языками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Барахоева Н. М., 2011. Грамматические формы и категории глагола (На материале нахских языков). Нальчик : Тетраграф. 312 с.

Барахоева Н. М., Илиева Ф. М., Хайрова Р. Р., 2012. Современный ингушский язык. Морфология. Нальчик : Тетраграф. 557 с.

Барахоева Н. М., Илиева Ф. М., Хайрова Р. Р., 2020. Современный ингушский язык. Морфемика. Словообразование. Магас : Кеп. 367 с.

Баркинхоева З. М., Хайрова Х. Р., 2007. Проблемы синтаксиса ингушского языка. Нальчик : Республик. полиграф. комбинат им. Революции 1905 г. 229 с.

Гузев В. Г., Бурыкин А. А., 2007. Общие строевые особенности агглютинативных языков // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. Т. 3, ч. 1. С. 110–117.

Гумбольдт В., 1984. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода // Избранные труды по языкознанию. М. : Прогресс. С. 37–297.

Дешериев Ю. Д., 1953. Бацбийский язык. Фонетика, морфология, синтаксис, лексика. М. : Изд-во Акад. наук СССР. 393 с.

Климов Г. А., Алексеев М. Е., 1980. Типология кавказских языков. М. : Наука. 304 с.

Мальсагов З. К.,1963. Грамматика ингушского языка. Грозный : Чеч.-ингуш. кн. изд-во. 160 с.

Мельников Г. П., 1971. Принципы системной лингвистики в применении к проблемам тюркологии // Структура и история тюркских языков. М. : Наука. С.121–137 с.

Рождественский Ю. В., 1969. Типология слова. М. : Высш. шк. 286 с.

Сепир Э., 1993. Язык. Введение в изучение речи // Избранные труды по языкознанию и культурологии. М. : Прогресс. С. 26–203.

Серебренников Б. А., 1965. Причины устойчивости агглютинативного строя и вопрос о морфологическом типе языка // Морфологическая типология и проблема классификации языков. М. ; Л. : Наука. С. 7–26.

Фортунатов Ф. Ф., 1956. Морфологическая классификация языков // Избранные труды. М. : Учпедгиз. Т. 1. С. 153–158.

Халидов А. И., 2010. Чеченский язык : Морфемика. Словообразование. Грозный : Кн. изд-во. 766 с.

Халидов А. И., 2016. О морфологической общности кавказских языков // Известия Чеченского государственного университета. Грозный : Изд-во Чеч. гос. ун-та. № 3. С. 39–53.

Чрелашвили К. Т., 2007. Цова-тушинский (бацбийский) язык. М. : Наука. 279 с.

Якобсон Р., 1985. Язык в отношении к другим системам коммуникации // Избранные работы. Пер. с англ., нем., фр. яз. М. : Прогресс. 455 с.

СЛОВАРИ

Ингушско-русский словарь / гл. ред. Л. У. Тариева. Нальчик : Республик. полиграф. комбинат им. Революции 1905 г., 2009. 984 с.

Ингушско-русский словарь / под ред. А. С. Куркиева. Магас : Сердало, 2005. 544 с.

Орфографический словарь ингушского языка / под ред. Р. И. Оздоева. Магас : Сердало, 1980. 414 с.
Орфографический словарь ингушского языка / под ред. Л. У. Тариева. Майкоп : Полиграф-Юг, 2009. 728 с.
Орфографический словарь чеченского языка / гл. ред. З. Д. Джамалханов. Грозный : Кн. изд-во, 2009. 302 с.
Русско-ингушский словарь / под ред. И. А. Оздоева. М. : Рус. яз., 1980. 832 с.
Русско-чеченский словарь / под ред. А. Т. Карасаева, А. Г. Мациева. М. : Рус. яз., 1978. 728 с.
Чеченско-русский словарь / под ред. А. Г. Мациева. М. : ГИС, 1961. 629 с.
Цова-тушинско-грузинско-русский словарь / под ред. Д. Кадагидзе, Н. Кадагидзе. Тбилиси : Мецниереба, 1984. 935 с.

REFERENCES

Barakhoeva N.M., 2011. *Grammaticheskie formy i kategorii glagola (Na materiale nakhskikh yazykov)* [Grammatically Forms and Categories of the Verb (Based on the Material of the Nakh Languages)]. Nalchik, Tetragraph Publ. 312 p.
Barakhoeva N.M., Ilieva F.M., Hajrova R.R., 2012. *Sovremennyy ingushskiy yazyk. Morfologiya* [Modern Ingush Language. Morphology]. Nalchik, Tetragraf Publ. 557 p.
Barakhoeva N.M., Ilieva F.M., Khayrova R.R., 2020. *Sovremennyy ingushskiy yazyk. Morfemika. Slovoobrazovanie* [Modern Ingush Language. Morphemics. Word Formation]. Magas, Kep Publ. 367 p.
Barkinkhoeva Z.M., Khayrova Kh.R., 2007. *Problemy sintaksisa ingushskogo yazyka* [Problems of the Syntax of the Ingush Language]. Nalchik, Respublik. poligraf. kombinat im. Revolyutsii 1905 g. 229 p.
Guzev V.G., Burykin A.A., 2007. Obshchie stroevye osobennosti agglyutinativnykh yazykov [Common Structural Features of Agglutinative Languages]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy* [Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistics Studies], vol. 3, pt. 1, pp.110-117.
Gumboldt V., 1984. O razlichii stroeniya chelovecheskikh yazykov i ego vliyanii na dukhovnoe razvitie chelovecheskogo roda [On the Difference in the Structure of Human Languages and Its Influence on the Spiritual Development of the Human Race]. *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu* [Selected Works on Linguistics]. Moscow, Progress Publ., pp. 37-297.
Desheriev Yu.D., 1953. *Batsbiyskiy yazyk. Fonetika, morfologiya, sintaksis, leksika* [The Bats Language: Phonetics, Morphology, Syntax, Vocabulary]. Moscow, Izd-vo Akad. nauk SSSR. 393 p.
Klimov G.A., Alekseev M.E., 1980. *Tipologiya kavkazskikh yazykov* [Typology of Caucasian Languages]. Moscow, Nauka Publ. 304 p.
Malsagov Z.K., 1963. *Grammatika ingushskogo yazyka* [Grammar of the Ingush Language]. Groznyy, Chech.-ingush. kn. izd-vo. 160 p.
Melnikov G.P., 1971. Printsipy sistemnoy lingvistiki v primenenii k problemam tyurkologii [Principles of Systemic Linguistics in Application to Problems of Turkology]. *Struktura i istoriya tyurkskikh yazykov* [Structure and History of Turkic Languages]. Moscow, Nauka Publ., pp. 121-137.
Rozhdestvenskiy Yu.V., 1969. *Tipologiya slova* [Typology of Speech]. Moscow, Vyssh. shk. Publ. 286 p.
Sepir E., 1993. Yazyk. Vvedenie v izuchenie rechi [Language: An Introduction to the Study of Speech]. *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu i kulturologii* [Selected Works on Linguistics and Cultural Studies]. Moscow, Progress Publ., pp. 26-203.
Serebrennikov B.A., 1965. Prichiny ustoychivosti agglyutinativnogo stroya i vopros o morfologicheskom tipe yazyka [The Causes of the Stability of the Agglutinative System and the Question of the Morphological Type of Languages]. *Morfologicheskaya tipologiya i problema klassifikatsii yazykov* [Morphological Typology and the Problem of Language Classification]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., pp. 7-26.
Fortunatov F.F., 1956. Morfologicheskaya klassifikatsiya yazykov [Morphological Classification of World Languages]. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow, Uchpedgiz, vol. 1, pp. 153-158.
Khalidov A.I., 2010. *Chechenskiy yazyk: Morfemika. Slovoobrazovanie* [Chechen Language. Morphemics. Word Formation]. Groznyy, Kn. izd-vo. 766 p.
Khalidov A.I., 2016. O morfologicheskoy obshchnosti kavkazskikh yazykov [On the Morphological Commonality of the Caucasian Languages]. *Izvestiya Chechenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the Chechen State University]. Groznyy, Izd-vo Chech. gos. un-ta, no. 3, pp. 39-53.
Chrelashvili K.T., 2007. *Tsova-tushinskiy (batsbiyskiy) yazyk* [Bats Language]. Moscow, Nauka Publ. 279 p.
Yakobson R., 1985. Yazyk v otnoshenii k drugim sistemam kommunikatsii [Language in Relation

to Other Communication Systems]. *Izbrannye raboty. Per. s angl., nem., fr. yaz.* [Selected Works. Translated from English, German, French]. Moscow, Progress Publ. 455 p.

DICTIONARIES

Tarieva L.U., ed. *Ingushsko-russkiy slovar* [The Ingush-Russian Dictionary]. Nalchik, Respublik. poligraf. kombinat im. Revolyutsii 1905 g., 2009. 984 p.

Kurkiev A.S., ed. *Ingushsko-russkiy slovar* [The Ingush-Russian Dictionary]. Magas, Serdalo Publ., 2005. 544 p.

Ozdoev R.I., ed. *Orfograficheskiy slovar ingushskogo yazyka* [The Spelling Dictionary of the Ingush Language]. Magas, Serdalo Publ., 2003. 414 p.

Tariev L.U., ed. *Orfograficheskiy slovar ingushskogo yazyka* [The Spelling Dictionary of the Ingush Language]. Maykop, Poligraf-Yug Publ., 2009. 728 p.

Dzhamalkhanov Z.D., ed. *Orfograficheskiy slovar chechenskogo yazyka* [The Spelling Dictionary of the Chechen Language]. Groznyy, Kn. izd-vo, 2009. 302 p.

Ozdoev I.A., ed. *Russko-ingushskiy slovar* [The Russian-Ingush Dictionary]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1980. 832 p.

Karasaev A.T., Matsiev A.G., ed. *Russko-chechenskiy slovar* [The Russian-Chechen Dictionary]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1978. 728 p.

Matsiev A.G., ed. *Chechensko-russkiy slovar* [The Chechen-Russian Dictionary]. Moscow, GIS Publ., 1969. 629 p.

Kadagidze N., Kadagidze D., eds. *Tsova-tushinsko-gruzinsko-russkiy slovar* [Tsova-Tush-Georgian-Russian Dictionary]. Tbilisi, Metsniereba Publ., 1984. 935 p.

Information About the Author

Nina M. Barakhoeva, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Professor, Department of Ingush Language, Ingush State University, Magas, Russia; Leading Researcher, Center for Nakh Studies, Chechen State Pedagogical University, Groznyj, Russia, nbarakhoyeva@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-3289-5374

Информация об авторе

Нина Мустафаевна Барахоева, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры ингушского языка, Ингушский государственный университет, г. Магас, Россия; ведущий научный сотрудник Центра нахских исследований, Чеченский государственный педагогический университет, г. Грозный, Россия, nbarakhoyeva@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-3289-5374

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.5.6

UDC 81’271.1:81’246.2
LBC 81.022

Submitted: 17.05.2024
Accepted: 31.03.2025

LANGUAGE FEATURES OF WRITTEN SPEECH IN ADULT BILINGUALS IN THE CONDITIONS OF RUSSIAN-KYRGYZ BILINGUALISM

Elena V. Galkina
Pavlov Institute of Physiology of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

Sofia V. Krasnoshchekova
Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

Jamilya E. Dunganova
Kyrgyz State University named after I. Arabaev, Bishkek, Kyrgyzstan

Abstract. An experimental study is devoted to identifying the peculiarities of written speech in Russian among adult bilinguals living in Kyrgyzstan. The experiment involved informants from three groups: with the first Kyrgyz, studied at a Kyrgyz-speaking school; with the first Kyrgyz, studied at a Russian-speaking school; with the first Russian. The research material was written narratives in Russian, obtained during the experiment supported with the MAIN narrative collection and analysis tool. A comparison of bilingual speech was carried out in order to identify deviations from the Russian speech standard, and to identify the most typical mistakes made by informants from different groups. The results of processing the experimental material obtained by statistical methods have shown that the degree of mastery of the second language is reflected primarily at the morphological level. It is shown that the informants of the two groups with the first Kyrgyz demonstrated differences in the degree of mastery of the spelling rules of the Russian language. Errors related to the use of lexical units (lexical and word-formation) are equally typical for different groups of informants with the first Kyrgyz, but they differ from informants with the first Russian. There were no significant differences in the speech of bilinguals at the syntactic, stylistic and punctuation levels. Assumptions are made about the causes of errors in the speech of Russian-Kyrgyz bilinguals.

Key words: bilingualism, speech errors, adult bilingual, narrative, written speech, Russian-Kyrgyz bilingualism.

Citation. Galkina E.V., Krasnoshchekova S.V., Dunganova J.E. Language Features of Written Speech in Adult Bilinguals in the Conditions of Russian-Kyrgyz Bilingualism. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 5, pp. 73-85. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.5.6

УДК 81’271.1:81’246.2
ББК 81.022

Дата поступления статьи: 17.05.2024
Дата принятия статьи: 31.03.2025

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ ДВУЯЗЫЧНЫХ ВЗРОСЛЫХ В УСЛОВИЯХ РУССКО-КЫРГЫЗСКОГО БИЛИНГВИЗМА

Елена Владимировна Галкина
Институт физиологии им. И.П. Павлова Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, Россия

Софья Викторовна Краснощекова
Институт лингвистических исследований Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, Россия

Джамиля Эрнстовна Дунганова
Кыргызский государственный университет им. И. Арабаева, г. Бишкек, Кыргызстан

© Галкина Е.В., Краснощекова С.В., Дунганова Д.Э., 2025

Аннотация. Экспериментальное исследование посвящено выявлению особенностей письменной речи на русском языке взрослых билингвов, проживающих в Кыргызстане. В эксперименте приняли участие информанты трех групп: с первым кыргызским, обучавшиеся в кыргызоязычной школе; с первым кыргызским, обучавшиеся в русскоязычной школе; с первым русским. Материалом исследования послужили письменные нарративы на русском языке, полученные в ходе эксперимента на базе инструмента для сбора и анализа нарративов MAIN. Проведено сравнение речи билингвов с целью установления отклонений от русского речевого стандарта, и определения наиболее типичных ошибок, допускаемых информантами разных групп. Результаты обработки полученного экспериментального материала статистическими методами показали, что степень освоенности второго языка отражается прежде всего на морфологическом уровне. Показано, что информанты двух групп с первым кыргызским продемонстрировали различия в степени освоенности орфографических правил русского языка. Ошибки, связанные с употреблением лексических единиц (лексические и словообразовательные), одинаково типичны для информантов с первым кыргызским, но отличают их от информантов с первым русским. Значимых отличий речи билингвов на синтаксическом, стилистическом и пунктуационном уровнях не обнаружено. Высказаны предположения о причинах возникновения ошибок в речи русско-киргизских билингвов. *Вклад авторов.* Е.В. Галкина – расшифровка, разметка и анализ текстового материала, классификация и первичный количественный анализ отклонений от русского речевого стандарта, формулирование результатов и выводов. С.В. Краснощекова – общетеоретическое осмысление классификации отклонений от русского речевого стандарта на анализируемом материале, обзор литературы по теме, статистическая обработка материала, качественный анализ и описание примеров, формулирование результатов и выводов. Д.Э. Дунганова – подготовка информантов к эксперименту, проведение эксперимента, сбор и предварительная обработка нарративов, описание языковой ситуации в Кыргызстане и характеристика информантов.

Ключевые слова: билингвизм, речевые ошибки, взрослый билингв, нарратив, письменная речь, русско-кыргызский билингвизм.

Цитирование. Галкина Е. В., Краснощекова С. В., Дунганова Д. Э. Языковые особенности письменной речи двуязычных взрослых в условиях русско-кыргызского билингвизма // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 5. – С. 73–85. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.5.6

Введение

Взрослый билингвизм разных типов как явление в целом и особенности речи взрослых билингвов в частности представляют несомненный научный интерес и активно изучаются в современной лингвистике. Исследуется речевая продукция как билингвов, осваивающих второй язык уже во взрослом возрасте: в «учебной ситуации» («ситуации аудитории») и естественной среде, так и сбалансированных или несбалансированных билингвов, которыми оба языка осваиваются с детства [Рингблом, Краснощекова, Галкина, 2018; Anderson, Hawrylewicz, Bialystok, 2020; Dąbrowska, Becker, Miorelli, 2020; Özşen et al., 2020; Sá-Leite et al., 2023]. Стратегии порождения речи на менее освоенном языке, выделяемые у билингвов, считаются в той или иной мере актуальными для всех типов билингвизма (возможно, исключая сбалансированный тип, при котором оба языка освоены на одинаково высоком уровне). Например, как показала С.Н. Цейтлин, для большинства билингвов характерны стратегия симплификации (стремление использовать более «простые» формы – начальные, самые частотные в инпуте косвенные или «замороженные» в составе конструкций), стратегия генерализации / сверхгенерализации (уподобление морфологических парадигм, распространение одного окончания на слова разных грамматических классов и пр.) и стратегия интерференции / трансфера (перенос какого-либо языкового явления из другого освоенного языка, чаще всего – из первого у несбалансированных билингвов) [Цейтлин, 2015].

Данное исследование базируется на анализе речи взрослых билингвов, оба языка которых осваиваются с детства. Изучение этого типа билингвизма позволяет проследить функционирование и взаимодействие двух уже сложившихся индивидуальных языковых систем, развитие которых не происходит так быстро, как при активном освоении нового языка. Рассматриваются особенности текстов на русском языке, написанных взрослыми студентами, проживающими в Кыргызстане и владеющими русским и кыргызским язы-

ками. Работа продолжает серию исследований, посвященных русскоязычным нарративам, порожденным русско-кыргызскими билингвами разного возраста, в частности детьми-билингвами 4–6 лет (см., например: [Галкина, Краснощекова, 2024]).

Современная языковая ситуация в Кыргызстане обычно характеризуется следующим образом. Двумя основными языками в обществе являются русский и кыргызский, хотя на территории страны проживает около 70 этнических групп, говорящих на других языках. За счет программ государственной поддержки кыргызского языка языковая ситуация в настоящий момент переходит от несбалансированной, при которой русский язык выступает как ведущий, более престижный, обладающий высоким коммуникативным рангом, к сбалансированной, при которой кыргызский и русский языки равноправны, но распределены по разным функциональным сферам [Ахметова, 2017, с. 153–156]. В последние годы в странах Средней Азии усиливается тенденция замещения русского языка как ведущего / престижного национальным языком [Летняков, 2015; Евдокимов, Давыдова, Савкин, 2020], тем не менее в Кыргызстане престиж русского языка остается высоким: растет количество русскоязычных школ и интерес к русскому языку как второму [Кудаяров, 2020, с. 46, 49], русский язык используется как язык межнационального общения, на нем ведется преподавание в высшей школе, в дополнение к кыргызскому он употребляется в СМИ. В исследованиях показано, что для большинства русско-кыргызских билингвов сейчас характерен диспропорциональный тип билингвизма, при котором кыргызский язык доминирует, а русский освоен на более низком уровне [Дербишева, 2022].

В числе типичных особенностей речи русско-кыргызских билингвов называют интерференцию кыргызского при порождении русскоязычных высказываний и спонтанное переключение кодов в бытовом диалоге. Так, при переключении кодов русскоязычные вкрапления в кыргызском тексте несут модально-оценочное или эмоциональное значение [Алтынбекова, 2022]; интерференция кыргызского проявляется на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях языка и приводит, например, к неверному выбору русских слов, неразличению грамматического рода, порождению конструкций, несвойственных стандартному русскому языку [Дербишева, 2022].

Цели нашего исследования заключаются, во-первых, в определении языковых особенностей, характерных для русскоязычных письменных текстов, порожденных носителями доминантного кыргызского языка в экспериментальной ситуации, и, во-вторых, в создании классификации обнаруженных типичных отклонений от русского речевого стандарта.

Материал и методы

Материалом послужили рассказы, собранные при помощи Litmus MAIN «Мультиязычный инструмент для сбора и анализа нарративов» [Gagarina et al., 2015]. Инструмент включает четыре набора картинок: Dog story, Cat story, Baby goats, Baby birds, каждая серия содержит связную нарисованную историю, состоящую из 6 рисунков; персонажами историй являются люди и животные, в каждой истории активно действуют 3 героя. В качестве информантов исследования выступали двуязычные студенты 3 курса филологического факультета университета, постоянно проживающие в Кыргызстане (г. Бишкек): носители с доминантным кыргызским (К1) и с доминантным русским языком (Р1). Общее количество испытуемых – 70, средний возраст – 21 год. Обучение в университете всех испытуемых происходило на русском языке, однако школьное образование часть информантов получала на кыргызском, в связи с чем группа К1 была разделена на две подгруппы в зависимости от языка обучения информанта в школе. До поступления в университет 39 информантов из двуязычных семей обучались в русскоязычной школе (группа РШ), 17 человек получали среднее образование на кыргызском языке, а русский язык был одним из школьных предметов (группа КШ). 14 испытуемых выросли в русскоязычных семьях и окончили русскую школу (группа Р1). Таким образом, группы информантов составили: К1 = 56 (из них РШ = 39, КШ = 17); Р1 = 14.

Все студенты участвовали в эксперименте добровольно. Нарративы создавались в

письменном виде как результат выполнения двух заданий. В первом задании респондентам было предложено рассмотреть картинки Baby goats / Baby birds и на основе увиденного сюжета придумать собственную сказку для детей-дошкольников. Во втором задании испытуемым нужно было прослушать стандартный текст Dog story / Cat story и пересказать так, чтобы можно было впоследствии прочитать рассказ ребенку. Полученные тексты переводились в цифровую форму вручную и анализировались по разработанной шкале. Статистическая обработка данных осуществлялась при помощи t-критерия Стьюдента.

Результаты

Всего было получено 70 нарративов, из них 17 – от информантов группы КШ: 10 пересказов и 7 рассказов; 39 – от информантов группы РШ: 19 пересказов и 20 рассказов; 14 – от информантов Р1: 7 пересказов и 7 рассказов. Из нарративов были извлечены все предложения, содержащие отклонения от русского речевого стандарта (ошибки). Учитывались как системно-языковые ошибки (грамматические, лексические и др.), так и отклонения от письменной нормы (орфографические и пунктуационные ошибки). Общее число обнаруженных ошибок составило 564 единицы. Для дальнейшего анализа они были разделены на следующие типы: морфологические, синтаксические, лексические, словообразовательные; отклонения от письменной нормы; просторечные элементы. В числе морфологических ошибок были выделены два основных подтипа: ошибки на употребление рода («род») и ошибки на образование и использование падежных форм и предложно-падежных конструкций («падеж»). Ошибок, связанных с глагольной морфологией (образование личных форм, использование «замороженных» инфинитивов, выбор формы вида) не обнаружено. Среди отклонений от письменной нормы отдельно рассматриваются орфографические и пунктуационные ошибки; последний тип также был разделен на два подтипа – нестандартные случаи постановки запятых («запятые») и нестандартные способы оформления начала и конца предложения («точки»: полное отсутствие знаков препинания, постановка запятых вместо точек, отсутствие заглавных букв в начале предложения).

Данные о количестве ошибок каждого типа у каждой группы испытуемых приводятся в таблице 1.

Как видим, наиболее частотными отклонениями в целом были те, которые связаны с нормами письменного языка: орфографией и постановкой знаков препинания внутри одного предложения («запятые»), причем пунктуационные ошибки в нарративах Р1 превалируют над орфографическими, тогда как в нарративах К1 одинаково частотны оба типа (группа РШ) или наблюдается превалирование орфографических ошибок (группа КШ): вероятно, за счет того, что носители, владеющие русским языком на недостаточно высоком уровне, используют стратегию избегания и стремятся не порождать пунктуационно

Таблица 1. **Типы ошибок в группах К1 и Р1: абсолютные числа**

Table 1. **Types of errors in K1 and R1 groups: absolute numbers**

Тип ошибки	Группа респондентов			Всего
	К1		Р1	
	КШ	РШ		
«род»	32	28	–	60
«падеж»	29	31	–	56
«лексика»	21	39	–	60
«синтаксис»	6	7	3	16
«словообразование»	8	5	–	17
«просторечие»	1	10	1	12
«орфография»	56	84	9	149
«запятые»	35	90	27	152
«точки»	8	25	9	42
Всего	196	319	49	564
Всего текстов	17	39	14	70

сложные предложения. Для К1 типичны также лексические и грамматические ошибки, не зафиксированные у Р1.

Для того, чтобы выяснить, насколько значимы различия по количеству ошибок между группами, были проведены статистические тесты с использованием t-критерия Стьюдента. Группы сравнивались попарно: КШ и РШ, КШ и Р1, РШ и Р1; различия между рассказами и пересказами не учитывались; проводилось сравнение средних величин, то есть сравнивалось среднее количество ошибок на текст. Различия принято считать значимыми при $p < 0.01$. Результаты статистических тестов приводятся в таблице 2.

Таким образом, статистически значимые различия между КШ и РШ наблюдаются в области грамматики и орфографии: информанты, обучавшиеся в кыргызских школах, делали значимо больше ошибок, связанных с использованием рода и падежа, чем информанты, обучавшиеся в русских школах, а также чаще писали слова орфографически неверно. Различия между К1 и Р1 проявляются по большему количеству параметров: грамматических, лексических, словообразовательных и орфографических. Различий в количестве синтаксических и пунктуационных ошибок не обнаружено; кроме того, нет различий в использовании просторечных единиц за счет их низкой частотности.

Обсуждение

Единственный тип системно-языковых ошибок, в котором наблюдаются статистически значимые различия между двумя подгруппами К1, это морфологические ошибки. Заметим, что подгруппы различаются только по усредненной частотности ошибок, но не по их содержанию: для обеих подгрупп в целом характерны одинаковые виды ошибок и механизмы их возникновения. На морфологическом уровне языка основные сложности, с которыми сталкиваются участники группы К1, связаны с образованием и употреблением форм рода и падежа. Приведем примеры:

(1) **Сидел** на дереве **ворона** (КШ);

(2) Но **один из козлят упал** в воду. Коза **ее** спасла и показывает как правильно надо пить воду (КШ);

(3) Тогда **мальчик сказала** кошку кому там ловишь? (КШ);

(4) ...птенцы остались одни и их **заметила кошка** но **он не успел** к ним подойти (РШ);

(5) **Собака увидела** пакет, оставленный мальчиком на земле и **подумал** что может быть в покете (РШ);

(6) **Мяч покатился** к озере и **упала** в воду (КШ).

Недоосвоенность категории рода проявляется в первую очередь при координации подлежащего со сказуемым (1) и анафорического местоимения с антецедентом (2). Обычно не различается м. р. и ж. р., причем граммема приписывается хаотично – не только м. р. при координации с существительным ж. р. (1) и наоборот (2)–(3); но и так, что с одним существительным одновременно оказываются связаны словоформы разного рода: обычно словоформа, позиционно контактирующая с существительным, имеет верный показатель

Таблица 2. **Сравнение количества ошибок в группах К1 и Р1 (критерий t-Стьюдента)**

Table 2. **Comparison of the amount of errors in K1 and R1 groups (t-Student test)**

Тип ошибки	Группа респондентов			КШ / РШ	КШ / Р1	РШ / Р1
	К1		Р1			
	КШ	РШ				
«род»	1,88	0,72	0	<0.001	<0.001	<0.001
«падеж»	1,71	0,79	0	0.002	<0.001	<0.001
«лексика»	1,24	1	0	0.4	<0.001	<0.001
«синтаксис»	0,35	0,18	0,21	0.5	0.6	0.6
«словообразование»	0,47	0,13	0	0.2	<0.001	<0.001
«просторечие»	0,06	0,26	0,07	0.4	1	0.4
«орфография»	3,29	2,15	0,64	<0.001	<0.001	<0.001
«запятые»	2,06	2,31	1,93	0.3	0.6	0.1
«точки»	0,47	0,64	0,64	0.6	0.5	1
Всего ошибок	11,53	8,18	3,5	–	–	–
Всего текстов	17	39	14	–	–	–

рода, а словоформа, находящаяся дальше по контексту, – неверный (4)–(6).

Неразличение и хаотичное приписывание рода называется в числе наиболее характерных особенностей русскоязычной речи носителей тюркских языков, в том числе узбекского [Сулаймонова, 2018; Юсупова, 2023], татарского, шорского и хакасского [Некрасова, Резанова, Палий, 2019; Резанова, Рябова, 2021] и др. Вероятнее всего, это обусловлено стратегией интерференции – переноса из родных языков говорящих, в которых категория рода отсутствует.

В устной речи неразличение рода также проявляется при согласовании адъективной словоформы с существительным (*большой собака*): оно типично для речи как русско-киргизских двуязычных детей [Галкина, Краснощекова, 2024], так и взрослых, изучающих русский язык «в аудитории» [Brooks, Kempe, Donachie, 2011]. В нашем материале, однако, подобные примеры маргинальны.

Обычно род верно приписывается атрибутам, находящимся в контакте с вершиной (*свой мячик*, *большой козел*, *добрая собака*) (7). Исключение – формы причастий (8), а также местоимения *этот*: возможно, единица *это* осваивается и используется гештальтно, «замороженно» (9). Например:

(7) а за ним наблюдала **хитрая лиса** <...> за ними всеми наблюдала **черная ворона** (КШ);

(8) Выбрался козленок на сушу, как вдруг увидел **лису, спрятавшегося** за деревом (РШ);

(9) **В это момент** кошка увидела ведро (РШ).

Ошибки в категории падежа связаны со стратегиями симплификации и сверхгенерализации:

(10) Кошка незаметно подобралась **к дерево** и пыталась их съесть (РШ);

(11) Собака побежала **за кот**, птенчики были в безопасности (РШ);

(12) Он хотел **помочь кошку** (КШ);

(13) Оставил **пакета** с сосисками на землю и подошел к ним (КШ);

(14) Однажды **один из козленок** утонула (КШ) – ср. *один из козлят*.

Стратегия симплификации проявляется в использовании «замороженных» начальных форм: И. п. существительных (10)–(11), а также в выборе одного косвенного падежа вместо другого (12)–(13), что более характерно для КШ. Здесь отмечается более дробное членение: падежная граммема может быть приписана как по аналогии с другими конструкциями или по базовому значению падежа (*помочь кошку*: объектное значение, семантически обоснован В. п.), так и хаотично; также иногда наблюдается эффект прайминга (ср. *с помощью удочкой* – прайминг Т. п. и *с помощью удочку* – прайминг окончания *-у*). Стратегия сверхгенерализации выражается в выравнивании парадигмы (14) и смешивании окончаний «по горизонтали»: окончание нужного падежа одного словоизменительного класса выбирается для другого класса (*купался в пруде*, *севшая на кусту*, *подашла к ведре*); последнее актуально также при образовании количественных сочетаний (*два птенцов*, *две козлята*, *две козлятушки-ребятушки*. Г.К. Гатауллина в таких случаях предполагает интерференцию первого тюркского языка, где числительное сочетается с неоформленной падежной формой, внешне совпадающей с начальной [Гатауллина, 2021].

Подобные же механизмы, вероятно, действуют при выборе предлога и построении предложно-падежных конструкций: предлог употребляется с опорой на базовую семантику или аналогию (*улетела за поиском вкусной еды* – ср. *пойти за хлебом*; *достать мячик с удочкой* – инструментальное значение предлога *с*, типичное для речи изучающих русский язык; *испугалась от вороны* – ср. *задрожал от страха*; также возможна интерференция соответствующего управления глагола со значением ‘бояться’ в кыргызском; *кошка взобралась на вверх* – ср. *забралась на крышу*) либо выбирается из более широкого класса без учета сочетаемости или оттенка значения (*несет на руках* – локативные *на*, *в*; *шел из рыбалки* – исходная точка движения: *с*, *из*; *выходит за кустами* – обобщенная семантика ‘сзади’: *за кустами*, *из-за кустов*). В речи респондентов КШ зафиксированы также случаи пропуска предлога ([*в*] *этот момент*, *вернулся* [*к*] *своей семье*, *вуручает* [= *выручает*] [*в*] *беде*), что в целом характерно для ранних этапов освоения языка, в том числе родного.

Статистически значимые различия между К1 и Р1, но не между двумя подгруппами К1, зафиксирована на словообразовательном и лексическом уровнях. Окказиональное словообразование у респондентов группы К1 пересекается с явлениями на морфологическом уровне: за исключением некоторого количества строго словообразовательных инноваций (*с любопытностью* – вм. *с любопытством*; *объедание* вм. *объедение*; *нечайно* – контаминация *случайно* и *нечаянно*), большинство нестандартных лексем образовано либо за счет выравнивания парадигмы и/или неверного приписывания рода (*козлёнка* вм. *козлёнок*; *подошла к ведёрке*, *заглянул в ведёрку*: *ведёрка* вм. *ведёрко*). На стыке морфологии и словообразования находятся спонтанно образованные глаголы на *-ся* (*мышка ускользнулся*, *мальчик увидел застрявшуюся кошку*). Кроме того, зафиксированы значительные искажения орфографического облика слова, приводящие к появлению инновации на письме (*кошка локомоется* – вм. *лакомится*; *подсарапалась* – вм. *поцарапалась*):

(15) А мольчик в это время мольчик с помощью удочкой вытоскивоет свой мячик, а кошка в это время **локомоется** рыбой в ведре (КШ).

Основным механизмом возникновения лексических ошибок является замена требуемого по контексту слова на другое, существующее в лексиконе информанта и имеющее с первым некоторую семантическую общность. Так, в нашем материале частотны паронимические замены: смешиваются лексемы, связанные как семантически, так и формально – однокоренные или сходные внешне:

(16) В один **красочный** [= красивый, прекрасный] день собака увидела мышку (РШ);

(17) В один момент хитрая лиса выбежала и **прицелилась** именно одному козленку [= нацелилась на одного козленка] (КШ).

К этому же типу можно отнести смешение либо неразличение союзов и близких по звучанию слов: *что* и *чтобы*, *потому что*, *почему* и *поэтому*:

(18) Мальчик подошол к дереву **что** [= чтобы] достать свой шарик (РШ);

(19) Козята **по чему** помогает [= потому что козлятам помогает] (КШ).

Ошибки последнего типа весьма характерны и для речи кыргызско-русских детей-билингвов и объясняются устройством лексического уровня индивидуальной языковой системы – ментального лексикона информанта: при порождении речи смешиваются близкие по какому-либо параметру лексемы.

Такой же механизм приводит к смешению лексем, не сходных внешне, но принадлежащих к одной семантической области: *уловить* и *поймать*, *искать* и *рыскать*:

(20) Мальчик сразу **уловил** [= ловил / поймал] с удочкой (КШ);

(21) Он увидел собаку, что-то **рыскавшею** [= искавшую] у дерева (РШ).

Смешение «по горизонтали» менее частотно, чем генерализация родового понятия: информант выбирает лексему с широким значением вместо более конкретной:

(22) Как вдруг из-за дерева выбегает голодная, хитрая и ловкая лиса, хватает **козленка за руку** и пытается утощить в лес чтобы полакамиться (ÐØ) – *рука* в значении ‘любая конечность’ вм. ‘нога (козленка)’;

(23) В это же время козленок игриво ел траву и вдруг он замечает **приближающего** из леса хитрую лису (КШ) – *приближаться* вм. *приходить, выбегать*;

(24) После того как мальчик достал кошка уже **лакомилась угощением** (РШ) – *угощение* в значении ‘вкусная еда, лакомство’;

(25) Пока **мама-птенец** будет кормить другого птенца, подумал мурзик он заберет другого (РШ) – *птенец* вм. *птица*.

Этот тип ошибок, связанный со стратегией сверхгенерализации, также отмечался в устных нарративах двуязычных детей.

В материале зафиксированы также лексико-стилистические отклонения от русского речевого стандарта:

(26) Положил пакет с сосисками на землю и начал прыгать **дабы** допрыгнуть до веревочки шара (РШ);

(27) В один ясный летний денек коза **в сопровождении со своими козлятами** отдыхали на лугу (РШ);

(28) Он увидел как собака **совершила большой прыжок**, что бы поймать мышку... (КШ).

Отклонением можно считать стилистически не обоснованное использование «книж-

ной» лексики (26) и языковых единиц, принадлежащих к научному и официально-деловому стилю речи (27)–(28). Такие отклонения обычно не отмечаются ни в устных нарративах двуязычных детей, ни в письменных текстах инофонов, изучающих русский язык в России или вне русскоязычной среды, за исключением письменной речи ограниченной группы испытуемых, в обучении которых значительное внимание уделяется академическому регистру речи. Данный тип более характерен для РШ.

Ошибки других типов обнаруживаются в письменной речи респондентов группы Р1. Количество синтаксических ошибок невелико; статистически значимые различия между группами не отмечаются. Основная часть ошибок происходит за счет нестандартного эллипсиса, то есть пропускается какой-либо сегмент (объект, субъект, союз, целая часть фразы. В примерах восстановленные элементы даны в квадратных скобках), что нарушает структурную цельность предложения:

(29) Кошка хотела словить [**бабочку**] и подпрыгнула (РШ);

(30) Но этот момент улетела бобочка, в этот момент [**кошка**] упала кусту (КШ);

(31) Мальчик обрадовался, но [**когда**] обернулся сосисок уже не было в пакете (Р1);

(32) Собака решила поймать мышь. В это время [**мальчик**] который шол с магазина [**нес пакет**] (РШ).

Эллипсис характерен в первую очередь для пересказов.

Кроме того, один раз зафиксировано повторение слова и дважды у одного информанта – некорректное употребление деепричастного оборота:

(33) Мальчик **этого** не заметил **это** достовая свой мячь (РШ);

(34) В скоре мама прелетела с очередной добычей и, **покормив детей, кот Васька** залез на дерево чтобы их схватить. <...> Но **неуспев залезть ближе к птцам**, на их крик прибежал **пес Барбос** (РШ).

В отдельный тип мы выносим ошибки, связанные с использованием просторечных единиц: *залазить на дерево*, *шел с магазина*. Их возникновение обусловлено в первую очередь инпутом, то есть оно, вероятно, не связано ни с билингвальной ситуацией, ни с промежуточным состоянием индивидуальной языковой системы носителя. Статистически значимые различия между группами отсутствуют.

Ошибки «письменной нормы» включают орфографические и пунктуационные. По количеству орфографических ошибок все три группы значимо различаются между собой: информанты подгруппы КШ допускают больше ошибок, чем информанты подгруппы РШ, РШ – больше, чем Р1. Для КШ наиболее характерно использование *о* на месте *а* (гиперкоррекция либо особенности графики): *ночол*, *ноблюдоя*, *подумол*, *из долеко*; для РШ – фонетически обусловленное неверное написание безударных гласных: *увидил*, *удачкой*, *улитела*. В подгруппах К1 отмечается вставка мягкого знака после мягких согласных: *на речьке*, *мячь*, *вовсью*, *возвращаль-ся* (в идиолекте информантов [л] произносится смягченно); во всех группах – неразличение слитного, раздельного и дефисного написания, в основном в пользу раздельного: *откуда то*, *по чему*, *не долго думая*, *наберег*, *в догонку*. Все ошибки типичны и для носителей русского языка, изучающих письменную норму в школе.

Пунктуационные ошибки были разделены на две группы: сегментация текста на предложения (точки, большие буквы) и постановка запятых внутри одного предложения. В обоих случаях статистически значимых различий между группами не обнаружено, то есть отсутствие точек / заглавных букв и недоосвоенность правил постановки запятых не связаны с билингвальным состоянием языковой системы. Зафиксированы следующие отклонения от стандарта при разделении текста: принципиальное отсутствие точек на протяжении всего текста или большого смыслового фрагмента.

Клаузы могут отделяться друг от друга запятыми:

(35) Однажды кошка увидела на кустике бабочку, решила поймать ее, кошка подпрыгнула высоко и прыгну ла на кустик, бабочка улетела, мальчик наблюдал за кошкой, но когда оно подпрыгнуло, он напугался и выронил мяч он покатился в пруд, мальчик решил вытащить мяч из пруда удочкой, он вытаскивает мяч из пруда, а кошка тем временем увидела ведро, ей стало

интересно что же там, она увидела рыбки и начала есть их (РШ);

(36) Он не мог выброться и тут мама коза зометив прибежола для помощи, как только мома коза вытощила своего малыша козленок поскокол дольше гулять и есть трову (КШ).

Возможна системная постановка прописных букв вместо заглавных после точки:

(37) Когда они паслись, один из козлят увидел большую лужу у дерева и решил из нее выпить. так как трава была скользкой, козленок подскользнулся и упал в воду (Р1).

Подобные ошибки считаются нетипичными для взрослых, говорящих на втором языке: утверждается, что точка, наоборот, является наиболее сохранным, верно распознаваемым знаком препинания [Sülükçü, Kırboğa, 2020].

(38) Пока мальчик достовал свой шарик, собака подошла к покету и опракинул её. когда мальчик достал свой шарик он обрадовался и не подозревал о том что его покет с сосисками уже съела собака (РШ).

Пунктуационные ошибки, связанные с постановкой запятых, также типичны для всех групп носителей и совпадают с теми, которые допускают носители русского, обучающиеся в русскоязычной среде: в основном это пропуск запятых в сложных предложениях и при обособленных оборотах, реже – лишние запятые:

(39) Выбравшись с кустов [...] кошка увидела рядом с мальчиком ведро с рыбой, подошла к ведру и опрокинула его, от туда вывалилась рыба [...] и кошка начала кушать (РШ);

(40) В одинь день мама хотела улететь за едой и заметила [...] как кошка идет к ним (КШ);

(41) Мальчик испугался**,** и уронил свой мяч (КШ).

Выводы

Статистически значимые различия в речи респондентов группы К1 (обеих подгрупп) свидетельствуют о том, что степень освоенности второго языка в первую очередь отражается на морфологическом уровне: группы значимо отличаются по количеству ошибок, связанных с неразличением грамматического рода и имеющих отношение к образованию и использованию падежных форм и предложно-падежных конструкций. Кроме того, информанты в подгруппах КШ и РШ демонстрируют разную степень освоенности орфографических правил русского языка, что обусловлено, вероятно, наполнением школьной программы.

Ошибки, связанные с употреблением лексических единиц (лексические и словообразовательные), одинаково типичны для обеих подгрупп К1, но отличают их от Р1. Таким образом, речь участников, включенных в группу К1, демонстрирует значимые отличия от речи респондентов группы Р1 на морфологическом, лексическом и орфографическом уровнях; при этом не обнаружено значимых отличий на синтаксическом, стилистическом и пунктуационном уровнях.

Несмотря на то, что русский язык имеет статус официального языка в Кыргызстане и широко распространен, в речи взрослых билингвальных носителей языка наблюдаются разного рода лексико-грамматические отклонения от русской речевой нормы, обусловленные стратегиями симплификации, сверхгенерализации и интерференции, характерными для любых двуязычных носителей, независимо от их возраста или статуса русского языка в стране проживания – доминантного или второстепенного. В данном случае подобные отклонения невозможно объяснить только недостаточностью инпута. Вероятно, они обусловлены в первую очередь влиянием второго языка и особенностями организации индивидуальной двуязычной системы в целом. Кроме того, они свидетельствует о стремлении к упрощению языковых явлений, что, вероятно, представляет собой оптимальную когнитивну.ю стратегию в ситуации параллельного оперирования несколькими языками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алтынбекова Б. А., 2022. Гендерный фактор в переключении кода у кыргызско-русских билингвов (на материале комментариев к сериалам и видеорепортажам) // Язык как искусство: функциональная семантика и поэтика : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 14–15 апр. 2022 г.). М. : РУДН. С. 486–495.

Ахметова Н. А., 2017. Кыргызско-русский билингвизм в Кыргызской Республике // От билингвизма

к транслингвизму: про и контра : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. под эгидой МАПРЯЛ (Москва, РУДН, 1–2 дек. 2017 г.). М. : РУДН. С. 153–159.

Галкина Е. В., Краснощекова С. В., 2024. Типичные ошибки в речи детей-дошкольников в условиях русско-кыргызского билингвизма // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 22 (2). С. 93–103. DOI: 10.25205/1818-7935-2024-22-2-93-103

Гатауллина Г. К., 2021. Грамматические ошибки в речи тюркоязычных студентов как следствие межъязыковой интерференции (на примере количественно-именных сочетаний) // Довузовская подготовка иностранных граждан: проблемы и перспективы. Казань : Изд-во Казан. ун-та. С. 44–45.

Дербишева З. К., 2022. Языковые контакты в сфере билингвизма в Кыргызстане // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 13, № 1. С. 144–155. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-1-144-155

Евдокимов А. Н., Давыдова Т. А., Савкин Д. А., 2020. Русский язык в Центральной Азии: современное состояние и перспективы // Проблемы постсоветского пространства. Т. 7, вып. 3. С. 373–388. DOI: 10.24975/2313-8920-2020-7-3-373-388

Кудаяров К. А., 2020. Русский язык как основа образовательной интеграции России и Кыргызии // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». № 1. С. 43–53. DOI: 10.28995/2686-7648-2020-1-43-53

Летняков Д. Э., 2015. Роль русского языка в постсоветской Центральной Азии // Полития. № 4 (79). С. 100–115. DOI: 10.30570/2078-5089-2015-79-4-5-100-115

Некрасова Е. Д., Резанова З. И., Палий В. Е., 2019. Влияние родного языка (L1) на когнитивную обработку грамматической категории рода существительных русского языка (L2) русско-тюркскими билингвами // Вестник Томского государственного университета. Серия Филология. № 57. С. 103–123. DOI: 10.17223/19986645/57/6

Резанова З. И., Рябова Ю. А., 2021. Категории рода и числа в речи тюркско-русских билингвов: интерферентное влияние или внутриязыковые тенденции? // Русин. № 66. С. 166–182. DOI: 10.17223/18572685/66/10

Рингблом Н., Краснощекова С. В., Галкина Е. В., 2018. Предложно-падежные конструкции в речи русско-голландских и русско-шведских двуязычных детей в сравнении со студентами, изучающими русский язык как иностранный // Проблемы онтолингвистики – 2018 : материалы ежегод. Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 20–23 марта 2018 г.). Иваново : ЛИСТОС. С. 149–155.

Сулаймонова Д. А., 2018. Своеобразие изучения категории рода имен существительных в тюркоязычной аудитории // Теория и практика современной науки. № 4 (34). С. 505–508.

Цейтлин С. Н., 2015. К построению грамматики промежуточного языка // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. XI, ч. 1. С. 515–538.

Юсупова Р. К., 2023. Трудности в изучении рода имен существительных русского языка в узбекском языке // Research Focus. Т. 2, вып. 3. С. 86–90. DOI: 10.5281/zenodo.7821744

Anderson J. A. E., Hawrylewicz K., Bialystok E., 2020. Who is Bilingual? Snapshots Across the Lifespan // Bilingualism: Language and Cognition. Vol. 23, iss. 5. P. 929–937. DOI: 10.1017/S1366728918000950

Brooks P. J., Kempe V., Donachie A., 2011. Second Language Learning Benefits from Similarity in Word Endings: Evidence from Russian // Language Learning. Vol. 61, iss. 4. P. 1142–1172. DOI: 10.1111/j.1467-9922.2011.00665.x

Dąbrowska E., Becker L., Miorelli L., 2020. Is Adult Second Language Acquisition Defective? // Frontiers in Psychology. № 11, art. 1839. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.01839

Gagarina N., Klop D., Kunnari S., Tantele K., Välimaa T., Balčiūnienė I., Bohnacker U., Walters J., 2015. Assessment of Narrative Abilities in Bilingual Children // Assessing Multilingual Children: Disentangling Bilingualism from Language Impairment. Bristol : Multilingual Matters. P. 243–276. DOI: 10.21832/9781783093137-011

Özşen A., Çalışkan T., Önal A. Baykal N., Tunaboylu O., 2020. An Overview of Bilingualism and Bilingual Education // Journal of Language Research. Vol. 4, iss. 1. P. 41–57.

Sá-Leite A.R., Flores C., Eira C., Haro J., Comesaña M., 2023. Language Balance Rather Than Age of Acquisition: A Study on the Cross-Linguistic Gender Congruency Effect in Portuguese–German Bilinguals // Bilingualism: Language and Cognition. Vol. 26, iss. 5. P. 1079–1092. DOI: 10.1017/S1366728923000378

Sülükçü Y., Kırboğa A., 2020. A Study on the Punctuation Knowledge Levels of Freshmen Students // Journal of Language and Linguistic Studies. Vol. 16, iss. 2. P. 684–710. DOI: 10.17263/jlls.759273

REFERENCES

Altynbekova B.A., 2022. Gendernyy faktor v pereklyuchenii koda u kirgizsko-russkikh bilingvov (na materiale kommentariev k serialam i videoreportazham) [Gender Factor in Code-Switching Among Kyrgyz-Russian Bilinguals (Based on Comments on TV Series and Video Reports)]. *Yazyk kak iskusstvo: funktsionalnaya semantika i poetika: sb. st. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Moskva, 14–15 apr. 2022 g.)* [Language as Arts: Functional Semantics and Poetics. Proceedings of the International Scientific Conference (Moscow, April 14–15, 2022)]. Moscow, RUDN, pp. 486-495.

Akhmetova N.A., 2017. Kyrgyzsko-russkiy bilingvizm v Kyrgyzskoy Respublike [Kyrgyz-Russian Bilinguism in the Kyrgyz Republic]. *Ot bilingvizma k translingvizmu: pro i kontra: materialy III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. pod egidoy MAPRYaL (Moskva, RUDN, 1–2 dek. 2017 g.)* [From Bilingualism to Translingua: Pro and Contra. Proceedings of the 3rd International Scientific Conference (Moscow, RUDN, December 1–2, 2017)]. Moscow, RUDN, pp. 153-159.

Galkina E.V., Krasnoshchekova S.V., 2024. Tipichnye oshibki v rechi detey-doshkolnikov v usloviyakh russko-kirgizskogo bilingvizma [Typical Errors in Russian-Language Speech of Preschool Children in the Situation of Russian-Kyrgyz Bilingualism]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Novosibirsk State University Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication], no. 22 (2), pp. 93-103. DOI: 10.25205/1818-7935-2024-22-2-93-103

Gataullina G.K., 2021. Grammaticheskie oshibki v rechi tyurkoyazychnykh studentov kak sledstvie mezhyazykovoy interferentsii (na primere kolichestvenno-imennykh sochetaniy) [Grammar Errors in the Speech of Turkic-Speaking Students as a Result of Interlanguage Interference (On the Example of Quantitative-Nominal Phrases)]. *Dovuzovskaya podgotovka inostrannykh grazhdan: problemy i perspektivy* [Pre-University Training of Foreign Nationals: Problems and Perspectives]. Kazan, Izd-vo Kazan. un-ta, pp. 44-45.

Derbisheva Z.K., 2022. Yazykovye kontakty v sfere bilingvizma v Kyrgyzstane [Language Contacts in the Field of Bilingualism in Kyrgyzstan]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], vol. 13, no. 1, pp. 144-155. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-1-144-155

Evdokimov A.N., Davydova T.A., Savkin D.A., 2020. Russkiy yazyk v Tsentralnoy Azii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy [Russian Language in Central Asia: Current Status and Prospects]. *Problemy postsovetskogo prostranstva* [Post-Soviet Issues], vol. 7, iss. 3, pp. 373-388. DOI: 10.24975/2313-8920-2020-7-3-373-388

Kudayarov K.A., 2020. Russkiy yazyk kak osnova obrazovatelnoy integratsii Rossii i Kirgizii [The Russian Language as the Basis of Educational Integration of Russian and Kyrgyzstan]. *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya «Evraziyskie issledovaniya. Istoriya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya»* [RSUH/RGGU Bulletin "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" Series], no. 1, pp. 43-53. DOI: 10.28995/2686-7648-2020-1-43-53

Letnyakov D.E., 2015. Rol russkogo yazyka v postsovetskoy Tsentralnoy Azii [Role of Russian Language in Post-Soviet Central Asia]. *Politiya* [Politeia], no. 4 (79), pp. 100-115. DOI: 10.30570/2078-5089-2015-79-4-5-100-115

Nekrasova E.D., Rezanova Z.I., Paliy V.E., 2019. Vliyanie rodnogo yazyka (L1) na kognitivnuyu obrabotku grammaticheskoy kategorii roda sushchestvitelnykh russkogo yazyka (L2) russko-tyurkskimi bilingvami [The Influence of the Native Language (L1) on the Cognitive Processing of the Grammatical Gender of the Russian Language (L2) by Russian-Turkic Bilinguals]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], no. 57, pp. 103-123. DOI: 10.17223/19986645/57/6

Rezanova Z.I., Ryabova Yu.A., 2021. Kategorii roda i chisla v rechi tyurksko-russkikh bilingvov: interferentnoe vliyanie ili vnutriyazykovye tendentsii? [Grammatical Gender and Number in the Speech of Turkic-Russian Bilinguals: Interference or Intra-Linguistic Tendencies?]. *Rusin*, no. 66, pp. 166-182. DOI: 10.17223/18572685/66/10

Ringblom N., Krasnoshchekova S.V., Galkina E.V., 2018. Predlozhno-padezhnye konstruktsii v rechi russko-gollandskikh i russko-shvedskikh dvuyazychnykh detey v sravnenii so studentami, izuchayushchimi russkiy yazyk kak inostrannyy [Preposition-Case Constructions in the Speech of Russian-Dutch and Russian-Swedish Bilingual Children in Comparison with Students Learning Russian as a Foreign Language]. *Problemy ontolingvistiki – 2018: materialy ezhegod. Mezhdunar. nauch. konf.*

(Sankt-Peterburg, 20–23 marta 2018 g.) [Problems of Ontolinguistics – 2018. Proceedings of the Annual International Conference (St. Petersburg, March 20–23, 2018)]. Ivanovo, LISTOS, pp. 149-155.

Sulaymonova D.A., 2018. Svoeobrazie izucheniya kategorii roda imen sushchestvitelnykh v tyurkoyazychnoy auditorii [The Performance of Studying the Category of the Name of Existent in Turkish Audience]. *Teoriya i praktika sovremennoy nauki* [Theory and Practice of Modern Science], no. 4 (34), pp. 505-508.

Tseytlin S.N., 2015. K postroeniyu grammatiki promezhutochnogo yazyka [On the Formation of Interlanguage Grammar]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy* [Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies], vol. XI, pt. 1, pp. 515-538.

Yusupova R.K., 2023. Trudnosti v izuchenii roda imen sushchestvitelnykh russkogo yazyka v uzbekskom yazyke [Difficulties in Studying the Gender of Russian Nouns in the Uzbek Language]. *Research Focus*, vol. 2, iss. 3, pp. 86-90. DOI: 10.5281/zenodo.7821744

Anderson J.A.E., Hawrylewicz K., Bialystok E., 2020. Who Is Bilingual? Snapshots Across the Lifespan. *Bilingualism: Language and Cognition*, vol. 23, iss. 5, pp. 929-937. DOI: 10.1017/S1366728918000950

Brooks P.J., Kempe V., Donachie A., 2011. Second Language Learning Benefits from Similarity in Word Endings: Evidence from Russian. *Language Learning*, vol. 61, iss. 4, pp. 1142-1172. DOI: 10.1111/j.1467-9922.2011.00665.x

Dąbrowska E., Becker L., Miorelli L., 2020. Is Adult Second Language Acquisition Defective? *Frontiers in Psychology*, no. 11, art. 1839. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.01839

Gagarina N., Klop D., Kunnari S., Tantele K., Välimaa T., Balčiūnienė I., Bohnacker U., Walters J., 2015. Assessment of Narrative Abilities IN Bilingual Children. *Assessing Multilingual Children: Disentangling Bilingualism from Language Impairment*. Bristol, Multilingual Matters, pp. 243-276. DOI: 10.21832/9781783093137-011

Özşen A., Çalışkan T., Önal A. Baykal N., Tunaboylu O., 2020. An Overview of Bilingualism and Bilingual Education. *Journal of Language Research*, vol. 4, iss. 1, pp. 41-57.

Sá-Leite A.R., Flores C., Eira C., Haro J., Comesaña M., 2023. Language Balance Rather Than Age of Acquisition: A Study on the Cross-Linguistic Gender Congruency Effect in Portuguese–German Bilinguals. *Bilingualism: Language and Cognition*, vol. 26, iss. 5, pp. 1079-1092. DOI: 10.1017/S1366728923000378

Sülükçü Y., Kırboğa A., 2020. A Study on the Punctuation Knowledge Levels of Freshmen Students. *Journal of Language and Linguistic Studies*, vol. 16, iss. 2, pp. 684-710. DOI: 10.17263/jlls.759273

Information About the Authors

Elena V. Galkina, Researcher, Laboratory of Speech Physiology, Pavlov Institute of Physiology of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia, dinomama@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-5041-2498

Sofia V. Krasnoshchekova, Candidate of Sciences (Philology), Researcher, Department of Theory of Grammar, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia, ndhito@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8830-5121

Jamilya E. Dunganova, Senior Lecturer, Department of Special Pedagogy and Psychocorrection, Institute of Pedagogy and Psychology, Kyrgyz State University named after I. Arabaev, Bishkek, Kyrgyzstan, dunganova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2015-3982

Информация об авторах

Елена Владимировна Галкина, научный сотрудник лаборатории физиологии речи, Институт физиологии им. И.П. Павлова Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, Россия, dinomama@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-5041-2498

Софья Викторовна Краснощекова, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела теории грамматики, Институт лингвистических исследований Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, Россия, ndhito@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8830-5121

Джамиля Эрнстовна Дунганова, старший преподаватель кафедры специальной педагогики и психокоррекции Института педагогики и психологии, Кыргызский государственный университет им. И. Арабаева, г. Бишкек, Кыргызстан, dunganova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2015-3982

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.5.7

UDC 81'271:811
LBC 81.04

Submitted: 14.01.2025
Accepted: 05.06.2025

VERBALIZATION OF FOREIGNNESS IN THE XENOSPHERE OF RUSSIAN, GERMAN, ENGLISH LINGUOCULTURES

Marina Yu. Fadeeva

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article is dedicated to research into the category of foreignness: the peculiarities of its representation in non-closely related languages within the framework of linguistic, cultural, and xenological research. The concept of xenosphere is introduced, its structure consisting of five subspheres: aposessivity, territoriality, acognativity, ignotiveness, prodigality is described. These subspheres form the specific perception of the "foreign" and are expressed in the language through deictic means. The purpose of the study is to describe linguistic models and deictic means of expressing foreignness in the Russian, German, and English languages using the search parameters *чужой*/*fremd*/*alien*. The empirical basis of the study consists of contexts obtained by continuous sampling method from the National Corpus of the Russian Language, the German corpus DWDS-Korpora, and the British National Corpus. A wide range of deictic units has been identified to express foreignness: possessive, demonstrative, and indefinite pronouns, temporal and spatial adverbs, prepositions and postpositions, articles, kinship terms, emotional epithets, and others. The linguistic models for expressing aposessivity, territoriality, and acognativity include a verb, a descriptive attribute, and a noun, with the exception of the two-term model used to express subject territory. The deixis of ignotiveness is expressed through verbs of action and indefinite pronouns combined with a descriptor, the language means of theme and rheme expression in a sentence. The deixis of ignotiveness is conveyed by means of constructions that indicate the subject of perceiving foreignness and verbs of mental activity combined with descriptors. Differences in the objectification of the alien in the considered linguistic cultures were established.

Key words: xenosphere, own – alien, foreignness, xenology, language model, linguoculture.

Citation. Fadeeva M.Yu. Verbalization of Foreignness in the Xenosphere of Russian, German, English Linguocultures. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 5, pp. 86-100. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.5.7

УДК 81'271:811
ББК 81.04

Дата поступления статьи: 14.01.2025
Дата принятия статьи: 05.06.2025

ОБЪЕКТИВАЦИЯ КАТЕГОРИИ ЧУЖЕСТИ В КСЕНОСФЕРЕ РУССКОЙ, НЕМЕЦКОЙ, АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУР

Марина Юрьевна Фадеева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей репрезентации категории чужести в неблизкородственных языках в лингвокультурологическом и ксенологическом аспектах. Введено понятие ксеносферы, охарактеризована ее структура, включающая пять субсфер – апосессивность, территориальность, акогнативность, игнотивность, продигиальность. Данные субсферы, формирующие специфику восприятия «чужого», выражаются в языке дейктическими единицами. Цель исследования – описать языковые модели и дейктические средства объективации чужести в русском, немецком, английском языках по дескрипторам *чужой* / *fremd* / *alien*. Эмпирическим материалом исследования послужили текстовые фрагменты, извлеченные методом сплошной выборки из Национального корпуса русского языка, корпуса немецкого языка DWDS-Korpora, Британского национального корпуса. Отмечена высокая вариативность дейктических единиц объективации чужести: притяжательные, указательные и неопределенные местоимения, темпоральные

© Фадеева М.Ю., 2025

наречия, пространственные предлоги, послелоги, определенный / неопределенный артикли, термины родства, эмоционально-оценочные эпитеты и др. Выявлены языковые модели апоссесивности, территориальности и акогнативности: они включают глагол, атрибутивный дескриптор, существительное. Показано, что субъектная территориальность реализуется в модели, содержащей глагол существования и субстантив с семой ‘чужой’. Дейксис игнотивности эксплицируется глаголами действия, сочетаниями неопределенных местоимений с дескриптором, тема-рематическим членением предложения, дейксис продигиальности – конструкциями с указанием субъекта восприятия чужести, глаголами мыслительной деятельности в сочетании с дескриптором. Установлены различия в объективации чужого в рассматриваемых лингвокультурах.

Ключевые слова: ксеносфера, свой – чужой, чужесть, ксенология, языковая модель, лингвокультура.

Цитирование. Фадеева М. Ю. Объективация категории чужести в ксеносфере русской, немецкой, английской лингвокультур // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 5. – С. 86–100. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.5.7

Введение

Со времен классической метафизики в основе мировосприятия человека лежит архетипическая оппозиция «самость – чужесть». При этом в XXI в. увеличивается вариативность репрезентационного спектра представителей «чужой» сферы по разным критериям, будь то религиозные различия, военизированные политические конфликты, миграционные процессы, связанные с перераспределением материальных ресурсов, ценностные расхождения представителей разных поколений и т. п.

С течением времени дихотомия «свой – чужой» может трансформироваться и отражать номинативные и коннотативные изменения как внутри самой оппозиции на уровне лексических эквивалентов ее членов, так и культуры, в которой она существует («грек – варвар» в Древней Греции, «христианин – еретик» в Средневековой Европе, «европейцы-колонисты – нецивилизованные дикари» в эпоху колониальных империй, «представитель титульной нации – иммигрант» в XX в.).

Следовательно, как показано в наших предыдущих работах, категорию чужести не следует трактовать с точки зрения однозначной оппозиционной логики. Данное понятие отличается более сложной структурой, отражающей, как правило, темпоральный, локальный и нормативный аспекты идентификации субъекта или объекта (см., например: [Фадеева, 2024]). В 70-е гг. XX в. в мировой философской мысли и гуманитарных науках был отмечен ксенологический поворот (англ. *xenological turn*), который принято связывать в первую очередь с именем камерунского культуролога, социолога и этнолога Л.-Й. Б. Дуала-Мбеди, основоположника науки о чужом – ксенологии. Ксенология (от греч. *xenos* – чужой, чуждый и *logos* – наука) предоставляет научный инструментарий для определения и описания чужести как лингвокультурной категории во всех ее измерениях посредством анализа вербализуемых образов чужого.

Центральным в ксенологии является принцип признания чужести, согласно которому чужое существует как опыт, пассивно переживаемый субъектами и заставляющий их иначе относиться к себе и миру [Nünning, 2016, S. 674]. Однако опыт никогда не бывает индивидуальным, он всегда имеет общекультурный характер. По замечанию А. Вирлахера и К. Альбрехт, так называемая ксеносистема выступает фильтром, через который общество вербализует и интерпретирует другие социальные группы под воздействием идеологического фактора. Соответственно, феномен чужести существует только в человеческой интерпретации, которая проявляется не только в нашем отношении и действиях, но и в речи [Wierlacher, Albrecht, 1993, S. 285].

В этой связи актуальность приобретает выявление вербальных маркеров или дейктических единиц, репрезентирующих категорию чужести в русском, немецком и английском языках, что позволит сформировать более полное представление о данном общественно значимом феномене в неблизкородственных культурах. В настоящей работе мы рассматриваем категорию чужести как лингвоментальное образование, содержанием которого являются представления носителей языка о «не своем» и об опыте взаимодействия с ним. Данные представления образуют в отдельной лингвокультуре так называемую ксеносферу,

состоящую из ряда субсфер, в рамках которых формируется и объективируется специфика восприятия чужого.

Цель исследования – установить субсферы (тематические подгруппы) в структурно-системной парадигме ксеносферы и описать языковые модели объективации чужести по ключевым единицам (дескрипторам). В качестве лексического дескриптора использовались лемма *чужой* и ее семантические эквиваленты в немецком (*fremd*) и английском (*alien*) языках.

Материал и методы

Исследование выполнено в русле двух направлений – ксенологии и лингвокультурологии, что позволяет использовать теоретические положения сравнительно молодой науки о чужом для комплексной интерпретации лингвокультурологических процессов. В научном труде «Ксенология: наука о чужих и вытеснение гуманности в антропологии» Л.-Й.Б. Дуала-Мбеди описал методологический инструментарий, основанный на анализе социальных конструктов, порождающих чужесть, и ввел понятие ксенонарратива. Ученый доказал возможность отделения чужести от субъекта и обращения к социальной системе, инструментализирующей чужого с целью установления власти над ним [Duala-M'bedy, 2021].

В рамках лингвокультурологического подхода ученые неоднократно обращались к описанию чужести, подчеркивая значимость изучения данного феномена в формировании языковой картины мира любой нации. В английском языке существуют два близких термина *alienation* (рус. *алиенация*) и *alteration* (рус. *альтерация*), обозначающих процесс дистанцирования ввиду языковых или культурных различий [Fitzgerald, 2002]. *Алиенация* употребляется в значении отдаления человека от того, что ранее ему было близко и знакомо, например переключение языкового кода вследствие миграции в другую страну, что приводит к ощущению оторванности от своих культурных корней и ощущению себя *чужим*. *Альтерация* обозначает умеренную инаковость. Оба понятия подчеркивают конструируемость идентичности, властных и социальных отношений [Vaccaro, 2022].

Для немецких лингвистов более характерно использование термина *Fremdheit*, который получает подробное толкование с позиции социолингвистики посредством обращения к антонимическим парам «близость и дистанция», «включение и исключение», «маргинализация и участие» [Liang, Steinmüller, 2018], в этнолингвистике в качестве маркеров проявления чужести определяются ксенизмы, то есть слова иноязычного происхождения, создающие отчуждающий эффект.

В русском языке распространение получили термины *чуждость* для обозначения семантической категории, имеющей этническую маркировку и обнаруживаемой при создании художественного текста [Пеньковский, 2004], и *чужесть* в значении крайней формы проявления инаковости, имеющей специфические коммуникативные стратегии реализации в неблизкородственных культурах [Свинкина, 2016]. А.Ю. Скрыльникова представила репрезентацию категории чужести при помощи ядерного концепта «свой – чужой» и периферийных концептов «дом», «друг», «тоска», «разлука», «лень» [Скрыльникова, 2007]. В работе Т.А. Сироткиной описаны языковые средства этнической маркировки оппозиции «свое – чужое» в художественной картине мира на примере региональной прозы [Сироткина, 2012]. Влияние оппозиции «свой – чужой» на речевую деятельность и функционирование языка, в том числе на появление интернационализмов и глобализмов в русском и польском языках, отражено в сборнике исследователей Гданьского университета [Стоев Хънтов, Кананович, Новоженова, 2022].

Несмотря на разнообразие работ, посвященных понятию чужести и механизмам ее вербализации в разных языках, на настоящий момент отсутствует комплексное описание дейктических средств реализации данной категории. В качестве дейктических средств используются разноуровневые единицы языка, позволяющие упорядочить отдельные явления в сознании человека (см., например: [Артёмова, 2019]). Именно средства дейксиса могут служить для разграничения пространства *своего* и *чужого*, выполняя функцию указания и являясь персональной системой координат (см., например: [Гордиевская, 2023]).

Эмпирической базой работы послужили текстовые фрагменты с ключевыми единицами (дескрипторами) *чужой*, *fremd*, *alien*, извлеченные методом сплошной выборки из Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ), корпуса немецкого языка DWDS-Korpora (далее – DWDS), Британского национального корпуса (далее – BNC) соответственно. Общий объем проанализированных данных составил 240 контекстов в пропорциональном соотношении по изучаемым языкам.

С целью установления особенностей вербализации чужести представителями различных лингвокультур применялся метод дискурс-анализа, для интерпретации и систематизации субсфер в структуре ксеносферы использовались методы лингвистического описания и языкового моделирования, посредством метода дистрибутивного анализа определены семантические и грамматические роли дескрипторов *чужой*, *fremd*, *alien* в контексте, сравнительно-сопоставительный метод позволил установить корреляцию в восприятии чужести в неблизкородственных языках.

Результаты и обсуждение

Ксеносфера формируется субсферами, или тематическими подгруппами, соотносимыми с понятиями апосессивность, территориальность, акогнативность, игнотивность, продигиальность. Каждая из субсфер объективируется в языке дейктическими единицами, выступающими маркерами одноименных дейксисов. Охарактеризуем в рамках субсфер выделенные одноименные дейксисы с точки зрения их репрезентации в названных языках и представим типовую языковую модель вербализации чужести применительно к каждой субсфере.

1. Дейксис апосессивности

В контексте нашего исследования релевантным является понятие апосессивности, отражающее отсутствие отношения или принадлежности. Оно противопоставлено понятию посессивности, которое, напротив, предполагает различные отношения собственности и владения (подробно о посессивности см.: [Милованова, 2007, с. 101]).

Апоссесивность может объективироваться на физическом (осязаемые субъекты и объекты) и ментальном (эмоциональные и чувственные переживания) уровнях.

1.1. Апосессивность физическая

Данная подгруппа представлена универсальной моделью **V act + D + S conc**, вербализуемой в рассматриваемых языках глаголом действия + дескриптором + субстантивом (конкретный неодушевленный объект).

Объектом апосессивности выступают предметы материального мира, выраженные неодушевленными существительными, называющими, например, предметы быта, элементы одежды, части тела:

(1) Подумайте – **читать письмо чужое низко**, И хлопотен надзор над женской перепиской (А.С. Грибоедов. Молодые супруги. 1815);

(2) **Выносить детей в чужой утробе:** после вступления закона в силу бизнес сразу лишится прибыли (Иностранцам хотят запретить использовать российских суррогатных матерей // Парламентская газета. 2021);

(3) Ritter Bernardino, der zum Kronzeugen für Las Casas wird, erinnert sich, wie er und die Gefährten **das fremde Eigentum in Besitz nahmen** (Gert Ueding: Wer die Erde verliert, verliert sich selbst. Die Welt. 24.04.2004).

Апоссесивные лексико-грамматические конструкции зачастую строятся на противопоставлении своего и чужого:

(4) Если протекция **своим товарам – это защита**, то **санкции на чужие – явная агрессия** (АЭС, ледоколы, центры терапии – атомная отрасль РФ находится на подъеме // Vesti.ru. 23.09.2020).

В русском и немецком языках внутри данной подгруппы встречаются фразеологизмы и метафорические выражения, такие как *переложить на чужие плечи* (обременить другого, сняв с себя ответственность), *in fremden Stiefeln laufen* (выставлять себя за то, кем не являешься), *sich mit fremden Federn schmücken* (выдать чужие заслуги за свои), демонстрирующие привлекательность чужого. В английском языке добавляется коннотация принадлежности не просто чужому

как кому-то другому, а чужому как инопланетному, несвойственному окружающим. Ср.:

(5) The bird **diverts to the alien nest** where it drops into the cuckoo's mouth the food that had been destined for its own young (Richard Dawkins. The Selfish Gene, 2006); Cosmic baddies are plotting **to insert alien brains** into the heads of world leaders (The Guardian. 2016).

1.2. Апосессивность ментальная

В рассматриваемой подгруппе объектами апосессивности выступают отвлеченные понятия и состояния, выраженные абстрактными существительными. Модель ментальной апоссесивности состоит из глагола действия / отношения + дескриптора + субстантива (абстрактный неодушевленный объект) и может быть представлена по формуле: **V act/rel + D + S abst**. Дескриптор *чужой* и его иноязычные эквиваленты *fremd*, *alien* сигнализируют о принадлежности описываемых состояний другому лицу:

(6) На **чужих ошибках учились**, удачный **чужой опыт учитывали** (Мишустин рассказал о пройденных уроках борьбы с пандемией // Известия. 20.10.2020);

(7) Anderthalb Jahre später **verarbeitete** er diese Erfahrung sowie weitere eigene und **fremde Erlebnisse** in dem Briefroman „Die Leiden des jungen Werthers", den er Anfang 1774 innerhalb von nur vier Wochen niederschrieb; Instead of gazing at the tourists, **being distracted by** their accents and their **alien lives**, I found myself looking at the castle for perhaps the first time (J. Moyes. Me Before You. 2012).

В русском языке на владельца, обладателя указывают относительные и качественные прилагательные с корнем *чуж-/чужд-*:

(8) Охваченный ею не может молчать, // **Он раб ему чуждого духа** (А.К. Толстой. Слепой («Князь выехал рано средь гридней своих...»). 1873).

Глаголы действия (рус. *переживать*, *испытывать*, нем. *sehen*, англ. *to accept*) наравне с атрибутивными апосессивными словосочетаниями выражают отсутствие личной причастности, но при этом транслируют мысль о готовности помочь, выразить сочувствие:

(9) Елизавета очень многим помогала, **переживала за чужую беду** как за свою, – рассказал Володин (В Москве открыли памятник Доктору Лизе // Парламентская газета. 20.02.2021);

(10) **Die fremde Not,** auch die des Feindes, als die eigene **zu sehen** vermag nur die Liebe (Goldene Regel // Wikipedia: Die freie Enzyklopädie. 02.04.2025).

Русское прилагательное *чужой* в качестве дейктического средства также может указывать на форму косвенного влияния со стороны других людей (*быть жертвой чужих прихотей*), в английском языке усиливается значение непривычности состояния или эмоции, испытываемых другим: *to accept alien idea* – принять чужую (чуждую) мысль.

К синтаксическим особенностям английского языка следует отнести конструкции с притяжательным падежом (*alien's appearance*, *alien's technology*), в немецком отмечается вербализация апоссесивности посредством глагольной конструкции с объектом в дательном падеже, выражающей косвенное дополнение (*jemandem fremd sein*).

Схематично языковое воплощение субсферы апосессивности представлено на рисунке 1.

2. Дейксис территориальности

Принадлежность человека к конкретной территории, как и его происхождение, играет важную роль в формировании языкового сознания. В древнегреческой традиции *ксенос* (греч. *ξενος* – «чужой, чужак») использовалось по отношению к иностранцам, мигрантам и ко всем тем, кто прибыл с чужой земли. В поэмах Гомера лексема *ксенос* помимо значения «чужестранец, неэллин» означала «гость». В античном мире гостеприимство, оказываемое гостю, равно как и предоставляемое путнику убежище, относилось к основным священным правам и обязанностям [Лисовый, Ревяко, 2001, с. 79]. Пространственная территориальность отражает процесс освоения мира человеком, который осуществляется по горизонтали, предполагает движение и «фиксацию» границы, например центр – периферия, близь – даль, внутри – снаружи (см. об этом: [Захаренко, 2013, с. 16]). Пространственный дейксис в рамках субсферы территориальности включает указание как на отдельные территории, физические границы, так и на отсутствие гражданства у субъекта по отношению к реферируемой стране.

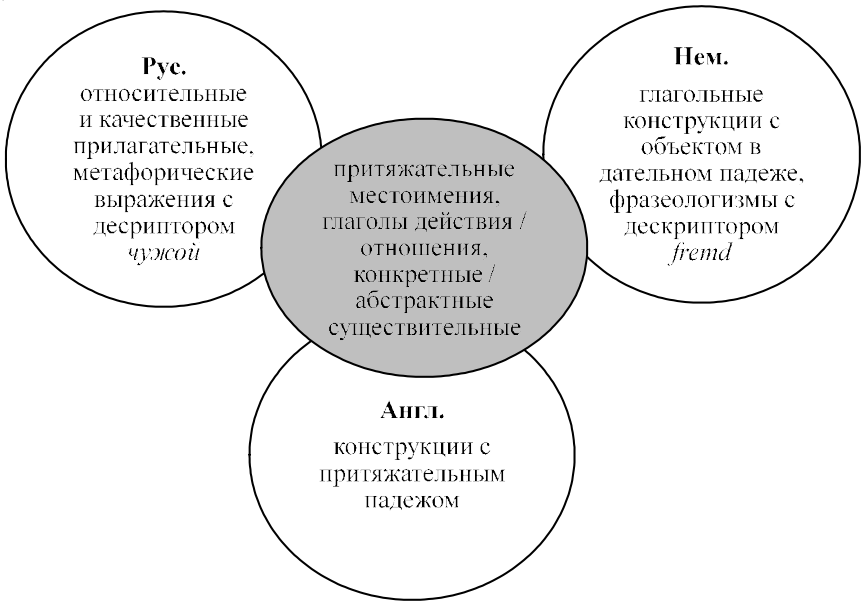


Рис. 1. Субсфера апосессивности в анализируемых языках

Fig. 1. Subsphere of aposessivity in the analyzed languages

2.1. Пространственная территориальность

Языковая модель имеет следующие составляющие: **V act/exist + D + S spat** (глагол действия / существования + дескриптор + пространственный субстантив). Пространственные существительные, обозначающие город, страну, дом, комнату, мир, фиксируют расположение или место в пространстве, которое отделяет свое известное от чужого неизведанного:

(11) Папа с мамой мои были геологи. Жили мы **в чужом таджикском городе** Пенджикенте (П. Алешковский. Рыба. История одной миграции. 2006);

(12) A cynic might think that this is precisely the sort of thing the Russians would say if they **had made contact with an alien world** (Times, Sunday Times. 2016);

(13) Israelisches Kampfflugzeug in einem Hangar: Man darf nicht einfach **Terroristen auf fremdem Staatsgebiet wegbomben** (Spiegel. 16.04.2024).

Чужая земля, чужие города отождествляются с коллективным социальным пространством, объединенным признаком «свои», который реализуется в общности образа жизни, традиций, взглядов на что-либо:

(14) Немцем называют у нас всякого, кто только **из чужой земли** (Н.В. Гоголь. Вечера на хуторе близ Диканьки. 1829–1832);

(15) Bethmann-Hollweg besuchte Wien und Budapest und schrieb an Oettingen: **Fremdes Land und fremde Sitten**, wie köstlich ist das für uns nordische Biber (Wikipedia: Die freie Enzyklopädie. 02.04.2025).

Дейктическую функцию указания на условную разделительную линию в пространстве выполняют наречия места *здесь*, *hier*, *here* / *там*, *dort*, *there*:

(16) Ведь не было сына в кубрике. **Чужой там лежал** мальчонка. Хотя и его было жаль до слез (Б. Екимов. Высшая мера. 1995),

(17) Ich wohne seit drei Jahren in Lichtenberg und habe trotzdem keinen Kontakt mit Deutschen, deshalb **fühle ich mich immer fremd hier** und habe Heimweh (Der Tagesspiegel. 29.05.2001).

(18) After moving, **he felt uncomfortable there**, he was a stranger (Raising Children Network. 31.03.2025).

Фраза *чужие здесь не ходят* стала крылатой благодаря одноименному советскому художественному фильму Анатолия Вехотко и Романа Ершова 1985 года. В фильме данную реплику произносит лесник, подчеркивая свою власть и контроль над территорией, которую он считает своей. Постепенно цитата вышла за пределы фильма и стала использоваться в различных контекстах, обозначая нежелательность присутствия посторонних или незваных гостей.

Описание чужого пространства часто используется в художественном дискурсе для рас-

крытия эмоционального состояния героя. Посредством метафор автор «оживляет» пространство, окружающее героя произведения, повторы эпитета *чужой* отражают настроение и настороженное восприятие другой страны персонажем:

(19) Вокруг шумели **чужие города**, плескалась желтая **чужая вода**, синело **чужое небо** (Н.Д. Старосельская. Повседневная жизнь «русского» Китая. 2006).

В то же время чужая территория поддается освоению, то есть переходу в доступный модус, как в прямом (*навести порядок в чужой квартире*), так и переносном смысле:

(20) Но суть работы переводчика в том, что он **обживает чужой дом, осваивается в чужом языке** и незнакомой жизни (Е. Чижов. Перевод с подстрочника. 2012).

В немецком и английском языках также представлена конструкция со значением «быть / чувствовать себя в каком-то пространстве чужим»:

(21) When I first went to New York, **it all felt very alien to me** (J. Moyes. Me Before You. 2012).

Лексема *alien* используется в переносном значении и передает ощущение чужести, непонимания окружающей среды, то есть ощущение человека, который чувствует себя так, будто находится в незнакомом, чужом месте, которое ему кажется необычным.

2.2. Субъектная территориальность

Модель языкового выражения территориальной непринадлежности субъекта строится по следующей схеме: **V exist + S xen** (глагол существования + субстантив с семой ‘чужой’).

Структурная антиномия проявляется в том, что единичное свое сталкивается с множеством конфигураций субъектного чужого. Особенностью немецкого языка является вариативность родовой характеристики у субстантивированного прилагательного *fremd*. Артикль выражает лексическую категорию соотнесенности и позволяет обозначить род существительного:

(22) **Der Fremde** näherte sich meinem Großvater und fragte ihn nach ein wenig Rum / Auf einen 1:0-Heimsieg folgte im Rückspiel ein 1:1 **in der Fremde** / Das führte zu einer Abgrenzung gegen **das Fremde**, gegen das «Unschweizerische», ganz auch im Sinne Eberles (O. Eberle. Mirakel. 1947).

Реже в поэтических текстах можно встретить лексему *der Fremdling*, обозначающую недавно прибывшего чужестранца:

(23) **Der Fremdling fühlte sich verloren in der fremden Welt**; Wirst Du dasein **für den Fremdling**, aus dem Land hinter dem Meer (Fr. Hölderlin. Hyperion oder der Eremit in Griechenland. 2004).

Группа средств русского языка представлена лексемами *чужак*, *чужестранец*, *чужеземец*, *чужой*, которые могут получать как положительную, так и отрицательную коннотативную окраску. Чужие не вызывают доверия:

(24) Что я здесь делаю, зачем **таскаюсь в чужой стороне, между чужими**?» – воскликнул я, и мертвенная тяжесть, которую я ощущал на сердце, разрешилась внезапно в горькое и жгучее волнение (И.С. Тургенев. Ася. 1858);

к чужакам реже испытывают симпатию:

(25) Да и зачем оказываться где-то вдали от родины, ведь в любой стране в ситуации кризиса **чужаки уж точно не в приоритете для спасения** (Киселёв описал происходящее фразой Черномырдина // Vesti.ru. 22.03.2020);

чужеземцами (устар. инородцами) в шутливой форме называют иностранцев:

(26) Мечта обывателей, чтобы **постоялец-чужеземец** еще бы и **ремонт** на арендуемой площади **сделал**, а, значит, когда съедет, сантехника импортная останется, плита в кухне новая, а может быть даже и холодильник, во всей своей простенькой житейской выгоде отвечала национальному менталитету: вот кто бы кто со стороны порядок у нас навел! (Н.В. Кожевникова. Колониальный стиль. 2003).

Чужестранцы, как правило, окружены ореолом загадочности, при этом все зарубежное, иностранное ассоциируется с хорошим качеством, благосостоянием:

(27) При этом ушлые таксисты наверняка **попытаются повезти ничего не понимающего чужестранца самой долгой дорогой**, чтобы получить больше денег (Т. Алексеева. Волосатый массаж и пиво с изюмом // lenta.ru. 22.09.2015).

Для английского языка типично употребление существительного *alien* во множественном числе в значении «инопланетяне», реже – «иностранцы»:

(28) Scientists identify 29 planets where **aliens** could observe Earth (The Guardian. 2021);

(29) During the first 100 days of President Donald J. Trump's second term, U.S. Immigration and Customs Enforcement has arrested 66,463 **illegal aliens** and removed 65,682 **aliens**, including criminals who threaten public safety and national security (U.S. Immigration and Customs Enforcement. 2025).

Схематично языковое воплощение субсферы территориальности в целом представлено на рисунке 2.

3. Дейксис акогнативности

Категория родства является базовой для понимания социальных отношений, определяя принадлежность человека к отдельной группе и его отношение к другим. Категория акогнативности (от лат. *cognation* – «родство») выражает отсутствие кровного родства между людьми, а также невозможность их причисления к членам семьи. Акогнативность может основываться как на физической, так и на духовной чужести, то есть расхождение в мирополагании и мировоззрении воспринимается как критерий дистанцирования и нежелания сблизиться.

3.1. Акогнативность по крови

Вербализация данной подгруппы осуществляется при помощи глагола действия + дескриптора + субстантива (одушевленный объект) по модели: **V act + D + *S* anim**.

В роли дополнения в сочетании с атрибутом *чужой* преимущественно выступают существительные, выражающие родственные узы. Создание семьи связано с освоением нового пространства и оказывает непосредственное влияние на переход чужого в свое: рус. *пустить корни в другой стране*; нем. *Wurzeln schlagen in der Fremde*; англ. *to put down new roots*.

Субъект-субъектные отношения в рассматриваемых лингвокультурах строятся на внутрисемейных связях: ребенок, мать, отец, сестра. Вхождение в родственный круг определяет степень психологической близости, доверия:

(30) Профессор-то **не чужой человек, а шурин** (Ю.О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом. 1958).

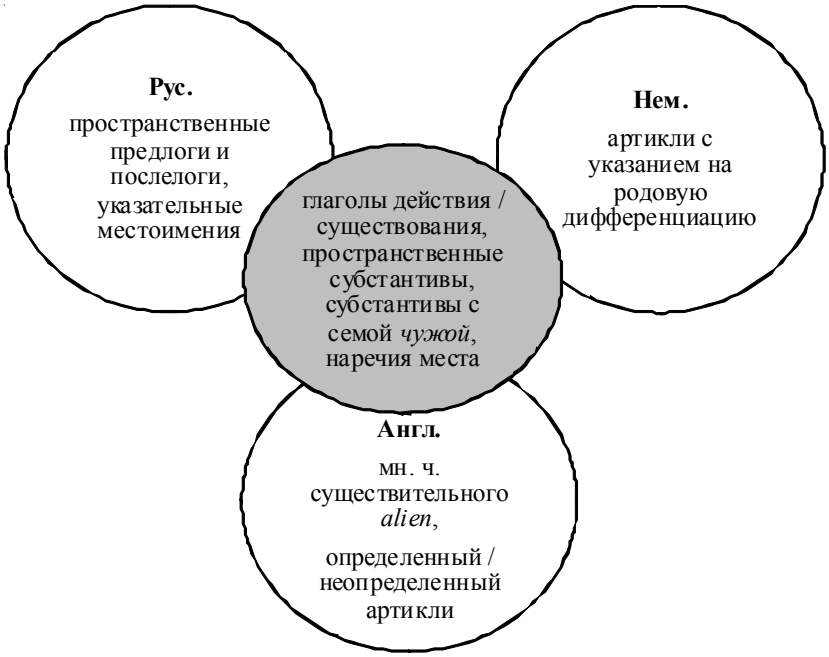


Рис. 2. Субсфера территориальности в анализируемых языках

Fig. 2. Subsphere of territoriality in the analyzed languages

Внутри данной подгруппы отмечается амбивалентное отношение к людям, не имеющим кровного родства, что выражается как в умеренно отрицательной оценке в адрес чужих детей:

(31) **Я так этого не хотела! Все-таки чужой ребенок**... Рита, я тебя уверяю – никаких особых усилий от тебя не потребуется! – все с тем же раздражением произнес Ганин (Т. Тронина. Никогда не говори «навсегда». 2004),

так и в положительной коннотации *чужой жены* / *невесты*:

(32) Когда Маринка показывалась в коридоре, он тоскливо смотрел ей вслед и, если рядом кто-то был, цокал языком и печально произносил: Э-э-э! Правду у нас говорят: **красивая жена – чужая жена!** (А. Моторов. Преступление доктора Паровозова. 2013);

(33) **Eine fremde Frau ist ein Ideal der Ehefrau** (P. Ehrenberg. Das Handbuch für die gute Ehefrau. 2002).

Чужие дети ассоциируются с заботами и проблемами, дополнительной нагрузкой. Изменения в семейном положении также вносят коррективы в образ чужого: бракоразводный процесс превращается в войну за детей, в которой отец становится соперником, чужой стороной:

(34) **Rosenkrieg ums Kind: wenn der Vater zum Fremden wird** (NDR. 2022).

Нежелание иметь общее с чужими, в том числе прикладывать усилия ради выгоды другого, выражается в русском языке во фразеологизме *работать на чужого дядю*.

В английском языке отсутствие родства передается посредством неопределенного притяжательного местоимения – *some one else's husband*, *work for someone else*. Коллокации существительного с дескриптором *alien* являются малочастотными, исключения составляют сравнительные конструкции в значении «абсолютно чужой»:

(35) You have treated Leonardo not **as a brother but as a complete alien** (W. Isaacson. Leonardo da Vinci. 2017).

3.2. Акогнативность по духу

Различия менталитетов, политических убеждений, взглядов на жизнь обусловлены множеством факторов, в том числе социальным происхождением, уровнем образования, вероисповеданием, личностным опытом, индивидуальными особенностями человека. Для данной подгруппы характерна трансформация своего в чужое по модели: **V dep/sent + D + S anim.**

Глаголы изменения состояния (рус. *стать*, нем. *werden*, англ. *to become*) в сочетании с дескриптором и одушевленным субстантивом объективируют возникшую дистанцию между людьми:

(36) Алексей: Ну, не сын же я тебе, в конце концов! **Чужой я тебе! Чужой!** Наталья: Нет! **Не чужой! Роднее родного стал!** (И. Лисовская. Никогда я не буду любить... 2003);

(37) То он спал по одну сторону стены, **совсем чужой для меня человек**, и мне была обидна его холодность, а теперь тот же человек спит по ту сторону стены и **стал чужим** (Н.С. Покровская. Дневник русской женщины. 1952);

(38) Wir schreiben **Fremden Vertrautes**, weil **Vertraute fremd geworden sind** (C.D. Florescu. Der kurze Weg nach Hause. 2002).

К этой же подгруппе относятся глаголы, выражающие субъективное восприятия (рус. *казаться* / *оказаться*; нем. *wirken*, *vorkommen*; англ. *to look like*):

(39) Дика, печальна, молчалива, / Как лань лесная боязлива, / Она в семье своей родной / **Казалась девочкой чужой** (А.С. Пушкин. Евгений Онегин: роман в стихах. 1823–1830);

(40) There are scenes **where Bella looks like an alien** (St. Meyer. Twilight. 2005).

Нарратор приписывает субъектам восприятия чужесть, несмотря на имеющиеся родственные отношения и давнее знакомство:

(41) Муж давно **стал чужим человеком** и молча лежал на диване каждый вечер (И.Л. Мамаева. Росомаха. 2009).

В качестве слов-усилителей могут использоваться наречия *совсем*, *абсолютно*, *völlig*, *vollkommen*, *absolutely*:

(42) Вот он точно **чужой совсем оказался**, корни свои забыл – москвич, одним словом (Майя вышла замуж // Коммерсант. 25.01.2010);

(43) Darin erzählt sie die Geschichte einer großen Liebenden, die sich am Ende umbringt, nicht weil sie betrogen und belogen wurde, sondern weil sie selber **an dem völlig fremd gewordenen Mann ihre Liebe verloren hat** (Süddeutsche Zeitung. 09.05.1998).

Для английского языка релевантно использование лексем семантической группы *strange* / *stranger* в значении «вызывающий недоумение, непонятный, странный» и поэтому «чужой»:

(44) When adult children **become strangers**; We don't want **to look strange** in the eyes of the world (A. Peterson. Look the World in the Eye. 2008).

Соответствующая схема представлена на рисунке 3.

4. Дейксис игнотивности

Осознание факта незнания есть результат отношения говорящего к окружающим его предметам, событиям, лицам с точки зрения познавательно-эмоционального интереса субъекта. Языковая модель **V act + P + D** включает глагол действия + неопределенное местоимение + дескриптор. Неопределенные местоимения придают словосочетанию эмоциональный оттенок удивления, негодования или восхищения:

(45) Лицо у нее стало маленькое, желтое и **какое-то чужое** (Н. Дубов. Мальчик у моря. 1966);

(46) Остальные акционеры оказались перед выбором – или выкупить его долю, или ее приобретет **какой-то чужак** (А. Алексеев. Неповторимый Джо // Коммерсант. 28.05.2020);

(47) На вокзале рано утром меня встретила Оля, **какая-то чужая**, красивая, в незнакомом мне платье (М. Шишкин. Всех ожидает одна ночь. 1993–2003).

В немецком языке данную функцию могут выполнять неопределенные наречия и артикль:

(48) Trotz der vertrauten Umgebung **fühlte** sie **sich irgendwie fremd** in der Gruppe; Da **betrat ein Fremder** den Raum; Dann engagiert Annabelle auch noch **einen Fremden**, der sich als Denises leiblicher Vater ausgibt (Breiter Weg. 2004).

Дейктическими единицами игнотивности в русской и немецкой лингвокультурах также выступают языковые средства с семантикой неизвестности (в русском языке – предикативы *неизвестно кто*, *невесть кто*; в немецком языке – существительные с отрицательной приставкой *un*-), а также темпоральные наречия (*раньше* / *früher*, *тогда* / *damals*, *вчера* / *gestern*) и числительные, указывающие на отрезки времени:

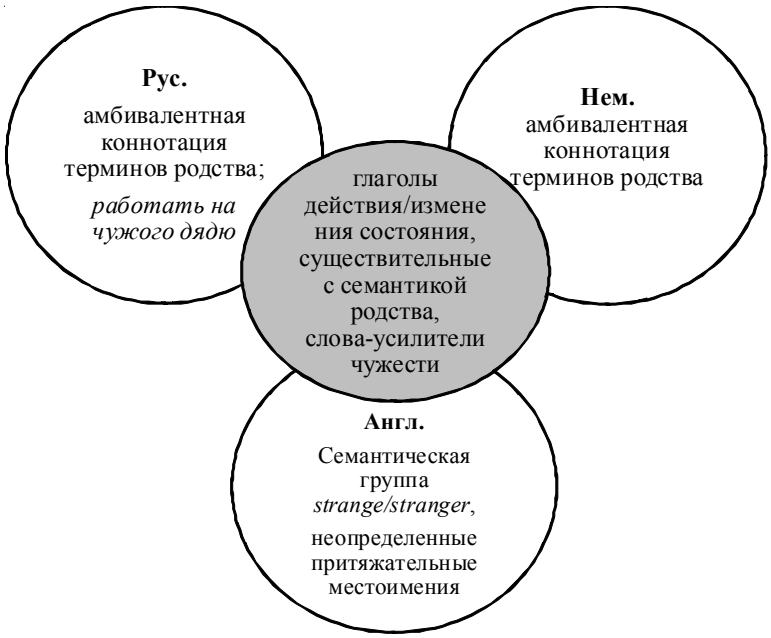


Рис. 3. Субсфера акогнативности в анализируемых языках

Fig. 3. Subsphere of acognativity in the analyzed languages

(49) Наши же обалдуи думают, что это просто ничего не значащие слова, которые **невесть кто**... **чужие** придумали (Т. Юрьева. Дневник культурной девушки. 1995);

(50) Я выросла на скорой, проработала **почти 20 лет, это мой дом, но теперь там для меня все чужое** (Медики рассказали о работе в «очагах массовых санитарных потерь. 2020);

(51) **Unbekannte stürmte plötzlich** ins Haus und erschreckte uns zu Tode. **Wahrscheinlich ein Fremder** (M. Lunde. Für immer Roman. 2017).

В английской лингвокультуре значение чужести вследствие неизвестности передается посредством глаголов мысли *to think*, *to believe*, *to guess*, неопределенных местоимений *some*, *any*, *no one*:

(52) His years abroad had made him **almost an alien for his family**; When I moved to a foreign country, I often **felt like an alien** until I learned the local customs (A. Peterson. Look the World in the Eye. 2008).

При этом во всех трех языках отмечается универсальный механизм организации новой информации за счет тема-рематического членения предложения. Как правило, упоминание чужого как неизвестного производится в конце предложения или смысловой группы.

Схематично языковое воплощение субсферы агнотивности представлено на рисунке 4.

5. Дейксис продигиальности

Взаимодействие с другой культурой вызывает у субъекта, пересекающего границу своей культуры, чувство странного, необычного, непонятного, что приводит к недоверию и подозрительности по отношению к чужой культуре. Дейксис продигиальности (от лат. *prodigiosus* – «странный») объективируется по модели: **V cog + D** (глагол мыслительной деятельности + дескриптор).

Особую роль здесь играет референциальность оценки, так как членение индивидом окружающего мира происходит с антропоцентричной позиции с опорой на присущие человеку нормы морали и поведения:

(53) И мне ничего не нужно здесь, **в чужой для меня стране** (И.А. Ефремов. На краю Ойкумены. 1945); Недавно ты представлялся **чужим для меня**, недоступным (А. Проханов. Господин Гексоген. 2002);

(54) Die Situation wie sie sich herausstellte, war **ganz fremd für mich** (DWDS);

(55) The new culture was completely **alien for me**, and I struggled to understand their customs (M. Faber. The Book of Strange New Things. 2005).

Ощущение чужести как странности актуализируется за счет глаголов ментальной сферы (рус. *понимать*, *полагать*; нем. *verstehen*,

Рис. 4. Субсфера игнотивности в анализируемых языках

Fig. 4. Subsphere of ignotiveness in the analyzed languages

begreifen; англ. *to understand*, *to consider*), выражающих результат мыслительного процесса по соотнесению нового, незнакомого со своим и последующему отнесению его к классу чужих:

(56) Им **не понять человека**, в груди которого бьется сердце, полное любви ко всем собакам на свете. **Он для них чужой** (В. Крапивин. Белый щенок ищет хозяина. 1962);

(57) I still can't **consider you a stranger** (M. Faber. The Book of Strange New Things. 2005).

Идентификация чужого происходит интуитивно, на уровне речи об этом свидетельствуют неопределенное наречие и неопределенное местоимение в сочетании с дескриптором *чужой*:

(58) Я никогда не снимал черных воронок, – голос **почему-то стал чужим**, не то чтобы испуганным, скорее удивленным (С. Лукьяненко. Ночной дозор. 1998);

(59) There was **something alien about him**, as there had been about "Good Business." Evidently he was aware of his own peculiari - ties and of the fact that people could not understand him (A. Tchaikovsky. Alien Clay).

Причисление к группе чужих характеризуется неоднозначностью оценки, неуверенностью в правильности первого впечатления. Подобный эффект в художественном дискурсе достигается благодаря приему дейктического оксюморона:

(60) Кроме того, ты два часа про него рассказывал, **и теперь он мне вроде как не чужой** (А. Моторов. Преступление доктора Паровозова. 2013);

(61) Илья **не чужой ему человек, но лучше бы он ехал обратно** в Америку, в Москву (А. Иличевский. Перс. 2009).

Дейктиками продигиальности также служат эпитеты и сравнения, использованные для описания внешности:

(62) **Der Musiker, 53 Jahre, groß, schmal, feingliedrig, mit anständigen Umgangsformen, wirkte immer irgendwie fremd** in der Band; **Die zierliche Frau, ganz in Schwarz gekleidet, nahm sich jedoch nicht fremd aus** auf der Kanzel des alten, schmuckreichen Kirchenraumes (Der Komponist von Karat // Berliner Zeitung. 2020);

(63) She had a touched look, her eyebrows invisible so her face **took on an alien blankness** (E. Cline. The Girls. 2016);

иноязычные вкрапления:

(64) Der Fremde in der Geschichte war **ein mysteriöser Stranger**, den niemand kannte (Der geheimnisvolle Fremde // Lexikon des internationalen Films. Filmdienst).

Языковое воплощение субсферы продигиальности схематично представлено на рисунке 5.

Рис. 5. Субсфера продигиальности в анализируемых языках

Fig. 5. Subsphere of prodigality in the analyzed languages

Заключение

Результаты проведенного исследование позволяют сделать вывод об амбивалентном характере чужести как лингвокультурной категории, отражающей различные сценарии восприятия «не своего». Многоаспектность данного понятия требует введения в научный оборот термина «ксеносфера», называющего совокупность субсфер, в рамках которых формируется и объективируется специфика восприятия «чужого».

Структурная парадигма ксеносферы включает в себя пять субсфер, соотносимых с понятиями апосессивности, территориальности, акогнативности, игнотивности, продигиальности. Выделенные субсферы репрезентированы в языке различными дейктическими единицами, выступающими маркерами указанных дейксисов. Диапазон дейктических единиц объективации чужести отличается многообразием в русском, немецком и английском языках: притяжательные местоимения, относительные и качественные прилагательные, неопределенные местоимения, темпоральные наречия, пространственные предлоги и послелоги, указательные местоимения, определенный / неопределенный артикли, термины родства, тематические фразеологизмы, эмоционально-оценочные эпитеты. Как правило, языковые модели, отражающие каждую из субсфер, характеризуются универсальным набором компонентов.

В сопоставляемых языках модели субсфер апоссесивности, территориальности и акогнативности являются трехкомпонентными и содержат глагол (действия, отношения, существования, субъективного восприятия), атрибутивный дескриптор *чужой* или его эквивалент в немецком и английском языках, существительное (неодушевленное / одушевленное, конкретное / абстрактное). Исключение представляет двухкомпонентная вербальная модель выражения субъектной территориальности, состоящая из глагола существования и субстантива с семой «чужой».

В русском языке отмечается широкий ряд однокоренных существительных, обозначающих чужого, в то время как в немецком и английском языках дифференциация субъекта достигается за счет категории артикля и единственного / множественного числа. Средствами выражения дейксиса игнотивности служат глагол действия, неопределенное местоимение в сочетании с дескриптором *чужой*, информация о чужом как новом, неизвестном маркируется посредством тема-рематического членения предложения. Дейктиками игнотивности в русской и немецкой лингвокультурах выступают лексемы с семантикой неизвестности и числительные, указывающие на отрезки времени, в немецком и английском языках значимым дейктиком является артикль. Для дейксиса продигиальности характерно использование конструкций с указанием субъекта восприятия чужести, а также глаголов мыслительной деятельности в сочетании с дескриптором *чужой*. В немецком языке частотны иноязычные вкрапления, сигнализирующие о чужести, в английском языке отмечена контекстуальная замена лексемы *alien* на *stranger*.

Таким образом, категория чужести представляет собой сложное лингвоментальное образование, отражая в своем содержании как универсальный опыт постижения не своего, так и этноспецифику восприятия феномена чужого в отдельно взятой культуре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Артёмова О. А., 2019. Типология дейксиса в семантико-прагматическом аспекте (на материале белорусского и английского языков). Минск : МГЛУ. 176 с.

Гордиевская М. Л., 2023. Русский пространственный дейксис в сопоставительном аспекте // Philologia Rossica. University of Hradec Králové (Czechia). № 8. С. 7–27.

Захаренко И. В., 2013. Архетипическая оппозиция «свой – чужой» в пространственном коде культуры // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. М. : МАКС Пресс. Вып. 46. С. 15–31.

Лисовый И. А., Ревяко К. А., 2001. Античный мир в терминах, именах и названиях : словарь-справочник по истории и культуре Древней Греции и Рима / науч. ред. А. И. Немировский. 3-е изд. Минск : [б. и.]. 253 с.

Милованова М. В., 2007. Понятие посессивности: проблемы определения и структуры // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. № 6. С. 95–102.

Пеньковский А. Б., 2004. Очерки по русской семантике. М. : Яз. слав. культуры. 460 с.

Свинкина М. Ю., 2016. Понятийная вариативность лингвокультурных категорий чужесть – другость – инаковость // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 6-2 (60). С. 148–152.

Сироткина Т. А., 2012. Маркеры «Чужого» в художественной картине мира // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. № 2. С. 77–81.

Скрыльникова А. Ю., 2007. Концепт «разлука» в русской языковой картине мира // Вестник Тамбовского университета. Вып.12 (56). С. 233–238.

Стоев Хънтов В., Кананович Т., Новоженова З., 2022. «Свое» и «чужое» в языке, тексте и культуре. Очерки об универсальной лингвокультурологической категории. Gdańsk : Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego. 314 с.

Фадеева М. Ю., 2024. Лингвокультурные закономерности вербализации чужести в оригинале и переводе на примере художественного дискурса // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 23, № 4. С. 96–105. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.8

Duala-M'bedy M., 2021. Xenologie. Die Wissenschaft vom Fremden und die Verdrängung der Humanität in der Anthropologie. Freiburg ; München : Verlag Karl Alber. 352 S.

Fitzgerald H., 2002. How Different Are We? : Spoken Discourse in Intercultural Communication. Bristol : Multilingual Matters. 261 p. DOI: 10.21832/9781853596216

Liang S., Steinmüller U., 2018. Fremdheit in der deutschen Sprache. Linguistische und kulturwissenschaftliche Betrachtungen. Berlin : Peter Lang. 172 S.

Nünning A., 2016. Metzler Lexikon Literatur- und Kulturtheorie: Ansätze – Personen – Grundbegriffe. Stuttgart : Springer-Verlag. 808 S.

Vaccaro C., 2022. Difference and Otherness. In A Companion to J.R.R. Tolkien. 2nd Edition. Hoboken : Wiley / Blackwell. P. 460–471. DOI: https://doi.org/10.1002/9781119691457

Wierlacher A., Albrecht C., 1993. Fremdheit. Leitbegriffe und Problemfelder kulturwissenschaftlicher Fremdheitsforschung. München : Iudicium Verlag GmbH. 575 S.

ИСТОЧНИКИ

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: http://ruscorpora.ru

DWDS – Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: https://www.dwds.de

BNC – The British National Corpus. URL: http://www.natcorp. ox.ac.uk

REFERENCES

Artemova O.A., 2019. *Tipologiya deyksisa v semantiko-pragmaticheskom aspekte (na materiale belorusskogo i angliyskogo yazykov)* [Typology of Deixis in the Semantic-Pragmatic Aspect (Based on the Belarusian and English Languages)]. Minsk, MGLU. 176 p.

Gordiyevskaya M.L., 2023. Russkiy prostranstvennyy deyksis v sopostavitelnom aspekte [Russian Spatial Deixis in a Comparative Aspect]. *Philologia Rossica. University of Hradec Králové (Czechia)*, no. 8, pp. 7-27.

Zakharenko I.V., 2013. Arkhetipicheskaya oppozitsiya «svoy – chuzhoy» v prostranstvennom kode kultury [The Archetypal Opposition Own/Native – Alien in the Spatial Code of Russian Culture]. *Yazyk, soznaniye, kommunikatsiya: sb. st.* [Language, Consciousness, Communication]. Moscow, MAKS Press, iss. 46, pp. 15-31.

Lisovyy I.A., Revyako K.A., 2001. *Antichnyy mir v terminakh, imenakh i nazvaniyakh: slovar-spravochnik po istorii i kulture Drevney Gretsii i Rima* [The Ancient World in Terms, Names and Titles: A Dictionary and Reference Book on the History and Culture of Ancient Greece and Rome]. Minsk, s.n. 253 p.

Milovanova M.V., 2007. Ponyatie posessivnosti: problemy opredeleniya i struktury [The Concept of Posessivity: Problems of Definition and Structure]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta Seriya 2. Yazykoznaniye* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 6, pp. 95-102.

Penkovskiy A.B, 2004. *Ocherki po russkoy semantike* [Essays on Russian Semantics]. Moscow, Yaz. slav. kultury Publ. 460 p.

Svinkina M.Yu., 2016. Ponyatiynaya variativnost lingvokulturnykh kategoriy chuzhest – drugost – inakovost [Conceptual Variability of the Linguocultural Categories "Alienness", "Foreignness", "Strangeness"]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. The Theory & Practice], no. 6-2 (60), pp. 148-152.

Sirotkina T.A., 2012. Markery «Chuzhogo» v khudozhestvennoy kartine mira [Markers of a "Foreigner" in the Artistic World Image]. *Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta. Filologicheskiye nauki* [Proceedings of Southern Federal University. Philology], no. 2, pp. 77-81.

Skrylnikova A.Yu., 2007. Kontsept «razluka» v russkoy yazykovoy kartine mira [The Concept "Separation" in the Russian Language World Picture]. *Vestnik Tambovskogo universiteta*

[Tambov University Review. Series: Humanities], iss. 12 (56), pp. 233-238.

Stoyev Khăntov V., Kananovich T., Novozhenova Z., 2022. *«Svoye» i «chuzhoye» v yazyke, tekste i kulture. Ocherki ob universalnoy lingvokulturologicheskoy kategorii* [“Own” and “Alien” in Language, Text and Culture. Essays on the Universal Linguocultural Category]. Gdańsk, Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego. 314 p.

Fadeeva M.Yu., 2024. Lingvokulturnye zakonomernosti verbalizatsii chuzhesti v originale i perevode na primere khudozhestvennogo diskursa [Linguacultural Patterns of Foreignness Verbalization in Source Text and Its Translation in the Literary Discourse]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 23, no. 4, pp. 96-105. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.4.8

Duala-M’bedy M., 2021. *Xenologie. Die Wissenschaft vom Fremden und die Verdrängung der Humanität in der Anthropologie*. Freiburg, München, Verlag Karl Alber. 352 S.

Fitzgerald H., 2002. *How Different Are We?: Spoken Discourse in Intercultural Communication*. Bristol, Multilingual Matters. 261 p. DOI: https://doi.org/10.21832/9781853596216

Liang S., Steinmüller U., 2018. *Fremdheit in der deutschen Sprache. Linguistische und kulturwissenschaftliche Betrachtungen.* Berlin, Peter Lang. 172 S.

Nünning A., 2016. *Metzler Lexikon Literatur- und Kulturtheorie: Ansätze – Personen – Grundbegriffe*. Stuttgart, Springer-Verlag. 808 S.

Vaccaro C., 2022. *Difference and Otherness. In A Companion to J.R.R. Tolkien. 2nd Edition*. Hoboken, Wiley/Blackwell, pp. 460-471. DOI: https://doi.org/10.1002/9781119691457

Wierlacher A., Albrecht C., 1993. *Fremdheit. Leitbegriffe und Problemfelder kulturwissenschaftlicher Fremdheitsforschung*. Mьnchen, Iudicium Verlag GmbH. 575 S.

SOURCES

Natsionalnyy korpus russkogo yazyka [The Russian National Corpus]. URL: http://ruscorpora.ru

Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: https://www.dwds.de

The British National Corpus. URL: http://www.natcorp.ox.ac.uk

Information About the Author

Marina Yu. Fadeeva, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Director of the Institute for Philology and Intercultural Communication, Volgograd State University, Volgograd, Russia, fadeeva@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0001-5378-8848

Информация об авторе

Марина Юрьевна Фадеева, кандидат филологических наук, доцент, директор института филологии и межкультурной коммуникации, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия, fadeeva@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0001-5378-8848

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.5.8

UDC 811.111:004.738.5
LBC 81.432.1-51

Submitted: 07.05.2024
Accepted: 31.03.2025

ENGLISH-SPEAKING INFLUENCER'S VIRTUAL PERSONALITY: LINGUOCREATIVE ASPECT

Dana E. Barmina-Shalyapina

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Severodvinsk, Russia

Abstract. The research is based on the modern direction of global language studies – Internet linguistics. The central elements of self-presentation of English-speaking influencers on the video sharing platform YouTube – self-nominations and self-descriptions – are considered from the perspective of their linguistic creativity. 100 web profiles of influential users, containing two-phase self-nominations (100 nicknames/handles and 100 channel names) and self-descriptions (100 text units) have been analysed. It has been stated that in self-nominations the majority of influencers prefer their real anthroponyms, creating occasionalisms in the form of monostructural formations from their first and last names, thereby branding their real name. Less influential users create innovative onyms by combining their name with some language unit or inventing a pseudonym through word formation, blending, modifying idiomatic expressions. Variations of linguistic creative manifestations are also observed within self-descriptions in the forms of greetings, calling to join the channel, providing brief information about the type of content, the user's interests in the form of word play, with various syntactic structures and paraverbal symbols. All these points indicate the leaders' efforts to create their own innovative brand and attract an audience.

Key words: linguistic creativity, self-presentation, self-nomination, self-description, influencer, virtual personality.

Citation. Barmina-Shalyapina D.E. English-Speaking Influencer's Virtual Personality: Linguocreative Aspect. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 5, pp. 101-113. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.5.8

УДК 811.111:004.738.5
ББК 81.432.1-51

Дата поступления статьи: 07.05.2024
Дата принятия статьи: 31.03.2025

ВИРТУАЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ИНФЛЮЕНСЕРА: ЛИНГВОКРЕАТИВНЫЙ АСПЕКТ

Дана Эдуардовна Бармина-Шаляпина

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, г. Северодвинск, Россия

Аннотация. Исследование выполнено в русле актуального направления языкознания – интернет-лингвистики. Рассмотрены центральные элементы самопрезентации англоязычных инфлюенсеров на видеохостинге YouTube – самономинации и самоописания – с позиции лингвистической креативности данных языковых единиц. Проанализированы 100 веб-профилей влиятельных коммуникантов, содержащих двухфазные самономинации (в количестве 100 никнеймов и 100 наименований каналов) и самоописания (100 текстовых единиц). Установлено, что в самономинациях большинство инфлюенсеров отдает предпочтение своим реальным антропонимам, формируя окказионализмы в виде монокомпонентных образований из имени и фамилии, брендируя тем самым свое настоящее имя. Меньшее количество влиятельных пользователей указывают инновационные онимы, включающие соединение своего имени с какой-либо языковой единицей, или выбирают псевдоним, применяя словообразовательные возможности языка и блендинг, модифицируя идиоматические выражения. При самоописании лингвистическая креативность инфлюенсеров проявляется в вариации приветствия, призыва стать подписчиком канала, используя языковую игру, разные синтаксические формы предложения и паравербальные символы при предоставлении краткой информации о публикуемом контенте и интересах автора канала. Все это свидетельствует о стремлении лидеров мнений к развитиюсвоего инновационного бренда и завоеванию аудитории.

© Barmina-Shalyapina D.E., 2025

Ключевые слова: лингвокреативность, самопрезентация, самономинация, самоописание, инфлюенсер, виртуальная личность.

Цитирование. Бармина-Шаляпина Д. Э. Виртуальная личность англоязычного инфлюенсера: лингвокреативный аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 5. – С. 101–113. – (На англ. яз.). – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.5.8

Introduction

The Internet is ubiquitous today. Virtual communication not only provides simultaneous, convenient, and unhindered exchange of information between users within the Web but also brings changes to the language we speak every day. Our language expands its spheres, acquiring new forms as well as new utilitarian and pragmatic functions. The language of interaction has its own peculiarities and dynamics, which are clearly manifested when using online social services with a high communicative potential.

Among the multitude of social networking services being currently available, the platforms with dominant visual content prevail, where photo and video materials are in the centre of attention. However, verbal content complements the image seamlessly, and it is seen as the main means of establishing contact with the online audience [Timoshenko, 2018]. The academic community actively supports the interest in the language of social media. Linguists study various aspects of such web-services, considering lexical and stylistic, genre, grammatical, communicative and pragmatic characteristics [Chudinova, Polegoshko, 2021; Danilicheva, 2018; Kopylova, Ivanova, 2023; Reva, Mezhina, 2020]. An important and relevant facet of global linguistics, that is not fully disclosed, is the problem of people's verbal self-presentation in the web-reality, and it definitely correlates with the anthropocentric and even the egocentric paradigm of modern research papers [Kazyaba, 2020].

In the context of pervasive digitalisation, the design of an optimal online prototype, its successful promotion, development and the implementation of full-fledged communicative activity on the Web get particular emphasis and scholarly value, especially when we focus on the influencers as the key, prominent and esteemed online personalities. In the era of general visualisation, only unconventional and innovative language usage, i.e. the ability for linguistic creativity as a significant tool of personal self-presentation, can help these influential users draw attention to their webpages.

Linguistic creativity has been studied and continues to be the object of research and academic interest of many domestic and foreign scholars [Dobrova, Melnikova, 2022; Fateeva, 2016; Fauconnier, Turner, 2002; Gay, 1980; Gerber, 2020; Gorbunova, 2005; Grigor'ev, 1979; Gridina, Pipko, 2012; Gridina, 2020; Ilyasova, 2020; Iriskhanova, 2009; Lakoff, Johnson, 2003; Literat, 2018; López Rúa, 2010; Nikitina, 2014; Nishpi, 2021; Renouf, 2007; Veale, Hao, 2008].

Creativity, in general, falls within the scope of research interests in the sphere of humanities – philosophy, psychology, sociology, culturology, pedagogy, art history, etc. Today, the concept of linguistic creativity is mentioned and reflected in the linguistic research field with an increasing frequency. This term turns out to be in the centre of researchers' attention for a number of reasons: firstly, due to consideration of the human factor in language and interest in the creative realisation of linguistic personality; secondly, the interpretation of creativity within cognitive linguistics and the identification of creativity is viewed as a special type of thinking; thirdly, the constant deployment of space for the creative activity of native speakers – media and advertising discourse and the language of the Internet [Smirnova, 2021]. In addition, linguists query whether linguocreative manifestations in language are a sign of degradation and regression in the linguistic system or, on the contrary, contribute to the evolution of our everyday language. A growing number of once occasional formations is included in dictionaries and firmly established in the language, producing new meanings and contexts [Idrissi, 2019].

Nowadays, there is no unified definition of linguistic creativity. First and foremost, linguists predominantly define linguistic creativity through the hypernym *ability* or *complex of abilities*. L.M. Rylschikova talks about the use of ready-made language material to produce some sort of novelty [Rylshchikova, 2016], while T.A. Gridina, T.V. Tyuleneva and T.B. Shilo remark on the design of completely new, non-trivial and unique language units through creative speech activity,

most often associating this phenomenon with the result of the process of children's and students' language learning [Gridina, 2020; Shilo, 2018; Tyuleneva, 2012]. Furthermore, in some academic works attention is drawn to the correlation of linguistic creativity with *the system of knowledge about language* for the creation of new words, for which mastery of the language is seen as a necessary condition [Bazilevich, 2015]. A.V. Nagornaya and O.V. Sokolova speak about the influence of language creativity on effective communication, defining linguocreativity as *the production of a new language unit to solve an existing communicative task*, expressing the desired meaning as fully as possible [Nagornaya, 2019; Sokolova, 2020]. Linguists emphasise the revolutionary nature of the phenomenon under study, as linguistic creativity provides a basis for renewing the existing language. Moreover, many specialists define linguocreativity through the lens of the process, considering this phenomenon as a mechanism or an act of building language innovations [Zykova, 2017; Renouf, 2007; Stepanova, 2020]. And finally, in approaches to defining linguistic creativity, a number of researchers prefer to start not from the essence of its phenomenon but from the generating factors, conditions or circumstances, its *discursive causality* [Germasheva, 2016; Zykova, Kiose, 2020].

Linguocreative processes are characterised by the following specific features:

– *deviance* – language creativity compared to norms and correctness of verbal expression [Zykova, 2017];

– *discoursivity* – the acquisition of new meanings and qualities of language phenomena in different concepts and surroundings [Kshenovskaya, 2020];

– *communicativeness* – the fact of using the language innovation exclusively in the presence of the communicator's intention and a clear aim to show an attitude to some phenomenon of reality through a new language formation [Nemkina, 2023];

– *cognition* – a certain way of thinking that allows creating something non-standard in the language [Kiose, 2020; Zolotarev, Privalova, 2020];

– *evaluativity, expressiveness and metaphoricity* – a group of features representing emotional, figurative and intense expression of the subject's state of mind [Avdevnina, 2018; Shkvartsova, 2017].

Considering all the above, we can claim that *linguistic creativity is the ability to create unique linguistic units with the aim of generating innovative formations or expanding existing meanings for the most accurate reflection of the reality, attracting attention and achieving the necessary effect in a particular communicative situation*.

Linguistic creativity is multidimensional and complex. Much attention is currently paid by linguists to the analysis of the linguocreative component of online texts. The Internet opens up broad prospects for studying manifestations of linguocreative activity, which is becoming widespread. Linguistic creativity is considered to be situational, but alongside with that, it harmoniously fits into social contexts, as it is regularly encountered in everyday language. The Web is hybrid in terms of the correlation of oral and written texts – the user expresses themself by means of writing, without involving the speech apparatus, but simultaneously in various ways conveys their own intonation and "oralises" what is written. Linguistic means used by people in online communication represent the greatest value and significance, as it is through them that the identity of each user is manifested.

Linguistic creativity constitutes a core component of influencers' verbal self-presentation on social media, enabling the negotiation of authenticity within commercialised digital spaces. At the moment a scholarly trend towards the analysis of verbal embodiment and strategies for constructing virtual personalities in social networking services has emerged. The users themselves are the creators of all content, setting the directions and developing online communicative platforms. They demonstrate and position their individuality, design and build their own holistic virtual image largely thanks to the conscious and creative application of necessary linguistic means. While the phenomenon of linguistic personality, which has emerged in linguistics, already has a relatively settled tradition and developed theory, it is the consideration of virtual linguistic personalities which is sporadic in linguistics. However, in marketing, for example, a versatile image of an online individual is always crucial, and increased attention is given to the fact that successful self-presentation and an elaborated online identity of the user are in direct ratio to

both communicative and commercial success and demand [Kazyaba, Barmina, 2022].

Any modern social network is full of various users, and the central category among them is called influencers, or public opinion leaders. Referring to explanatory dictionaries, it is possible to identify the basic distinctive characteristics of influencers, namely, power (Dictionary), fame and influence on social media (Duden), loyal audience, high influential potential, advertising activity, getting financial advantage online (Macmillan). The role and importance of influencers in the process of online communication is difficult to overestimate, as in this case we are dealing with the stereotypes of human thinking. People tend to accept the statements and instructions of individuals who seem authoritative in any field without hesitation. Influencers' virtual personalities require constant demonstration, elaboration, and objectification to be in all their glory.

Self-presentation, within the context of social networking services, acts as a significant determinant of potential online success. This phenomenon can be described as an online user's strategic communicative activity, wherein they construct a virtual personality utilising both verbal and non-verbal capabilities of a multi-coded media text [Stakhovskaya, 2019]. Modern social networks assume various positions that allow for productive verbal self-presentation. The foundation for creating an online personality is formed by these tools, and it's essential for any internet influencer to adeptly and consciously utilise them for progressing in their digital career. However, in this research we suggest focusing only on the pre-communicative level of self-presentation, i.e. on self-nomination and self-description, since it is these elements of self-positioning that are seen as central and basic along with visual data. Therefore, the aim of this article is to provide an analysis of linguistic creative tools within the key components of verbal self-presentation of English-speaking influencers on YouTube.

Material and methods

This study examines the linguistic construction of influencers' self-presentation through an analysis of self-nominations and self-descriptions collected from the video-sharing platform *YouTube* in 2024. YouTube has been chosen due to its popularity and the value of visual data today. Additionally, the choice of the platform is based on the statistics: according to *Buffer Marketing Library*, this video-sharing service is in the 3rd place of the social media ranking, having 2.49 billion monthly active users (Buffer). On this social media a user's pre-communicative identity consists of a handle (a nickname), a channel name and a self-description (see Fig. 1). We propose to identify, through a linguistic analysis, how public opinion leaders name and describe themselves and whether they produce occasionalisms and language innovations at this level of self-presentation.

In order to conduct research, distinguish the specific features of self-presentation of English-speaking influencers and find the linguocreative means designed by them, 100 personal web pages of English-speaking users with an audience of subscribers of at least 100 thousand people were selected from YouTube, obtained by a random stratified sampling. Accounts of only those users who are native to and/or reside in the United Kingdom or the USA were selected by applying the "USA" and "UK" filters in the search bar. The selection of research material was additionally based on the ratings and analytics of the following media reviewers: StarNgage (StarNgage), HypeAuditor (HypeAuditor) and YouGov (YouGov). The presented volume of factual material – 100 influencers' web pages – can be considered representative, as in the vast majority of cases, well-known media observers publish rankings of web celebrities, including the top 1 000 accounts. Based on empirical observations and relying on the practice of sociological and sociolinguistic research, which state and prove that even in conditions of an overly extensive population, 2% of units from the total number is sufficient for formulating conclusions and tracking specific features [Buchstaller, Khattab, 2014].

Self-nominations, as key elements in self-positioning, have undergone various types of analysis, such as nominative, structural, and graphical. Part-of-speech, qualitative and quantitative, semantic, content-thematic, and graphical analyses were used in relation to self-descriptions. In order to identify the trends in each aspect of self-presentation and their linguocreative potential, a quantitative count was conducted, and

Fig. 1. Key self-presentation stages on YouTube

for presenting the results of observations, synthesis methods, generalization, and descriptive methods were used.

Results and discussion

A key feature of influencer self-presentation is the two-phase process of self-nomination, which is explored below using examples from English-speaking YouTube creators' web pages. It is necessary to point out that some technical restrictions are imposed on the material we are studying. Thus, the nickname (@handle) must be unique and contain from 3 to 30 characters, including lowercase and uppercase letters, numbers, and underscores; periods, hyphens are also allowed. A handle provides identification potential on the social network, marking every single statement and publication of a user. The channel name, on the other hand, is free from such requirements; the character limit is only advisory.

Primarily, it is necessary to examine the nominative potential of English-speaking influencers' handles and to identify the linguocreative characteristics within each nominative type. Handles/nicknames can be expressed by the user's real name – these are autonyms; they may contain a real name in combination with another linguistic unit – mixed type handles; or they can represent new online names unrelated to the user's real name – pseudonyms. The distribution of these nominative types within the research database can be observed in the diagram (see Fig. 2).

It was found out that English-speaking influencers prefer to use their real-life names in their nicknames (60% of 100 personal web pages under analysis). The linguistic creativity of opinion leaders who refuse anonymity is manifested in the writing of their first and last names together, thanks to which each of these influencers is perceived as an individual with a unique brand of their real monostructural composite. There are 57 webpages with such monostructural handles-autonyms, and they are laid out in different ways which are shown in Table 1.

Only 3 autonymous handles are two-component, i.e. have a graphical delimiter between the first name and last name: *Dylan_Anderson*, *liam.porritt*. So, influencers avoid the few available paraverbal means in their handles, as their absence at this level of nomination indicates maximum originality and uniqueness.

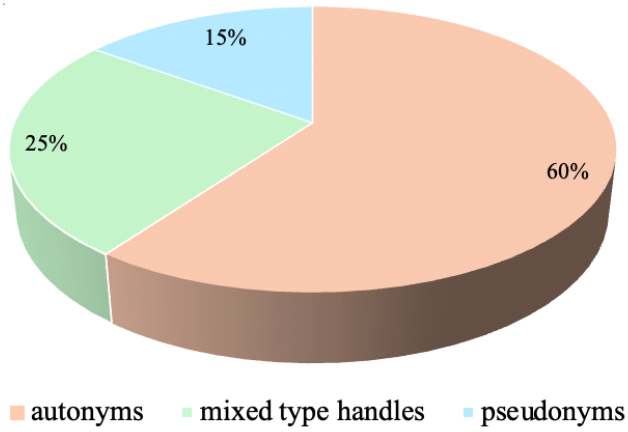


Fig. 2. The nominative potential of English-speaking influencers' handles

Table 1. **The composition of monostructural English-speaking influencers' handles-autonyms**

%	Structure	Example
43	The combination of the first name and surname written in initial capital letters	*MaryAllyson* *BeccaWatson* *TaylorBell* *DevinCarroll*
31	The same combination consisting entirely of lowercase letters	*alondradessy* *nathanieldrew* *allisonanderson* *scottykilmer*
10	The composition 'name + name'	*ErikaDiane* *HannahElise* *AlishaMarie*
10	Only the first name	*casey* *danny* *mikhaila*
6	The composition 'name + surname,' written with an initial capital letter	*Jaclynhill1* *Freddielooo*

At the second phase of self-nomination, creating a channel name, 3 influencers fully duplicate their handle, whereas 48 opinion leaders copy their handle, modifying only the graphical design. Typically, the first and last names are separated by a space and written with initial capital letters: *Brent Rivera* (*@brentrivera*), *Dan Rhodes* (*@danrhodes*), *Jeremy Lynch* (*@jeremylynch*). 3 influencers complement their already known name with their real surname: *CaseyNeistat* (*@casey*), *Mikhaila Peterson* (*@mikhaila*). The other 3 users reveal their full surname: *Em Sheldon* (*@Emshelx*), *Chris Williamson* (*@ChrisWillx*). 2 influencers add some noun to their true anthroponym: *Dhar Mann Studios* (*@DharMann*). However, only 1 communicant chooses non-standard graphic design, adding emojis: ☆*ELENA C.* (*@elenachee*). So, the opinion leaders don't tend to show their linguistic creativity at this self-nomination phase at all.

A monostructural creative composite formation in the handle has been registered as unanimous by 25% of 100 influencers (see Fig. 2); adding some language units to the real anthroponym they create an occasionalism – a handle of a mixed type. Their structural variations and frequency can be observed in Table 2.

All the demonstrated nicknames can be the specimens of linguistic creativity, as they are non-standard and innovative in terms of the language. The handle *zackdfilms* contains an occasional participle *zackd*, which ends in -(*e*)*d* and is used as an adjective in the given example. Also, two creative interpretations can be noticed in terms of an idiomatic expression *of the week* (= *one that has been chosen as the best in a particular*

Table 2. **The frequency of monostructural English-speaking influencers' handles of a mixed type**

%	Structure	Example
36	Construct a nomination on the pattern of a simple sentence to convey some meta-message	***Its**blitzzz* ***Iam**MoBo* *lena**lifts*** *Luke**DidThat*** *Vereena**slayed*** ***thatssoo**drea*
24	Declare their sphere of expertise through a noun	*nickbare**fitness*** *zackd**films*** *BradOwen**Poker*** *LanceStewart**Vlogs***
12	Combine their name with an adjective	***Happy**kelli* ***Holy**Schmidt* ***Flawless**Kevin*
8	Emphasize their uniqueness with a definite article, added to the real name	***the**jessicakaylee* ***TheOfficial**LoganPaul*
8	Declare their specialization through an abbreviation	*Brianna**YT*** *Laur**DIY***
8	Construct a nomination on the pattern of a word combination	*ben**oftheweek*** ***mylifeas**eva*
4	Represent an interesting example of word creation and blending through the connection of a noun with a proper name	*mark**iplier***

week) in the handle *benoftheweek* and of one widespread offensive exclamation based on the homophony, used to show that you think something is surprising, shocking, or impressive, inside the handle *HolySchmidt*. The following examples – *thejessicakaylee*, *TheOfficialLoganPaul* – are grammatically incorrect, but by having the definite article inside these handles the users express their absolute uniqueness. And also, we have the showcase of blending – *markiplier*: the onym *Mark* and the noun *multiplier* are combined inside this handle.

In this case, when forming their channel name, 7 influencers calque their nickname in the channel title, and 10 users introduce only slight graphic changes: *LukeDidThat* (*@LukeDidThat*), *MyLifeAsEva* (*@mylifeaseva*), *Happy Kelli* (*@happykelli*), *BENOFTHEWEEK* (*@benoftheweek*). 8 influential bloggers in the channel name on the video sharing platform leave only their own name, separating it from another linguistic unit: *Lance Stewart* (*@LanceStewartVlogs*), *Brianna* (*@BriannaYT*), *vereena* (*@vereenaslayed*), *linh truong* (*@withlovelinh*).

As it follows from Fig. 2, 15% of 100 influencers apply appellative self-nominations – they design their pseudonym in the handle, all of them are monostructural. These are occasional composites akin to word combinations and sentences the possible options are presented in Table 3. They vary greatly in terms of semantic content, most often indicating the key topic of the webpage.

All the depicted pseudonyms are creative in terms of their unified structure, containing multiple words in a single formation that has never existed before – their brand new onyms. We suggest taking a close look at some peculiar examples from the table above. The handle *XpertThief* appeared from the former interest of the user towards the computer game called Grand Theft Auto. He emphasised this fact in his pseudonym with the help of homophony in the first component *Xpert*, showing both his former obsession by the prefix *ex-* and his great playing skill in this adjective *expert*. The woman with the handle *iHasCupquake* breaks the existing grammar and spelling rules and designs an

Table 3. **The frequency of monostructural English-speaking influencers' handles-pseudonyms**

%	Structure	Example
60	The composites based on the sample of a word combination 'attribute + noun'	*SSSniperWolf* *FleetingFilms* *TheSunnyAdventurers* *XpertThief* *CuteGirlsHairstyles* *TheCottageFairy*
15	The composites based on the sample of a simple sentence	*iHasCupquake* *thatdudecancook*
13	Absolutely new onyms	*MrBeast* *swoozie*
12	Attributive composites	*3blue1brown* *fearfullycreated*

innovative lexical unit to highlight her singularity. The user with the handle *swoozie* has come up with his idea of this name with the help of the Nike clothing logo *Swoosh*, connected with the suffix *-ie*, typical of nouns, that show affection. This handle *3blue1brown* is also unusual, as the influencer conveys in the pseudonym his appearance feature, namely his eye colour.

The channel names again coincide with these handles in 93% of cases. 7% reveal a real personal name and a surname: *Mindy McKnight* (*@CuteGirlsHairstyles*). From the point of view of paraverbalics, names with examples of iteration and capitalisation for visual highlighting of the constituents of innovative formations were identified in the database.

To sum up, English-speaking influencers on YouTube display various ways of linguistic creativity in their self-nominations. As for both handles and channel names, the majority of influential users combine their first and last names with different capitalisation styles and delimiters. Patterns of mixed-type handles include simple sentences, nouns indicating expertise, adjectives, definite articles, abbreviations, word combinations, and blending. In pseudonyms influencers reflect the topic of their web-content, designing occasional composites. Influencers often replicate their handles in their channel names with minor graphical adjustments. So, the influencers maintain a balance between creativity and recognisability, often favouring simplified and unified structures that enhance their brand identity while occasionally breaking grammatical norms to stand out.

In terms of **self-descriptions** of English-speaking influencers on YouTube some more creative language manifestations can be found, as this element of self-presentation is not technically limited by the observed social networking service. Each self-description is formatted at the influencer's discretion, so there is no unified scheme of this self-presentational text. 93 influencers of 100 online-individuals in the database actively use their self-descriptions. Some influential users limit themselves to one sentence or slogan (8% of 93 influencers), while the majority of influencers write voluminous texts for a complete representation of what this virtual personality is, mentioning their real names, welcoming their target audience, giving information about their accomplishments, type of content, personal interests, important metadata, promising some positive impact of staying with them, being grateful to their followers, etc.

Inside self-descriptions we can notice a variety of greetings within this element of self-presentation (47% of 93 self-descriptions). They are all aimed at winning over the audience and creating a friendly atmosphere on the channel. Alongside typical greetings (e.g. *Hey Guys*, ...; *Hi friends*, ...; *WHATS UP?! I'm Jake Paul*), one can identify creative greetings that demonstrate an unusual approach to welcome the audience, for instance: *Hello Muggle* 🧙; *hi bestie*; *Welcome to the life of Drea!*; *Salutations! Welcome to my little country cottage.*

Based on these examples, we can focus on the fact how the influencers try to stand out from the typical greeting cliches by making unconventional linguistic choices to attract attention to their channel and noticeably differentiate themselves from others, taking into

account some paraverbal means (emojis, various letter cases), as well as non-standard ways of addressing other communicants (*bestie*, *Muggle*) and personifying their entire lives with the channel (*welcome to the life of...*). Influential users address the emotions of their potential followers, invite the others to join them and become a crucial part of their lives.

Some influencers design an original description of who they are, where they live and what they do on their channel for their audience. 52% of 93 influencers attract their followers' attention to the sphere of their activity, interests and hobbies inside the short texts:

(1) I make videos. **From quality content to meme-able garbage, from scary games to full-on interactive movies** you'll find it all;

(2) I'm **a mission-driven entrepreneur** and filmmaker focused on ideas that have **a massive positive impact** on the world;

(3) I travel a lot and I'm in the entertainment industry so **crazy stories are gonna come as a result**;

(4) I do that thing called **~iNfLuEnCiNg~;**

(5) My channel is **full of unscripted, organic, and spontaneous moments** that make each adventure truly unique and memorable. Over the years of travelling I have met some of the coolest, happiest, bravest and most beautiful people;

(6) **Doing what I love**! Travel, Lifestyle, Fashion, and **whatever I feel like**!

In these instances we can see linguistic creativity in the form of graduation technique (*from <...> to ... <...>*), unusual descriptions of the content (e.g. *meme-able garbage, crazy stories, unscripted moments*), graphical formatting with special symbols and capitalisation (*~iNfLuEnCiNg~*). All these sentences are aimed at drawing other users' attention to the webpage and getting a brief overview of the personal preferences of these influential users.

93 English-speaking influencers (36% out of the total) reveal their metadata, namely age, social status, profession, location, as they are given in the statements below:

(7) **26 y/o pro boxer / musical artist**;

(8) **Poker player** in **Las Vegas, NV**;

(9) I'm Michelle Reed, **a 20-something** figuring it out in **Dallas, TX**;

(10) I've been **a mechanic** for **56 years** and I'm here to share my knowledge with you!

(11) my wellness journey as **a 20-something-year-old living in London**;

(12) Californian documenting **my 20s in NYC** 🤠.

Having this information helps people get acquainted with the influencer without looking through the media that is published on the page.

The most part of the influencers encourage their audience to subscribe to their channel (73% of 93 influential users), finding unconventional ways to express this communicative intention and revealing their linguocreative ability by using various syntactic structures: a) imperative statement, e.g., *SUBSCRIBE FOR A COOKIE!*; *FAHLO ME*; *Subscribe to join the fam!*; *Make sure you subscribe and share my videos!*; b) conditional statement: *If you like to laugh, Subscribe to my channel!*; *Don't forget to comment, like and subscribe if you like any of my videos and I'd love to hear your video suggestions!*; c) question: *Whatever you're into I'm sure there's something for you down in the briny deep of my video page. So why not dive in?* Moreover, in the examples of calling to subscribe, metaphors, comparisons, as well as supplementary paraverbal units can be noticed: ***bloom with becca*** ✨🧚🤍🫶; *Join me, Milla*, on* ***the most fun adventures*** *to be found on YouTube* 🌞; *Creating and exposing* ***some of the most mind-blowing*** *videos on the web! Send me your recreations of my videos for a chance to be featured!*

In terms of such sentences graphical features are noted (emojis, capitalisation), in this way the influencers create a foundation for our visual focus on their self-descriptions. Moreover, there are some peculiar and creative equivalents to the verb *subscribe*, such as *dive in*, *stay a while*, *bloom*, *join the fam.* The influencers urge the audience not just to click the button to receive notifications about their updates on the webpage but to fully immerse themselves in the world of this virtual personality and experience important moments together with them.

The research material pointed to the tendency among influencers to employ their self-description section as a welcoming note to prospective followers. Here, they succinctly present key aspects of their personality and invite others to subscribe to their channel. Opinion leaders typically do not hesitate to use paraverbal means: a multitude of emoticons (76% of 93 self-

descriptions) serving an aesthetic function, accompanying and supporting the texts, cases of capitalisation (36% of 93 self-descriptions) – all these features make the self-description more creative, vivid and distinctive.

Thus, the research highlights a clear tendency among influencers to use their self-descriptions as a welcoming note to prospective followers. They employ various linguistic means to make their self-descriptions more engaging and distinctive. These include graphical features, greeting variations, content descriptions, personal information, calls to subscribe. By employing these varied and creative linguistic techniques, influencers effectively capture attention, build a connection with their audience, and encourage engagement with their content.

Conclusion

The linguistic analysis of two-phase self-nominations revealed that, regarding the first phase (handles), there is a tendency for English-speaking opinion leaders towards de-anonymisation, as the vast majority denote their online page on YouTube with their actual anthroponym. Handles-autonyms are linguocreative in their structure, because the most part of influencers synthesise their name and surname inside a unified brand new proper name. Other models at the first phase of self-nomination are also popular, although they differ in the absence of templates and diversity. However, all of the mixed and pseudonymic handles in the database can be considered as true representations of linguistic creativity, as the influencers come up with innovative monostructural composites and occasionalisms, using word-building, blending and word play. At the moment of assigning a name to the channel, influencers prefer to either duplicate the handle or seldom reveal their true personality. We can claim the high linguocreative potential of the influencers' self-nominations, as they build absolutely new language units to launch their brand, promote their uniqueness, create an authentic image and be identifiable in the virtual reality. Not only do they try to stand out from the numerous users, but they also personify themselves with the activity they carry out in the online environment.

The self-descriptions of influencers differ in content and structure, but at this second stage their mastery of language tools to attract attention and convey the key idea of who they are in a particular social network is declared. The influencers' ability for linguistic creativity is clearly manifested through the spectacular examples of derivational and lexical language creativity, namely word play, unusual language formations, popularity of graphic means (symbols, emoticons, letter cases). This result can be explained by the desire of opinion leaders to greet and address their potential loyal followers, to gain the audience and to turn to the users' emotions inside their self-descriptions in a non-standard and friendly manner.

REFERENCES

Avdevnina O.Yu., 2018. Estetika oshibki i poetika «pirozhkov» v svete ortologicheskikh ustanovok sovremennosti [Aesthetics of Error and Poetics of "pirozhki" in the Light of Orthological Settings of Modernity]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshey shkoly* [Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education], no. 6, pp. 17-28. DOI: https://doi.org/10.20339/PhS.6-18.017

Bazilevich V.B., 2015. Yazykovaya igra kak forma proyavleniya lingvisticheskoy kreativnosti [Word Play as a Form of Manifestation of Linguistic Creativity]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], iss. 3, no. 8 (50), pp. 20-22.

Buchstaller I., Khattab G., 2014. Population Samples. Podesva R.J., Sharma D., eds. *Research Methods in Linguistics*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 74-95.

Chudinova Yu.V., Polegoshko D.A., 2021. Ispolzovanie grammaticheskikh osobennostey frantsuzskogo yazyka v kommentariyakh (na primere sotsialnoy seti YouTube) [The Use of Grammatical Features of the French Language in Comments (On the Example of the Social Network YouTube)]. *Gumanitarnye issledovaniya* [Humanities Research], no. 1 (77), pp. 98-102.

Danilicheva A.A., 2018. Leksicheskie osobennosti byuti-bloga na primere nemetskoyazychnogo videokhostinga YouTube [Lexical Features of a Beauty Blog on the Example of a German-Speaking Video Hosting YouTube]. *Simvol nauki: mezhdunarodnyy nauchnyy zhurnal* [Symbol of Science: International Scientific Journal], no. 12, pp. 47-49.

Dobrova G.R., Melnikova A.I., 2022. O svjazi mezhdu lingvokreativnostju formirujushhejsja jazykovoj lichnosti i kreativnostju kak sovokupnostju

realizuemyh tvorcheskih sposobnostej individa [On the Relationship Between the Language Creativity of the Developing Linguistic Personality and Creativity as a Set of Implemented Creative Abilities of the Individual]. *Uralskiy filologicheskiy vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost: lingvistika kreativa* [Ural Philological Bulletin. Series: Language. System. Personality: Linguistics of Creativity], no. 2 (31), pp. 255-268.

Fateeva N.A., 2016. Yazykovaya kreativnost: podstupy k teme [Linguistic Creativity: Approaches to the Topic]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova* [Proceedings of the Russian Language Institute Named After V.V. Vinogradov], no. 7, pp. 13-28.

Fauconnier G., Turner M, 2002. *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*. New York. 440 p.

Gay W., 1980. Analogy and Metaphor. Two Models of Linguistic Creativity. *Philosophy and Social Criticism*, vol. 7, no. 3–4, pp. 300-317. DOI: 10.1177/019145378000700305

Gerber C., 2020. #MugabeFalls – Internet-Memes und linguistische Kreativität. *The Mouth – Critical Studies on Language, Culture and Society*, no. 5, pp. 39-44. DOI: 10.18716/ojs/the_mouth.3180

Germasheva T.M., 2016. Lingvokreativnyy diskurs: k postanovke problem [Linguacreative Discourse: Problem Statement]. *Diskurs-Pi* [Discourse-Pi], no. 3-4 (24-25), pp. 166-172.

Gorbunova N.G., 2005. *Yazykotvorchestvo Dzh. Dzhoysa: slovoobrazovatelnyy aspekt: na primere romana «Uliss»: avtoref. dis. ... kand. fil. nauk* [Language Creativity of James Joyce: Word-Formation Aspect: A Case Study of the Novel "Ulysses". PhD. phil. sci. abs. diss.]. Saint Petersburg. 20 p.

Gridina T.A., 2020. Fenomen verbalnoy kreativnosti v svete innovatsiy detskoy rechi: metodologiya analiza [The Phenomenon of Verbal Creativity in the Light of Innovations in Children's Speech: Methodology of Analysis]. *Strategicheskie orientiry sovremennogo obrazovaniya: sb. nauch. st.* [Strategic Guidelines of Modern Education. Collection of Scientific Articles], pp. 69-72.

Gridina T.A., Pipko E.I., 2012. Eksperimentalnoe issledovanie verbalnoy kreativnosti: slovotvorchestvo i recheporozhdenie [Experimental Study of Verbal Creativity: Word Formation and Speech Generation]. *Filologicheskiy klass* [Philological Class], no. 3 (29), pp. 12-18.

Grigor'ev V.P., 1979. *Poetika slova. Na materiale russkoy sovetskoy poezii* [Poetics of the Word. Based on Russian Soviet Poetry]. Moscow, Nauka Publ. 343 p.

Idrissi A.N., 2019. La créativité linguistique des ados entre évolution et/ou régression de la langue. *BAU Journal – Society, Culture and Human Behavior*, vol. 1, iss. 1, art. 5. DOI: https://doi.org/10.54729/2789-8296.1004

Ilyasova S.V., 2020. Slovoobrazovatelnaya igra: ot lingvokreativnosti do lingvocinichnosti (na materiale yazyka sovremennykh rossiyskikh SMI) [A Word Building Game: From Linguocreativity to Linguocynicism (On the Material of Modern Russian Mass Media)]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], no. 3 (81), pp. 39-45. DOI: https://doi.org/10.26170/pl20-03-03

Iriskhanova O.K., 2009. O ponyatii lingvokreativnosti i ego roli v metayazyke lingvisticheskikh opisaniy [On the Notion of Linguo-Creativity and Its Role in Metalinguistic Descriptions]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Language Studies], no. 5, pp. 158-171.

Kazyaba V.V., 2020. Samonominatsii nemetskoyazychnykh detey v internet-igrakh [Self-Nominations of German-Speaking Children in Online Games]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshey shkoly* [Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education], no. 1, pp. 31-37. DOI: https://doi.org/10.20339/PhS.1-20.031

Kazyaba V.V., Barmina D.E., 2022. Lingvisticheskaya kharakteristika kepshn internet-publikatsiy angloyazychnykh inflyuenserov [Linguistic Characteristics of the Captions to Internet Posts of EnglishSpeaking Influencers]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 21, no. 3, pp. 176-191. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.3.14

Kiose M.I., 2020. Kognitivno-semioticheskie osnovaniya lingvokreativnosti diskursa: metodika analiza [Cognitive-Semiotic Foundations of Linguistic Creativity in Discourse: Analysis Methodology]. *Uralskiy filologicheskiy vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost: lingvistika kreativa* [Ural Philological Bulletin. Series: Language. System. Personality: Linguistics of Creativity], pp. 37-47.

Kopylova T.R., Ivanova S.S., 2023. Kommunikativno-pragmaticheskie parametry estestvenno-nauchnogo videobloga kak zhanra Internet-diskursa [Communicative-Pragmatic Parameters of the Natural Science Video Blog as a Genre of Internet Discourse]. *Mnogoyazychie v obrazovatelnom prostranstve* [Multilingualism in the Educational Space], vol. 15, pp. 32-38.

Kshenovskaya U.L., 2020. Lingvokreativnost v kognitivno-diskursivnom aspekte [Linguistic

Creativity in the Cognitive-Discourse Aspect]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], no. 2 (41), pp. 1035-1039.

Lakoff G., Johnson M., 2003. *Metaphors We Live By.* Chicago, University of Chicago Press. 191 p.

Literat I., 2018. Distributed Creativity on the Internet: A Theoretical Foundation for Online Creative Participation. *International Journal of Communication*, vol. 12, pp. 893-908.

López Rúa P., 2010. Making and Breaking the Rules: Lexical Creativity in the Alternative Music Scene. *Language Awareness*, vol. 19, no. 1, pp. 51-67.

Nagornaya A.V., 2019. *Grani i granitsy lingvokreativnosti: yazykovye eksperimenty Stivena Kinga* [The Boundaries and Limits of Linguistic Creativity: Language Experiments of Stephen King]. Moscow, LENAND Publ. 312 p.

Nemkina N.I., 2023. Pragmaticheskiy aspekt lingvokreativnosti kak otrazheniya sotsiokulturnykh osobennostey v protsesse mezhyazykovoy kommunikatsii [The Pragmatic Aspect of Linguistic Creativity as a Reflection of Sociocultural Characteristics in the Process of Interlingual Communication]. *Yazyki. Kultury. Perevod: IX Mezhdunar. nauch.-obrazovat. forum* [Languages. Cultures. Translation. The 9th International Scientific and Educational Forum], pp. 194-202.

Nikitina O.A., 2014. Lingvokreativnost yazykovoy lichnosti i diskursivnye markery leksicheskikh innovatsiy [Linguocreativity of the Language Personality and Discourse Markers of Lexical Innovation]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University], no. 4, pp. 206-221.

Nishpi M.L., 2021. The Existence of Language Deviation in Online Language During the Covid 19 Pandemic. *Proceedings of the 4th Sriwijaya University Learning and Education International Conference (SULE-IC 2020)*, pp. 533-540. DOI: https://doi.org/10.2991/assehr.k.201230.159

Renouf A., 2007. Tracing Lexical Productivity and Creativity in the British Media: The Chavs and the Chav-Nots. *Lexical Creativity, Texts and Contexts*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins, pp. 61-89.

Reva E.K., Mezhina V.A., 2020. Osobennosti predostavleniya kontenta na YouTube ob ekstremalnykh situatsiyakh: zhanry i formaty [Features of Presenting Content on YouTube About Extreme Situations: Genres and Formats]. *Gumanitarnyy vektor* [Humanitarian Vector], vol. 15, no. 5, pp. 110-115.

Rylshchikova L.M., 2016. *Lingvosemioticheskaya kreativnost nauchno-fantasticheskogo diskursa: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Linguosemiotic Creativity of Science Fiction Discourse. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Maykop. 26 p.

Shilo T.B., 2018. *Sistema razvitiya verbalnoy kreativnosti u shkolnikov* [System for Developing Verbal Creativity in Schoolchildren]. Saint Petersburg, LOIRO Publ. 108 p.

Shkvartsova T.V., 2017. Verbalizatsiya polozhitelnykh emotsiy v sovremennom publitsisticheskom tekste [Verbalization of Positive Emotions in Contemporary Journalistic Texts]. *Otechestvennaya filologiya* [Russian Philology], no. 4, pp. 50-57.

Smirnova N.V., 2021. Kontseptsii lingvokreativnosti v sovremennom rossiyskom yazykoznanii [Concepts of Linguistic Creativity in Modern Russian Linguistics]. *Aktualnye problemy stilistiki* [Current Issues of Stylistics], no. 7, pp. 89-114.

Sokolova O.V., 2020. Diskurs-«logofag»: granitsy lingvokreativnosti i stereotipnosti v reklame [Discourse-“Logophage”: Boundaries of Linguistic Creativity and Stereotyping in Advertising]. *Kritika i semiotika* [Criticism and Semiotics], no. 1, pp. 114-142.

Stakhovskaya Yu.M., 2019. Samoprezentatsiya tsifrovogo pokoleniya v sotsialnykh setyakh [Self-Presentation of the Digital Generation on Social Media]. Glukhov A.P., ed. *Kultura setevykh kommunikatsiy i tsifrovaya gramotnost* [Networked Culture and Digital Literacy]. Tomsk, Nats. issl. Tom. gos. un-t, pp. 28-43.

Stepanova A.A., 2020. Lingvokreativnost frazeologicheskikh edinits v epistolyarnom diskurse M.I. Tsvetaevoy [Linguistic Creativity of Phraseological Units in the Epistolary Discourse of M.I. Tsvetaeva]. *Yazyk, kultura, tvorchestvo: Mirovye praktiki izucheniya: sb. nauch. st. k 90-letiyu prof. Veroniki Nikolaevny Teliya* [Language, Culture, Creativity: World Practices of Study. Collection of Scientific Articles for the 90th Anniversary of Professor Veronika Teliya], pp. 142-151.

Timoshenko I.V., 2018. Lingvisticheskie osobennosti Internet-diskursa v sotsialnykh setyakh s dominiruyushchim vizualnym kontentom (na materiale Instagram *) [Linguistic Features of Internet Discourse in Social Networks with

* The Instagram social network is owned by the company Meta Platforms, Inc., included in the List of organizations and individuals with respect to whom there is information about their involvement in extremist activities or terrorism. The activity of this organization is prohibited on the territory of the Russian Federation.

Dominant Visual Content (On the Material of Instagram)]. *Yazyk. Kultura. Kommunikatsiya: izuchenie i obuchenie* [Language. Culture. Communication: Study and Teaching], pp. 380-387.

Tyuleneva T.V., 2012. *Formirovanie lingvisticheskoy kreativnosti studentov neyazykovykh spetsialnostey: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Formation of Linguistic Creativity in Students of Non-Linguistic Specialties. PhD. ped. sci. abs. diss.]. Volgograd. 30 p.

Veale T., Hao Y., 2008. Slip-Sliding Along in Linguistic Creativity: Building A Fluid Space for Connecting Disparate Ideas. *Proceedings of the 5th International Joint Workshop on Computational Creativity*. Madrid, Spain, pp. 101-108.

Zolotarev M.V., Privalova I.V., 2020. Razvitie kognitivnogo potentsiala pretsedentnogo antroponima [Cognitive Potential Development of Precedent Anthroponym]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 19, no. 2, pp. 159-170. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.2.14

Zykova I.V., 2017. *Metayazyk lingvokulturologii: KONSTANTY i VARIANTY* [Metalanguage of Linguaculturology: Constants and Variants]. Moscow, Gnozis Publ. 752 p.

Zykova I.V., Kiose M.I., 2020. Parametrizatsiya lingvisticheskoy kreativnosti v mezhdiskursivnom aspekte: kinodiskurs vs. diskurs detskoy literatury [Parameterisation of Linguistic Creativity in the Interdiscursive Aspect: Film Discourse vs. Discourse of Children's Literature]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Cognitive Linguistics Issues], no. 2, pp. 26-40.

SOURCES

Buffer – *23 Top Social Media Sites to Consider for Your Brand in 2024*. URL: https://buffer.com/library/social-media-sites/

StarNgage – *StarNgage: Influencer Marketing Platform*. URL: https://starngage.com

HypeAuditor – *HypeAuditor: Influencer Marketing Platform*. URL: https://hypeauditor.com

YouGov – What the World Thinks – *YouGov – What the World Thinks: Global Public Opinion and Data Company*. URL: https://today.yougov.com

DICTIONARIES

Dictionary – *Dictionary.com: Meanings & Definitions of English Words*. URL: https://www.dictionary.com/browse/influencer

Duden – Sprache sagt alles – *Duden – Sprache sagt alles: Wörterbuch Online*. URL: https://www.duden.de/node/225112/revision/535797

Macmillan Open Dictionary – *Macmillan Open Dictionary: Crowdsourced Dictionary*. URL: https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/influencer

Information About the Author

Dana E. Barmina-Shalyapina, Postgraduate Student, Department of German and French Philology, Lecturer, Department of General and Germanic Linguistics, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Severodvinsk, Russia, barmina.dana@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2253-560X

Информация об авторе

Дана Эдуардовна Бармина-Шаляпина, аспирант кафедры немецкой и французской филологии, преподаватель кафедры общего и германского языкознания, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, г. Северодвинск, Россия, barmina.dana@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2253-560X

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.5.9

UDC 81'1
LBC 81.04

Submitted: 28.02.2025
Accepted: 01.07.2025

LINGUISTIC PARADIGMS OF THE 21st CENTURY: DIALOGUES WITH ACADEMICIAN V.M. ALPATOV

Oleg V. Nikitin

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

Abstract. The article analyzes the state of linguistics at the turn of the 20th – 21st centuries in scientific dialogues with academician V.M. Alpatov and shows the prospects for its development in the 21st century in connection with accounts of the new methodology and the search for breakthrough directions. It points to the crisis phenomena in modern science and the lack of generally recognized markers of linguistic prognostics. The causes of coups and cultural breakthroughs in linguistics are identified and explained. External factors are noted to influence profoundly the state and vectors of research into the language, as well as the shift of the centers of linguistics, which leads to a change in scientific paradigms. An assessment is given to the most promising ideas and discoveries of the past periods in the development of linguistics related to the names of F. de Saussure, L. Bloomfield, I.A. Baudouin de Courtenay, N. Chomsky, and others. It is assumed that linguistics develops according to the principle of interacting "black boxes." It points out the leading role of authorities in science and the Kazan, Moscow, St. Petersburg, Prague, American, Geneva schools they have created for shaping linguistic policy on a global scale. The author emphasizes the connection of linguistics with applied sciences and the role of mathematical knowledge in the transformation of views and approaches to language studies. The innovative ideas and methods of Russian linguists V.I. Abaev, V.Vs. Ivanov, E. Kibrik, Yu.S. Stepanov etc. are commented on. The dialogues view the problems of the 21st cent. linguistics *terra incognita*. The opinion on the variability of the terminological apparatus of linguistics and the role of tradition in shaping the image of modern humanities is substantiated. V.M. Alpatov's observations about the linguistic expansion and the struggle between two approaches to language study are given: the rigorous one is modelled after natural sciences, and the interdisciplinary one. They indicate the search for new directions in sciences of the 21st century. The conclusion informs about the opportunities for linguistics to overcome the crisis and evolve in the future.

Key words: theory of linguistics, linguistic prognostics, crisis of linguistics, evolution of linguistics, personality of a linguist, V.M. Alpatov.

Citation. Nikitin O.V. Linguistic Paradigms of the 21st Century: Dialogues with Academician V.M. Alpatov. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 5, pp. 114-137. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.5.9

УДК 81'1
ББК 81.04

Дата поступления статьи: 28.02.2025
Дата принятия статьи: 01.07.2025

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ XXI в.: ДИАЛОГИ С АКАДЕМИКОМ В.М. АЛПАТОВЫМ

Олег Викторович Никитин

Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Россия

© Никитин О.В., 2025

Аннотация. В статье, написанной в жанре научных диалогов с академиком В.М. Алпатовым проанализировано состояние лингвистики на рубеже XX–XXI вв. и показаны перспективы ее развития в XXI в. с учетом новой методологии и поиска прорывных направлений. Указывается на кризисные явления в современной науке и отсутствие общепризнанных маркеров лингвопрогностики. Определяются и объясняются причины переворотов и культурных взрывов в лингвистике. Отмечается большое влияние внешних факторов на состояние и векторы исследования языка и смещение центров лингвистики, что приводит к смене научных парадигм. Дается оценка наиболее перспективным идеям и открытиям прошлых периодов развития языкознания, представленным в работах Ф. де Соссюра, Л. Блумфилда, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Н. Хомского и др. Делается предположение о том, что лингвистика развивается по принципу взаимодействующих «черных ящиков». Говорится о ведущей роли авторитетов в науке и созданных ими школ для формирования лингвистической политики в глобальном масштабе: Казанской, Московской, Петербургской, Пражской, Американской, Женевской. Подчеркиваются связь лингвистики с прикладными науками и роль математического знания в трансформации взглядов, подходов к изучению языка. Прокомментированы оригинальные идеи и обобщения отечественных лингвистов В.И. Абаева, Вяч.Вс. Иванова, А.Е. Кибрика, Ю.С. Степанова и др. В диалогах обсуждаются проблемы terra incognita лингвистики XXI века. Обосновывается мнение об изменчивости терминологического аппарата лингвистики и роли традиции в формировании лица современной гуманитарной науки. Приводятся наблюдения В.М. Алпатова о лингвистической экспансии и борьбе двух подходов в изучении языка: строгого, по образцу естественных наук, и междисциплинарного, что свидетельствует о поиске новых направлений в науке XXI века. Делается вывод о способах преодоления кризиса и путях эволюции лингвистики в будущем.

Ключевые слова: теория языкознания, лингвопрогностика, кризис лингвистики, эволюция лингвистики, личность лингвиста, В.М. Алпатов.

Цитирование. Никитин О. В. Лингвистические парадигмы XXI в.: диалоги с академиком В.М. Алпатовым // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 5. – С. 114–137. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.5.9

Введение

Лингвистические парадигмы XXI в. при всей их удаленности от классических традиций компаративистики Гумбольдта – Шлейхера – Потебни – Фортунатова – Бодуэна де Куртенэ являются отголосками научных идей и открытий прошлых эпох, создававших науку о языке в совершенно ином, по сравнению с предшествующими периодами, системном измерении. С этого начался этап становления лингвистики как самостоятельной науки, центр которой – «человеческий язык в его истории» [Фортунатов, 1956, с. 23].

В современном языкознании при кажущемся хаосе идей, традиций и направлений есть научные константы, которые остаются незыблемыми многие годы. В. фон Гумбольдт называл их «вечными проблемами» лингвистики. Их начали обсуждать еще древнеиндийские ученые, затем продолжили философы античности и так, по спирали, меняясь в угоду очередной моде и идеологическим пристрастиям, дошли до периода формирования научных школ – теории языкознания. Именно с рубежа XVIII–XIX вв. мы отсчитываем историю науки в тех ее границах, методах и подходах, которые были заложены логиками, компаративистами, психологами и социологами, пытавшимися понять механизмы развития языка и нащупать системные связи.

Следующий прыжок вперед произошел на границе XIX–XX столетий. Он сменил романтиков поиска праязыка и эпоху компаративистики на формальную грамматику, изучение социологии речи и структур языка. Постепенно трансформировалось и лингвистическое сознание: многие стали отказываться от приоритета исторического подхода в пользу синхронического или же колебались между ними (И.А. Бодуэн де Куртенэ, Ф. де Соссюр).

Открывшееся в 1920-х гг. «паломничество» в структурализм объединило на несколько десятилетий вперед усилия лингвистов по созданию другой – знаковой – системы ценностей в науке и утверждению более актуальных методов изучения языка, основанных на использовании лингвистических моделей, анализе структур в фонетике, морфологии и синтаксисе. По сути, XX в. можно назвать эпохой структурализма в смысле глобальности проникновения его идей в научные

школы разных стран и континентов. Так происходило в пражской, датской, американской лингвистических традициях, пока на горизонте не возник в противоположность математическому взгляду на язык антропологический. Собственно, они развивались одновременно.

Ближе к концу XX в. ученым стал очевиден разворот в лингвистическом мировоззрении. С одной стороны, еще сильны позиции традиционалистов, во взглядах которых (Фортунатовская, Виноградовская, Щербовская школы) преобладает и сейчас системный подход с опорой на устоявшиеся теории и практики изучения языка. С другой – усилились тенденции лингвокультурологического, этно- и социолингвистического анализа фактов языка. С третьей – большое место в исследованиях стали занимать типологические проекты (изучение универсалий, слов в речи, звуковых моделей, грамматических категорий и т. д.). С четвертой, «вавилонскую башню» сотрясают компьютерные открытия, генерирующие новое пространство лингвистики. Например, изучение больших языковых моделей (далее – LLM), искусственного интеллекта (далее – ИИ). Эта сфера стремительно ворвалась во многие эволюционные круги нашего времени.

И все же мы должны признать, что новая «революция» в языкознании пока не произошла. Мы являемся свидетелями того, как в очередной раз меняется интеллектуальное движение: философия структурализма уже не главенствует в «черном ящике» лингвистических идей, уступает место более антропоцентричной типологии, корпусу экстралингвистических наук, особенно когнитивистике, социопсихолингвистике, и постепенно переходит в разряд традиционных дисциплин.

Как же нам разобраться в том, что станет двигателем науки в будущем, – будет ли это открытие неизвестного ранее языка, который перевернет представления ученых о механизмах работы языковой системы, или социокультурный «взрыв», новые разработки в сфере информационных технологий, ИИ? И что произойдет со старой лингвистикой – она часть новой номенклатуры науки или архаика, обслуживающая прикладные задачи? Эти и другие вопросы мы обсудили с главным научным сотрудником Института языкознания РАН, доктором филологических наук, профессором, академиком РАН Владимиром Михайловичем Алпатовым. Беседы с крупным лингвистом-теоретиком, ориенталистом, типологом, историком языкознания, социолингвистом – нашим современником – как раз позволяют оценить и переосмыслить богатое культурное наследие мирового языкознания, понять специфику эволюции представлений о языке и смены научных приоритетов, раскрыть роль личности в формировании лингвистической теории.

Материал и методы

Диалоги о науке представляют собой необычный жанр, в котором на первый план выступают голос и личная интонация собеседника, его рефлексии. И хотя инициатор обычно задает определенную тему, беседа иногда выходит за ее границы, прерывается попутными наблюдениями, комментариями, оценками, что позволяет читателям увидеть портрет эпохи глазами ее незаурядного свидетеля. Такой культурный фон присутствовал еще в диалогах В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным [Беседы..., 2006] и А.А. Реформатским [Реформатский, 2001]. Эта традиция получила продолжение и в недавно опубликованных беседах В.С. Елистратова с Ю.А. Бельчиковым [Из истории русской лингвистики..., 2022].

Идея подготовить диалоги с В.М. Алпатовым возникла спонтанно в связи с юбилеем ученого (17 апреля 2024 г. ему исполнилось 80 лет). Человек редкого дарования и лингвистического чутья, Владимир Михайлович с энтузиазмом откликнулся на мою просьбу. Беседы с В.М. Алпатовым проходили путем переписки, телефонных разговоров и коротких личных встреч. Некоторые коррективы к черновым записям диалогов производились во время совместной с респондентом окончательной редакторской правки. Наши комментарии к ответам В.М. Алпатова сводились к краткому изложению фактов и событий, описанных в беседах, верификации имен ученых, их трудов, упоминавшихся в диалогах. При воспроизведении диалогов сохранены авторская стилистика, пунктуация, специфические детали речевой коммуникации. Для придания материалу единообразия мы

вставили инициалы к фамилиям ученых, произвели минимальную техническую правку и получили одобрение В.М. Алпатова на публикацию после просмотра произведенной редактуры.

Основными методами исследования являются следующие.

1. *Описательный*. Он заключается в сборе и классификации материала, в первичном анализе данных. Основной фокус наблюдения проблемы сосредоточен на поиске адекватного методам исследования способа получения и обработки информации, ее систематизации и комментирования. Им стал жанр научного диалога (беседы) с яркой личностью. Таким образом, создается первичный «каталог лингвистических идей», который служит базой для последующего анализа.

2. *Историко-лингвистический*, позволяющий изучать языковые изменения с течением времени, исследовать этнологические сообщества с точки зрения общей теории и истории языковых трансформаций, проникать в диахроническую спираль процессов, реконструировать биографии языков. Эти, казалось бы, очевидные и хорошо обследованные к настоящему времени проблемы дают простор для развития идей лингвистической прогностики: каждая историческая школа и эпоха в языкознании рождает новые подходы (В.М. Алпатов, например, упомянул структурализм, глоттохронологию) и раздвигает горизонты мысли. Здесь широта взглядов и энциклопедичность познаний В.М. Алпатова помогли нам сформулировать и выстроить разрозненные факты в систему исторических предпосылок и открытий, повлиявших на ход эволюции лингвистики.

3. *Сравнительно-сопоставительный*. Этот метод позволяет выявить общие и частные закономерности систем разных языков, сконструировать универсальные модели, проанализировать необычные факты и сопоставить их с неродственными языками, как это было продемонстрировано, например, в работах В.М. Алпатова [Алпатов, 2017; 2023б]. В контексте лингвистических бесед с ученым вопросы типологии возникали не раз при об-

Владимир Алпатов в сквере на 2-й Песчаной улице. Москва, 1958 г.
Vladimir Alpatov in the park on 2nd Peschanaya Street. Moscow, 1958

суждении методов языковедческого исследования, их недостатков или закономерностей (Н.Я. Марр, Л. Блумфилд, Э. Сепир, Б. Уорф, А.Е. Кибрик и др.).

4. *Лингвоперсонологический*, исследующий ученого как носителя специального знания (коммуникативная деятельность, профессиональные навыки, достижения и ошибки, портрет и т. д.). Мы обращаем внимание также на индивидуальные ментально-психологические особенности, письменную и устную практики, личные предпочтения, которые нашли отражение в научном пути В.М. Алпатова [Никитин, 2025]. Интервьюирование как общенаучный метод получил применение в нашем контексте для изучения невербального поведения, выявления оценочных характеристик, нестандартных суждений и в целом показывает креативные возможности респондента, располагает его к доверительному общению. В.М. Алпатова всегда старался давать свой взгляд на поставленные вопросы, не шел на поводу у современной моды, не стремился показать «всезнание» и высказывал нетипичные, но глубокие и даже парадоксальные для понимания современного состояния лингвистики мысли.

5. *Социолингвистический*, основанный на непосредственном наблюдении языковой личности в процессе коммуникации, анализе фактов, обусловленных экстраязыковыми обстоятельствами. В.М. Алпатов и здесь представляет в науке редкий феномен полиглота. Используется также социолингвистическая корреляция, состоящая из характеристики гендерных, возрастных и иных предпочтений. В.М. Алпатов – представитель старшего поколения советской школы лингвистики, чьи взгляды сформировались под влиянием идей В.А. Звегинцева, П.С. Кузнецова. Их традиции во многом сформировали его научное мировоззрение [Алпатов, 2023а]. Близко к этому находится метод критической лингвистики, используемый для изучения воздействия текстов на манипуляцию сознания. Здесь имеет место социальный статус собеседника, его историко-культурные, духовные искания, семейные и деловые традиции.

6. *Психолингвистический* метод позволяет нам обратиться к интуиции респондента, провести своего рода ассоциативный эксперимент – увидеть спонтанную словесную реакцию В.М. Алпатова, его оценки психологии лингвистических личностей, особенностей манеры их коммуникативного поведения, понять, как возникают открытия. Мы использовали также метод психологического наблюдения за ученым. В.М. Алпатов с этой точки зрения – чрезвычайно интересный собеседник, обладающий ассоциативной памятью, четкими представлениями о строгости научной концепции и доказательности фактов. Как представитель классической школы компаративистики и ориенталистики в диалогах он демонстрировал молниеносную реакцию на сложные вопросы научной теории и практики, требующие погруженности в проблему, высказывал конкретные и лично выстраданные суждения.

7. *Теоретический*, раскрывающий научные концепции обсуждаемых в диалогах школ и направлений: Казанской, Московской, Петербургской, Пражской, Американской, Женевской, а также взглядов отдельных лингвистов как первооткрывателей идей, получивших развитие в XX–XXI веках. Указанный метод оценивает гипотезы и эксперименты, обобщает языковые данные, критически осмысляет имеющийся опыт, выделяет частное и универсальное в подходах к теоретическому осмыслению языковых процессов. В.М. Алпатов посвятил изучению этой проблематики многие свои работы [Алпатов, 2017; 2018; 2023б]. Особое внимание в беседах уделено обсуждению идей Ф. де Соссюра и И.А. Бодуэна де Куртенэ, которые во многом предвидели ход развития лингвистики в XX веке. Научное мышление В.М. Алпатова отличается великолепным знанием теории лингвистики, поиском нераскрытых или противоречивых проблем, аргументированной критикой «застывших» идей.

В статье использовались и методы смежных областей знания: истории, философии культуры, герменевтики, прогностики.

Беседы записывались в марте 2025 года.

Фотографии из семейного архива предоставил для публикации В.М. Алпатов.

Обсуждение

Кризис в лингвистике и роль личности в истории

Олег Викторович Никитин: Владимир Михайлович, хотелось бы поговорить о лингвистических парадигмах XXI века. Модный такой нынче термин. Но все же... Вы ощущаете, что наша наука сейчас находится в кризисном состоянии?

Владимир Михайлович Алпатов: Развитие лингвистики XX в. почти всегда выдерживалось в рамках, установленных Ф. де Соссюром [1]. Тесно связанный с ним Ш. Балли [2] писал: «Чтобы у исследователя «появился некоторый шанс уловить реальное состояние языковой системы, он не должен иметь ни малейшего представления о прошлом этого языка, он должен полностью игнорировать связь языка с культурой и обществом, в котором этот язык функционирует, чтобы все внимание исследователя было сосредоточено на взаимодействии языковых символов» [Балли, 2003, с. 39]. Сейчас приоритеты другие. Общая тенденция – не устанавливать никаких априорных ограничений, об этом еще в 1983 г. писал А.Е. Кибрик [3]. Но общепризнанного направления, сопоставимого по значимости со структурализмом или генеративизмом, пока нет, и где именно произойдет прорыв, пока говорить трудно. В этом смысле можно говорить о кризисе.

О.В.: Вам не кажется, что есть феномен цикличности кризисов в лингвистике? Так было на рубеже XVIII–XIX вв., когда на смену логико-грамматическому пониманию языка пришли компаративисты, и на стыке XIX–XX вв., когда многие «устали» от сравнительно-исторического языкознания и искали новые идеи. И ведь нашли. А что сейчас происходит с лингвистикой?

В.М.: Неизвестного в лингвистике много. По сути, мы кое-что знаем про систему, состоящую из как-то взаимодействующих «черных ящиков», а внутренность ящиков мы только начинаем изучать. На многие вопросы лингвистика не умеет отвечать и поиски ответа продолжается. К тому же раньше кризисы были связаны со снятием тех или иных ограничений, а сейчас господствует идея о том, что ограничения вообще не нужны. Цикличность, вероятно, есть. Давно стал избитым тезис о развитии науки по спирали, но цикличность и спираль – разные образы одного и того же.

О.В.: В одной из работ о типах научного лидерства Вы говорили о важности авторитета в науке, который мог бы вести за собой школу. Вы могли бы назвать таких лидеров в лингвистике XX в.?

В.М.: В мировой лингвистике, конечно, Л. Блумфилд [4], за которым долгое время шло большинство американских лингвистов, Р.О. Якобсон [5], имевший большое международное влияние, и прежде всего Н. Хом-

---

[1] Соссюр Фердинанд де (1857–1913) – швейцарский лингвист, стоявший у истоков становления семиологии и структурной лингвистики. Специалист по индоевропейским языкам, теории языковых знаков, общей лингвистики. Его труды в значительной мере сформировали современный портрет лингвистики XX в. и способствовали появлению национальных структуральных школ.

[2] Балли Шарль (1865–1947) – швейцарский лингвист, специалист по общему и сравнительно-историческому языкознанию, французской стилистике. Преемник Ф. де Соссюра в Женевском университете.

[3] Кибрик Александр Евгеньевич (1939–2012) – лингвист, специалист по типологии, синтаксису, теории языка. Заведовал кафедрой (отделением) теоретической и прикладной лингвистики МГУ в 1992–2012 годах. Член-корреспондент РАН с 2006 года. Вероятно, имеются в виду «Лингвистические постулаты» ученого [Кибрик, 1983, с. 24–39].

[4] Блумфилд Леонард (1887–1949) – американский лингвист, специалист по индоевропеистике, теории языка, исследователь местных языков Северной Америки. Один из основателей американской дескриптивной лингвистики.

[5] Якобсон Роман Осипович (1896–1982) – российский и американский лингвист и литературовед, специалист по теории языка, фонологии, грамматике, психолингвистике, семиотике, поэтике, большому кругу проблем славистики. Видный участник Пражского лингвистического кружка. Почетный член многих филологических обществ и академий. Его деятельность оказала влияние на развитие научного мировоззрения XX века.

ский [6]. В США и не только там любят в мировой лингвистике выделять доисторический период до 1957 г., года издания «Синтаксических структур» Н. Хомского [Chomsky, 1957], и последующий исторический период. И много, конечно, более частных школ, в том числе национальных: Э. Сепир [7], Э. Бенвенист [8], А. Мартине [9], Л.В. Щерба [10] и др. Они также повлияли. Бывало и так, что лидеры вели за собой посмертно: де Соссюр.

У нас первоначально ведущими школами, сложившимися еще до революции, были Московская и Петербургская. Московскую школу основал Ф.Ф. Фортунатов [11], он в духе времени в основном занимался праязыками, но попутно выдвигал идеи о том, как устроен язык вообще. После него долгое время школу возглавлял его ученик Д.Н. Ушаков [12] (руководитель составления знаменитого словаря), он не был крупным ученым, но сохранял традиции школы. Уже в советское время ученики Д.Н. Ушакова образовали Московскую фонологическую школу (В.Н. Сидоров [13], А.А. Реформатский [14], Р.И. Аванесов [15]), особые школы создали А.И. Смирницкий [16], В.В. Виноградов [17]; школа М.М. Бахтина [18] (Волошинов [19]) состояла из маргиналов, однако ее поначалу забытые идеи уже во второй половине века оказались актуальными. В Петербурге – Ленинграде школу основал И.А. Бодуэн де Куртенэ [20], в советское время его преемником стал Л.В. Щерба. О школах близкого к нам времени буду далее говорить по ходу дела.

[6] Хомский Ноам (1928 г. р.) – американский лингвист, философ и публицист, автор теории универсальной грамматики, специалист по синтаксису, когнитивистике, политологии.

[7] Сепир Эдуард (1884–1939) – американский лингвист, антрополог, специалист по языкам американских индейцев, индоевропейской фонологии, интерлингвистике, психо- и социолингвистике.

[8] Бенвенист Эмиль (1902–1976) – французский лингвист, специалист по индоевропеистике, теории языка, типологии, семантике. Автор оригинального «Словаря индоевропейских социальных терминов» (М., 1995).

[9] Мартине Андре (1908–1999) – французский лингвист, специалист по общему языкознанию, фонологии, интерлингвистике, теоретик структурализма.

[10] Щерба Лев Владимирович (1880–1944) – лингвист и методист, специалист по фонологии, лексикологии, лексикографии, славянским и французскому языкам. Академик АН СССР с 1943 года.

[11] Фортунатов Филипп Федорович (1848–1914) – лингвист, специалист по сравнительно-историческому языкознанию, акцентологии, славянским и балтийским языкам, общей теории языкознания. Основатель Московской лингвистической школы.

[12] Ушаков Дмитрий Николаевич (1873–1942) – лингвист и педагог, специалист по диалектологии, орфографии и орфоэпии, лексикографии, русскому литературному языку. Член-корреспондент АН СССР с 1939 года.

[13] Сидоров Владимир Николаевич (1903–1968) – лингвист, специалист по диалектологии, грамматике, теории и истории фонетики. Один из основателей Московской фонологической школы. Фактический руководитель работы по составлению «Словаря языка Пушкина».

[14] Реформатский Александр Александрович (1900–1978) – лингвист, специалист по фонологии, терминологии, семиотике, теории и истории языкознания. Один из основателей Московской фонологической школы.

[15] Аванесов Рубен Иванович (1902–1982) – лингвист, специалист по диалектологии, фонетике, орфоэпии. Один из основателей Московской фонологической школы. Член-корреспондент АН СССР с 1958 года.

[16] Смирницкий Александр Иванович (1903–1954) – лингвист, специалист по общей теории языка, скандинавистике и германистике, английскому языку.

[17] Виноградов Виктор Владимирович (1894/1895–1969) – лингвист и литературовед, специалист по истории русского литературного языка, текстологии, стилистике, поэтике, грамматике и лексикологии. Академик АН СССР с 1946 года. С середины 1940-х гг. – профессор, декан филологического факультета (1945–1948, 1950), заведующий кафедрой русского языка МГУ.

[18] Бахтин Михаил Михайлович (1895–1975) – философ, литературовед, культуролог, лингвист, специалист по стилистике и теории речевых жанров, истории античности, народной культуре средневековья и эпохе Возрождения, эстетике, текстологии.

[19] Волошинов Валентин Николаевич (1895–1936) – лингвист, философ, музыковед, специалист по истории языкознания, теории стилистики и литературоведению. Возможный автор книги «Марксизм и философия языка» (Л., 1929).

[20] Бодуэн де Куртенэ Иван Александрович (1845–1929) – польский и русский лингвист, специалист по славянским языкам, компаративистике, фонологии, интерлингвистике, лексикографии. Основатель Казанской лингвистической школы. Вместе с де Соссюром его относят к основоположникам структурализма.

О.В.: Есть ли лидеры в российском языкознании XXI в.? Кто они?

В.М.: Трудно ответить на этот вопрос, тут слишком многое не устоялось. Многое должно расставить время. Но в целом по сравнению со второй половиной XX в., когда лидеры того времени ушли из жизни или эмигрировали, общепризнанных лидеров стало меньше. Никто пока не заменил А.А. Зализняка [21], И.А. Мельчука [22], Ю.Д. Апресяна [23], С.А. Старостина [24].

О.В.: Кого бы Вы могли причислить к лидерам мировой лингвистики (не российской) XXI в.? И почему?

В.М.: Н. Хомский дожил до XXI в., но больше общепризнанных мировых лидеров я не знаю. Правда, может быть, я где-то недостаточно информирован. В старости я уже не так слежу за происходящим за рубежом, как это делал раньше.

О.В.: Он был крупным теоретиком и во многом повлиял на лингвистическое мировоззрение. Но были и фигуры другого плана. Вот Умберто Эко, например... Помню, что в Москве искали в магазинах его книги, был ажиотаж. К нему как Вы относитесь?

В.М.: Умберто Эко [25] – интересный автор, но, по-моему, более повлиял на литературоведов, чем на лингвистов.

О.В.: Но есть и другая тенденция... Притом, что лингвистика в наше время накопила большой инвентарь средств и методов для анализа языковых явлений и прошла через лженауку Н.Я. Марра, именно сейчас то и дело возникают публикации ненаучного свойства. Помните, один автор издал словарь под названием «Антифасмер»[26] и всем его рассылал, пытался заручиться поддержкой ученых и академических учреждений... Была шумная кампания в печати... Как бы Вы прокомментировали это явление?

В.М.: Крупных сенсаций я за последние десятилетия, после ныне здравствующего А.Т. Фоменко [27], не знаю. Упомянутая Вами «шумная кампания в печати» до меня не дошла. «Публикации ненаучного свойства» были и будут всегда.

О.В.: А «новая хронология» А.Т. Фоменко – это явный фейк, провокация, желание известного ученого обратить на себя внимание? Что это?

В.М.: «Новую хронологию» придумал не А.Т. Фоменко, а математик старшего поколения, лауреат Ленинской премии М.М. Постников [28], давно умерший. С А.Т. Фоменко я никогда не общался, поэтому судить о его намерениях не решаюсь. С М.М. Постниковым я говорил, и он мне показался воинствующим естественником, презирающим гуманитариев. Он считал, что историю надо изучать только методами естественных наук (изучение закономерности затмений и пр.).

О.В.: Знаменитый физик, академик, лауреат Нобелевской премии Лев Ландау как-

[21] Зализняк Андрей Анатольевич (1935–2017) – индоевропеист, славист, автор трудов по грамматике, исследователь берестяных грамот и древненовгородского диалекта. Академик РАН с 1997 года. Лауреат Государственной премии Российской Федерации (2007).

[22] Мельчук Игорь Александрович (1932 г. р.) – советский и канадский лингвист, специалист по структурализму, автор теории «Смысл ↔ Текст».

[23] Апресян Юрий Дереникович (1930–2024) – лингвист, специалист по синтаксису, семантике, лексикографии, структурной лингвистике. Академик РАН с 1992 года.

[24] Старостин Сергей Анатольевич (1953–2005) – лингвист, специалист по компаративистике, востоковедению, кавказским языкам. Занимался реконструкцией языков. Продолжатель традиции ностратической школы.

[25] Эко Умберто (1932–2016) – итальянский историк, культуролог, философ, писатель, лингвист и литературовед, специалист по теории семиологии, средневековой эстетике, критик структурализма, интерлингвист.

[26] Имеется в виду книга «Тайный код русской речи», во втором томе которой был опубликован авторский «Этимологический словарь. Анти-Фасмер» [Писанов Л. П., Писанов В. Л., 2009].

[27] Фоменко Анатолий Тимофеевич (1945 г. р.) – математик, получивший известность как автор «Новой хронологии», причисленной авторитетными историками В.С. Мясниковым, С.О. Шмидтом и лингвистом А.А. Зализняком к псевдонауке. Академик РАН с 1994 года.

[28] Постников Михаил Михайлович (1927–2004) – математик и педагог. Лауреат Ленинской премии. Занимался в том числе и попытками реконструкции истории.

то пошутил, что науки делятся на естественные, неестественные и противоестественные. Интересно, если бы его спросили, к какому разряду можно отнести лингвистику, чтобы он ответил?

В.М.: Про Л.Д. Ландау [29] не знаю, но для М.М. Постникова естественные науки оставались таковыми, а существующая лингвистика была неестественной / противоестественной. Разница была не в объекте, а в отсутствии, по его мнению, метода у гуманитариев.

О.В.: Кажется, против подхода А.Т. Фоменко выступил академик А.А. Зализняк. Вы согласны с ним?

В.М.: Я был на его выступлении против А.Т. Фоменко в Политехническом музее. С А.А. Зализняком согласны и я, и все лингвисты [30].

О.В.: С чем, на Ваш взгляд, связана эта тенденция? С падением общего уровня образованности? Хотя А.Т. Фоменко не назовешь безграмотным... А может быть с кризисом идей или феноменом Н.Я. Марра?

В.М.: Я не думаю, что такая тенденция сейчас так уж сильнее, чем раньше. Повторю: «публикации ненаучного свойства» были и будут всегда.

О.В.: А было ли такое в советское время? Или идеологический регламент не позволял отклоняться в сторону?

В.М.: Я не буду обсуждать то, что было не в лингвистике. А в лингвистике после Н.Я. Марра [31] его пример, думаю, влиял больше, чем «идеологический регламент». Временный успех Н.Я. Марра был обусловлен общим влиянием эпохи, когда считали, что надо создавать новое общество, новое искусство и в том числе новую науку. Н.Я. Марр оказался в нужном месте в нужное время.

Что находится в «черном ящике» лингвистики?

О.В.: Давайте вернемся к основной теме беседы. О парадигмах... Вы могли бы назвать те отрасли лингвистики, которые смотрят в будущее?

В.М.: Вопрос спорный. Считаю, что в будущее смотрят, прежде всего, исследования «черного ящика», то есть того, что находится внутри человеческого мозга.

О.В.: В этом смысле самый «обычный» термин «слово» еще до конца не разгадан, не так ли? Последние десятилетия его пытаются интерпретировать с нейролингвистических и психологических позиций.

В.М.: Полностью согласен. И я нахожусь в числе пытающихся интерпретаторов.

О.В.: А вот структурализм... пик интереса к нему был в XX веке. Сейчас Вам не кажется, что он угас? Или, наоборот, трансформировался в более креативные идеи?

В.М.: Структурализм – не какая-то область науки и человеческого знания, а метод научного изучения ряда лингвистических проблем. Структурный этап был важным и закономерным этапом развития лингвистики. Где-то она продвинулась вперед, где-то не смогла. Наш замечательный недооцененный ученый В.И. Абаев [32] писал, что структурная фонология получилась, а структурная семантика – нет [33]. И был прав. Этап как таковой пройден, но структурные методы продолжают применяться.

---

[29] Ландау Лев Давыдович (1908–1968) – физик. Создатель советской школы физиков-теоретиков. Участник Атомного проекта. Академик АН СССР с 1946 года. Лауреат Нобелевской премии по физике 1962 года.

[30] Он позднее опубликовал специальную статья «Лингвистика по А.Т. Фоменко» [Зализняк, 2000, с. 33–68], где показал, как трактуются данные языка в «новом учении» А.Т. Фоменко. А.А. Зализняк неоднократно выступал в печати и публично высказывался на эту тему. См.: [Интервью с академиком..., 2015; «Фоменко – жертва..., 2011].

[31] Марр Николай Яковлевич (1864–1934) – востоковед, кавказовед, этнограф, археолог. Академик Императорской АН с 1912 года. Вице-президент АН СССР с 1930 года. Создал «яфетическую теорию», подвергшуюся критике уже на первых этапах дискуссии о языке 1950 года. Время торжества его идей позднее назовут *марризмом*.

[32] Абаев Василий (Васо) Иванович (1900–2001) – лингвист-иранист, лексикограф, специалист по общему языкознанию, этимологии, осетинскому фольклору. Лауреат Государственной премии СССР (1981).

[33] Эти дискуссии проходили в научной печати в 1960-е годы. Позднее статьи были переизданы в книге «Статьи по теории и истории языкознания» [Абаев, 2006]. См. о нем: [Алпатов, 2013].

О.В.: Есть такая наука лингвоконцептология. Юрий Сергеевич Степанов [34] много сделал в этом направлении. И его словарь, конечно, великолепен – можно сказать, что он реконструировал метод Э. Бенвениста, применив его к русской языковой картине мира. Как Вы относитесь к его идеям?

В.М.: Лингвоконцептология – часть последующего этапа развития лингвистики. Языковые картины мира изучаются давно, но метод их описания не был выработан, как и семантические методы. В данных исследованиях получено немало результатов, но они в основном атомарны, общей теории нет.

О.В.: Два-три десятилетия назад многие писали о концептах. А позже я не раз слышал такое мнение: «Мы больше такое не публикуем» (реплика из одного журнала). Отчего так произошло? Тоже «устали»?

В.М.: Часто научный метод проходит через этапы становления, развития и насыщения, об этом я говорил в связи с проблемой кризиса. Но насколько верно приводимое мнение, не знаю. Думаю, что проблема символической, по Э. Сепиру, функции языка никуда деться не может. Другой вопрос – то, что здесь пока остается много неясного.

О.В.: Наверное, мы не можем считать науками XXI в. традиционные отрасли языкознания. Но и здесь происходят изменения. Например, лексикография сейчас идет в ногу со временем. Вы так не считаете?

В.М.: Безусловно, наша лексикография продвинулась вперед.

О.В.: Сейчас нечасто цитируют сравнительно-исторические идеи Ф.Ф. Фортунатова, А.А. Шахматова... Это потому, что их время ушло?

В.М.: Компаративистика так же, как фонетика или грамматика, была, есть и будет. Сравнительно-исторический метод уже двести лет сохраняет силу. Но, конечно, наука развивается, вскрываются новые факты, расширяется изучаемый материал, появляются новые методы вроде глоттохронологии [35]. Время не ушло, но наука со времен Ф.Ф. Фортунатова и А.А. Шахматова [36] ушла вперед.

О.В.: Мне кажется, что А.А. Шахматов очень тонко писал о древнейших судьбах русского племени. Можно сказать, что он предвидел многие современные проблемы языкового, этнонационального характера...

В.М.: Вероятно, так. Одно другого не исключает.

О.В.: Как Вы думаете вообще, чему современного лингвиста может научить история науки?

В.М.: Помимо чисто познавательного интереса и поучительных примеров, в науке прошлого можно найти немало актуального. Кто в 50-е гг. знал М.М. Бахтина или В.Н. Волошинова, хотя вопреки легендам их публикации не запрещались, а М.М. Бахтин вообще был жив! И Фердинанда де Соссюра по-настоящему узнали после смерти. И, вероятно, забытых ныне ученых еще могут вспомнить.

Лингвистические школы XIX–XX вв. – трамплин в будущее?

О.В.: У де Соссюра в «Заметках по общей лингвистике» немало парадоксальных, необычных мыслей. Его называют предтечей структуралистов, а между тем он утверждал, что «все в языке есть история» [Соссюр, 1990, с. 39]. И тут же говорил о роли психических процессов в аналогии [Соссюр, 1990, с. 49–52], много писал о теории знака, о фонологии, географическом варьировании языка, семасиологии... Как в нем уживались такие разные субстанции?

---

[34] Степанов Юрий Сергеевич (1930–2012) – лингвист, специалист по общему и французскому языкознанию, теории языка, семиотике. Академик АН СССР с 1990 года. Автор упоминаемой в диалоге книги «Константы: Словарь русской культуры» (М., 1997).

[35] Глоттохронология – научный метод сравнительно-исторического языкознания, применявшийся для обоснования датировки распада языковых семей. Широко использовался в исследованиях С.А. Старостина.

[36] Шахматов Алексей Александрович (1864–1920) – лингвист, историк, педагог, организатор дореволюционной науки, специалист по компаративистике, истории русского и славянских языков, грамматике, диалектологии, фольклористе, этнологии, древнерусской литературе. Академик Императорской АН с 1898 года. Председатель ОРЯС Императорской АН с 1906 года.

Три поколения Алпатовых: Владимир Алпатов с отцом Михаилом Антоновичем
и дедом с материнской стороны Владимиром Амвросьевичем Мыльцыным Москва, 1965 г.

Three generations of the Alpatov family: Vladimir Alpatov
with his father, Mikhail, and maternal grandfather, Vladimir Myltsyn. Moscow, 1965

В.М.: Ф. де Соссюр – яркий пример переходной фигуры. Он где-то был новатором, где-то до конца не ушел от традиции. До полного единства дойти не успел. Он не публиковал свои идеи, надеясь создать законченную теорию, но умер.

О.В.: Может быть, феномен де Соссюра в XX и даже в XXI вв. заключается в том, что он «прощупывал» самые уязвимые проблемы языка, искал законы системности? Вскоре наступило другое время – соссюровский ренессанс, и его идеи оказались очень популярными.

В.М.: Строгие рамки он не успел очертить, мог и следовать традиции, и забегать вперед.

О.В.: Иногда приходится слышать разделение на «советских» ученых и тех, кто был не согласен, по разным причинам уехал и создал свои концепции... Р.О. Якобсон, Н.С. Трубецкой, С.О. Карцевский, И.А. Мельчук и др. Их идеи стали востребованы мировым лингвистическим сообществом?

В.М.: Сложный вопрос. Тут сливаются научные и вненаучные проблемы, которые трудно не смешивать. Структурную фонологию создали три человека, контактировавшие между собой. Это по старшинству Н.С. Трубецкой [37], Н.Ф. Яковлев [38] и Р.О. Якобсон. Двое из них общепризнаны в мире, а Н.Ф. Яковлев хронологически первым опубликовал эти идеи в статье «Фонетические таблицы кабардинско-

[37] Трубецкой Николай Сергеевич (1891–1938) – лингвист, историк, этнограф, философ, литературовед, публицист, специалист по индоевропеистике, морфонологии. Активный участник Пражского лингвистического кружка. Один из теоретиков структурализма. Идеолог евразийства.

[38] Яковлев Николай Феофанович (1892–1974) – лингвист-кавказовед, специалист по разработке алфавитов для бесписьменных народов СССР, фонологии, грамматике, социолингвистике.

го языка» [Яковлев, 1923], принял революцию и прожил жизнь в СССР. Якобсон признавал его приоритет, но международную известность из-за железного занавеса Н.Ф. Яковлев не получил. А после революций и войн была «холодная война». И.А. Мельчук, еще живя в СССР, был открыто на стороне Западного блока и идеи блока пропагандировал наряду с научными идеями. Но его признания как лингвиста, тем не менее, за пределами России не получилось.

О.В.: Можно ли говорить сейчас о том, что в России живы традиции Московской, или Казанской, или Петербургской лингвистических школ? В чем это выражается? Или это словарный архаизм?

В.М.: Это не архаизм. Но надо различать научные идеи, которые в любой школе со временем меняются, и традиции, связь учителей с учениками и наследование общих признаков. Я учился у Петра Саввича Кузнецова [39], видного представителя Московской фонологической школы. Фонологией я специально не занимался (разве что в историографическом плане), но надеюсь, что что-то от него унаследовал. П.С. Кузнецов учился у Д.Н. Ушакова и М.Н. Петерсона [40], Д.Н. Ушаков – у Ф.Ф. Фортунатова, а Ф.Ф. Фортунатов сам создал школу. В Петербурге своя линия: Бодуэн – Щерба – Зиндер [41], ученики последнего еще работают. А вот Казанской школе не повезло: после смерти В.А. Богородицкого [42] в 1941 г. она прекратилась. Повлияло то, что Казань была провинцией.

О.В.: Но ведь «провинциальным» мы никак не можем назвать И.А. Бодуэна де Куртенэ даже сейчас, несмотря на угасание его Школы. Посмотрите, как современно звучат тезисы ученого о влиянии языка на мировоззрение и настроение, стремление объяснить фонетические законы «психической жизнью» и др. Значит ли это, что перед нами ученый XXI в.?

В.М.: Насчет XXI в., может быть, слишком сильно, но он, безусловно, был научным новатором, даже больше, чем де Соссюр. И ряд его идей опережал время.

О.В.: Кстати, у него есть статья «Языкознание, или лингвистика, XIX века», где он обозначил задачи «ближайшего будущего». На первое место И.А. Бодуэн де Куртенэ ставил освобождение от схоластики античного времени, изменение лингвистической терминологии, приоритет изучения живых языков, а не фактов, отраженных в памятниках письменности. Большие надежды он возлагал на метод эксперимента, предлагал «чаще применять в языкознании количественное, математическое мышление», говорил о необходимости всестороннего поэлементного анализа языков и др. И даже пророчествовал: «Лексикология, или наука о словах, как отдельная ветвь грамматики будет творением XX в.» [Бодуэн де Куртенэ, 1963, с. 17]. Как тонко он почувствовал движение научной мысли! Вы можете прокомментировать феномен этого ученого, заглянувшего далеко вперед?

В.М.: Большинство его прогнозов сбылось, но не подтвердилась идея о том, что компаративный метод будет отвергнут.

О.В.: Он же писал и о том, что языкознание выйдет за свои границы и объединится с психологией, антропологией, биологией, социологией...

В.М.: Вот это очень важная идея.

О.В.: Идеи Пражской школы актуальны в XXI в.? Или стали преимущественно областью исторической? Там много любопытного...

В.М.: Идеи этой школы, конечно, как-то продолжались через Р.О. Якобсона. А в Чехословакии / Чехии традиции школы всегда были авторитетны еще в 80-е годы. У нас тоже их вспоминают.

---

[39] Кузнецов Петр Саввич (1899–1968) – лингвист, специалист по фонологии, морфологии, истории языка, типологии и африканистике. Один из основателей Московской фонологической школы. Профессор МГУ.

[40] Петерсон Михаил Николаевич (1885–1962) – лингвист, специалист по компаративистике, французскому и балтийским языкам, синтаксису, истории лингвистики.

[41] Зиндер Лев Рафаилович (1903–1995) – лингвист, специалист по фонологии, общему языкознанию, германистике, прикладной лингвистике. Ученик Л.В. Щербы.

[42] Богородицкий Василий Алексеевич (1857–1941) – лингвист, специалист по компаративистике, диалектологии, славистике грамматике, общему языкознанию. Один из основателей Казанской лингвистической школы. Член-корреспондент Санкт-Петербургской АН с 1915 года.

«Каждый язык – свой взгляд на мир...»

О.В.: Я обратил внимание на повышенный интерес ученых не только в России, но в других странах к малым языкам. У нас этим активно занимались в разные годы А.Д. Дуличенко (он исследовал микрославянские языки), А.Е. Кибрик, В.А. Плунгян... Что дает обследование таких языков в наше время? Ведь они, по сути, часто находятся на грани вымирания.

В.М.: Каждый язык – свой взгляд на мир, его особенности могут оказаться уникальными и в структуре, и в семантике. Но вытеснение малых языков – естественный процесс и за редким исключением мы можем его замедлить, но не прекратить. Отдельные случаи движения вспять случались, но лишь в особых условиях. Только что речь шла о Чехии, но чехи несколько веков были под властью Австрии, и их язык в XIX в. считался вымирающим, так полагал даже Ф. Энгельс. Но история повернулась так, что Чехия стала государством, и по-чешски начали писать даже лингвистические труды.

В нашей стране давно существует традиция полевого описания неизученных языков, одним из ее основателей стал вышеупомянутый Н.Ф. Яковлев. На кафедре теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ экспедиции проводятся много лет, огромную роль в их организации сыграли А.Е. Кибрик и А.И. Кузнецова [43]. Через эту школу прошли многие сейчас известные лингвисты. А мне не повезло: впервые в экспедиции стал ездить следующий набор студентов после моего.

О.В.: Вам известны интересные совместные проекты российских и зарубежных ученых в этом направлении?

В.М.: Попытки делать экспедиции международными бывали. Например, длительное время академический Институт востоковедения проводил совместно с вьетнамскими коллегами экспедиции по изучению малых языков Вьетнама. Но постепенно все заглохло.

О.В.: Многие Ваши труды посвящены разработке теоретических идей? Какие из них Вы бы оставили в XX в., а что перенесли бы в XXI в.?

В.М.: Не понял, что такое «оставить в XX в.»? Если проблема разрешена, то она остается в науке либо сама по себе, либо как часть более общей проблемы. Если она оказалась тупиковой (например, марризм), то она имеет лишь историческое значение.

О.В.: В лингвистике есть вечные проблемы (вспомним В. фон Гумбольдта). В этом смысле они актуальны и сейчас. Например, изучение грамматических категорий, проблема дуализма, антиномии в языке и речи. Что-то существенное можно сделать в данном направлении?

В.М.: Безусловно. Как я уже писал, ни одна лингвистическая проблема не исчезает. Что-то может уйти на периферию, что-то может «впасть в спячку», что-то может быть пересмотрено, но все остается в арсенале науки. Исключение составляют лишь явно тупиковые проблемы вроде элементного анализа Н.Я. Марра или когда-то рассматриваемой всерьез проблемы языковой магии.

О.В.: Вы писали, что в XX в. произошло смещение центров лингвистики. Этот процесс происходит и сейчас? С чем это связано?

В.М.: Науку делают люди, это всегда надо учитывать. Где-то появился выдающийся мыслитель, где-то этого не произошло. Где-то господство одного направления затормозило общее развитие. Весь XIX в. лингвистика была «немецкой наукой» при центральной роли сравнительно-исторического языкознания, а в начале XX в., когда складывалась новая, структурная парадигма, именно господство старой парадигмы помешало развитию новых идей, и Германия уже в начале XX в. стала отставать.

Лингвистика XXI в.: традиции и эксперименты

О.В.: Есть ли в языкознании проблемы, которые совсем слабо разработаны, такая terra incognita XXI в.? Можете их перечислить?

В.М.: Их очень много, могу привести лишь отдельные примеры. Сколько сил потра-

[43] Кузнецова Ариадна Ивановна (1932–2015) – лингвист, автор исследований по русской морфологии, финно-угорским и самодийским языкам. Профессор МГУ.

чено на изучение происхождения языка или отличия языка человека от языка животных, но убедительные результаты пока не получены. Вряд ли наука многого добилась в исследовании также многократно разрабатываемой проблемы «язык и мышление». Есть, конечно, идеи Н. Хомского, но даже если их принять, они в основном посвящены лишь освоению языка. Одним из стимулов путей преодоления кризиса во второй половине XIX в. было желание объяснить причины языковых изменений. Но очень во многих случаях мы и сейчас не можем этого сделать; существует точка зрения (Е. Курилович [44]), согласно которой здесь вообще нет закономерностей, и господствует случайность. Гипотеза лингвистической относительности Б. Уорфа [45] имеет убедительные примеры, но теории нет, и гипотезу пока нельзя ни доказать, ни опровергнуть.

О.В.: Хочется опять привести слова любимого мной И.А. Бодуэна де Куртенэ: «Понятие развития и эволюции должно стать основой лингвистического мышления. Это должно привести eo ipso к искоренению предрассудка, называемого антропоцентризмом, предрассудка, вырывающего человека из среды других живых существ, а также к освобождению от мании величия, заключающейся в том, что строение “наших” языков считается вершиной морфологического развития в языковом мире» [Бодуэн де Куртенэ, 1963, с. 17]. Его голос услышали в XXI в.?

В.М.: Понятие антропоцентризма, видимо, все же неустранимо. А «мания величия» сохраняется в генеративистике, Хомский принципиально не изучал никакой язык, кроме английского. Однако типология преодолела манию, голос, безусловно, услышали; помимо Бодуэна, большую роль сыграл Э. Сепир.

О.В.: Мы знаем, что под влиянием внешних факторов стали активно развиваться новые отрасли языкознания, происходит смещение векторов науки. Не приведет ли это к разрушению лингвистических традиций?

В.М.: Слово «традиция» применительно к лингвистике неоднозначно. Во-первых, научная школа, сохраняя преемственность, может заняться «новыми отраслями языкознания» (скажем, фортунатовская традиция). Во-вторых, традиция может «сместить векторы под влиянием внешних факторов» (от Московской традиции отделились «мельчуковцы»).

О.В.: «Мельчуковцы» – это кто?

В.М.: А.К. Поливанова [46], Н.В. Перцов [47], А.Н. Барулин [48], И.М. Богуславский [49] и иже с ними.

О.В.: Лингвистика XXI в. вышла за свои традиционные границы. От одного лингвоблогера я даже услышал такой термин – «краштрэшлингвистика» – для обозначения неформальных идей в науке. У нас то решили «перевернуть грамматику», пытаясь что-то новое здесь изобрести, то изучают язык стендаперов. Как Вы относитесь к такой моде?

В.М.: Про стендаперов ничего не знаю, но о серьезных изменениях приоритетов надо сказать. Структуралисты старались не заглядывать внутрь «черного ящика». Не было интереса к говорящему человеку. Взгляд на объект исследования допускался только со стороны, как положено в естественных науках. Афазии и детскую речь в это время у нас очень

[44] Курилович Ежи (1895–1978) – польский лингвист, специалист по индоевропеистике, семитологии и теории грамматики.

[45] Уорф Ли Бенджамин (1897–1941) – американский лингвист, специалист по языкам индейцев юто-ацтекской семьи, этнолингвистике, семантике, грамматической типологии.

[46] Поливанова Алла Константиновна (1945 г. р.) – лингвист, по морфонологии, математическим методам в лингвистике. Внучка философа Г.Г. Шпета.

[47] Перцов Николай Викторович (1944 г. р.) – лингвист и литературовед, исследователь текстов А.С. Пушкина и В. Хлебникова, специалист по формальной лингвистике и автоматическому переводу. Состоял в группе разработчиков лингвистической теории «Смысл ↔ Текст» И.А. Мельчука.

[48] Барулин Александр Николаевич (1944–2021) – лингвист, специалист по теории языка, семантике. Изучал бесписьменные языки народов СССР. Первый декан факультета теоретической и прикладной лингвистики РГГУ. В.М. Алпатов посвятил А.Н. Барулину отдельную главу в своей книге «Жизнь лингвиста: воспоминания» [Алпатов, 2023а, с. 200–211].

[49] Богуславский Игорь Михайлович (1950 г. р.) – лингвист, специалист по семантике, синтаксису, логическому анализу языка, компьютерной лингвистике.

активно изучали (А.Р. Лурия [50] и его школа), но вне лингвистики. Среди данного лингвистического направления были и исключения. В том числе Вяч.Вс. Иванов [51], который обращался и к афазиям, и к изучению глухонемых, и к функциям полушарий мозга, постоянно занимался «немодной» тогда компаративистикой, от нее переходил к мифологии древних индоевропейцев. Но для того времени столь широкий подход было необычен. А мода есть мода, не всегда ее стоит рассматривать всерьез.

О.В.: В связи с Вашими размышлениями вспоминается иронический рассказ А.К. Жолковского о докладе немецкого ученого Пемброка на конференции по семиотике в Варшаве в 1968 г., который был посвящен зоолингвистике. Опуская смешные подробности того, как это происходило [52], хочу вот что подчеркнуть... Несмотря на всеобщее веселье слушателей, речь шла о разгадке серьезной проблемы будущего. А.К. Жолковский ее описал так: «Все животные и даже человек в первые месяцы жизни в сходных ситуациях пользуются сходными типами речевых сигналов» [Лингвисты шутят..., 2006, с. 103]. Значит, «черный ящик» может открыться в любой момент? Остается подождать, когда родится гений?

В.М.: Пока мы, я думаю, не доросли до понимания этого.

О.В.: Продолжая «шутки»... На днях мы со студентами на семинаре по «Общему языкознанию» обсуждали актуальные статьи по лингвистике. В одной из них говорилось о формах невербального общения – смайликах, мемах. И вдруг докладчица говорит: «Это ведь берестяные грамоты XXI в.! Их тоже когда-то будут так же расшифровывать». Может быть, этот «неправильный» язык приоткроет дверь в будущее науки?

В.М.: Конечно, будем надеяться на то, что ближайшие 500–800 лет лингвистика будет непрерывно развиваться и расшифровывать будет легче.

О.В.: Появилось большое количество авторских каналов и сайтов, где осмысляются проблемы языка. Это серьезная лингвистика?

В.М.: Пока мне неизвестны вклады этих авторов в науку. Априорно отрицать возможность появления чего-то интересного нельзя, но все же за последние два столетия абсолютно сторонние люди обычно след в лингвистике не оставляли. Разве что изобретатель эсперанто Заменгоф.

В.М. Алпатов в зоопарке Тобу. Пригород Токио (Япония), 12 января 1985 год

V.M. Alpatov at the Tobu Zoo, suburb of Tokyo (Japan), January 12, 1985

[50] Лурия Александр Романович (1902–1977) – нейропсихолог, врач, педагог, специалист по этнопсихологии, нейро- психолингвистике, детской речи. Академик АПН СССР с 1967 года.

[51] Иванов Вячеслав Всеволодович (1929–2017) – лингвист, семиотик, антрополог, специалист по компаративистике, структурной типологии, математической лингвистике, литературоведению, истории культуры. Академик РАН с 2000 года.

[52] А.К. Жолковский писал, что «его доклад сочетал поразительное проникновение исследователя в язык животных и его полнейшую неспособность найти общий язык с собравшимися» [Лингвисты шутят..., 2006, с. 103].

О лингвистической терминологии

О.В.: Как Вы относитесь к терминологическому новоязу, который мы видим в работах? Например: «наукоемкий аттрактор», «мультимодальная контактоустанавливающая коммуникация», «кейс-стади».

В.М.: Эта проблема много серьезнее, чем неупорядоченность терминологии. Неуклонно расширяется проблематика, при этом не всегда очевидно, где мы имеем дело с разными темами или с одной и той же, но исследуемой в разных школах и, естественно, в разных терминах. Прагматика и теория речевых актов – то же самое или нет? Общая тенденция – утеря строгости.

Это желание сделать терминологический язык науки универсальным, а значит, современным – дескать, как раньше, уже не подходит?

Я не совсем понимаю, что такое «универсальный язык науки». Я не уверен в том, что он существует: разные науки устроены слишком по-разному. Думаю, что до универсальности и в пределах одной науки, в том числе, лингвистики, еще далеко. А развитие стало идти не в сторону универсальности. Но развитие идет по спирали, которая может когда-нибудь перевернуться.

О.В.: Ваши труды, кстати, всегда отличаются корректным употреблением понятийного аппарата. Это верность традициям школы? Ваши учителя обращали внимание на то, каким должен быть язык науки?

В.М.: Очень сильно обращали внимание. Нас воспитывали, говоря, что лингвистика становится точной наукой и математизируется. Я так считал, поступая на ОСиПЛ [53]. Такой был и общий стиль эпохи Гагарина. В лингвистике независимо от идеологии ее ярче всего отразил И.А. Мельчук, который писал: «В качестве контрольного критерия выдвигается принципиальная осуществимость модели или любого ее фрагмента на вычислительной машине». Естественно, стремились и к строгости терминологии. Сейчас возобладала противоположная тенденция. Проверка модели на машине так и осталась на уровне деклараций.

О.В.: Но все же этот «арифметический» подход к лингвистике учит многому... Помните, как Ломоносов говорил: «Математику уже за то любить следует, что она ум в порядок приводит».

В.М.: Я никак не отрицаю «арифметический» подход, он в своих пределах полезен. Но где эти пределы, пока сложный вопрос. В 50–60-е гг., как часто бывает при смене парадигм, здесь забегали вперед.

Есть ли у лингвистики будущее?

О.В.: Владимир Михайлович, что Вам не нравится в лингвистике XXI в.? Я имею в виду методологию, размытость границ и т. д.

В.М.: Происходит смена парадигм и значительное расширение тематики, а это всегда трудный, но неизбежный процесс. Не всегда ясно, что перспективно, а что нет, часто трудно ориентироваться.

Размытость границ при снятии ограничений и расширении объекта очень существенна. Общие процессы еще в 1980-х гг. рассмотрел А.Е. Кибрик: «То, что считалось “нелингвистикой” на одном этапе, включается в нее на следующем. Этот процесс лингвистической экспансии нельзя считать законченным. В целом он направлен в сторону снятия априорно постулированных ограничений на занятия такими языковыми феноменами, которые до некоторого времени считаются недостаточно формальными, недостаточно наблюдаемыми» и, следовательно, признаются непознаваемыми. «И каждый раз снятие очередных ограничений давало новый толчок лингвистической теории, конкретным лингвистическим исследованиям» [Кибрик, 1983, с. 27] [54]; «Все, что имеет отношение к существованию и функционированию языка, входит в компетенцию лингвистики» [Кибрик, 1992,

[53] Первоначально в 1960–1962 гг. оно называлось Отделением теоретической и прикладной лингвистики, или ОТиПЛ; 1962–1992 гг. – Отделением структурной и прикладной лингвистики, сокращенно – ОСиПЛ; в 1982–1988 гг. ликвидировано как самостоятельное подразделение и слито с кафедрой общего и сравнительно-исторического языкознания; с 1992 г. – снова ОТиПЛ.

[54] Мы исправили и сверили с оригиналом не совсем точно воспроизведенную цитату, сохранив ремарку В.М. Алпатова.

с. 20] [55]. Но тогда не поглотит ли лингвистика всю гуманитарную проблематику? Где проходит граница и есть ли она? Неясно.

О.В.: И снова... Бодуэн считал, что движению вперед мешает схоластика. И предлагал ее изживать прямо со школы, например, призывал «покончить с представлением, будто наука о языке начинается с “мертвых” языков, а обучение иностранным языкам должно происходить при помощи перевода, без применения наглядного метода» [Бодуэн де Куртенэ, 1963, с. 18].

В.М.: Представление о роли мертвых языков уже преодолено. Без наглядного метода часто обучали в советское время, но тогда в основном учили читать на языке, а расширение устных контактов способствует внедрению наглядного метода.

О.В.: Как Вы относитесь к использованию искусственного интеллекта в научных исследованиях? Это очередная модная игра или нечто большее?

В.М.: Пока трудно отделить модную игру от большего, тем более что я не могу считать себя здесь специалистом. Но отвлекаясь от мусора, можно считать, что эти исследования соответствуют современному развитию науки.

О.В.: Недавно смотрел эфир с лингвистом А. Пиперски, посвященный итогам в лингвистике 2024 г.[56] Ученый выделил несколько важных достижений, причем оговорился, что это во многом медийные события, а степень их научной значимости мы узнаем не сейчас. Но все же... Он отметил базу данных «Теория тона»[57], в которой зафиксированы универсальные закономерности того, как мы говорим. Отсюда возникает вопрос: как выделяются слова в речи – ударение и интенсивность звуков нам в этом помогают. Мне кажется, здесь есть новое, не так ли?

Или проблема фоносемантики (звукового символизма). Мы можем ее отнести к перспективному направлению XXI в.? А. Пиперски приводит пример базы данных, основанной на большой выборке языков, где изучаются звуки междометий и эмоции. Авторы этой работы, опубликованной в журнале Американского акустического общества [58], провели эксперимент, говорящий о том, есть ли звуки, особенно харак-

В.М. Алпатов. Москва, 5 июня 1987 года

V.M. Alpatov. Moscow, June 5, 1987

[55] А.Е. Кибрик размышляет об этом в главе «Лингвистические постулаты» [Кибрик, 1992, с. 17–27]. Один из них, «о функциональных границах», привел В.М. Алпатов. См. более раннюю версию: [Кибрик, 1983, с. 27].

[56] URL: https://yandex.ru/video/preview/10421495871688030207

[57] URL: https://thot.huma-num.fr/database/

[58] Имеется в виду статья: [Ponsonnet et al., 2024].

терные для междометий с теми или иными значениями, показали омонимию междометий, например, когда совпадают значения радости и боли. И здесь тоже используют базу данных. Без нее сейчас никуда...

В.М.: А. Пиперски [59] – молодой и очень перспективный лингвист. Все, о чем он говорит, заслуживает внимания.

О.В.: Приведу еще один пример из итогов лингвистики 2024 года. Изучение больших языковых моделей (LLM). Что это такое? Сейчас многие задачи может решить компьютер. А есть ли проблемы, с которыми он не справляется или делает это плохо – вот новая область исследования! Например, программа не всегда грамотно решает вопрос очередности слов в языке в обычной разговорной речи при автоматическом переводе и формировании «живого» текста [60]. Мы ведь часто спонтанно в нее вставляем фразы, те же междометия, экаем, мэкаем, встреваем... Как это объяснить машине? И как такое запрограммировать? Может ли она научиться говорить, как человек, вставлять эти «хмыканья»? Мне кажется, это очень серьезная проблема ближайшего будущего.

В.М.: С большим интересом прочел этот кусок, нашел здесь нечто новое для меня. Проблема очень серьезна, но не знаю, как к ней подступиться.

О.В.: Мы сейчас все сталкиваемся с подделками. В вузах есть система «Антиплагиат». Были скандалы с диссертациями. Уже начинает сдвигаться общественное мнение в сторону того, а почему бы нам не разрешить в научной работе использовать ИИ. Кроме этических моментов, здесь возникает серьезная проблема, и решать ее предстоит лингвистам вместе с передовыми технологиями. Она состоит в том, чтобы научиться «детекции»: как отличить текст, написанный человеком, от текста, созданного LLM? Нужно ли нам вообще понимать, кем создан текст?[61] Уже есть такие «детекторы», которые показывают, что текст создан нейросетью, но часто они ошибаются… пока [62]. Можно ли обмануть «детектор» LLM? Это еще одна научная парадигма не только настоящего, но и будущего. XXI в. – это погоня ИИ за человеком?

В.М.: Насчет погони согласен, но обо всем остальном знаю слишком мало.

О.В.: Мы переживем кризис?

В.М.: Пока все кризисы как-то переживались. Будем надеяться, что и на этот раз преодолеем.

О.В.: Есть ли у лингвистики будущее?

В.М.: Думаю, что уже ответил на этот вопрос. Добавлю, что лингвистика – наука, имеющая значительные практические выходы, что обеспечивает ее сохранение.

В заключение хочу высказать свой взгляд на развитие науки о языке, с которым, конечно, можно спорить.

В этой науке постоянно идет борьба стремления к строгому изучению объекта по образцу естественных наук и желания рассматривать язык вместе с говорящим на нем человеком с учетом интуиции, интроспекции и творческих способностей людей. Его постоянным недостатком оказывались нестрогость и произвольность. Первый подход давал необходимые, но ограниченные результаты. Ему свойственно стремление к проведению строгих границ, обособлению лингвистики от других наук, рассмотрению объекта как замкнутой системы, ограничению задач относительно узким кругом. А в конечном итоге, он стремится к упорядочению. Другой же подход стремится к расширению рамок, междисциплинарности, часто к постановке глобальных задач, при этом нередко без сколько-нибудь строгого метода. Он как бы увеличивает хаос. Различие, по-видимому, восходит к глубокой древности. Те или иные его черты можно видеть в разные эпохи. Аналогисты и аномалисты в антич-

[59] Пиперски Александр Чедович (1989 г. р.) – лингвист, специалист по германским языкам, корпусной лингвистике, популяризатор науки.

[60] См. подробнее статью: [Umair et al., 2024].

[61] См. подробнее статью: [Dugan et al., 2024].

[62] См., например: https://www.zerogpt.com/

ности [63]. Басрийская и куфийская школы в Арабском халифате [64]. Ф. Бопп и В. фон Гумбольдт [65]. А. Шлейхер и Г. Штейнталь [66]. Младограмматики и К. Фосслер [67]. Л. Блумфилд и Л. Шпитцер [68]. Московские фонологи вроде А.А. Реформатского и В.Н. Волошинов [69]. П.С. Кузнецов и В.И. Абаев [70]. И.А. Мельчук и Вяч.Вс. Иванов [71]. Борьба была постоянной [72].

Еще несколько десятилетий назад казалось, что лингвистика по степени строгости приближается к естественным наукам и полностью формализованная теория языка – дело близкого будущего. Это отразилось даже в художественной литературе; «Попытка к бегству» братьев Стругацких [73]. На первый план выходит то один подход, то другой. Иногда говорят, что истина посередине (Е.В. Рахилина [74]), но, вероятно, Р.О. Якобсон не зря обсуждал с Н. Бором [75] принцип дополнительности.

О.В.: Альберт Эйнштейн говорил, что «наука – это драма идей». Не здесь ли мы найдем очередной трамплин в будущее?

---

[63] Речь идет о философском споре между двумя центрами изучения языка в античный период: Александрией и Пергамом. Представители Александрийской школы полагали, что в языке преобладает правильность (аналогия), а пергамские ученые считали, что случайность (аномалия) доминирует в законах организации языка.

[64] Басрийская школа занималась толкованием Корана, разработкой грамматических вопросов и лексикографией. Куфийская школа, возникшая позже, соперничала с басрийской.

[65] Имеется в виду противопоставление двух подходов в изучении языка: во взглядах В. фон Гумбольдта, одного из первых романтиков-компаративистов, большое место в учении о языке занимал «дух народа». У Ф. Боппа – четкие грамматические, почти математические расчеты принципы построения слов, системы спряжений и поиска праязыка.

[66] Имеется в виду противопоставление натуралистического (А. Шлейхер) и психологического (Г. Штейнталь) подходов в изучении языка.

[67] Имеются в виду различия во взглядах представителей разных школ (позитивизм – идеализм): младограмматики изучали язык как «данное и завершенное», К. Фосслер говорил о языке как о целостной системе с взаимосвязанными элементами; младограмматики в изучении истории языка придерживались законов аналогии, К. Фосслер выдвигал на первый план духовные причины изменений в языке; целью изучения языка младограмматики считали накопление и описание материала, К. Фосслер говорил о ведущей роли духа языка в процессе его эволюции.

[68] Имеются в виду разные подходы к изучению языка: по Л. Блумфилду язык необходимо изучать как таковой, для Л. Шпитцера главным было проникновение в «душу писателя»; Л. Блумфилд применял метод «антиментализма». Л. Шпитцер противополагал ему «эстетико-психологический метод» и т. д.

[69] А.А. Реформатский – представитель Московской фонологической школы и ее методологии. В.Н. Волошинов тяготел к психологизму, философскому осмыслению языковых явлений. См. подробнее о взглядах ученых тех лет книгу: [Алпатов, 2005]. Здесь также рассматривается полемика с концепциями де Соссюра и К. Фосслера.

[70] Имеются в виду разные подходы к изучению языка: у П.С. Кузнецова – строгий, логический, как в естественных науках, В.И. Абаева – семантический, интроспективный, коммуникативный; П.С. Кузнецов стоял у основания ОТиПЛ, В.И. Абаев резко выступал против математической лингвистики как отдельной научной дисциплины.

[71] И.А. Мельчук широко в научной теории использовал методы структурализма и в общем формального описания языка, Вяч.Вс. Иванов использовал больший арсенал инструментов разных наук: от компаративистики и типологии до нейролингвистики.

[72] В целом этой проблеме посвящена специальная статья «Два подхода к изучению языка» [Алпатов, 2016].

[73] Фантастическая повесть Аркадия и Бориса Стругацких «Попытка к бегству» (написана и впервые опубликована в 1962 г.) рассказывает о гуманном будущем, сравнивая его с эпохой феодализма. Один из героев – структуральный лингвист Вадим. Впервые в художественном пространстве был выписан образ языковеда из будущего.

[74] Рахилина Екатерина Владимировна (1958 г. р.) – лингвист, специалист по корпусной лингвистике, лексической семантике, типологии и грамматике.

[75] Бор Нильс (1885–1962) – датский физик, создатель квантовой механики. Лауреат Нобелевской премии по физике 1922 года.

В.М.: Поживем – увидим, а если не доживем, увидят потомки.

О.В.: Владимир Михайлович, спасибо Вам за лингвистический оптимизм и преданность науке. Прочувствовать ее высокий смысл из Ваших уст – значит, в какой-то мере быть сопричастным этой тайне.

Заключение

Лингвистические парадигмы XXI в., которые мы рассмотрели в беседах В.М. Алпатовым, – это своего рода пролегомены к новому периоду развития нашей науки, сталкивающейся последние десятилетия с социальными, культурными, экономическими, политическими, информационными вызовами времени. А потому, будучи по природе наукой общественной, языкознание развивается вместе с нами и выдвигает смелые идеи и эксперименты, выходящие за границы только одной дисциплины. Наша задача – увидеть в «черном ящике» то, что пока не нашло места в системе знания, затерялось в потоке пестрого лингвистического творчества. Высказывания уважаемого респондента обнажили и проблемные места в лингвистике XXI в.: борьба подходов и столкновение методологий, движение в сторону математизации языка, не ушли еще с гумбольдтовского времени противоречия между внешней и внутренней лингвистикой, вопрос о происхождении языка и мышления и др.

Очевидно было еще в середине XX в., что кибернетика всколыхнет «лингвистический разум», упростит выполнение трудоемких задач. Теперь с ними отлично справляются Яндекс Переводчик и Google Переводчик. Неожиданно возникшая в XXI в. проблема ИИ стремительно стала внедряться в массовое сознание и в ученую среду, вызывая много дискуссий pro et contra, но все же это шаг вперед в науке. Какой будет ее новый облик: это «ИИ-революция» или более технологичная «образовательная экосистема», развивающая когнитивные способности с учетом принципиально иных инструментов и платформ обучения, – пока неясно, но цифровые эксперименты активно участвуют во всех этапах становления гуманитарного знания, а значит, оказывают влияние на изменение картины мира и мыслительных способностей человека. С другой стороны, ИИ снижает когнитивные навыки и критическое мышление, подавляет творческую инициативу, подчиняет мысль готовой модели.

Когда мы уже закончили диалог, Владимир Михайлович прислал мне письмо своей давней коллеги по Институту востоковедения Л.М. Гореловой, которая разрешила поместить этот фрагмент в наш материал. Вот ее реплика: «Вчера моя однокурсница прислала мне поздравление на маньчжурском, – сгенерировал этот китайский DeepSeek. Очень похоже на правду. Пока я не в большом восторге от этих нейронных возможностей, задавала несколько вопросов, но ответы были не вдохновляющими. Хотя, если ты не в теме, то можешь и поверить (что вредно), а если в теме, то понимаешь, что нейронке надо еще учиться и учиться. Научится когда-нибудь...» (из письма Л.М. Гореловой В.М. Алпатову от 1 апреля 2025 г.).

Возникновение новых методов исследования и законов, переосмысление механизмов работы системы языка, создание «нейросхем» – вот те очевидные векторы движения лингвистики XXI века. Можно сказать, что нас ждет непредсказуемое цифровое будущее, которое изменит подход не только к процессу обучения поколений исследователей, но и запрограммирует свою систему «нейросетей», в которой человек может стать механическим проводником искусственно заданной проблемы. И решать ее будет компьютер...

Смещение ориентиров в сторону социологизации подходов и взаимодействия с негуманитарными науками, размытость границ и попытки расшатать лингвистику выдуманными «открытиями» – сделать «взрыв», шокировать публику «пророчествами» – усложняет поиски оптимальных путей исследования языка. На какое-то время борьба с лженаукой даже становится неким фронтом, разделяющим мыслителей на талантливых фантазеров с их псевдоучениями и традиционалистов, не обладающих такой смелостью объявлять новые открытия. И едва ли они сейчас в прямом смысле могут быть сделаны в языкознании как явные достижения нашей эпохи. Вместе с тем (В.М. Алпатов об этом хорошо сказал) развивают и традиционные отрасли,

такие, как компаративистика, грамматика, лексикография и т. д. И в этих областях сейчас уже нет инерции, как прежде.

Меняется и терминологический аппарат науки. Он все более универсализируется, сближаются позиции ученых разных школ, но и остаются национальные стандарты, свойственные нашей традиции.

Как ни странно, большой интерес приобретает «ретролингвистика» – взгляд из прошлого в будущее. Труды В. фон Гумбольдта, А.А. Потебни, Ф. де Соссюра, И.А. Бодуэна де Куртенэ, М.М. Бахтина, Р.О. Якобсона и других нестандартных мыслителей получили новое прочтение и сейчас звучат во многих моментах так же современно, как и работы лингвистов XXI века.

Яркой приметой времени стала публичность науки, стремление ученых сделать доступными и даже занимательными сложные вопросы «глоттологии» (термин Е.Д. Поливанова). Очевидно, что в связи с этой направленностью – «раскрепощенностью» науки, она стала более гибкой, приобрела черты своеобразного коммуникативного дискурса. С новой силой происходят дискуссии по проблемам нейропсихологии и изучению «речевых» сигналов мозга, начатые пионерскими работами Г. Штейнталя, А.А. Потебни и продолженные Л.С. Выготским и Н.И. Жинкиным. Вспомним любопытные рассуждения академика Н.П. Бехтеревой о мозговой организации мыслительной деятельности человека и смысловом содержании речи [Бехтерева, 2007], неоднократные беседы и споры на психо- и нейролингвистические темы, проблемы языка и сознания, выступления в СМИ [Черниговская, 2013] и др. XXI в. свойственна «семиотизация» любого общественно значимого явления и языка прежде всего.

В.М. Алпатов на фоне одного из озер Фудзи. Япония, 1985 год.
Фото Ю.В. Тавровского на обложке книги «Избранные труды XX века» [Алпатов, 2023б].
(URL: https://iling-ran.ru/web/ru/publishing/books/2023_alpatov)

V.M. Alpatov against the backdrop of one of Fuji's lakes. Japan, 1985.
Photo by Yu.V. Tavrovsky on the cover of the book "Selected Works of the 20th Century" [Alpatov, 2023b].
(URL: https://iling-ran.ru/web/ru/publishing/books/2023_alpatov)

Отмеченные признаки свидетельствуют о том, что мы находимся на пороге преодоления затянувшегося «кризиса». Но это будет не поступательное движение в одном направлении, как уже происходило в истории лингвистики последних двух столетий (XIX в. – компаративистика, бóльшая часть XX в. – структурализм), а преодоление стереотипов, включение IT-технологий и принципа многовекторности в подготовку будущих ученых и рождение нового мировоззрения. Именно оно и сформирует парадигму интеллектуальных взглядов.

Какой будет наука в XXI в., сможет ли она преодолеть схоластику прежней традиции, не разрушив границы представлений о языке и не отвергнув накопленного опыта, – сказать сложно. В лингвистическом сообществе так же действуют разные силы: одни создают новое и на пути решения сверхзадач готовы перечеркнуть вековые законы, другие держатся за старое, постепенно обновляя и дополняя имеющиеся в науке инструменты, но при этом не совершая рывка вперед. «Нелингвистическое» знание в какой-то момент может стать ключом к решению новых проблем. Пока идет их накопление и проверка механики сцеплений законов разных систем. Происходит информационное внедрение в человеческий разум своеобразных ИИ-моделей, переосмысляющих функцию homo sapiens в языковом пространстве. Когда настанет очередной переворот, подобный тому, что произошел в конце XVIII в. с открытием санскрита, сменивший систему ценностей, философию и методологию лингвистики, не беремся предполагать. Вавилонская башня языков строилась веками, но так и не достигла неба. Бог наказал человечество смешением языков за высокомерие и непослушание, но и открыл древним людям свою тайну... XXI в. в чем-то подобен «вавилонскому столпотворению» – полный беспорядок, суета, где каждый хочет сделать себе имя, забывая о законах природы и бытия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абаев В. И., 2006. Статьи по теории и истории языкознания. М. : Наука. 150 с.

Алпатов В. И., 2005. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М. : Яз. слав. культур. 432 с.

Алпатов В. М., 2013. Василий Иванович Абаев – теоретик языкознания // Известия Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева. № 10 (49). С. 3–9.

Алпатов В. М. 2016. Два подхода к изучению языка // История и современность. № 1. С. 198–220.

Алпатов В. М., 2017. Японистика. Теория языка. Социолингвистика. История языкознания. М. : Яз. слав. культур. 520 с.

Алпатов В. М., 2018. Слово и части речи. М. : Яз. слав. культур. 256 с.

Алпатов В. М., 2023а. Жизнь лингвиста: воспоминания. Чебоксары : Интерактив плюс. 216 с.

Алпатов В. М., 2023б. Избранные труды XX века. М. : Языкознание. 459 с.

Балли Ш., 2003. Язык и жизнь. М. : УРСС. 230 с.

Беседы В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным, 1996 / вступ. ст. С. Г. Бочаров, В. В. Радзишевский ; закл. ст. В.В. Кожинов. М. : Прогресс. 341 с.

Бехтерева Н. П., 2007. Магия мозга и лабиринты жизни. 2-е изд., перераб. и доп. М. ; СПб. : Act ; Сова. 349 с.

Бодуэн де Куртенэ И. А., 1963. Языкознание, или лингвистика, XIX века // Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2. М. : Изд-во Акад. наук СССР. С. 3–18.

Зализняк А. А., 2000. Лингвистика по А.Т. Фоменко // Вопросы языкознания. № 6. С. 33–68.

Из истории русской лингвистики XX века. Беседы с профессором Ю.А. Бельчиковым, 2022 / под ред. М. В. Горбаневского. М. : ИПЦ «МАСКА». 128 с.

Интервью с академиком РАН Андреем Зализняком – о квазиистории и ложной лингвистике Фоменко, 2015 // ScienceDebate. URL: https://www.sciencedebate2008.com/intervyu-s-akademikom-ran/?ysclid=m90as031ua742025000

Кибрик А. Е., 1983. Лингвистические постулаты // Механизмы вывода и обработки знаний в системах понимания текста. Труды по искусственному интеллекту. Тарту : ТГУ. С. 24–39.

Кибрик А. Е., 1992. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания : (универсальное, типовое и специфическое в языкознании). М. : Изд-во МГУ. 335 с.

Лингвисты шутят : хрестоматия, 2006 / сост. А. Киклевич. М. : Флинта : Наука. 214 с.

Никитин О. В., 2025. Академик В. М. Алпатов и его лингвистические взгляды в контексте научных поисков и открытий XX–XXI вв. // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. Т. 11, № 1. С. 3–25. DOI: 10.18413/2313-8912-2025-11-1-0-1

Писанов Л. П., Писанов В. Л., 2009. Тайный код русской речи Т. 2: Этимологический словарь. Анти-Фасмер. Челябинск : Труд-Регион. 448 с.

Реформатский А. А., 2001. «Тут и Пименом себя в некотором роде представишь...»: из беседы с В.Д. Дувакиным // Жизнь языка : сб. к 80-летию Михаила Викторовича Панова. М. : Яз. слав. культуры. С. 525–534.

Соссюр Ф. де, 1990. Заметки по общей лингвистике. М. : Прогресс. 274 с.

«Фоменко – жертва фанатизма». Академик Андрей Зализняк о лженауке в России и в мире, 2011 // Газета.ру. URL: https://www.gazeta.ru/science/2011/12/02_a_3855010.shtml?ysclid=m90ayjjxuk382317395

Фортунатов Ф. Ф., 1956. Задачи языковедения и связь его с другими науками // Избранные труды. Т. 1. М. : Гос. уч.-пед. изд-во Мин-ва просвещ. РСФСР, с. 23-29.

Черниговская Т. В., 2013. Чеширская улыбка кота Шредингера: язык и сознание. М. : Яз. слав. культуры. 447 с.

Яковлев Н., 1923. Таблицы фонетики кабардинского языка. М. : [б. и.]. 129 с.

Chomsky N., 1957. Syntactic Structures. The Hague, Mouton. 117 p.

Dugan L., Hwang A., Trhlík F., Zhu A., Ludan J. M., Xu H., Ippolito D., Callison-Burch Ch., 2024. RAID: A Shared Benchmark for Robust Evaluation of Machine-Generated Text Detectors. Proceedings of the 62nd Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics (Volume 1: Long Papers). Bangkok, ACL. P. 12463–12492. DOI: 10.18653/v1/2024.acl-long.674

Ponsonnet M., Coupé Ch., Pellegrino F., Arasco A. G., Pisanski K., 2024. Vowel Signatures in Emotional Interjections and Nonlinguistic Vocalizations Expressing Pain, Disgust, and Joy Across Languages. The Journal of the Acoustical Society of America. Vol. 156, iss. 5, pp. 3118–3139. DOI: 10.1121/10.0032454

Umair M., Sarathy V., Ruiter de JP., 2024. Large Language Models Know What to Say but not When to Speak. DOI: 10.48550/arXiv.2410.16044

REFERENCES

Abaev V.I., 2006. *Statyi po teorii i istorii yazykoznaniya* [Studies on the Theory and History of Linguistics]. Moscow, Nauka Publ. 150 p.

Alpatov V.M., 2005. *Voloshinov, Bakhtin i lingvistika* [Voloshinov, Bakhtin and Linguistics]. Moscow, Yaz. slav. kultur Publ. 432 p.

Alpatov V.M., 2013. Vasiliy Ivanovich Abaev – teoretik yazykoznaniya [Vasiliy Abaev – A Theoretician of Linguistics]. *Izvestiya Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnykh i sotsialnykh issledovaniy im. V.I. Abaeva* [Bulletin of the V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Research], no. 10 (49), pp. 3-9.

Alpatov V.M., 2016. Dva podkhoda k izucheniyu yazyka [Two Trends of Studying Language]. *Istoriya i sovremennost* [History and Modern Time], no. 1, pp. 198-220.

Alpatov V.M., 2017. *Yaponistika. Teoriya yazyka. Sotsiolingvistika. Istoriya yazykoznaniya* [Japan Studies. Theory of Language. Sociolinguistics. History of Linguistics]. Moscow, Yaz. slav. kultur Publ. 520 p.

Alpatov V.M., 2018. *Slovo i chasti rechi* [Word and Patrs of Speech]. Moscow, Yaz. slav. kultur. Publ 256 p.

Alpatov V.M., 2023a. *Zhizn lingvista: vospominaniya* [Linguists' Life: Reminiscences]. Cheboksary, Interaktiv plyus Publ. 216 p.

Alpatov V.M., 2023b. *Izbrannye trudy XX veka* [Selected Writings of the 20th Century]. Moscow, Yazykoznanie Publ. 459 p.

Bally Sh., 2003. *Yazyk i zhizn* [Language and Life]. Moscow, URSS. 230 p.

Bocharov S.G., Radzishevskiy V.V., Kozhinov V.V., eds., 1996. *Besedy V.D. Duvakina s M.M. Bakhtinym* [V.D. Duvakin's Conversations with M.M. Bakhtin]. Moscow, Progress Publ., 1996. 341 p.

Bekhtereva N.P., 2007. *Magiya mozga i labirinty zhizni* [The Magic of the Brain and the Labyrinths of Life]. Moscow, Saint Petersburg, Act Publ., Sova Publ. 349 p.

Baudouin de Courtenay I.A., 1963. Yazykoznanie, ili lingvistika, XIX veka [Language Studies, or Linguistics, of the 19th Century]. *Izbrannye trudy po obschemu yazykoznaniyu. T. 2* [Selected Writings on General Linguistics. Vol. 2]. Moscow, Izd-vo Akad. nauk SSSR, pp. 3-18.

Zaliznyak A.A., 2000. Lingvistika po A.T. Fomenko [Linguistics on A.T. Fomenko]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], no. 6, pp. 33-68.

Gorbanevskiy M.V., ed., 2022. *Iz istorii russkoy lingvistiki XX veka. Besedy s professorom Yu.A. Belchikovym* [From the History of Russian Linguistics of the 20th Century. Conversations with Professor Yu.A. Belchikov]. Moscow, IPTs «Maska»l. 128 p.

Interviyu s akademikom RAN Andreem Zaliznyakom – o kvaziistorii i lozhnoy lingvistike Fomenko [Interview with Academician of the Russian Academy of Sciences Andrey Zaliznyak – About Quasi-History and False Linguistics of Fomenko], 2015. *ScienceDebate*. URL: https://www.sciencedebate2008.com/intervyu-s-akademikom-ran/?ysclid=m90as031ua742025000

Kibrik A.E., 1983. Lingvisticheskie postulaty [Linguistic Postulates]. *Mekhanizmy vyvoda i obrabotki znaniy v sistemakh ponimania teksta. Trudy po iskusstvennomu intellektu* [Mechanisms of Knowledge Output and Processing in Text Comprehension Systems. Studies on Artificial Intelligence]. Tartu, TGU, pp. 24-39.

Kibrik A.E., 1992. *Ocherki po obshchim i prikladnym voprosam yazykoznaniya: (universalnoe, tipovoe i spetsificheskoe v yazykoznanii)* [Essays on General and Applied Issues of Linguistics: (Universal, Typical and Specific in Linguistics)]. Moscow, Izd-vo MGU. 335 p.

Kiklevich A., ed., 2006. *Lingvisty shutyat: khrestomatiya* [Linguists Are Joking. Textbook]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 214 p.

Nikitin O.V., 2025. Akademik V.M. Alpatov i ego lingvisticheskie vzglyady v kontekste nauchnykh poiskov i otkrytiy XX–XXI vv. [Academician V. M. Alpatov and His Linguistic Views in the Context of Research and Discoveries of the 20th – 21st Centuries]. *Nauchnyy rezultat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoy lingvistiki* [Research Result. Theoretical and Applied Linguistics], vol. 11, no. 1, pp. 3-25. DOI: 10.18413/2313-8912-2025-11-1-0-1

Pisanov L.P., Pisanov V.L., 2009. *Taynyi kod russkoy rechi. T. 2: Etimologicheskiy slovar. Anti-Fasmer* [The Secret Code of Russian Speech. Vol. 2: Etymological Dictionary. Anti-Fasmer]. Chelyabinsk, Trud-Region Publ. 448 p.

Reformatskiy A.A., 2001. "Tut i Pimenom sebya v nekotorom rode predstavish...": iz besedy s V.D. Duvakinym ["Here You Can Imagine Yourself as Pimen in Some Way...": from a Conversation with V.D. Duvakin]. *Zhizn' yazyka: sb. k 80-letiyu Mikhaila Viktorovicha Panova* [Life of Language: Collection Dedicated to the 80th Anniversary of Mikhail Panov]. Moscow, Yaz. slav. kultury Publ., pp. 525-534.

Sossyur F. de, 1990. *Zametki po obshchey lingvistike* [Writings in General Linguistics]. Moscow, Progress. 274 p.

«Fomenko – zhertva fanatizma». Akademik Andrey Zaliznyak o lzhenauke v Rossii i v mire ["Fomenko – a Victim of Fanaticism. Academician Andrei Zaliznyak on Pseudoscience in Russia and Around the World], 2011. *Gazeta.ru*. URL: https://www.gazeta.ru/science/2011/12/02_a_3855010.shtml?ysclid=m90ayjjxuk382317395

Fortunatov F.F., 1956. Zadachi yazykovedeniya i svyaz ego s drugimi naukami [The Tasks of Linguistics and Its Relation to Other Sciences]. *Izbrannye trudy. T. 1* [Selected Writings. Vol. 1]. Moscow, Gos. uch.-ped. izd-vo Min-va prosveshch. RSFSR, pp. 23-29.

Chernigovskaya T.V., 2013. *Cheshirskaya ulybka kota Shredingera: yazyki soznanie* [The Cheshire Grin of Schrödinger's Cat: Language and Mind]. Moscow, Yaz. slav. kultury Publ. 447 p.

Yakovlev N., 1923. *Tablitsy fonetiki kabardinskogo yazyka* [Phonetic Tables of the Kabardian Language]. Moscow, s.n. 129 p.

Chomsky N., 1957. *Syntactic Structures*. The Hague, Mouton. 117 p.

Dugan L., Hwang A., Trhlík F., Zhu A., Ludan J.M., Xu H., Ippolito D., Callison-Burch Ch., 2024. RAID: A Shared Benchmark for Robust Evaluation of Machine-Generated Text Detectors. *Proceedings of the 62nd Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics (Volume 1: Long Papers).* Bangkok, ACL, pp. 12463-12492. DOI: 10.18653/v1/2024.acl-long.674

Ponsonnet M., Coupé Ch., Pellegrino F., Arasco A.G., Pisanski K., 2024. Vowel Signatures in Emotional Interjections and Nonlinguistic Vocalizations Expressing Pain, Disgust, and Joy Across Languages. *The Journal of the Acoustical Society of America*, vol. 156, iss. 5, pp. 3118-3139. DOI: 10.1121/10.0032454

Umair M., Sarathy V., Ruiter de JP., 2024. *Large Language Models Know What to Say but not When to Speak*. DOI: 10.48550/arXiv.2410.16044

Information About the Author

Oleg V. Nikitin, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of the Russian Language, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia, olnikitin@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-2815-6691

Информация об авторе

Олег Викторович Никитин, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Россия, olnikitin@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-2815-6691

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.5.10

UDC 811.61
LBC 81.721

Submitted: 15.01.2025
Accepted: 05.06.2025

THE KHMER LANGUAGE STUDIES: ACHIEVEMENTS AND PROSPECTS

Natalya V. Yudina

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Sofia A. Oborskaia

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russia;
Embassy of the Russian Federation in the Kingdom of Cambodia, Phnom Penh, Cambodia

Abstract. This article offers a review on major linguistic works devoted to modern Khmer languages that were published in Russian, English, French and Khmer languages. A detailed description reflects the most thoroughly studied issues on phonetics, lexicology, word formation, morphology, and syntax of the Khmer language. It is noted that vocalism, the consonant system, and the structure of the Khmer syllable have been precisely investigated in phonetics. However, prosody has not been observed sufficiently yet. Lexicological examination focuses on the characterization of vocabulary from the standpoint of etymology, classification of foreign vocabulary by donor language, themes and method of adaptation, and systemic relationships of lexical units. Significant gaps are observed in the studies of onomastics, phraseology, and stylistics. Particular attention is paid to word formation methods: infixes and their meanings, prefixes, and semi-affixes. At the same time, some morphological research findings appear contradictory: parts of speech classifications vary among representatives of different linguistic schools. Syntax is thought to be the least depicted aspect of the Khmer language system. The analysis of functional, stylistic, and emotional-expressive properties of various language units, as well as the rules of their combinability when constructing phrases and sentences in the text is stated as important.

Key words: Khmer language, phonetics, lexicology, morphology, syntax.

Citation. Yudina N.V., Oborskaia S.A. The Khmer Language Studies: Achievements and Prospects. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 5, pp. 138-150. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.5.10

УДК 811.61
ББК 81.721

Дата поступления статьи: 15.01.2025
Дата принятия статьи: 05.06.2025

ИЗУЧЕНИЕ КХМЕРСКОГО ЯЗЫКА: ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Наталья Владимировна Юдина

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия

Софья Алексеевна Оборская

Владимирский государственный университет им. Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир, Россия;
Посольство Российской Федерации в Королевстве Камбоджа, г. Пномпень, Камбоджа

Аннотация. В статье рассмотрены основные лингвистические работы, посвященные современному кхмерскому языку. С учетом проанализированных источников на русском, английском, французском и кхмерском языках описаны наиболее изученных вопросов в таких разделах, как фонетика, лексикология, словообразование, морфология и синтаксис. Отмечено, что наиболее подробно в области фонетики охарактеризованы вокализм, консонантная система и структура кхмерского слога. При этом остается малоизученной просодия. В фокусе работ по лексикологии находятся лексика с точки зрения этимологии, классификации иноязычной лексики по языку-донору, темам и способу адаптации, системные отношения лексических единиц. Значительные лакуны наблюдаются в ономастике, фразеологии и стилистике. Особое внимание уделено способам словообразования: инфиксам и их семантике, префиксам и полуаффиксам. В то же время некоторые результаты исследований по морфологии представляются противоречивыми: классификации

© Юдина Н.В., Оборская С.А., 2025

частей речи существенно различаются в разных лингвистических школах. Самой слабоизученной подсистемой кхмерского языка признана синтаксическая. Акцентирована важность обращения к функционально-стилевым, эмоционально-экспрессивным свойствам языковых единиц, правилам построения не только словосочетаний и предложений, но и текстов.

Ключевые слова: кхмерский язык, фонетика, лексикология, морфология, синтаксис.

Цитирование. Юдина Н. В., Оборская С. А. Изучение кхмерского языка: достижения и перспективы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 5. – С. 138–150. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.5.10

Введение

Кхмерский язык – крупнейший представитель мон-кхмерской ветви австроазиатской семьи языков, который лингвисты относят к слабо исследованным. Вместе с тем такие экстралингвистические факторы, как активное развитие Королевства Камбоджа, укрепление взаимодействия между Москвой и Пномпенем в различных сферах, включая науку и образование, а также задачи, стоящие перед современной лингвистической наукой, в частности, выявление языковых универсалий, разработка лингвистических теорий, требуют обобщения и анализа опыта изучения кхмерского языка, накопленного отечественной и зарубежной лингвистикой.

Цель данной статьи – систематизировать работы российских и зарубежных лингвистов, посвященные кхмерскому языку, а также очертить наименее изученные вопросы в каждом разделе о языке для определения перспектив его дальнейшего описания.

Исторически хронология кхмерского языка представлена 4 основными периодами:

1) протокхмерский (до VI в. н. э.), когда отсутствуют письменные свидетельства;

2) древнекхмерский, который включает в себя преангкорский (612–802 гг. н. э.) и ангкорский (802–1347 гг.);

3) среднекхмерский (XIV–XVIII вв.);

4) современный кхмерский (с XIX в.).

Степень изученности каждого из периодов различна. В данной статье речь пойдет о зарубежных и российских исследованиях современного кхмерского языка.

Фонетика и фонология

Описания фонетической системы кхмерского языка немногочисленны (см., например: [Горгониев, 1966; Еловков, 2006; Плам, 1973; Donley, 2020; Jacob, 1968; Henderson, 1952; Huffman, 1970; Martini, 1946; Maspero, 1915; Pinnow, 1980]).

При анализе фонетического строя кхмерского языка исследователи обычно «опираются на факты нормализованного произношения или произношения, характерного для опорного диалекта. В настоящее время основой литературного произношения, которое распространяется через кино, школу, радио и телевидение, является пномпеньский (столичный) диалект кхмерского языка» [Вихрова, Оборская, 2016].

Работы, посвященные фонетике и фонологии кхмерского языка, можно разделить на три группы, которые посвящены: 1) описанию гласных и согласных кхмерского языка; 2) описанию регистров кхмерского языка; 3) описанию артикуляции кхмерских гласных: монофтонгам, дифтонгам, трифтонгам.

Описание систем гласных и согласных кхмерского языка

Французский лингвист Ф. Мартини, изучая факты фонетики и фонологии кхмерского языка, впервые наряду с фонетической ввел фонематическую транскрипцию. Именно он одним из первых причислил систему вокализма кхмерского языка к числу самых оригинальных вокалистических систем в мире, выделив 28 гласных фонем и противопоставив их по степени открытости, ряду, огубленности и долготе / краткости [Martini, 1946].

Английский фонетист Е. Хендерсон описала систему гласных, выделив 31 фонему, которые, по ее мнению, различаются лишь двумя рядами – передним и задним. Ведущим признаком при этом она считала огубленность, а не рядность. Позже она стала автором первого исследования, проведенного на базе экспериментального материала, в котором дала подробное фонетическое описание согласных с учетом артикуляционных различий [Henderson, 1952].

Из современных работ особую ценность представляет труд американского лингвиста А. Донли [Donley, 2020], который в качестве приложения включает интонограммы с указанием продолжительности звучания некоторых согласных фонем. Однако автор не обращается к таким параметрам, как частота основного тона и интенсивность, что не дает полной картины при акустическом анализе.

Для формирования советской традиции изучения кхмерского языка большую роль сыграли работы выдающегося востоковеда Ю.А. Горгониева, который развил многие положения, выдвинутые Ф. Мартини и Е. Хендерсон, и предложил свою фонологическую систему кхмерского языка. Он первым детально представил структуру кхмерского алфавита, содержащего тридцать три знака, пояснив, что «всем согласным присущи гласные ɒ: и ɔ: – опорные графемы, служащие для отображения условно исходных слогов» [Горгониев, 1966, с. 7].

Существенный вклад в изучение кхмерского языка внесло исследование Р.С. Плам, посвященное анализу фонемного состава кхмерского языка [Плам, 1973]. Вслед за Е. Хендерсон экспериментальным путем она определила долготу, интенсивность и направление основного тона некоторых гласных монофтонгов и дифтонгов.

Одной из новых и актуальных отечественных работ в области фонетики и фонологии кхмерского языка является монография Д.И. Еловкова, отметившего большую сложность кхмерского вокализма [Еловков, 2006].

Камбоджийские лингвисты ведущим исследованием кхмерского языка признают труд Соуна Асота. В нем автор описывает фонетическую систему кхмерского языка с использованием традиционных понятий фонетики и фонологии. Его характеристики звукового состава в большинстве своем совпадают с характеристиками, описанными Ф. Хафманом, в частности деление согласных на «безголосые» и «голосовые» [Soun Orsoth, 2013, p. 110–113]. Соун Асот отметил, что для звукового строя кхмерского языка важны два основных понятия, два структурных элемента кхмерского слога: инициаль (начальный согласный звук слога) и финаль (часть, которой заканчиваются слоги и в состав которой обязательно входит гласный звук).

Описание регистров кхмерского языка

Ж. Масперо проанализировал основные черты современного ему фонетического строя кхмерского языка, первым выделив в области вокализма две серии гласных, отличающихся друг от друга открытостью / закрытостью и некоторой тембровой окраской, а также указав на различие в долготе и краткости гласных и на функциональную ограниченность гласных второй серии [Maspero, 1915].

Вслед за Ж. Масперо Ф. Мартини также считал целесообразным делить гласные на две серии, различая их по степени закрытости, однако не учитывая этот фактор при проведении фонологического анализа [Martini, 1946].

Главным достижением труда Е. Хендерсон, на наш взгляд, можно считать введение в описание системы кхмерского языка новых понятий – регистр и сильный / слабый слоги. Е. Хендерсон, как и Ф. Мартини, связала природу голосового регистра с двумя сериями гласных, при этом указав на различие в регистрах «качества голоса». Е. Хендерсон охарактеризовала гласные второго регистра как «обладающие более низкой высотой», чем гласные первого регистра. К отличительной черте второго регистра она отнесла глубокое дыхание, или «замогильный» голос, в то время как основными чертами первого регистра определила нормальный или высокий тембр голоса. При этом Е. Хендерсон не связала регистр с отдельной фонемой, считая его суперсегментной единицей, имеющей фонематический статус [Henderson, 1952].

Следующим шагом в изучении регистров кхмерского языка стала работа Д. Джейкоб. Рассматривая пару *ɒ:* и *ɔ:*, она указала на следующие характеристики данных звуков: ɒ: – открытый, огубленный, задний гласный, ɔ: – полуоткрытый, задний, огубленный гласный [Jacob, 1968, p. 15].

Немного позже известный американский лингвист Ф. Хафман дал двум сериям гласных в кхмерском языке более подробную и отличную от предложенной Д. Джейкоб характеристику. Он назвал согласные с низким, средним, неогубленным гласным ɒ: «немыми, безголосыми», а согласные с нижнесредним,

задним, полуогубленным гласным со слабой гортанной артикуляцией ɔ: – «голосовыми» [Huffman, 1970, p. 34].

Точка зрения, полярная предыдущим, представлена в исследовании Р.С. Плам, не подтвердившей наличие двух регистров, характеризующих кхмерский слог и делящих все слогообразующие гласные на «высокого» и «низкого» регистров [Плам, 1973, с. 118].

Большинством кхмерских лингвистов регистры рассматриваются как «открытые» и «закрытые» (см., например: [Kung Sokheng, 2013; Khin Sok, 2002; Chun Lih, 2009]).

Описание артикуляции кхмерских гласных: монофтонги, дифтонги и трифтонги

В изучение артикуляции кхмерских гласных весомый вклад внесли Ж. Масперо, Ю.А. Горгониева, Д. Джейкоб и Д.И. Еловков.

Ж. Масперо установил наличие в кхмерском языке дифтонгов и подробно рассмотрел процесс редукции гласных в безударных слогах [Maspero, 1915, p. 280].

Ю.А. Горгониев дал развернутую классификацию дифтонгов в кхмерском языке, разделив их по длительности на долгие, краткие и средние. Помимо «дифтонгов, имеющих фонологическую значимость», он впервые заявил о наличии трифтонгов в кхмерском языке, представляющих собой «соединение гласных с конечными элементами, которые в фонетическом отношении являются полугласными, а с фонологической точки зрения представляют собой согласные» [Горгониев, 1966, с. 26].

Именно вслед за Ю.А. Горгониевым Д. Джейкоб выделила 16 нисходящих дифтонгов, и часть из них описала как такие, которые начинаются с закрытого гласного и движутся в сторону более открытого, а еще одну часть, наоборот, как такие, которые начинаются с открытого гласного и движутся в сторону более закрытого [Jacob, 1968, p. 151].

Д.И. Еловков рассмотрел 13 долгих и 8 кратких монофтонгов, распределив их по шести степеням подъема и трем рядам, 9 дифтонгов, классифицировав их на долгие и краткие, сужающиеся и расширяющиеся, нисходящие и восходящие [Еловков, 2006, с. 30–31].

Кхмерские лингвисты в грамматиках и учебниках, как правило, ограничиваются общими характеристиками гласных и согласных кхмерского языка, кратким перечнем монофтонгов и дифтонгов, а также перечислением правил употребления диакритических знаков.

Выводы

Наиболее подробно и глубоко лингвистами изучены вокализм (представлена артикуляционная классификация гласных фонем языка с опорой на три основных признака: участие губ, степеней подъема языка и его продвинутости, первый и второй регистры), консонантная система (дано детальное описание артикуляционных характеристик согласных кхмерского языка) и структура кхмерского слога.

При этом остается малоизученным такой важный раздел фонетики, как просодия. Особую ценность имели бы экспериментальные исследования с использованием компьютерных программ анализа звуковой волны (например, приложение Praat, которое позволяет записывать или загружать звуковой файл и просматривать его графическое представление), технических устройств, отражающих процессы образования звуков, а также работа с информантами, в результате которой возможна фиксация определенных речевых параметров в соответствующих единицах измерения и проверка представленных выше теорий и гипотез российских и зарубежных лингвистов.

Лексикология

Работы, посвященные лексике кхмерского языка, немногочисленны (см.: [Горгониев, 1966, с. 42–50; Еловков, 2006, с. 8–10; Погибенко, 2019; Haiman, 2011, p. 29–40; Martini, 1946, p. 162–170; Maspero, 1915, p. 280–290]). Исследования проведены в нескольких направлениях: классификации слов кхмерского языка, описание способов пополнения его лексического состава, сравнительно-сопоставительное изучение лексики кхмерского языка.

Классификация слов кхмерского языка

Наибольший интерес исследователей лексики кхмерского языка был сконцентрирован на этимологии. Ж. Масперо одним из первых представил краткий обзор системы

кхмерской лексики, поделив ее на три основных составляющих: исконные кхмерские слова, санскритские и палиийские заимствования. Кроме того, Ж. Масперо определил ряд «второстепенных источников» кхмерской лексики, к которым отнес китайский, монский и чамский языки [Maspero, 1915, p. 280–285].

Ю.А. Горгониев подробно описал заимствования из пали, санскрита, тайского, китайского, вьетнамского и французского языков, используя многочисленные примеры [Горгониев, 1966, с. 43–48].

Дж. Хайман дал подробное представление о структуре исконно кхмерской лексики, указав на ее преимущественную односложную или двусложную природу [Haiman, 2011, p. 29–34]. Особое место в его работе занимает анализ фонетических процессов в иноязычных словах кхмерского языка. Интерес вызывает тезис об аналогичной сегментной структуре заимствований из тайского языка и исконно кхмерских односложных слов, а также вывод исследователя о том, что зачастую затруднительно определить направление заимствования ряда довольно распространенных слов.

Труды камбоджийских ученых по лексике кхмерского языка в основном сводятся к ее описанию с точки зрения плана содержания. Исследуются заимствования, синонимы, антонимы и омонимы, а также «королевская» и «монашеская» лексика. Рассматривая структуру исконно кхмерских номинаций, лингвисты выделяют однослоги, двуслоги и реже многослоги. Можно сказать, что наиболее подробно камбоджийскими языковедами проанализирована именно иноязычная лексика, разработаны отдельные пособия о заимствованиях. Соун Асот, например, исследовал заимствования кхмерского языка с опорой на общепринятые понятия (язык-донор и язык-реципиент), выделив лексические, семантические, фонетические и грамматические заимствования [Soun Orsoth, 2013, p. 393–396].

Описание способов пополнения кхмерской лексики

Ф. Мартини рассмотрел основные процессы создания новых слов в кхмерском языке в середине XX века. К таковым он отнес расширение лексического значения кхмерского слова и его метафорическое использование, сохранение в языке фонетически адаптированных французских слов, создание калек по аналогии с французским языком, заимствования из пали и санскрита, а также ряд словообразовательных моделей с аффиксами палийского и санскритского происхождения [Martini, 1946, p. 162].

Продолжая исследования Ф. Мартини, Ю.А. Горгониев выделил наиболее яркие черты современного кхмерского языка, к которым отнес стремительное обогащение новой лексикой и терминологией, пополнение языка заимствованиями, наличие определенной иерархии лексических средств, сложную гонорифическую систему местоимений, существование особой «королевской» и «монашеской» лексики [Горгониев, 1966, с. 42].

Из камбоджийских лингвистических исследований высоко оценивается работа Пхал Сока, выявившего основные источники пополнения лексики современного кхмерского языка. Путем анализа контекстов (предложений) он выделил следующие способы обогащения словарного состава кхмерского языка: расширение семантики исконно кхмерских номинаций, рост количества заимствований из английского языка, калькирование как один из способов словообразования [Phal Sok, 2005].

Сравнительно-сопоставительное изучение лексики кхмерского языка

Одной из самых интересных работ в сфере сравнительного языкознания является исследование отечественного лингвиста Д.И. Еловкова, в котором на историческом фоне и в сравнительном плане описываются грамматические и семантические свойства лексики кхмерского, тайского и бирманского языков. Автор описал характер соотношения этих языков с действительностью, в психолингвистическом аспекте исследовал лексику языков, отличающихся по своему строю от индоевропейских [Еловков, 2009].

Т.Г. Погибенко анализировала сериализацию в кхмерском языке, сопоставив ее с сериализацией в других мон-кхмерских языках, а также выявила ее отличия от лексических комплексов. По мнению Т.Г. Погибенко, сериальная конструкция – это последовательность

действий, концептуализированных как одно событие, а лексический комплекс представляет собой одно действие-состояние, но с разных сторон [Погибенко, 2022].

Выводы

В области лексикологии наиболее подробно описаны классификации лексики с точки зрения этимологии (исконная и заимствованная), а также классификации иноязычной лексики:

1) по языку-донору (из индоевропейской семьи языков индийской группы – санскрита и пали, романской группы – французского языка, германской группы – английского языка, тай-кадайской языковой семьи тайской группы – тайского и лаосского языков, австроазиатской семьи мон-кхмерской группы – вьетнамского языка и сино-тибетской языковой семьи китайской группы – китайского языка);

2) по темам (семантическим полям и тематическим группам);

3) по способу адаптации (фонетические, морфолого-фонетические и семантические).

В современных работах также описаны способы пополнения словарного состава современного кхмерского языка, а также системные отношения лексических единиц (синонимия, антонимия, омонимия). При этом значительные лакуны наблюдаются в изучении таких явлений языка, как ономастика, фразеология и стилистика. Практически не исследована лексика кхмерского языка с точки зрения плана выражения, а также сферы и периоды ее употребления.

Словообразование и морфология

Работы в области словообразования и морфологии кхмерского языка более многочисленны, чем те, которы посвящены фонетике и лексике. В основном они включают в себя учение о словообразовании и учение о частях речи. Фундаментальные исследования проведены такими выдающимся лингвистам, как Ю.А. Горгониев, Ф. Дженнер, Д.И. Еловков, Ф. Мартини, Ж. Масперо, Т.Г. Погибенко, Дж. Хайман, Ф. Хафман.

Исследования в области словообразования

Начало изучения словообразования в кхмерском языке положено французским лингвистом Ж. Масперо, в работах которого перечислены существующие в языке аффиксы. В приложении указаны 646 основ слов и 925 производных от них [Maspero, 1915, p. 194–221].

Ф. Хафман подробно рассматривал морфемы и лексемы, а также процесс создания дериватов на базе других, принимаемых за исходные за счет аффиксации (префиксов, инфиксов и суффиксов) или словосложения [Huffman, 1967, p. 147–153].

Одним из первых масштабных исследований по словообразованию кхмерского языка можно назвать диссертацию Ф. Дженнера, посвященную аффиксации в современном кхмерском языке [Jenner, 1969]. Несмотря на то, что для анализа привлекался ограниченный корпус лексики, данная работа послужила отправной точкой для дальнейших трудов в сфере изучения словообразования кхмерского языка. Ф. Дженнер дал четкую классификацию аффиксов кхмерского языка, а также выделил 8 простых префиксов, 6 простых инфиксов, 5 слоговых префиксов и 1 слоговой инфикс.

Анализ кхмерской аффиксации представлен Д.И. Еловковым, который методом квадрата выделил в кхмерском языке 18 аффиксов, посчитав при этом общее количество слов, содержащих аффикс, – около 1 000 (6–7 % от всей кхмерской лексики) [Еловков, 2006, с. 56–57]. По мнению исследователя, аффиксам в кхмерском языке присущи две основные функции: 1) образование каузативов и 2) образование существительных от глаголов и прилагательных.

По мнению Дж. Хаймана, кхмерский язык с точки зрения морфологии имеет довольно сложную систему деривационных аффиксов. Дж. Хайман предположил, что в кхмерском языке есть множество языковых средств, которые используются исключительно в декоративных целях и не выражают никакого смысла, тем самым нарушая принцип экономии и прозрачности при передаче информации. По мнению Дж. Хаймана, происхождение многих из наиболее распространенных аффиксов связано с постоянной редукцией безударных начальных слогов в полутора сложных словах. Его тезис о том, что кхмерский язык, как и многие языки Юго-Восточной Азии, демонстрирует склонность к симме-

тричному декоративному словосложению [Haiman, 2011, p. 38], подвергся определенной критике со стороны российских лингвистов.

Т.Г. Погибенко ставит под сомнение методы анализа кхмерского языка, использованные Дж. Хайманном, указывает на то, что синонимические лексические комплексы способны порождать новые смыслы, а не создаются лишь для «красоты», и доказывает, что «выводы Дж. Хаймана являются следствием ошибочного синтаксического и семантического анализа, проведенного без учета диахронических свидетельств и результатов сравнительного анализа родственных языков» [Погибенко, 2019, с. 267].

Исследования камбоджийских языковедов в сфере словообразования затрагивают процессы создания новых слов при помощи префиксов, суффиксов и инфиксов, а также путем сложения слов или основ. Так, Соун Асот делит морфемы кхмерского языка на свободные (используются самостоятельно), соединительные (могут использоваться самостоятельно или совместно со свободными морфемами) и деривационные (не обладающие автономией) [Soun Orsoth, 2013, p. 286–287].

Учения о частях речи

Проблема выделения частей речи является одной из центральных в грамматике кхмерского языка: некоторые исследователи не склонны выделять части речи в кхмерском языке, другие – предлагают разный перечень таковых.

Например, Ж. Масперо отрицал наличие частей речи в кхмерском языке в связи с тем, что, по его мнению, слова не содержат в своей материи каких-либо элементов, указывающих на отнесенность данного слова к той или иной общеграмматической категории. По мнению лингвиста, кхмерские инфиксы и префиксы не определяют отнесенность слова к той или иной части речи, а употребление слова зависит не от данных аффиксов, а от значения корня. Ж. Масперо предложил выделять три структурно-грамматические группы слов в кхмерском языке: 1) не имеющие отнесенности к части речи (когда значение зависит от позиции слова в предложении); 2) имеющие относительно стабильную отнесенность; 3) имеющие стабильную, постоянную общеграмматическую отнесенность [Maspero, 1915, p. 234].

От заключений Ж. Масперо относительно частей речи в кхмерском языке значительно отличаются выводы Ф. Мартини. Учитывая отсутствие словоизменения в таких языках Юго-Восточной Азии, как, например, тайский и вьетнамский, он указывал на наличие у слов грамматических свойств, по которым их можно классифицировать, применяя при этом синтаксические критерии [Martini, 1950]. В частности, Ф. Мартини описал некоторые инфиксы, которые различают имя и глагол.

Ф. Хафман выделил существительные, классификаторы, местоимения (личные, количественные, указательные), предикативы, наречия, прилагательные, вспомогательные глаголы и частицы [Huffman, 1967, p. 147–153].

Наиболее подробная работа, включающая раздел о частях речи в кхмерском языке, принадлежит Ю.А. Горгониеву. По его мнению, «грамматическое и лексическое в кхмерском слове как бы слито воедино» [Горгониев, 1966, с. 104]. В целом исследователь подтверждает классическое членение на части речи (основываясь на его значении и грамматической роли в предложении), при этом усиливая его морфологической классификацией с учетом синтаксического критерия. Изучив неоднозначные данные французских лингвистов в области морфологии, он делил слова кхмерского языка на два разряда. К первому разряду он отнес слова, способные выступать в функциях подлежащего, сказуемого, дополнения и определения, ко второму – слова, которые могут выступать только обстоятельствами либо вообще не выполняют функций члена предложения. Слова первого разряда Ю.А. Горгониев разделил на два подразряда по способности выступать в функциях подлежащего и сказуемого: 1) слова, которые обычно выступают подлежащим и не способны самостоятельно выполнять функции сказуемого; 2) слова, которые обычно выступают сказуемыми и способны функционировать как подлежащее только в ограниченных конструкциях. Ю.А. Горгониев также отметил, что при учете функций не только подлежащего, но и сказуемого получается следующая картина группировки слов по функциональным признакам: слова, выполняющие функции членов предложения и слова, выполняющие служебные функции.

Проведенный анализ функций и сочетаемости разных групп слов позволил Ю.А. Горгониеву выделить два больших класса слов: имена (существительные, их заместители – местоимения, числительные) и предикативы (глаголы, модальные глаголы, качественные глаголы, прилагательные). Кроме того, ученый выделил частицы речи, включающие счетные слова (классификаторы), предлоги, союзы, относительные слова, связки, предикативные служебные слова, определительные служебные слова, частицы и междометия. Особый интерес представляет описание грамматических категорий, присущих тем или иным частям речи. В частности, у имен отмечаются количественные уточнители, выражающие категорию числа; заимствованные из пали и санскрита одушевленные существительные сохраняют грамматические различия в роде; у глаголов обнаруживаются видовые формы, выражающие результативные, начинательные, продолженные и завершенные действия, и временные формы (настоящее, прошедшее и будущее).

Отдельную главу Ю.А. Горгониев посвятил описанию систем формального выражения отношений между действием и предметом. Первая система представляет собой систему выражения отношений действия к объекту, на который оно направлено. К ней автор отнес транзитивно-каузативный, возвратный и взаимный залоги. Вторая – система выражения отношений между действием и предметом. Здесь речь идет о побудительной и пассивной конструкциях [Горгониев, 1966, с. 170–198].

Морфологические характеристики кхмерского языка даны в работе Д.И. Еловкова. Он разработал классификации единиц кхмерского языка по паузам, то есть границам в звуковом потоке, где высказывание может начинаться и заканчиваться, и по сочетаемости единиц языка друг с другом. В классификации по паузам исследователь выделил четыре класса единиц: первые имеют паузу слева и справа (более 90 % единиц кхмерского языка); вторые имеют паузу на левой или правой границе, но не одновременно (не более двух десятков); третьи имеют паузу только на левой или только на правой границе (например, префиксы); четвертые не имеют паузы ни слева, ни справа (например, инфиксы). Классификация по характеру и закономерности сочетания единиц кхмерского языка сводится к выделению двух лексико-грамматических классов слов: существительных и предикативов (глаголы и прилагательные), а также третьего класса слов по характеру синтаксической сочетаемости (например, ономатопы (звукоподражания), числительные, междометия, предлоги, союзы, личные местоимения, модальные глаголы и модальные слова и другие) [Еловков, 2006, с. 88–105].

Вместе с тем нам не удалось найти ни одного грамматического описания кхмерского языка камбоджийскими лингвистами, в котором приводились бы критерии выделения тех или иных частей речи. Каждый исследователь представляет свою классификацию без дополнительных пояснений. Так, Тхон Хын писал о существительных (одушевленных и неодушевленных, именах собственных и нарицательных), местоимениях (личных, определительных, неопределенных и относительных), прилагательных (качественных, сравнительных, в превосходной степени), глаголах (переходных, непереходных, каузативных, пассивных, возвратных). При этом, к глаголам он относил и отглагольные существительные, и наречия. Среди грамматических признаков глагола он выделил только время (настоящее, прошедшее и будущее), указывая на то, что в предложении чаще всего время понимается из контекста, а не выражается лексически [Thon Hin, 2020]. Другой камбоджийский лингвист Чхай Сокхай в работе, классифицируя части речи в кхмерском языке, дифференцировал существительные, местоимения, прилагательные, наречия и глаголы, а также указал, что глаголы в кхмерском языке не меняются по временам, а время определяется при помощи временных маркеров [Chay Sokhay, 2020]. Попытка описать служебные части речи была предпринята Соуном Асотом. Согласно его классификации, служебные части речи кхмерского языка включают не только единицы, выделяемые в большинстве языков (союзы, предлоги и частицы), но и сентиметивные части речи, такие как модальные слова, междометия и звукоподражания [Soun Orsoth, 2013, p. 484–650].

Выводы

Несмотря на то, что морфология является, по нашему мнению, самым изученным разделом системы кхмерского языка, результаты исследований, посвященных словообразованию и морфологии, представляются противоречивыми. Хотя кхмерский язык относят к изолирующим языкам, подробно проанализированы имеющиеся в нем способы словообразования: детально описаны инфиксы и их значения при образовании новых единиц лексики, префиксы и полуаффиксы. Несмотря на то, что проблема частей речи упоминается практически во всех грамматиках, не всегда представлены критерии их выделения, а полученные классификации не совпадают у представителей различных лингвистических школ. С учетом того, что в современном языкознании принят комплексный подход к классификации и описанию частей речи, данный раздел системы кхмерского языка требует дополнительных исследований с опорой на семантические, функциональные и дистрибутивные особенности его лексических единиц.

Синтаксис

Синтаксис является самой слабоизученной частью грамматики кхмерского языка. Как мы уже отметили выше, по типологическим характеристикам кхмерский язык традиционно относят к группе изолирующих языков, поэтому при построении предложения особое значение приобретают такие морфологические и синтаксические средства, как порядок слов, использование служебных слов, семантические замены и трансформации.

Первые шаги в исследовании отдельных вопросов, посвященных синтаксису кхмерского языка, были предприняты Ж. Масперо. Однако те вопросы, которые лингвист рассматривает в главе «Синтаксис», не всегда можно назвать синтаксическими. Ученый отмечал, что кхмерский язык игнорирует пассивный залог и всегда использует активные конструкции для передачи пассивных форм. В части его труда, касающейся наклонений, он описал только повелительное наклонение, выражаемое при помощи таких служебных единиц, как *ком/kǫm*, *соум/sɒ:m*, *мёу/co:*, *мёх/cǫh*. Ж. Масперо ограничился лишь упомянутыми четырьмя номинациями, хотя в кхмерском языке их значительно больше. Особый интерес для изучения синтаксической системы представляет раздел «О некоторых многозначных глаголах», в котором Ж. Масперо рассматривает такие номинации, как *аой/аоу*, *ба:н/ba:n* и *тиа/сіə*, используемые в предложении в качестве смысловых или служебных глаголов [Maspero, 1915, p. 320–346].

Работы в области синтаксиса кхмерского языка можно разделить на следующие группы: 1) исследование словосочетаний и 2) исследование предложений.

Исследования словосочетаний

В своем весьма подробном исследовании синтаксиса кхмерского языка Ф. Мартини описал подлежащее, сказуемое и дополнение как универсалии. Он пришел к выводу о том, что последовательность «субъект-предикат» характерна как для вьетнамского, так и для кхмерского языков, а также предложил использовать помимо термина «субъект» термин «предложение-тема». На примерах он показал, что сиамский и кхмерский языки, столь разные во многих отношениях, различают глагол *кы:/kᵘ*: «быть по существу» и *тиа/сіə* «существовать как» [Martini, 1946, p. 181].

Ю.А. Горгониев выделял в кхмерском языке следующие типы словосочетаний:

1) именные, образованные путем примыкания зависимого компонента к главному или с помощью служебных слов;

2) глагольные, представленные тремя разрядами: глагол + имя, глагол + предикатив и глагол + наречие;

3) адъективные: прилагательное + наречие, прилагательное + *тианг / сіəŋ* («более / менее») + существительное и прилагательное + *нынг / nᵘŋ* («и») + глагол) [Горгониев, 1966, с. 225–302].

Ф. Хафман представил развернутую классификацию выражений кхмерского языка, в которую включил нецентральные (периферийные), центральные (основные), параметрические и числовые конструкции. К первой группе он отнес субъектно-предикатные (*прох ням / prǫh ɲam* ‘мужчина-есть’ – «мужчина ест»), паратактические (*коун кхнем аю прам чнам me: / ko:n khɲəm ayu pram chnam tɛ:* ‘ребенок-я-возраст-пять-год’ – «моему ребенку

пять лет»), объектные (*баык твиа / baək tviə* ‘открывать-дверь’ – «открой дверь»), реляционные (*дак кнонг хеп / dak knɔŋ həp* ‘класть-в-коробка’ – «положи в коробку») и результативные конструкции (*мда:й компунг де:ть лук / mda:c kɒmpuŋ de:c luk* ‘мать-показатель продолженного действия-спать-спящий’ – «мама спит»); ко второй – предложные (*даы лыан / daə lᵘən* ‘идти-быстрый – «быстро идти») и препозитивные (*кхнем тяп твы: ти: них / khɲəm cap thvɤ: ti: nih* ‘я-начинать-работать-место-этот’ – «я начал здесь работать») атрибутивные словосочетания; к третьей – кумулятивные (*лу:к теу мун кхнем мо:к та:м / lu:k teu mun khɲəm mɔ:k ta:m* ‘ребенок-идти-раньше-я-приходить-следовать’ – «иди вперед, а я пойду за тобой»), альтернативные (*бэй буан тхнгай тиат / bei buən thŋai tiət* ‘три-четыре-день-еще’ – «через три-четыре дня»), аппозитивные (*ло:к сем мыт кхнем / lə:k səm mᵘt khɲəm* ‘господин-Сем-друг-я’ – «Сем – мой друг»), и инклюзивные (*доуть нух йы:нг туай протеx йы:нг ба:н / do:c nuh yɤ:ŋ cuəy prɒtɛ:h yɤ:ŋ ba:n* ‘так-тот-мы-помогать-страна-мы-показатель перфектива’ – «таким образом мы можем помочь нашей стране») конструкции; к четвертой – аддитивные (*ро:й ха:сеп / rɔ:y ha:səp* ‘сто-пятьдесят’ – «сто пятьдесят») и мультипликативные (*прам × ро:й / pram × rɔ:y* ‘пять-умножать-сто’ – «пятьсот») конструкции [Huffman, 1967, p. 199–230].

Исследования предложения

В работах Дж. Хаймана, посвященных кхмерскому языку, дано описание отрицательных и вопросительных (общих, специальных, и риторических вопросов) предложений, а также средств выражения темы. К последним он относил лексические темовыделительные конструкции *ае / ае*, *темнаек / cɒmnaek*, *тёмпух / cɒmpuh* («что касается») и частицы (*кы: / kᵘ:* «именно») [Haiman, 2011].

Публикации Ю.А. Горгониева хронологически следуют за работами Ф. Мартини и написаны, по мнению Д. Джейкоб, в духе французского исследователя [Jacob, 1993, p. 12]. Его работы в области синтаксиса по-прежнему актуальны. Ю.А. Горгониев писал о строгом и не зависящем от вида предложения порядке слов в кхмерском предложении (действие правила прогрессивной последовательности к подлежащему, сказуемому и дополнению: возможна только последовательность подлежащее – сказуемое – дополнение, и прогрессивно-регрессивной для полузависимых членов: определение – определяемое) [Горгониев, 1966, с. 222–223].

Отдельный раздел его грамматики кхмерского языка посвящен предложению. В частности, подробно описаны главные (подлежащее и сказуемое) и второстепенные (дополнение, определение и обстоятельство) члены предложения, а также тематическое подлежащее и подлежащее-дополнение (выполняет одновременно двойную функцию: по отношению к одной части предложения – подлежащего, к другой его части – дополнения) [Горгониев, 1966, с. 225–270].

Работы камбоджийских лингвистов, посвященные синтаксису кхмерского языка и структурным типам кхмерских предложений, единичны. Соун Асот рассматривал проблему классификации предложений современного кхмерского языка исходя из системы грамматических понятий традиционного европейского языкознания, полагая, что в центре кхмерской грамматической системы лежат лексико-грамматические категории, которые находят отражение в разных типах кхмерских предложений [Soun Orsoth, 2013, p. 680–700]. Чхай Сокхай выделил два основных типа предложений в кхмерском языке: простое и сложное, а также предложил классификацию каждого из указанных типов. В зависимости от цели высказывания он описал повествовательные, побудительные, вопросительные и восклицательные [Chay Sokhay, 2020, p. 170–175]. Кунг Сокхенг изучал синтаксические связи в кхмерском языке и средства их формирования, а также строй глагольного предложения в китайском языке. Согласно его грамматике, существует три вида предложений в кхмерском языке: простые, сложноподчиненные и сложносочиненные, при этом последние включают в себя союзные и бессоюзные предложения [Kung Sokheng, 2013, p. 160–180].

Выводы

Будучи самым слабоизученным разделом системы кхмерского языка, синтаксис требует более пристального исследовательского вни-

мания. Несмотря на имеющиеся публикации, посвященные грамматическому строю языка (описание критериев выделения членов предложения, словосочетаний, простых и сложных предложений), актуальным остается анализ функционально-стилевых и эмоционально-экспрессивных свойств языковых единиц разных уровней, а также правил построения не только словосочетаний и предложений, но и текстов.

Заключение

Несмотря на лингвистический интерес к кхмерскому языку в XX в., он по-прежнему остается одним из малоизученных среди мон-кхмерских языков. Большинство исследований посвящены фонетике и морфологии и выполнены представителями европейских (в том числе российских) и американских научных школ. В то же время фиксируется рост интереса к лексическим и синтаксическим структурам кхмерского языка, в том числе среди камбоджийских лингвистов. Отметим, что созданная во второй половине XX в. грамматика кхмерского языка отечественного лингвиста Ю.А. Горгониева и по настоящее время является одной из наиболее полных и актуальных научных работ по кхмерскому языку.

Результаты анализа научной литературы о кхмерском языке позволил выявить наименее изученные и нерешенные вопросы, связанные с системой кхмерского языка. Так, на наш взгляд, в дальнейшем изучении нуждаются просодия, фразеология, ономастика, стилистика кхмерского языка; требуют уточнения критерии и подходы в сфере выделения частей речи; недостаточно исследований о функционально-стилевых и эмоционально-экспрессивных свойствах единиц разных ярусов кхмерского языка, а также правилах построения современных текстов.

Объективные трудности при описании кхмерского языка связаны с тем, что языки региона Юго-Восточной Азии (в том числе кхмерский) обладают рядом специфических черт, которые существенно отличают их от европейских.

Таким образом, существует необходимость продолжения исследований кхмерского языка с целью создания более точного и полного описания разных уровней его системы и ее функционирования в речи, а также определения тенденций развития кхмерского языка в XXI веке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вихрова А. Ю., Оборская С. А., 2016. Метод трансплантации в языках различного строя (на примере экспериментального исследования современного кхмерского языка) // Новейшие достижения и успехи развития гуманитарных наук : сб. науч. тр. по итогам Междунар. науч.-практ. конф. Т. 1. С. 31–32.

Горгониев Ю. А., 1966. Грамматика кхмерского языка. М. : Наука. 317 с.

Еловков Д. И., 2006. Структура кхмерского языка: фонетика, фонология, грамматика, лексика, семантика. СПб. : Филол. фак. С.-Петерб. гос. ун-та. 470 с.

Плам Р. С., 1973. Фонемный состав современного кхмерского языка. М. : Ин-т междунар. отношений. 180 с.

Погибенко Т. Г., 2019. Можно ли считать, что кхмерский язык – это язык с «декоративной» морфологией? (Критика взглядов Дж. Хаймана на кхмерский язык) // Вестник Института востоковедения РАН. № 2. С. 256–267.

Погибенко Т. Г., 2022. Сериальные конструкции в мон-кхмерских языках // Проблемы общей и востоковедной лингвистики. Языки Востока: изученное и неизученное : сб. ст. С. 89–127.

Chay Sokhay, 2020. Khmer Grammar. Phnom Penh : Khmer Books Edition. P. 80–150.

Chun Lih, 2009. Khmer Grammar. Phnom Penh : Khmer Books Edition. P. 200–260.

Donley A., 2020. Khmer Phonetics & Phonology: Theoretical Implications for ESL Instruction // College of Arts and Sciences: Senior Honors Theses. 49 p.

Haiman J., 2011. Cambodian Khmer. L. : John Benjamins Publishing. P. 225–250.

Henderson E., 1952. The Main Features of Cambodian Pronunciation // University of London: Bulletin of the School of Oriental and African Studies. Vol. 14, № 1. P. 149–174.

Huffman F. E., 1967. An Outline of Cambodian Grammar. N. Y. : Cornell University PhD Thesis. 253 p.

Huffman F.E., 1970. Modern Spoken Cambodian. New Haven : Yale University Press. P. 147–230.

Jacob J. M., 1968. Introduction to Cambodian. L. : Oxford University Press. 341 p.

Jenner P., 1969. Affixation in Modern Khmer. Michigan : PhD in Linguistics Diss. Ann Arbor. 218 p.

Khin Sok, 2002. La Grammaire du Khmer Moderne. P. : Editions YOU-FENG. 620 p.

Kung Sokheng, 2013. Khmer Grammar. Phnom Penh :

Khmer Books Edition. P. 280–300.
Martini F., 1946. Aperçu Phonologique Du Cambodgien. P. : Bulletin de la Société de linguistique. Vol. 42. P. 113–131.
Martini F., 1950. En Marge du Ramayana Cambodgien. P. : White Lotus Press. P. 183–196.
Maspero G., 1915. Grammaire De La Langue Khmere: Cambodgien. P. : Imprimerie nationale. P. 94–346.
Phal Sok, 2005. A Note on New Word Formation in Modern Khmer. Montréal : Université de Montréal. 53 p.
Pinnow H. J., 1980. Reflections on the History of the Khmer Phonemic System. Berlin : Freie Universität. 28 p.
Soun Orsoth, 2013. Information of Khmer Grammar. Phnom Penh : Asia Euro University. 713 p.
Thon Hin, 2020. Khmer Grammar. Phnom Penh : Khmer Books Edition. P. 90–120.

REFERENCES

Vikhrova A.Yu., Oborskaya S.A., 2016. Metod transplantatsii v yazykakh razlichnogo stroya (na primere eksperimentalnogo issledovaniya sovremennogo khmerskogo yazyka) [Transplantation Method in Languages of Different Systems (Using the Example of an Experimental Study of the Modern Khmer Language)]. *Noveyshie dostizheniya i uspekhi razvitiya gumanitarnykh nauk: sb. nauch. tr. po itogam Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. T. 1* [The Latest Achievements and Successes in the Development of the Humanities. Collection of Scientific Papers Following the Results of the International Scientific and Practical Conference. Vol. 1], pp. 31-32.
Gorgoniev Yu.A., 1966. *Grammatika khmerskogo yazyka* [Khmer Grammar]. Moscow, Nauka Publ. 317 p.
Elovkov D.I., 2006. *Struktura khmerskogo yazyka: fonetika, fonologiya, grammatika, leksika, semantika* [Structure of the Khmer Language: Phonetics, Phonology, Grammar, Vocabulary, Semantics]. Saint Petersburg, Filol. fak. S.-Peterb. gos. un-ta. 470 p.
Plam R.S., 1973. *Fonemnyy sostav sovremennogo khmerskogo yazyka* [Phonemic Composition of the Modern Khmer Language]. Moscow, In-t mehzdunar. otnosheniy. 180 p.
Pogibenko T.G., 2019. Mozhno li schitat, chto khmerskiy yazyk – eto yazyk s «dekorativnoy» morfologiey? (Kritika vzglyadov Dzh. Haimana na khmerskiy yazyk) [Is Khmer a Language with “Decorative” Morphology? (On John Haiman’s Vision of Khmer)]. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN* [Bulletin of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences], no. 2, pp. 256-267.
Pogibenko T.G., 2022. Serialnye konstruktsii v mon-khmerskikh yazykah [Serial Constructions in the Mon-Khmer Languages]. *Problemy obshchey i vostokovednoy lingvistiki. Yazyki Vostoka: izuchennoye i neizuchennoye: sb. st.* [Problems of General and Oriental Linguistics. Languages of the East: Studied and Unstudied. Collection of Articles], pp. 89-127.
Chay Sokhay, 2020. *Khmer Grammar.* Phnom Penh, Khmer Books Edition, pp. 80-150.
Chun Lih, 2009. *Khmer Grammar*. Phnom Penh, Khmer Books Edition, pp. 200-260.
Donley A., 2020. Khmer Phonetics & Phonology: Theoretical Implications for ESL Instruction. *College of Arts and Sciences: Senior Honors Theses.* 49 p.
Haiman J., 2011. *Cambodian Khmer.* London, John Benjamins, pp. 225-250.
Henderson E., 1952. The Main Features of Cambodian Pronunciation. *University of London: Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, vol. 14, no. 1, pp. 149-174.
Huffman F.E., 1967. *An Outline of Cambodian Grammar.* New York, Cornell University PhD Thesis. 253 p.
Huffman F.E., 1970. *Modern Spoken Cambodian.* New Haven, Yale University Press, pp. 147-230.
Jacob J.M., 1968. *Introduction to Cambodian*. London, Oxford University Press. 341 p.
Jenner P., 1969. *Affixation in Modern Khmer.* Michigan, Ann Arbor. 218 p.
Khin Sok, 2002. *La Grammaire du Khmer Moderne.* Paris, Editions YOU-FENG. 620 p.
Kung Sokheng, 2013. *Khmer Grammar.* Phnom Penh, Khmer Books Edition, pp. 280-300.
Martini F., 1946. *Aperçu Phonologique Du Cambodgien.* Paris, Bulletin de la Société de linguistique, vol. 42, pp. 113-131.
Martini F., 1950. *En Marge du Ramayana Cambodgien.* Paris, White Lotus Press, pp. 183-196.
Maspero G., 1915. *Grammaire De La Langue Khmere: Cambodgien.* Paris, Imprimerie nationale, pp. 94-346.
Phal Sok, 2005. *A Note on New Word Formation in Modern Khmer.* Montreal, Université de Montréal. 53 p.
Pinnow H.J., 1980. *Reflections on the History of the Khmer Phonemic System.* Berlin, Freie Universität. 28 p.
Soun Orsoth, 2013. *Information of Khmer Grammar.* Phnom Penh, Asia Euro University. 713 p.
Thon Hin, 2020. *Khmer Grammar.* Phnom Penh, Khmer Books Edition, pp. 90-120.

Information About the Authors

Natalya V. Yudina, Doctor of Sciences (Philology), Director for Monitoring the Activities and Development of Branches, Professor, Department of Foreign Languages and Intercultural Communication, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, dr.yudina@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-7305-6959

Sofia A. Oborskaia, Candidate for a Degree, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russia; Third Secretary, Embassy of the Russian Federation in the Kingdom of Cambodia, Phnom Penh, Cambodia, oborskayasofi@mail.ru, https://orcid.org/0009-0001-9605-4219

Информация об авторах

Наталья Владимировна Юдина, доктор филологических наук, директор по контролю за деятельностью и развитием филиалов, профессор Департамента иностранных языков и межкультурной коммуникации, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия, dr.yudina@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-7305-6959

Оборская Софья Алексеевна, соискатель, Владимирский государственный университет им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир, Россия; третий секретарь, Посольство Российской Федерации в Королевстве Камбоджа, г. Пномпень, Камбоджа, oborskayasofi@mail.ru, https://orcid.org/0009-0001-9605-4219

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.5.11

UDC 81'42:81'322.5
LBC 81.055.1

Submitted: 01.03.2025
Accepted: 01.07.2025

NON-VERBAL INFORMATION INTERPRETATION IN SPEECH PORTRAITURE (EXEMPLIFIED BY ORAL SPEECH) [1]

Rodmonga K. Potapova
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Vsevolod V. Potapov
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia;
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Irina V. Kuryanova
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia;
Moscow Research Center, Moscow, Russia

Abstract. Within the domain of modern linguistics, the interpretation of oral speech in the context of speech portraiture (profiling) occupies a distinguished position. Typically, experts in the field of sound text research identify a series of linguistic characteristics that are indicative of spontaneous and prepared oral speech. A significant contemporary forensic and criminalistics issue is the interpretation of the oral text for the purpose of ascertaining the emotional state of the speaker. The research aims to substantiate the applicability of acoustic methods to identifying acoustic-and-linguistic parameters that are relevant for determining the degree of spontaneity/preparedness of utterances with regard to the emotional state of the speaker. The article introduces the results of testing instrumental methods applied to speech portraiture tasks employing the specialized sound editor SIS II (developer – Speech Technology Center, St. Petersburg), including methods for analyzing the microstructure of sounds and the melodic contour of syntagmas. The present study aims to explore the acoustic correlates of perceptual and auditory features of spontaneous and prepared speech at segmental and suprasegmental levels using the authentic phonograms submitted for forensic phonoscopic and psychological-and-linguistic examinations. Expert analysis, carried out in conformity with traditional approaches to distinguishing the linguistic characteristics of oral speech, has enabled the authors to identify some significant informative parameters, which objectify interpretation of the oral speech spontaneity and degree of its preparation, taking into account the emotional state of the speaker.

Key words: linguistic parameters of oral speech interpretation, speech portraiture, emotional state diagnostics, prepared speech, spontaneous speech, acoustic characteristics of the sounding oral speech, prosody.

Citation. Potapova R.K., Potapov V.V., Kuryanova I.V. Non-Verbal Information Interpretation in Speech Portraiture (Exemplified by Oral Speech). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 5, pp. 151-161. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.5.11

УДК 81'42:81'322.5
ББК 81.055.1

Дата поступления статьи: 01.03.2025
Дата принятия статьи: 01.07.2025

МЕТОДЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НЕВЕРБАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ЗАДАЧАМ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТИРОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ) [1]

Родмонга Кондратьевна Потапова
Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия

© Потапова Р.К., Потапов В.В., Курьянова И.В., 2025

Всеволод Викторович Потапов
Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия;
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Ирина Владимировна Курьянова
Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия;
Московский исследовательский центр, г. Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена актуальным лингвистическим проблемам, связанным с интерпретацией звучащей речи при речевом портретировании (профилировании) индивидуальных особенностей человека, в частности различению неподготовленной или подготовленной продуцируемой устной речи с учетом эмоционального состояния говорящего, что особенно значимо для судебной лингвистики и криминалистики. Цель проведенного исследования заключается в обосновании возможностей применения акустических методов для выявления акустико-лингвистических параметров, релевантных при квалифицировании высказываний как спонтанных или подготовленных с учетом эмоционального состояния говорящего. В статье описаны результаты апробации инструментальных методов применительно к задачам речевого портретирования на базе специализированного звукового редактора SIS II (разработчик – ООО «Центр речевых технологий», г. Санкт-Петербург): методы анализа микроструктуры звуков и мелодического контура синтагм. Охарактеризованы акустические корреляты перцептивно-слуховых особенностей неподготовленной (спонтанной) и подготовленной речи на сегментном и супрасегментном уровнях на материале аутентичных фонограмм, предоставляемых для проведения судебных фоноскопических и психолого-лингвистических экспертиз. Установлены значимые информативные параметры, которые позволяют в совокупности с традиционно выделяемыми лингвистическими признаками звучащей речи объективизировать результаты интерпретации ее спонтанности и степени подготовленности с учетом эмоционального состояния говорящего. *Вклад авторов*. Р.К. Потаповой осуществлено научное руководство исследованием, разработка методологии, характеристика соотношения фонетико-фонологических особенностей речи и эмоций. В.В. Потаповым определены основные направления исследования, выполнена валидация и интерпретация данных, сформулированы общие выводы. И.В. Курьяновой выполнен сбор экспериментального материала, его анализ посредством инструментальных методов, обработка результатов исследования.

Ключевые слова: лингвистические параметры интерпретации звучащей речи, речевое портретирование, диагностика эмоционального состояния, подготовленная речь, спонтанная речь, акустические характеристики звучащей речи, просодия.

Цитирование. Потапова Р. К., Потапов В. В., Курьянова И. В. Методы интерпретации невербальной информации применительно к задачам речевого портретирования (на материале звучащей речи) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 5. – С. 151–161. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.5.11

Введение

Изучение методов интерпретации звучащей речи занимает особое место в речеведении, в частности, в контексте широких задач, стоящих перед современной лингвокриминалистикой. Исследование индивидуальных особенностей голоса и речи для определения личностных характеристик человека является одним из наиболее активно развивающихся направлений профайлинга – профессионального портретирования личности средствами и методами прикладной лингвистики. В рамках профайлинга интерес представляет, как непосредственно звучащий текст – зафиксированная на фонограмме фактическая вербальная информация, так и пара- и экстравербальная информация [Потапова, Потапов, 2006]. Для оценки непосредственной реакции человека на внешние стимулы (обращенная речь, интонационная произносительная специфика и внешние сопутствующие мимические особенности речи допрашивающего коммуниканта и т. д.) большое значение имеет определение факта спонтанности или подготовленности устно реализуемого высказывания с учетом эмоционально-модального состояния говорящего. Эмоциогенный характер различных стимулов и реакций активно изучается в психологии и психиатрии, поскольку «именно emotio, а не ratio, прежде всего, толкает лю-

дей на совершение преступлений, неординарных поступков и т. д.» [Потапова, Потапов, 2023, с. 53]. Объективная оценка эмоционального состояния говорящего при проведении следственных и иных процессуальных действий (например, в ситуации допроса) является одной из сложнейших задач современной лингвокриминалистики.

Несмотря на большое количество материалов, отражающих экспертно-криминалистическую практику, единого методического подхода к определению степени спонтанности или подготовленности речи с учетом эмоционального состояния говорящего до настоящего времени не разработано. Как правило, для интерпретации звучащей речи в случаях, когда у следователя или суда имеются какие-либо сомнения в достоверности показаний, эксперты обращаются к специальным лингвистическим и психологическим знаниям [Волохова, Секераж, 2015]. При этом эмоциональность, спонтанность и/или подготовленность звучащей речи может быть описана на основе не только вербальной, но и паравербальной, невербальной и экстравербальной информации. Акустические методы, определяющие физические параметры звука, не зависят от восприятия голоса человеком – лингвистом или психологом, и, следовательно, позволяют представить объективные данные, свидетельствующие о степени спонтанности и степени подготовленности звучащей речи с учетом эмоционального состояния говорящего. В связи с этим требуется уточнение имеющихся и разработка новых подходов к интерпретации результатов исследования звучащей речи применительно к решению задач лингвокриминалистики, прежде всего речевому портретированию.

Цели настоящей работы заключаются в систематизации существующих традиционных подходов к интерпретации звучащей речи для решения задач лингвокриминалистики, а также выявление и описание акустических коррелятов перцептивно-слуховых особенностей неподготовленной (спонтанной) и подготовленной речи на сегментном и супрасегментном уровнях посредством применения инструментальных акустических методов исследования.

Методы исследования

Подготовленная и спонтанная речь

В научной литературе предложены различные подходы для оценки уровня подготовленности (заученности) / неподготовленности (спонтанности) звучащего текста. Подготовленная речь – репродуцированная речь, которая в той или иной степени отрабатывалась перед ее произнесением [Галяшина, 2003, с. 95–96; Хитина, 2003]. Неподготовленная (спонтанная, свободная) речь – непосредственно продуцируемая в процессе фонации речь (звучащий текст, который не отрабатывался заранее, а порождался одновременно с его произнесением) [Галяшина, 2003, с. 84–90].

По степени подготовленности устная речь может быть представлена шкалой, предложенной М.В. Хитиной:

– речь полностью неподготовленная;

– речь на известную заранее тему;

– речь по обдуманному плану;

– речь, отдельные части которой обдуманы и/или подготовлены заранее;

– речь по теме, на которую имеется письменный текст;

– речь, полностью подготовленная [Хитина, 2003].

Экспертная практика показывает, что данная шкала может и должна быть дополнена категорией «пересказ “своего” или “чужого” текста» как разновидности подготовленной речи, наиболее часто встречающейся при проведении следственного действия «Допрос».

Традиционные методы интерпретации звучащей речи при определении степени его подготовленности

В настоящее время распространено два направления интерпретации звучащей речи при определении степени ее спонтанности или подготовленности: 1) изучение речевого потока в целом и визуальной информации (при наличии видеоряда); 2) интерпретацию речи по уровням языка.

Изучение звучащей речи для решения указанных выше задач посредством анализа речевого потока и визуального ряда проводится психологами с применением перцептивно-аудитив-

ного, перцептивно-визуального и когнитивного методов для оценки психологических особенностей речи, коммуникативной компетенции говорящего, онтогенеза его речевого мышления [Седов, 2016, с. 261–277], соответствия реплик-реакций вербальным стимулам и возрастным особенностям коммуниканта.

Поуровневое исследование звучащей речи для определения степени ее неподготовленности (спонтанности) / подготовленности проводится лингвистами с учетом информации о специфике реализации всех языковых уровней. Лингвистические параметры, традиционно используемые для определения индивидуализирующих признаков звучащей речи, сводятся, по мнению специалистов [Галяшина, 2003, с. 84–92; Исаева, 2020, с. 40–42], к следующим:

а) лексико-грамматические особенности (индивидуальное словоупотребление, например, наличие дискурсивных слов, вводных элементов, незнаменательной лексики, жаргонизмов, а также наличие различного рода аграмматизмов, связанных с нарушением норм склонения, согласования, неразличением лексической валентности слов и пр.);

б) семантико-синтаксические особенности используемых синтаксических моделей (спонтанный звучащий текст характеризуется инверсивным порядком слов, незавершенностью конструкций, «фразовым нанизыванием», когда каждая фраза по смыслу задается предыдущей и определяет последующую, тенденцией к сегментации речи на простые фразы и т. д.);

в) стилистические характеристики (соответствие / несоответствие стилистики речи коммуникативной ситуации, последовательное / непоследовательное развитие темы, высокая / низкая степень связности речи);

г) фонетические особенности (интонационный рисунок, темп речи, паузация и др.). Как правило, к особенностям спонтанной речи на данном уровне относят такие признаки, как темповая неоднородность, усиление редукции гласных, стяжение безударных согласных в единый сегмент, полная редукция безударных гласных, сокращение пауз в речи и др. [Венцов, Слепокурова, Снюгина, 2011, с. 28–30].

Вышеперечисленные лингвистические параметры, традиционно используемые в процессе работы с звучащей речью для определения степени ее неподготовленности (спонтанности) / подготовленности, являются основой для решения задач профайлинга (атрибутики и портретирования) личности по языковым (вербальным) характеристикам устной речи. Однако работа с устно-речевым дискурсом в случаях, когда речь идет о следственных действиях, предполагающих наличие факторов, значительно влияющих на продуцирование речи, существенно усложняется и требует дополнительных методических подходов.

Любое следственное действие, например, допрос, предполагает нетипичную и даже стрессовую ситуацию для говорящего, в связи с чем опора исключительно на традиционную матрицу для однозначного определения неподготовленности (спонтанности) или подготовленности продуцируемой речи не всегда значима. При проведении исследований по голосу и речи с целью речевого портретирования целесообразно опираться на акустические признаки, которые являются инвариантными к воздействию искажений, вносимых, например, каналом записи и передающим каналом. К ним относятся признаки, описывающие статистические характеристики основного тона голоса и спектральные характеристики. Исследование звучащей речи акустическими инструментальными методами, с учетом когнитивного и лингвистического анализа речевого материала, позволит объективизировать решение задачи различения неподготовленной или подготовленной устной речи и эмоционально-модального состояния говорящего.

Акустико-аудитивный анализ неподготовленной (спонтанной) и подготовленной звучащей речи

Положение о возможности интерпретации звучащей речи в криминалистических целях основывается на индивидуальности физиологической структуры органов речеобразования, а также обосновывается сознательной и подсознательной деятельностью высшей нервной системы, выступающей отражением интеллектуального уровня речевого развития говорящего и степенью его речемыслительных навыков. Стратегия речевого портретирования говорящего по продуцируемому вслух

тексту (в частности, определение степени эмоциональности и разграничение неподготовленной (спонтанной) и подготовленной устной речи) реализуется посредством описания психических явлений через установление их зависимостей с аспектами другого рода (особенностями речепроизводства, латентным периодом голосообразования и пр.): «По содержательным основаниям устанавливается связь физиологических свойств нервной системы и психических свойств человека через внешний формальный показатель (совокупность акустических и лексико-грамматических признаков)» [Потапова, Потапов, 2006, с. 246]. Артикуляторные программы человека, призванные продуцировать произносимый речевой фрагмент как последовательность входящих в его состав отдельных акустических элементов, в то же время координируют просодические модели речи, отражая когнитивные установки конкретной личности. Тем самым, индивидуальность голоса и речи человека отражается в разнообразных физических характеристиках речевого сигнала, охватывающих спектральные (формантные), темпоральные, амплитудные и мелодические параметры сигнала, а также особенности их изменения во времени [Потапова, Потапов, 2006]. Звучащая речь может быть рассмотрена как цепочка акустических событий, где генерация, передача и прием вербального сообщения являются лишь частью общего процесса коммуникации в целом [Potapova, Potapov, Kuryanova, 2022].

Инструментальный метод фонетико-спектрального анализа микроструктуры речевых единиц

Фонетико-спектральный анализ микроструктуры речевых единиц (микроанализ) состоит в вычислении формантных частот на спектрограмме речевого сигнала – спектральных максимумов (применительно к задаче определения спонтанности / подготовленности речи: F_1 и F_2) в диапазоне частот от 300 до 3 500 Гц. Вычисление акустических признаков микроанализа звуков проводится на наиболее информативных (с точки зрения проявления индивидуальности) гласных звуках [а], [и], [э], [о], [у]. Немаловажную роль в выборе именно этих звуков для акустического анализа играет и то обстоятельство, что они имеют наибольшую частоту встречаемости в устной русской речи.

В ходе проведения микроанализа исследовались следующие характеристики звуков в триадах (диадах): значения частоты основного тона (F_0) на гласном звуке, значения первых двух формант, значения длительности согласных, окружающих ударный гласный.

Метод инструментального анализа мелодического контура синтагмы

Полифункциональность просодии позволяет применять супрасегментные свойства языка (мелодику, паузы, тембр, ритм) для передачи ряда как общих, так и частных значений: «...существует несколько коммуникативных функций голосовых паравербальных характеристик, которые включают использование просодических параметров для выделения определенных фрагментов высказывания, а также усиления / редукции прагматического эффекта» [Потапова, Потапов, 2012, с. 296].

Возможность исследования мелодического оформления различных фрагментов речевого сигнала обеспечивается их относительной реализационной стабильностью в сопоставимых контекстах, то есть типичностью и повторяемостью в речи конкретного диктора [Курьянова, 2020, с. 81–82]. Под мелодическим контуром традиционно понимают траекторию изменения частоты основного тона голоса, реализующуюся на определенном речевом отрезке [Potapova, Potapov, Kuryanova, 2022, p. 569].

В качестве основной единицы инструментального интонационного анализа применительно к решаемым задачам использовался мелодический контур синтагмы. Мелодический контур синтагмы неоднороден по своей структуре, в зависимости от направления мелодической кривой «синтагма» может реализовываться с помощью трех основных подтипов: синтагма с нисходящим или с восходящим завершением, а также синтагма с ровным завершением основного тона различного уровня. Описание и анализ супрасегментных (просодических) характеристик речи, содержащих информацию о спонтанности / подго-

товленности высказываний с учетом эмоционального состояния говорящего, осуществлялось по параметрам частоты основного тона, интенсивности и длительности участков мелодического контура синтагмы (рассчитывалось в автоматическом режиме на базе звукового редактора SIS II), а также посредством описания основных типов и подтипов мелодической кривой.

Материал исследования

С целью апробации указанных методов, применяемых для интерпретации звучащей речи, и выявления акустических параметров, релевантных для определения спонтанности / подготовленности высказываний с учетом эмоционального состояния говорящего, было проведено экспериментально-фонетическое исследование сегментного и супрасегментного уровней языка на базе универсальной акустико-лингвистической платформы SIS II (ООО «Центр речевых технологий», г. Санкт-Петербург).

Материалом для экспериментально-фонетического исследования послужили аутентичные фонограммы, предоставляемые для проведения судебных фоноскопических и психолого-лингвистических экспертиз, содержащие спонтанную и предположительно квазиспонтанную речь (видеозаписи следственных действий «Допрос»), спонтанную диалогическую речь (материалы оперативно-разыскного мероприятия «Прослушивание телефонных переговоров»), а также преимущественно подготовленную речь (аудиозаписи следственных действий «Сбор образцов для сравнительного исследования» – пересказ, чтение, воспроизведение автобиографии и т. д.).

В ходе эксперимента было проанализировано 120 фонограмм (аудио- и видеозаписей) на русском языке, из которых 45 фонограмм – аудиозаписи оперативно-разыскного мероприятия «Прослушивание телефонных переговоров», 30 фонограмм – видеозаписи следственных действий «Допрос», 45 фонограмм – аудиозаписи следственных действий «Сбор образцов для сравнительного исследования». Длительность фонограмм в общей сложности составила 52 часа 17 минут.

Экспериментальный корпус отобран с учетом тех задач, для решения которых предназначалось проведение эксперимента. Речевой материал, используемый для проведения исследования, содержит различные контексты, способствующие проявлению индивидуальной вариативности голоса, стереотипы речевого поведения и ситуационные влияния (факторы, обусловленные ситуацией, в которой происходит звукозапись речевого материала), существенные для реализации информативных признаков голоса и определения спонтанности / подготовленности речи с учетом эмоционального состояния говорящего.

Результаты и обсуждение

Сегментные признаки неподготовленности (спонтанности) и подготовленности звучащей речи

Единицы сегментного уровня спонтанной речи подвержены модификациям в области вокализма и консонантизма, обусловленным, в первую очередь, ослаблением артикуляции вследствие быстрого темпа произнесения. В ходе инструментального анализа гласных изучались их качественные характеристики, определяющиеся формантной структурой (в частности, взаимным расположением F_1 и F_2). При анализе согласных в качестве основного акустического параметра была выбрана их длительность. Полученные данные представлены в таблицах 1 и 2.

Исследование показало, что модификации гласных, реализованных в подготовленной речи, в целом незначительно отличаются от их реализации в неподготовленной (спонтанной) речи, что вызвано, прежде всего, особенностями внутридикторской вариативности. Анализ реализации согласных сегментов продемонстрировал тенденцию к увеличению их длительности в подготовленной речи, что связано с более медленным темпом произнесения.

Супрасегментные признаки устной неподготовленной (спонтанной) и подготовленной речи

Выделяемые по результатам анализа мелодического контура синтагм признаки неподготовленной (спонтанной) и подготовленной речи на просодическом уровне соотносят-

Таблица 1. **Средние значения F_1 и F_2, Гц**

Table 1. **Average values of F_1 and F_2, Hz**

Гласный	Подготовленная речь		Спонтанная речь	
	F_1	F_2	F_1	F_2
а	690–900	1051–1108	634–706	1155–1250
о	478–550	790–946	415–600	826–1047
у	347–365	630–867	316–337	967–1100
э	460–689	1808–1945	494–690	1550–1650
и	240–315	1766–2276	289–376	1757–2449

Таблица 2. **Значения длительности согласных, мс**

Table 2. **Consonant duration values, ms**

Слоги типа CV	Средняя длительность согласных в подготовленной речи	Средняя длительность согласных в спонтанной речи
тэ	104–113	87–99
дэ	79–85	67–72
ди	90–98	61–67
бэ	83–92	66–72
ко	91–105	84–96
ка	99–110	80–115
га	72–80	62–75

ся с описанием речевого потока в целом: синтагмы при спонтанном продуцировании преимущественно более краткие, часто встречаются просодические модели незавершенности (восходящее завершение), интонационные конструкции достаточно «размыты». Эти отличия могут быть объяснены закономерностями процесса порождения спонтанной речи: синтагма спонтанной речи произносится на одном физиологическом выдохе, интенсивность изменяется от наиболее громкого в начале высказывания к тихому в конце синтагмы [Потапова, Потапов, 2012, с. 179–181].

Полученные результаты анализа неподготовленной (спонтанной) и подготовленной устной речи свидетельствуют о наиболее индикативном противопоставлении указанных форм речи с учетом темпоральных особенностей и паузации. Паузация спонтанной речи реализуется за счет хезитационных и эмфатических пауз, которые в среднем более длительны, чем в подготовленной. Общая тенденция проявления темпоральных свойств обнаруживается в темповой неоднородности: переключении с быстрого темпа на более медленный, ускорении темпа в центре синтагмы с последующим замедлением к ее завершению. Мелодический контур синтагм в спонтанной речи характеризуется отсутствием нисходящего тона в конце синтагмы, свидетельствующим о направленности речи на продолжение коммуникации. Подготовленная речь отличается относительно стабильным темпом речи, уменьшением количества необусловленных пауз, достаточно узким диапазоном изменения значений частоты основного тона, минимальным количеством (или полным отсутствием) пауз хезитации.

Исследование просодических характеристик спонтанной и подготовленной речи на супрасегментном уровне показало, что такие параметры, как громкость, темп, значения частоты основного тона голоса (ЧОТ), направление движения мелодической кривой претерпевают существенные изменения под влиянием различных эмоциональных состояний. Эмоциональное состояние участника следственного действия (информанта) подвержено влиянию сразу нескольких факторов: реально переживаемые глубинные эмоции, скрываемые эмоции, транслируемые специально эмоции в ситуации «правда – ложь», реальная коммуникативная цель допрашиваемого, наличие наводящих вопросов со стороны других участников следственного действия, физиологическое состояние говорящего в момент допроса, особенности его типа нервной деятельности и т. д. Речевое портретирование на основе интерпретации эмоций может служить опорой при определении

спонтанности / подготовленности высказываний, а также установлении факта самостоятельности / несамостоятельности продуцирования речи.

Пилотные эксперименты по исследованию звучащей речи показали, что речь, произносимая в состоянии страха, может свидетельствовать (в зависимости от коммуникативной ситуации) о продуцировании речи под давлением, принуждением. Такая речь характеризуется в большинстве случаев тихим голосом, в ряде случаев наблюдается хриплый тембр (следствие «зажатого» голосообразования [Потапова, Потапов, 2006, с. 317]), наличие «скованных» ритмов, затрудненная артикуляция, монологизированный речевой стиль, частое употребление слов-паразитов, лексически «пустых» заполнителей.

Выводы

Речевое портретирование играет особую роль в тех случаях, когда центром исследования является конкретное поведение личности, его психологические особенности, умение скрывать свои мысли с помощью ряда спектрально-просодических признаков звучащей речи, степени владения искусством сокрытия истинного психологического состояния в ходе вопросно-ответной коммуникации с заключительным формированием конкретного профайлинга данной личности.

В результате проведенного исследования установлены наиболее индикативные параметры, позволяющие на основе использования акустических методов анализа звучащей речи (анализа микроструктуры звуков и анализа мелодического контура синтагм) прийти к выводу о спонтанности или подготовленности высказываний, в частности в коммуникативной ситуации допроса: значения длительности согласных в потоке речи, параметры частоты основного тона, интенсивности и длительности участков мелодического контура синтагмы, направление движения мелодической кривой, темпоральные характеристики и паузация.

Для определения неподготовленной (спонтанной) и подготовленной речи и ее эмоциональной насыщенности представляется необходимым проведение всестороннего исследования звучащего текста с учетом анализа формы речи (монологическая / диалогическая) и коммуникативной роли каждого из участников полилогической коммуникации (в частности, как именно испытуемый реагирует на реплику-стимул в различных коммуникативных ситуациях); жанра, в котором порождается речь (беседа, спор и т. д.); возраста говорящего, влияющего как на сформированный речевой навык, так и на объем кратковременной и долговременной памяти; характера коммуникации и параметров коммуникативной ситуации (отношения между говорящим и слушающим, место общения и т. д.). В связи с этим изучение и описание портрета анализируемой личности (профайлинг) на базе различных коммуникативных ситуаций требует междисциплинарного подхода с учетом знаний в области нейрофизиологии, психологии, психиатрии, когнитивистики, лингвистики и др.

Таким образом, применительно к задачам речевого портретирования целесообразно применение комплекса методов интерпретации звучащей речи: лингвистических методов анализа устных высказываний на всех уровнях языка, психологических методов анализа речевого потока в целом и визуальной информации, акустических методов исследования сегментных и супрасегментных признаков голоса, отражающих как степень подготовленности высказываний, так и их эмоционально-модальную насыщенность, что в своей совокупности будет способствовать и выявлению признаков маскировки реальных коммуникативных целей, фактов искажения передаваемой информации, несамостоятельности суждений.

Использование инструментальных акустических методов исследования речи открывает дополнительные возможности для изучения спонтанности / подготовленности высказываний, а также свидетельствует о потенциальной допустимости определения ряда значимых информативных признаков, позволяющих объективизировать процедуру профилирования личности по голосу и устной речи. Разработка междисциплинарной методики определения спонтанности / подготовленности высказываний участников следственных действий с применением специальных акустико-лингвисти-

ческих и психологических знаний является перспективой дальнейших исследований. Комплексное изучение звучащей речи с целью дальнейшей разработки алгоритма анализа устно-речевого дискурса для определения степени подготовленности или спонтанности звучащей речи с учетом ее эмоциональной насыщенности, представляет собой одну из важнейших задач фундаментальной и прикладной лингвистики, поскольку будет способствовать объективизации экспертиз в области теоретического и прикладного речеведения, исследующих звучащую речь в криминалистических целях.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Исследование поддержано Российским научным фондом, проект № 25-28-01595 «Комплексный нейрофизиологический профайлинг мем-информации применительно к восприятию русско- и англоязычных мемов носителями русского языка» (руководитель научного проекта: д-р филол. наук В.В. Потапов).

This research is supported by the Russian Science Foundation, Project No 25-28-01595 Comprehensive neurophysiological meme information profiling with regard to perception of Russian and English language memes by Russian speaking individuals (head of the research project: Dr. Sci. (Philol.) Vsevolod V. Potapov).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Венцов А. В., Слепокурова Н. А., Снюгина Е. А., 2011. Особенности паузации спонтанного и прочитанного текстов // Анализ разговорной русской речи (АР3 – 2011) : пятый междисципл. семинар (Санкт-Петербург, 25–26 авг. 2011 г.). СПб. : ГУАП. С. 27–32.

Волохова Л. А., Секераж Т. Н., 2015. Производство судебных психологических экспертиз видеозаписей оперативных и следственных действий (по материалам обобщения экспертной практики) // Теория и практика судебной экспертизы. № 4 (40). С. 88–97.

Галяшина Е. И., 2003. Основы судебного речеведения / под ред. М. В. Горбаневского. М. : СТЭНСИ. 236 с.

Исаева А. А., 2020. Маркеры дифференциации спонтанной и подготовленной звучащей речи // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 4. С. 37–48. DOI: 10.17308/lic.2020.4/3078

Курьянова И. В., 2020. Идентификационные характеристики иноязычных говорящих (экспертно-криминалистический аспект) : дис. ... канд. филол. наук. М. 220 с.

Потапова Р. К., Потапов В. В., 2006. Язык, речь, личность. М. : Яз. слав. культуры. 496 с.

Потапова Р. К., Потапов В. В., 2012. Речевая коммуникация: От звука к высказыванию. М. : Яз. слав. культуры. 464 с.

Потапова Р. К., Потапов В. В., 2023. Об эмоционально окрашенной речи интернет-пользователей // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. Т. 82, № 2. С. 51–61. DOI: 10.31857/S160578800025501-7

Седов К. Ф., 2016. Общая и антропоцентрическая лингвистика. М. : ЯСК. 438 с.

Хитина М. В., 2003. Дифференциация спонтанной (неподготовленной) и подготовленной устной речи // Методическое письмо НМС РФЦСЭ по судебной видеофонографической экспертизе. М. : ГУ РФЦСЭ при Минюсте России. С. 7–9.

Potapova R. K., Potapov V. V., Kuryanova I. V., 2022. Forensic Identification of Foreign-Language Speakers by the Method of Structural-Melodic Analysis of Phonograms // SPECOM 2022. LNCS (LNAI) 13721. P. 567–578. DOI: 10.1007/978-3-031-20980-2_48

REFERENCES

Ventsov A.V., Slepokurova N.A., Snyugina Ye.A., 2011. Osobennosti pauzatsii spontannogo i prochitannogo tekstov [Features of Pausing of Spontaneous and Read Texts]. *Analiz razgovornoy russkoy rechi (AR3 – 2011): pyatyy mezhdistsipl. seminar (Sankt-Peterburg, 25–26 avg. 2011 g.)* [Analysis of Spoken Russian Speech (AP3 – 2011). The Fifth Interdisciplinary Seminar (Saint Petersburg, Aug. 25–26, 2011)]. Saint Petersburg, GUAP Publ., pp. 27-32.

Volokhova L.A., Sekerazh T.N., 2015. Proizvodstvo sudebnykh psikhologicheskikh ekspertiz videozapisey operativnykh i sledstvennykh deystviy (po materialam obobshcheniya ekspertnoy praktiki) [Production of Forensic Psychological Examinations of Video Recordings of Operational and Investigative Actions (Based on the Generalization of Expert Practice)]. *Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy* [Theory and Practice of Forensic Science], no. 4 (40), pp. 88-97.

Galyashina Ye.I., 2003. *Osnovy sudebnogo rechevedeniya* [Fundamentals of Forensic Speech Science]. Moscow, STENSI Publ. 236 p.

Isayeva A.A., 2020. Markery differentsiatsii spontannoy i podgotovlennoy zvuchashchey rechi [Markers of Differentiation of Spontaneous and Prepared Speech]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], no. 4, pp. 37-48. DOI: 10.17308/lic.2020.4/3078

Kuryanova I.V., 2020. Identifikatsionnye harakteristiki inoyazychnyh govoryaschih (ekspertno-kriminalisticheskij aspect): dis. ... cand. filol. nauk [Identification Characteristics of Foreign Speakers (Forensic Aspect). Cand. philol. sci. diss.]. Moscow. 220 p.

Potapova R.K., Potapov V.V., 2006. *Yazyk, rech, lichnost* [Language, Speech, Personality]. Moscow, Yaz. slav. kultury Publ. 496 p.

Potapova R.K., Potapov V.V., 2012. *Rechevaya kommunikatsiya: Ot zvuka k vyskazyvaniyu* [Speech Communication: From Sound to Utterance]. Moscow, Yaz. slav. kultury Publ. 464 p.

Potapova R.K., Potapov V.V., 2023. Ob emotsionalno okrashennoy rechi internet-polzovateley [On Emotionally Colored Speech of Internet Users]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language], vol. 82, no. 2, pp. 51-61. DOI: 10.31857/S160578800025501-7

Sedov K.F., 2016. *Obshchaya i antropotsentricheskaya lingvistika* [General and Anthropocentric Linguistics]. Moscow, YASK Publ. 438 p.

Khitina M.V., 2003. Differentsiatsiya spontannoy (nepodgotovlennoy) i podgotovlennoy ustnoy rechi [Differentiation of Spontaneous (Unprepared) and Prepared Oral Speech]. *Metodicheskoye pismo NMS RFTsSE po sudebnoy videofonograficheskoy ekspertize* [Methodological Letter of the Scientific and Methodological Councils of the Russian Federal Center for Forensic Science on Forensic Videophonographic Examination]. Moscow, GU RFTsSE pri Minyuste Rossii, pp. 7-9.

Potapova R.K., Potapov V.V., Kuryanova I.V., 2022. Forensic Identification of Foreign-Language Speakers by the Method of Structural-Melodic Analysis of Phonograms. *SPECOM 2022. LNCS (LNAI) 13721*, pp. 567-578. DOI: 10.1007/978-3-031-20980-2_48

Information About the Authors

Rodmonga K. Potapova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Academician, International Academy of Informatization, Professional Member, International Association for Forensic Phonetics and Acoustics (IAFPA), Director of the Institute of Applied and Mathematical Linguistics, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, RKPotapova@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-7532-9156

Vsevolod V. Potapov, Doctor of Sciences (Philology), Leading Researcher, Experimental Phonetic Laboratory of Forensic Speech Science, Institute of Applied and Mathematical Linguistics, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia; Honored Researcher, Senior Researcher, Educational and Scientific Computer Center, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, volikpotapov@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-8344-8673

Irina V. Kuryanova, Candidate of Sciences (Philology), Head of the Experimental Phonetic Laboratory of Forensic Speech Science, Institute of Applied and Mathematical Linguistics, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia; Head of the Forensic Speech Science Department, Moscow Research Center, Moscow, Russia, ivkuryanova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-3698-3013

Информация об авторах

Родмонга Кондратьевна Потапова, доктор филологических наук, профессор, академик Международной академии информатизации, профессиональный член Международной ассоциации по судебной фонетике и акустике (IAFPA), директор института прикладной и математической лингвистики, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия, RKPotapova@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-7532-9156

Всеволод Викторович Потапов, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник экспериментально-фонетической лаборатории криминалистики по речеведению института прикладной и математической лингвистики, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия; заслуженный научный сотрудник, старший научный сотрудник учебно-научного компьютерного центра филологического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия, volikpotapov@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-8344-8673

Ирина Владимировна Курьянова, кандидат филологических наук, заведующая экспериментально-фонетической лабораторией криминалистики по речеведению института прикладной и математической лингвистики, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия; начальник Управления судебного речеведения, Московский исследовательский центр, г. Москва, Россия, ivkuryanova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-3698-3013

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.5.12

UDC 81-112.2
LBC 81.04

Submitted: 12.09.2024
Accepted: 31.03.2025

FUNCTIONAL CONTRASTIVE ANALYSIS TO IDENTIFY COMMUNICATIVELY EQUIVALENT CROSS-LINGUISTIC CORRESPONDENCES

Irina A. Lekomtseva
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Adelia Kh. Abdulmanova
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Ekaterina K. Vyunova
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Marina N. Kulikova
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article focuses on developing and testifying a method for searching for communicatively equivalent cross-linguistic correspondences using the corpora of original untranslated English-language and Russian-language popular science texts on the topic of the northern lights published within the period of 2010 to 2024. This method is referred to as functional contrastive analysis that is aimed at identifying regular similarities and differences in how a language is used in typical communicative situations, i.e. the texts matched in terms of the topic and genre. The method incorporates insights from cognitive linguistics, psycholinguistics, comparative studies and corpus linguistics (T-Lab software). Using this method, it is possible to identify the main cognitive models that are presented in the parallel texts and their linguistic means of representation that correspond to the discursive norms of the compared languages. The linguistic means of representation of cognitive models were structured by the method of lexical-semantic paradigmatic and syntagmatic field of the key words, which has information of three levels: cognitive, linguistic and discourse. On the one hand, the lexico-semantic field is the result of interpretation of the texts, and, on the other hand, it represents the language in its "pre-speech production readiness," which has enormous potential for translation practice.

Key words: functional comparative studies, cognitive linguistics, frame, lexical-semantic field, corpus-based methods, pragmatically adequate translation, communicative equivalence.

Citation. Lekomtseva I.A., Abdulmanova A.Kh., Vyunova E.K., Kulikova M.N. Functional Contrastive Analysis to Identify Communicatively Equivalent Cross-Linguistic Correspondences. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 5, pp. 162-174. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.5.12

УДК 81-112.2
ББК 81.04

Дата поступления статьи: 12.09.2024
Дата принятия статьи: 31.03.2025

МЕТОДИКА ФУНКЦИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОГО СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ПОИСКА КОММУНИКАТИВНО РАВНОЦЕННЫХ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ СООТВЕТСТВИЙ

Ирина Алексеевна Лекомцева
Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

© Лекомцева И.А., Абдульманова А.Х., Вьюнова Е.К., Куликова М.Н., 2025

Аделя Хамитовна Абдульманова
Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Екатерина Кирилловна Вьюнова
Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Марина Николаевна Куликова
Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье описана авторская методика поиска коммуникативно равноценных межъязыковых соответствий, разработанная на материале корпусов оригинальных непереводных англоязычных и русскоязычных научно-популярных текстов о северном сиянии, опубликованных в 2010–2024 годы. Показано, что функционально ориентированные сопоставительные исследования имеют своей целью установление закономерных сходств и расхождений в функционировании языковых систем в типичных коммуникативных ситуациях – текстах, выровненных по тематике и определенному жанру. Методика основана на положениях когнитивной лингвистики, психолингвистики, компаративной лингвистики и корпусной лингвистики. С использованием методов данных наук и программного инструментария T-Lab выявлены когнитивные модели, эксплицированные в рассматриваемых параллельных текстах, и языковые средства их выражения, которые соответствуют дискурсивным нормам сопоставляемых языков. Установлено, что вербальные средства репрезентации когнитивных моделей, реализующие как парадигматические, так и синтагматические отношения, выражают информацию трех уровней: когнитивную, языковую и дискурсивную. Показано, что, с одной стороны, такое лексико-семантическое поле эксплицирует результаты интерпретации текстов, а с другой стороны, представляет язык в его «предречевой готовности», что имеет большой потенциал для практики перевода. *Вклад авторов.* И.А. Лекомцева – разработка общей концепции исследования и методологии, интерпретация результатов проведенного коллективного исследования. А.Х. Абдульманова – проведение практической части исследования на занятиях по письменному переводу по программе магистратуры «Литературный перевод». Е.К. Вьюнова – проведение корпусного анализа с помощью программного обеспечения T-Lab (англоязычная часть). М.Н. Куликова – проведение корпусного анализа с помощью программного обеспечения T-Lab (русскоязычная часть).

Ключевые слова: функциональные сопоставительные исследования, когнитивная лингвистика, фрейм, лексико-семантическое поле, корпусные методы, прагматически адекватный перевод, коммуникативная эквивалентность.

Цитирование. Лекомцева И. А., Абдульманова А. Х., Вьюнова Е. К., Куликова М. Н. Методика функционально ориентированного сопоставительного поиска коммуникативно равноценных межъязыковых соответствий // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 5. – С. 162–174. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.5.12

Введение

В статье описана разработанная авторами эвристическая лингво-когнитивно-дискурсивная методика поиска коммуникативно равноценных межъязыковых соответствий. Имеющиеся в науке сопоставительные работы преимущественно ориентированы на грамматику сопоставляемых языков [Reciprocal Constructions..., 2007] и определение сходств и различий систем сопоставляемых языков или возможности перехода от системы одного языка к системе другого языка путем перевода [Аракин, 2005; Гак, 1985; 2022; Рунец, 2023]. В отличие от них функционально направленные сопоставительные исследования имеют своей целью определение закономерных сходств и расхождений в функционировании языковых систем в типичных коммуникативных актах, закрепленных узусом за типичными позициями коммуникантов (см., например: [Гарбовский, 2013; Швейцер, 2023; Advances..., 2013; Bonelli, 2002; Chesterman, 1998; Lexis in Contrast..., 2002; Parallel Corpora..., 2019; Salkie, 2002]). Проблематика такого рода работ не выходит за рамки лингводидактики и вопросов обучения иностранному языку [Николаева, 2024] и типологии лексики [Рыжова, 2020]. Они имеют преимущественно семасиологический характер, то есть в основе анализа лежит слово в его парадигматических и синтагматических связях, а не когнитивная мо-

дель и языковые способы ее репрезентации в параллельных текстах. Основы контрастивного функционального анализа представлены в книге Э. Честермана [Chesterman, 1998], но в ней не учитываются коммуникативно-дискурсивные факторы. Функциональный подход представлен в книге «Cross-Linguistic Correspondences. From Lexis to Genre» [Cross-Linguistic Correspondences..., 2017], но русскоязычный материал не был отражен в данных исследованиях. Несмотря на имеющиеся в этих работах лакуны, такие исследования, согласно Н.К. Гарбовскому, могут быть положены в основу новой методологии перевода, применимой, в частности, для построения дискурсивных моделей, обеспечивающих прагматику перевода, то есть моделей перехода от исходного текста (далее – ИТ) к тексту перевода (далее – ПТ), наиболее соответствующих дискурсивным нормам языка перевода (далее – ПЯ) и способных преодолеть переводческую интерференцию [Гарбовский, 2013, с. 29–31]. Мысль о возможности применения результатов функционально ориентированных сопоставительных исследований в переводе не нова [Гак, 1985; Швейцер, 2020; Фёдоров, 2002; Chesterman, 1998; Vinay, Darbelnet, 1995]. Однако только с появлением корпусных методов исследования стали возможны сопоставительный анализ, имеющий коммуникативную направленность, и, следовательно, разработка лингво-когнитивно-дискурсивной методики определения коммуникативно равноценных межъязыковых соответствий.

Объектом рассмотрения в настоящей статье являются приемы поиска коммуникативно равноценных соответствий; предметом – коммуникативно равноценные межъязыковые способы выражения ключевых концептов, представленных в параллельных англоязычных и русскоязычных текстах, выровненных по жанру и тематике.

Анализ современных работ по сопоставительным межъязыковым исследованиям показал, что, к сожалению, в центре работ в этой области находятся вопросы соотношения систем сопоставляемых языков, даже в аспекте перевода [Рунец, 2023], то есть работы имеют не функционально ориентированный характер. Отсутствие именно функционально ориентированных сопоставительных исследований, а также методов и алгоритмов такого анализа в современной гуманитарной науке также подтверждает научную новизну данной работы.

Материал и методы

В качестве основного метода функционально ориентированных сопоставительных исследований использовано параллельное межъязыковое сопоставление оригинальных параллельных текстов схожей коммуникативной направленности с целью установления возможных способов выражения единого смысла в ИЯ и ПЯ (подробно о методе см.: [Гарбовский, 2013; Швейцер, 2020]). Согласно И.В. Недялкову, основой сравнения сопоставляемых языковых фактов (той базой, относительно которой сравниваются средства выражения тех или иных смыслов в ИЯ и ПЯ) целесообразно взять единое значение (концепт), выраженное в сопоставляемых текстах [Недялков, 2005]. Соответственно, материалом исследования послужили параллельные англоязычные и русскоязычные тексты, выровненные по жанру научно-популярной статьи и тематике «северные сияния» и опубликованные с 2010 по 2024 год.

Для составления корпусов вручную были отобраны англоязычные тексты, опубликованные «The Guardian», и русскоязычные тексты, опубликованные «Ведомостями», «Коммерсантом», «Российской газетой», а также тексты, размещенные на портале «РБК». Отобранные тексты были конвертированы в формат Word, и с помощью функции «Corpus Builder» программного обеспечения T-Lab (URL: https://www.tlab.it/) созданы соответствующие англоязычный и русскоязычный корпусы научно-популярных текстов о северном сиянии. Объем каждого корпуса составлял около 6 000 слов. На базе двух корпусов с помощью функции «Modelling of Emerging Themes» выявлены основные тематические области (themes or topics) с применением вероятностных методов анализа «Latent Dirichlet Allocation» и «Gibbs Sampling». Далее с использованием функции «Co-occurrence Analysis» определены парадигматические и синтагматические отношения (коллокаты) слов (именных групп), которые репрезентируют основные темы в англоязычном и русскоязычном корпусах. Таким обра-

зом, с применением корпусных методов исследования выявлены ключевые темы (концепты) и разноуровневые языковые средства их выражения с учетом их парадигматических и синтагматических отношений.

Для детализации представления результатов полученные с помощью корпусных методов данные были обработаны вручную с использованием методов лингвокогнитивного моделирования и семантического анализа, предполагающего совмещение ономасиологического и семасиологического подходов к изучению языкового материала. В результате применения ономасиологического подхода определен общий концепт (фрейм) «Northern lights / Северные сияния» и его части, имеющие логическую основу: семантическая зона «Place / Место», семантическая зона «Time / Время», семантическая зона «Emotions and evaluation / Эмоциональность и оценочность» и семантическая зона «Evidentiality / Эвиденциальность». В результате применения семасиологического подхода, реализованного посредством компонентного анализа языковых единиц, репрезентирующих основной концепт (фрейм) в сопоставляемых текстах, выделены семантические зоны как составные элементы фрейма «Northern lights / Северные сияния», а именно: две семантические зоны «The solar activity / Активность Солнца» и «Northern lights / Северные сияния». Эти зоны совпадают с установленными с помощью программного обеспечения T-Lab тематическими областями. Важно отметить, что, как полагает Ю.Н. Караулов, зачастую имя поля может совпадать с именем его составных частей, как в нашем случае [Караулов, 2022, с. 78]. В семантических зонах фрейма «Northern lights / Северные сияния» представлены разноуровневые языковые единицы, включенные в их парадигматические и синтагматические отношения. Парадигматические отношения между языковыми единицами реализованы, как правило, синонимами, а синтагматические отношения – словосочетаниями, которые можно использовать в речи в готовом виде как функционально полные единицы, состоящие из нескольких слов («functionally complete multi-word units») [Bonelli, 2002]. Данные, полученные в результате применения корпусных методов, лингвокогнитивного моделирования и семантического анализа, были вручную выровнены и представлены в форме лексико-семантического поля фрейма «Northern lights / Северные сияния» в английском и русском языках.

Лингвистическая репрезентация когнитивных моделей в виде парадигматических и синтагматических лексико-семантических полей, с одной стороны, является результатом минимизации, интерпретации текстов, а с другой стороны, представляет язык в его «предречевой готовности» [Караулов, 2022, с. 45], то есть служит еще одним способом исследования языка наряду с системным и текстовым (о них см.: [Залевская, 2005; Караулов, 2022; Красных, 2002]). В аспекте межъязыкового сопоставления результаты анализа представляют собой ряды параллельных форм, коммуникативно равноценные, прагматические межъязыковые синонимы [Altenberg, Granger, 2002]. Прагматический аспект языка трактуется нами вслед за Н.К. Рябцевой как особенности и закономерности использования языковых средств в речи [Рябцева]. В аспекте перевода такие коммуникативно равноценные соответствия можно рассматривать как «естественные эквиваленты» [Pym, 2023, p. 21].

Для практики перевода, а именно использования найденных коммуникативно равноценных соответствий в качестве переводческих решений, важно обоснование такой методологии функционально ориентированного сопоставительного анализа параллельных текстов данными психолингвистики. Главную роль в понимании текста и, соответственно, моделировании процессов интерпретации и речепорождения играет слово, в том числе и при переводе как речемыслительной деятельности (о таком понимании перевода см.: [Крюков, 1989; Сорокин, 2003; Швейцер, 2023]), о чем писали многие ученые (см., например: [Джонсон-Лэрд, 1998; Залевская, 2005; Филлмор, 1988]). При интерпретации текста слово, на основе различных признаков, включается в определенные перцептивно-концептуальные блоки в информационном тезаурусе реципиента. В когнитивной лингвистике, как отечественной, так и в зарубежной, существует мнение, что мышление человека оперирует фреймовыми структурами знаний разной организации, что отражено в тер-

минах когнитивной семантики: *фрейм*, *пропозиция*, *план*, *схема*, *сценарий*, *когнитивная модель*, *образы сознания*. Все они обозначают «схемы знания», когнитивные структуры знания как принципы организации информационных единиц – слов. В лингвистике доказано, что такие структуры знания имеют тезаурусный характер (см., например: [Архипов, 2008; Джонсон-Лэрд, 1988; Залевская, 2005; Привалова, 2005; Сорокин, 2003; Филлмор, 1988]), то есть слово представлено во взаимосвязях с другими словами по каждому из многочисленных параметров: семантико-синтаксических, семантических, комбинаторно-статистических и др. [Залевская, 2005; Караулов, 2022; Красных, 2002; Пиотровский, 2006]. В качестве такой когнитивной модели в данной работе используется фрейм. Согласно Ч. Филлмору, «фрейм образует особую организацию знания, составляющую необходимое предварительное условие нашей способности к пониманию тесно связанных между собой слов» [Филлмор, 1988, с. 54]. На языковом уровне когнитивные структуры знания, или фреймы, можно представить с помощью лексико-семантического парадигматического и синтагматического полей слов [Архипов, 2008; Филлмор, 1988]. Лексико-семантические парадигматическое и синтагматическое поля имеют первостепенную важность на этапе речепорождения, поскольку, репрезентируя язык в его «предречевой готовности», предоставляют для переводчика богатый арсенал языковых средств в ПЯ для решения переводческих задач.

Предложенная в статье методика сопоставления параллельных текстов с целью идентификации идиоматичных, типичных, регулярных способов выражения некого внеязыкового содержания имеет большой эвристический потенциал для анализа неиндивидуальных, неавторских текстов, то есть официально-деловых, технических, газетно-информационных, научных, при переводе которых первостепенное значение приобретает умение переводчика находить «естественные эквиваленты» (по Пиму), или типичные, идиоматичные, регулярные средства принимающего языка (по Рябцевой), для выражения заданного в оригинале смысла. В меньшей степени этот метод применим к анализу авторских текстов, хотя это предположение не отрицает самой возможности проведения такого анализа (однако его реализация требует отдельного описания).

Результаты и обсуждение

В разделе представлены результаты сопоставительного анализа параллельных англоязычных и русскоязычных научно-популярных текстов о северном сиянии в виде лексико-семантического поля фрейма «Northern lights / Северные сияния» (см. таблицу). Напомним, что в данном лексико-семантическом поле представлены две семантические зоны «The solar activity / Активность Солнца» и «Northern lights / Северные сияния», а также семантическая зона «Place / Место», семантическая зоны «Time / Время», семантическая зона «Emotions and evaluation / Эмоциональность и оценочность» и семантическая зона «Evidentiality / Эвиденциальность».

Семантические зоны «The solar activity / Активность Солнца» и «Northern lights / Северные сияния» были выделены как тематические области и далее представлены как семантические зоны фрейма «Northern lights / Северные сияния». Эти семантические зоны содержат два блока, которые отражают парадигматические отношения номинативных единиц, репрезентирующих данную зону в сопоставляемых англоязычных и русскоязычных текстах, и синтагматические отношения номинативных единиц в сопоставляемых англоязычных и русскоязычных текстах. В таблице эти англоязычные и русскоязычные номинативные единицы выделены полужирным шрифтом в составе предложений. Синтагматические отношения представлены в соответствии с логическими категориями, которые соотносятся с семантическим падежам (каузация, экспериенсер, локатив, бытийность и др.) и установлены с применением компонентного анализа лексических единиц на основе данных толковых словарей (МАС; Cambridge).

В семантических зонах «Place / Место», «Time / Время», «Emotions and evaluation / Эмоциональность и оценочность» и «Evidentiality / Эвиденциальность» представлены наиболее частотные средства их выражения, зафиксированные в сопоставляемых англоязычных и русскоязычных текстах.

Лексико-семантическое поле фрейма «Northern lights / Северные сияния» в англоязычных и русскоязычных научно-популярных текстах про северные сияния

Lexico-semantic field of the frame Northern lights/Severnye siania in the popular science texts about northern lights in the English and Russian languages

Лексико-семантическое поле фрейма «Northern lights / Северные сияния»	
Семантическая зона «Northern lights / Северные сияния»	
Парадигматические отношения	
northern lights display northern lights aurora displays the auroral oval display of the northern lights	северные сияния полярные сияния авроральный овал полярных сияний
Синтагматические отношения	
Northern lights / Северные сияния [бытийность] [локатив]	
the northern lights lit up much of the UK and Ireland over the weekend, **reaching as far south as Stonehenge** the **lights appear** in a ring shape creating a **glowing curtain across the sky** **Northern lights visit southern UK** the **northern lights came south**, **seen** in spectacular displays of green, pink and crimson **as far south as Essex and Jersey** the **Northern Lights** have already been **seen in** southern England the **auroral oval** expands, meaning it will be **visible in** locations across Europe During the solar maximum, the **auroral oval expands**, meaning it will be **visible in locations across Europe**	Северное **сияние озаряет небо над** (место) **в нескольких регионах страны** была **видна череда северных сияний**
[эксперинсер] northern lights / северные сияния [видят] [локатив]	
the Northern Lights have already **been seen in** southern England the **auroral oval** expands, meaning it will be **visible in** locations across Europe **the lights are visible in** Britain	В конце февраля **северное сияние видели жители** подмосковного Сергиева Посада, Костромы и Ярославской области **северные сияния**, которые можно было **наблюдать** в ночь с 5 на 6 ноября **на всей территории России**. В том числе **в самых южных ее регионах**
[что-то] [каузация] northern lights / северные сияния	
(Winter) to bring best northern lights **displays** (**The sun) brings** with it spectacular aurora **displays** both in lower polar regions and further south in Europe **northern lights** – aurora borealis – are a **visual representation of the turmoils of the Earth's magnetic field** the **northern lights are created when** lots of particles come from the sun towards Earth the **northern lights caused as** the Earth's atmosphere is buffeted by energetic particles from magnetic storms in space	в нескольких регионах страны была **видна череда северных сияний**. **Это произошло из-за** мощных вспышек на Солнце над Землей прошла сильная магнитная буря. **Она спровоцировала северное сияние**, которое было хорошо видно в… **геомагнитные бури** в феврале и апреле **привели к тому, что полярные сияния были видны в местах**, где их редко можно увидеть, в том числе далеко на юге, в Нью-Мексико **Полярное сияние появляется, когда** отделившиеся от звезды заряженные частицы воздействуют на разреженные газы в верхних слоях атмосферы

Продолжение таблицы

Continuation of Table

Семантическая зона «The solar activity / Активность Солнца»	
Парадигматические отношения	
The sun The sun's activity The solar maximum The solar peak Solar flares Solar storms Solar winds	Пик солнечной активности Солнечная активность Активность Солнца Вспышки на Солнце Геомагнитные бури Магнитная буря
Синтагматические отношения	
The solar activity / Активность Солнца [достижение предела] [время]	
The sun is expected **to reach 'solar maximum'** (the peak of its approximately 11-year activity cycle) between January and October 2024, bringing spectacular aurora displays **The sun** is predicted **to reach the peak of its activity cycle** in winter	Очередной пик солнечной активности **случится** в 2023–2024 годах Активность Солнца может **достичь пика** в 2024 году **Максимальных значений солнечная активность достигнет** в конце 2023 **Пик солнечной активности был** в ночь на 17 февраля
Solar flares / Вспышки на солнце [бытийность]	
Solar flares occur when	**На Солнце произошло 10 вспышек**
Solar storms / Геомагнитные бури [бытийность]	
There have been more solar storms **Geomagnetic storms caused by the Sun's activity**	**Из-за вспышки на солнце будет геомагнитная буря**
The solar activity / Активность Солнца [каузация] северные сияния	
The sun is expected **to reach 'solar maximum'** (the peak of its approximately 11-year activity cycle) between January and October 2024, **bringing** spectacular aurora **displays** **The sun bringing** with it spectacular aurora **displays** both in lower polar regions and further south in Europe	в нескольких регионах страны была видна череда северных сияний. **Это произошло из-за мощных вспышек на Солнце** над Землей прошла сильная магнитная буря. **Она спровоцировала северное сияние**, которое было хорошо видно в **геомагнитные бури** в феврале и апреле **привели к тому, что полярные сияния были видны в местах**, где их редко можно увидеть, в том числе далеко на юге, в Нью-Мексико
The solar cycle / Цикл солнечной активности [бытийность]	
The sun is expected **to reach 'solar maximum'** (**the peak of** its approximately **11-year activity cycle**)	**активность** Солнца **увеличивается и снижается** в определенном ритме, один полный **цикл занимает** 11 лет Примерно **каждые 11 лет Солнце переживает периоды низкой и высокой активности**
Семантическая зона «Place / Место»	
much of the UK and Ireland **reaching as far south as Stonehenge** **in** northern Norway, the northern parts of Finland and Sweden, Iceland, the northern US and Canada and the southern part of Greenland visible **in locations across** Europe **reaching as far south as** Stonehenge	**в нескольких регионах** страны **практически на всей территории** России и Европы **в местах, где их можно увидеть, в том числе далеко на юге, в Нью-Мексико** северные сияния, которые можно было наблюдать в ночь с 5 на 6 ноября **на всей территории** России. В том числе **в самых южных ее регионах**

Окончание таблицы

End of Table

Семантическая зона «Time / Время»	
best northern lights displays **for 20 years** **between** January and October 2024 the best displays **in 20 years** **over** the weekend **during** the solar maximum	**За** 20 лет **В период с … по …** **Во время** сильной солнечной активности
Семантическая зона «Emotions and evaluation / Эмоциональность и оценочность»	
spectacular aurora displays **best** northern lights displays This winter is likely to be a **blockbuster** year for seeing the Northern Lights	**Яркое** северное сияние **Самые яркие** сияния **Мощные** вспышки на Солнце
Семантическая зона «Evidentiality / Эвиденциальность»	
Winter to bring best northern lights displays for 20 years, **scientists say/predict**	**По словам ученых**, … **Согласно прогнозам**, …

В данном лексико-семантическом поле содержится информация трех уровней: когнитивная – лексико-семантическое поле является языковой репрезентацией когнитивной модели (фрейма) и его составных частей (семантических зон), представляет модель языкового сознания и фрагмент образов сознания; языковая – лексико-семантическое поле может быть определено как система ключевых слов в их парадигматических и синтагматических отношениях; дискурсивная – лексико-семантическое поле представляет язык в его «предречевой готовности» и служит еще одним способом репрезентации языкового материала наряду с системным (словарным) и текстовым, представляя результат минимизации, интерпретации текстов, то есть данные языковые единицы можно использовать в готовом виде при создании научно-популярных текстов этой тематики на английском и русском языках.

В результате исследования выявлена межъязыковая асимметрия на уровне функционирования языковых средств в речи. Так, семантическая зона «Place / Место» выражена следующими межъязыковыми синонимами: ***much of the*** *UK and Ireland* / ***практически на всей территории*** *России и Европы*; семантическая зона «The solar activity / Активность Солнца [достижение предела] [время]» выражена межъязыковыми синонимами: *The* ***sun is expected to reach 'solar maximum'*** [время] / ***Очередной пик солнечной активности случится*** [время]. Данные межъязыковые соответствия, не будучи устойчивыми словарными, пословными соответствиями, тем не менее являются коммуникативно равноценными межъязыковыми соответствиями, поскольку идиоматичны, регулярны, типичны для выражения данного смысла в сопоставляемых языках и соответствуют дискурсивным нормам ИЯ и ПЯ.

Подчеркнем, что синонимия, представленная не системными, языковыми, а речевыми межъязыковыми синонимами, возникает только в рамках текстов, которые принадлежат одному жанру и объединены общей тематикой. Например, семантическая зона «Northern lights / Северное сияние [бытийность] [локатив]» в англоязычных текстах выражена с помощью следующих языковых средств: ***the northern lights lit up much of the UK and Ireland*** *over the weekend,* ***reaching as far south as Stonehenge*** / *the* ***lights appear*** *in a ring shape creating a* ***glowing curtain across the sky*** / ***Northern lights visit southern UK*** / *the* ***northern lights came south, seen*** *in spectacular displays of green, pink and crimson* ***as far south as Essex and Jersey*** / *the* ***Northern Lights*** *have already been* ***seen in***

southern England / *the* ***auroral oval*** *expands, meaning it will be* ***visible in*** *locations across Europe* / *During the solar maximum, the* ***auroral oval expands****, meaning it will be* ***visible in locations across Europe***. В русскоязычных текстах эта же семантическая зона выражена с помощью следующих средств: *Северное* ***сияние озаряет небо над*** (место) / ***в нескольких регионах страны*** *была* ***видна череда северных сияний***. В результате сопоставительного анализа параллельных текстов обнаружены коммуникативно равноценные межъязыковые соответствия *Northern lights visit (southern UK)* / *череда северных сияний видна в (южных регионах страны)*, которые не отражены в двуязычных словарях, которые в большей степени реализуют взгляд на язык как систему и которые не представляют язык в его предречевой готовности.

Отметим языковые и дискурсивные различия языковых средств выражения семантической зоны «Evidentiality / Эвиденциальность». В английском языке она в большей степени выражается в постпозиции по отношению к сообщаемому, в то время как для русскоязычных текстов характерна препозиция: *Winter to bring best northern lights displays for 20 years,* ***scientists say / predict*** / ***По словам ученых****, зима будет...* / ***Согласно прогнозам****, северные сияния ...* . Знание о таких дискурсивных характеристиках текстов можно получить только в результате функционально ориентированных сопоставительных исследований.

Как свидетельствуют данные таблицы, на уровне когнитивной информации (смысловых структур), то есть семантических зон, лексико-семантическое поле фрейма «Northern lights / Северные сияния» симметрично в межъязыковом аспекте. Асимметричность проявляется на уровне языковой и дискурсивной информации. Расхождения обнаруживаются в большей степени не на лексическом, а на синтаксическом уровне, то есть на уровне синтагматических связей слов. Знание сходных черт и различий именно в употреблении синонимичных средств языка для выражения одного и того же смысла в речи в межъязыковой перспективе оптимизирует эвристический поиск переводческих решений, особенно для обеспечения коммуникативной эквивалентности при переводе.

Установленные в результате функционально ориентированного сопоставительного исследования межъязыковые соответствия можно признать межъязыковыми коммуникативно равноценными синонимами, поскольку они выражают один и тот же смысл в одинаковом коммуникативном акте на сопоставляемых языках. Сеть коммуникативно равноценных межъязыковых соответствий конструируется в сознании переводчика по мере того, как он неоднократно переводит большое количество текстов определенного жанра и тематики в течение длительного времени. Данная методика определения таких соответствий может использоваться как предпереводческий этап работы в процессе обучения студентов переводу с целью обеспечения высокого качества переводов в самом начале работы переводчика с текстами одной и той же тематики и определенного жанра.

Предложенная методика поиска равноценных соответствий имеет большой эвристический потенциал не только для построения дискурсивной модели перевода, то есть перехода от ИТ к ПТ, но и для развития лингвокогнитивных представлений о переводе как о профессиональной деятельности – для развития таких категорий в теории и практике перевода, как «переводческое мышление» (о термине см.: [Рябцева, 2013, с. 67]), что особенно актуально в аспекте обучения студентов переводу. С помощью этого способа представления языковых средств в виде лексико-семантического поля фрейма как языкового способа репрезентации когнитивных моделей можно развить, по словам Н.К. Рябцевой, «способность извлекать смысл из текста оригинала, независимо от способа (средств) его выражения, и выражать его разными / несколькими синонимичными способами на другом языке» [Рябцева], то есть развить межъязыковую компетенцию и профессиональную эвристику (осознание, объективацию, интерпретацию) [Рябцева, 2013, с. 34].

Отметим, что процедура извлечения смысла, которая является одним из главных навыков переводческого мышления, представляется более отчетливо именно в практичес-

ком аспекте: смысл не равен словарному значению слов, поскольку формируется на основе не только системных, но и дискурсивных параметров, а также понятийных или логических категорий.

Заключение

В статье представлена разработанная авторами эвристическая методика поиска коммуникативно равноценных межъязыковых соответствий, которая может быть использована в решении переводческой задачи достижения прагматически адекватного перевода в рамках дискурсивной модели перехода от ИТ к ПТ. В основе методики лежат функционально ориентированные сопоставительные исследования параллельных текстов, выровненных по определенному жанру и тематике. Такие исследования предполагают инкорпорирование положений когнитивной лингвистики, психолингвистики, а также методов корпусной лингвистики, поскольку материалом для них являются тексты. В результате сопоставительного исследования параллельных текстов можно получить информацию когнитивного, языкового и дискурсивного уровней, то есть ответить на вопросы о том, какие ключевые смыслы (фреймы) представлены в параллельных текстах и какими идиоматичными, регулярными, типичными языковыми средствами они выражены в сопоставляемых текстах на сопоставляемых языках. На языковом уровне фрейм может быть сконструирован системой лингвоспецифичных языковых средств его репрезентации в текстах определенного жанра и тематики в ИЯ и в ПЯ. С одной стороны, эти системы являются результатом интерпретации, минимизации текстов и языковой способ представления когнитивных структур знания, а с другой стороны – язык в «предречевой готовности», в состоянии между системой языка и речевой деятельностью. Симметрия языковых средств прослеживается на уровне экспликации когнитивной информации, при выражении языковой и дискурсивной информации реализуется межъязыковая асимметрия.

Полученные результаты убеждают в целесообразности применения разработанной методики к решению переводческой задачи достижения прагматически адекватного перевода, то есть дискурсивной модели перехода от ИТ к ПТ.

Среди перспектив исследования выделим изучение возможностей применения методики при переводе текстов других жанров и тем, особенно авторских индивидуальных текстов, а также в обучении переводу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аракин В. Д., 2005. Сравнительная типология английского и русского языков. М. : Физматлит. 232 с.

Архипов И. К., 2008. Когнитивные структуры знания и средства их выражения в языке // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования : сб. тр. М. : ИЯ РАН. С. 158–168.

Гак В. Г., 1985. Предисловие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 25. Контрастивная лингвистика. М. : Прогресс. С. 2–15.

Гак В. Г., 2022. Сравнительная типология французского и русского языков. М. : URSS. 288 с.

Гарбовский Н. К., 2013. Сопоставительная стилистика и методология перевода // Вестник Московского университета. Серия 22, Теория перевода. № 1. С. 14–34.

Джонсон-Лэрд Ф., 1988. Процедурная семантика и психология значения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М. : Прогресс. С. 234–257.

Залевская А. А., 2005. Слово. Текст : избр. тр. М. : Гнозис. 542 с.

Караулов Ю. Н., 2022. Общая и русская идеография. М. : URSS. 360 с.

Красных В. В., 2002. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М. : Гнозис. 155 с.

Крюков А. Н., 1989. Теория перевода. М. : Воен. ин-т. 198 с.

Недялков И. В., 2005. Очерки по контрастивной лингвистике. СПб. : Филол. фак. СПбГУ. 59 с.

Николаева М. В., 2024. Применение методов контрастивной лингвистики в аспекте формирования иноязычной коммуникативной компетенции // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». М. : Моск. авиац. ин-т. С. 102–105.

Пиотровский Р. Г., 2006. Лингвистическая синергетика: исходные положения, первые результаты, перспективы. СПб. : Филол. фак. СПбГУ. 160 с.

Привалова И. В., 2005. Интеркультура и вербальный знак. М. : Гнозис. 472.

Рунец А. Д., 2023. Контрастивная лингвистика как основа переводческой деятельности // Методологические и лингводидактические аспекты изучения языка и речи : материалы V Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Самара : Самар. гос. соц.-пед. ун-т. С. 207–212.

Рыжова Д. А., 2020. Типология лексики. Компьютерные методы и инструменты. СПб. : Алатея.197 с.

Рябцева Н. К. Переводоведение в России и за рубежом. Ч. 2. Анализ эмпирического материала. URL: https://iling-ran.ru/riabtseva/translationstudies2.pdf

Рябцева Н. К., 2013. Прикладные проблемы переводоведения. Лингвистический аспект. М. : Флинта : Наука. 224 с.

Сорокин Ю. А., 2003. Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. М. : Гнозис. 160 с.

Фёдоров А. В., 2002. Основы общей теории перевода. М. : Филология ТРИ ; СПб. : Филол. фак. СПбГУ. 416 с.

Филлмор Ч., 1988. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М. : Прогресс. С. 52–92.

Швейцер А. Д., 2020. Контрастивная стилистика: газетно-публицистический стиль в английском и русском языках. М. : URSS. 254 с.

Швейцер А. Д., 2023. Теория перевода (статус, проблемы, аспекты). М. : URSS. 216 с.

Advances in Corpus-Based Contrastive Linguistics, 2013 / ed. by K. Aijmer B. Altenberg. Amsterdam : John Benjamins Publishing House. 291 p.

Altenberg B., Granger S., 2002. Recent Trends in Cross-Linguistic Lexical Studies // Lexis in Contrast. Corpus-Based Approaches / ed. by B. Altenberg, S. Granger. Amsterdam : John Benjamin Publishing House. P. 3–51.

Bonelli E. T., 2002. Functionally Complete Units of Meaning Across English and Italian // Lexis in Contrast: Corpus-Based Approaches / ed. by B. Altenberg, S. Granger. Amsterdam : John Benjamins Publishing House. P. 73–97.

Chesterman A., 1998. Contrastive Functional Analysis. Amsterdam : John Benjamins Publishing House. 229 p.

Cross-Linguistic Correspondences. From Lexis to Genre, 2017 / ed. by T. Egan, H. Dirdal. Amsterdam : John Benjamins Publishing House. 295 p.

Lexis in Contrast: Corpus-Based Approaches, 2002 / ed. by B. Altenberg, S. Granger. Amsterdam : John Benjamins Publishing House. 333 p.

Parallel Corpora for Contrastive and Translation Studies. New Resources and Applications, 2019 / ed. by I. Doval, M. Teresa Sanches Nieto. Amsterdam : John Benjamins Publishing House. 299 p.

Pym A., 2023. Exploring Translation Theories. L. ; N. Y. : Routledge : Taylor&Francis Group. 256 p.

Reciprocal Constructions. In 5 Vols., 2007 / ed. by V. Nedjalkov, E. Geniušienė, Z. Guentchéva. Amsterdam : John Benjamins Publishing House. 2219 p. (Typological Studies in Language ; vol. 71).

Salkie R., 2002. Two Types of Translation Equivalence // Lexis in Contrast: Corpus-Based Approaches / ed. by B. Altenberg, S. Granger. Amsterdam : John Benjamins Publishing House. P. 51–73.

Vinay J. P., Darbelnet J., 1995. Comparative Stylistics of French and English: A Methodology for Translation. Amsterdam : John Benjamins Publishing House. 358 p.

СЛОВАРИ

МАС – Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М. : Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999. URL: https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp

Cambridge – Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/

REFERENCES

Arakin V.D., 2005. *Sravnitelnaya tipologya angliyskogo i russkogo yazykov* [Comparative Typology of the English and Russian Languages]. Moscow, Fizmatlit Publ. 232 p.

Arkhipov I.K., 2008. Kognitivnye struktury znaniya i sredstva ikh vyrazheniya v yazyke [Cognitive Structures of Knowledge and Means of Their Expression in Language]. *Kontseptualnyy analiz yazyka: sovremennye napravleniya issledovaniya: sb. tr.* [Conceptual Analysis of Language: Modern Directions of Research. Collection of Papers]. Moscow, IYa RAN, pp. 158-168.

Gak V.G., 1985. Predislovie [Preface]. *Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 25. Kontrastivnaya lingvistika* [New in Foreign Linguistics. Iss. 25. Contrastive Linguistics]. Moscow, Progress Publ., pp. 2-15.

Gak V.G., 2022. *Sopostavitelnaya tipologiya frantsuzskogo i russkogo yazykov* [Comparative Typology of the French and Russian Languages]. Moscow, URSS Publ. 288 p.

Garbovsky N.K., 2013. Sopostavitelnaya stilistika i metodologiya perevoda [Comparative Stylistics and Methodology of Translation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda* [Bulletin of Moscow University. Series 22. Translation Theory], no. 1, pp. 14-34.

Dzonson-Lerd F., 1988. Protsedurnaya semantika i psikhologiya znacheniya [Procedural Semantics and the Psychology of Meaning]. *Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 23. Kognitivnye aspekty yazyka* [New in Foreign Linguistics. Iss. 23. Cognitive Aspects of Language]. Moscow, Progress Publ., pp. 234-257.

Zalevskaya A.A., 2005. *Slovo. Tekst: izbr. tr.* [Word. Text. Selected Papers]. Moscow, Gnosis Publ. 542 p.

Karaulov Yu.N., 2022. *Obshchaya i russkaya ideografiya* [General and Russian Ideography]. Moscow, URSS Publ. 360 p.

Krasnykh V.V., 2002. *Etnopsikholingvistika i lingvokulturologiya* [Ethnopsycholinguistics and Linguocultural Studies]. Moscow, Gnosis Publ. 155 p.

Kryukov A.N., 1989. *Teoriya perevoda* [Translation Theory]. Moscow, Voen. in-t. 198 p.

Nedyalkov I.V., 2005. *Ocherki po kontrastivnoy lingvistike* [Essays on Contrastive Linguistics]. Saint Petersburg, Filol. fak. SPbGU. 59 p.

Nikolayeva M.V., 2024. Primeneniye metodov kontrastivnoy lingvistiki v aspekte formirovaniya inoyazychnoy kommunikativnoy kompetentsii [Application of Contrastive Linguistics Methods in the Aspect of Forming Foreign Language Communicative Competence]. *Sovremennaya nauka: aktualnyye problemy teorii i praktiki. Seriya «Gumanitarnyye nauki»* [Modern science: current problems of theory and practice. Series: humanities]. Moscow, Mosk. aviats. in-t, pp. 102-105.

Piotrovsky R.G., 2006. *Lingvisticheskaya sinergetika: iskhodnyye polozheniya, pervyye rezultaty, perspektivy* [Linguistic Synergetics: Initial Provisions, First Results, and Prospects]. Saint Petersburg, Philol. fac. SPbGU. 160 p.

Privalova I.V., 2005. *Interkultura i verbalnyy znak* [Interculture and Verbal Sign]. Moscow, Gnosis Publ. 472 p.

Runets A.D., 2023. Kontrastivnaya lingvistika kak osnova perevodcheskoy deyatelnosti [Contrastive Linguistics as a Basis for Translation Activity]. *Metodologicheskiye i lingvodidakticheskiye aspekty izucheniya yazyka i rechi: materialy V Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiyem* [Methodological and Linguodidactic Aspects of Studying Language and Speech. Proceedings of the 5th All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation]. Samara, Samar. gos. sots.-ped. un-t, pp. 207-212.

Ryzhova D.A., 2020. *Tipologiya leksiki. Kompyuternyye metody i instrumenty* [Typology of Lexis. Computer Methods and Tools]. Saint Petersburg, Alateya Publ. 197 p.

Ryabtseva N.K. *Perevodovedeniye v Rossii i za rubezhom. Ch. 2. Analiz empiricheskogo materiala* [Translation Studies in Russia and Abroad. Part 2. Analysis of Empirical Material]. URL: https://iling-ran.ru/riabtseva/translationstudies2.pdf

Ryabtseva N.K., 2013. *Prikladnyye problemy perevodovedeniya. Lingvisticheskiy aspekt* [Applied Problems of Translation Studies. Linguistic Aspect]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 224 p.

Sorokin Yu.A., 2003. *Perevodovedeniye: status perevodchika i psikhogermenevticheskiye protsedury* [Translation Studies: The Status of a Translator and Psychohermeneutic Procedures]. Moscow, Gnosis Publ. 160 p.

Fedorov A.V., 2002. *Osnovy obshchey teorii perevoda* [Fundamentals of the General Theory of Translation]. Moscow, Filologiya TRI Publ.; Saint Petersburg, Filol. fak. SPbGU. 416 p.

Fillmore Ch., 1988. Freymy i semantika ponimaniya [Frames and Semantics of Understanding]. *Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 23. Kognitivnyye aspekty yazyka* [New in Foreign Linguistics. Iss. 23. Cognitive Aspects of Language]. Moscow, Progress Publ., pp. 52-92.

Schweitzer A.D., 2020. *Kontrastivnaya stilistika: gazetno-publitsisticheskiy stil v angliyskom i russkom yazykah* [Contrastive Stylistics: Newspaper and Publicistic Style in English and Russian]. Moscow, URSS Publ. 254 p.

Schweitzer A.D., 2023. *Teoriya perevoda (status, problemy, aspekty)* [Translation Theory (Status, Problems, Aspects)]. Moscow, URSS Publ. 216 p.

Aijmer K., Altenberg B., eds., 2013. *Advances in Corpus-Based Contrastive Linguistics*. Amsterdam, John Benjamins Publishing House. 291 p.

Altenberg B., Granger S., 2002. Recent Trends in Cross-Linguistic Lexical Studies. Altenberg B., Granger S., eds. *Lexis in Contrast. Corpus-Based Approaches*. Amsterdam, John Benjamin Publishing House, pp. 3-51.

Bonelli E.T., 2002. Functionally Complete Units of Meaning Across English and Italian. Altenberg B., Granger S., eds. *Lexis in Contrast: Corpus-Based Approaches*. Amsterdam, John Benjamins Publishing House, pp. 73-97.

Chesterman A., 1998. *Contrastive Functional Analysis*. Amsterdam, John Benjamins Publishing House. 229 p.

Egan T., Dirdal H., eds., 2017. *Cross-Linguistic Correspondences. From Lexis to Genre*. Amsterdam, John Benjamins Publishing House. 295 p.

Altenberg B., Granger S., eds., 2002. *Lexis in Contrast: Corpus-Based Approaches*. Amsterdam, John Benjamins Publishing House. 333 p.

Doval I., Teresa Sanches Nieto M., eds., 2019. *Parallel Corpora for Contrastive and Translation Studies. New Resources and Applications*. Amsterdam, Jogn Benjamins Publishing House. 299 p.

Pym A., 2023. *Exploring Translation Theories*. London; New York, Routledge, Taylor & Francis Group. 256 p.

Nedjalkov V., Geniušienė E., Guentchéva Z., eds., 2007. *Reciprocal Constructions. In 5 Vols*. Amsterdam, John Benjamins Publishing House. 2219 p. (Typological Studies in Language, vol. 71).

Salkie R., 2002. Two Types of Translation Equivalence. Altenberg B., Granger S., eds. *Lexis in Contrast: Corpus-Based Approaches*. Amsterdam, John Benjamins Publishing House, pp. 51-73.

Vinay J.P., Darbelnet J., 1995. *Comparative Stylistics of French and English: A Methodology for Translation*. Amsterdam, John Benjamins Publishing House. 358 p.

DICTIONARIES

Evgenieva A.P.,(ed. *Slovar russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian Language: In 4 Vols]. Moscow, Rus. yaz. Publ.; Polygraphresursy Publ., 1999. URL: https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp

Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/

Information About the Authors

Irina A. Lekomtseva, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of English Philology and Translation, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, i.lekomtseva@spbu.ru, rainbow5@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9793-914X

Adelia Kh. Abdulmanova, Candidate of Sciences (Philology), Head of the Department of English Philology and Translation, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, a.abdulmanova@spbu.ru, aahvsp@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3079-0803

Ekaterina K. Vyunova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of English Philology and Translation, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, e.vyunova@spbu.ru, kate_vyunova@list.ru, https://orcid.org/0000-0001-9977-7829

Marina N. Kulikova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of English Language for Philology and Arts, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, m.kulikova@spbu.ru, kulikm@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-2501-9894

Информация об авторах

Ирина Алексеевна Лекомцева, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, i.lekomtseva@spbu.ru, rainbow5@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9793-914X

Аделя Хамитовна Абдульманова, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, a.abdulmanova@spbu.ru, aahvsp@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3079-0803

Екатерина Кирилловна Вьюнова, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, e.vyunova@spbu.ru, kate_vyunova@list.ru, https://orcid.org/0000-0001-9977-7829

Марина Николаевна Куликова, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка в сфере филологии и искусств, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, m.kulikova@spbu.ru, kulikm@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-2501-9894

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.5.13

UDC 81'42:323.174
LBC 81.055.1

Submitted: 15.01.2025
Accepted: 05.06.2025

REGIONAL TEXT: IN THE SEARCH FOR DEFINITION CRITERIA

Evgeniia G. Dmitrieva
Volgograd State University, Volgograd, Russia

Valentina A. Kapustina
Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The authors of the article focus on a set of scientific problems related to identifying the specifics of the regional text. The lack of unambiguous criteria for classifying a paper as local and the need for a comprehensive analysis of its features determine the relevance of the research undertaken. Based on the analysis of modern Russian scientific literature and the results of regional text examination carried out in the frameworks of socio-cultural, literary and linguistic approaches, the authors propose universal criteria for classifying a as the regional text. The dual nature of the object under study, which combines both linguistic and non-linguistic characteristics, is shown. Taking this factor into account, the main features (criteria) of a regional text are identified: reflection in its content of specific realia that indicate geographical location, climate, flora and fauna, ethnic composition of the population, historical events, socio-economic and political structure, cultural traditions, etc.; place of creation, author's identity; addressee; the presence of dialectisms and/or regionalisms, local onyms and literary vocabulary used in specific functions. Since these criteria are related to functional and stylistic types of texts, the authors of the article consider the analysis of implementation of these criteria on extended textual material to be a promising continuation of the study.

Key words: regional text, regional identity, regional worldview, regionalism, regional-marked vocabulary, features of a regional text.

Citation. Dmitrieva E.G., Kapustina V.A. Regional Text: In the Search for Definition Criteria. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 5, pp. 175-182. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.5.13

УДК 81'42:323.174
ББК 81.055.1

Дата поступления статьи: 15.01.2025
Дата принятия статьи: 05.06.2025

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ТЕКСТ: В ПОИСКЕ КРИТЕРИЕВ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Евгения Геннадьевна Дмитриева
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Валентина Александровна Капустина
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В центре внимания авторов статьи находится комплекс научных проблем, решение которых ориентировано на определение специфики регионального текста. Отсутствие однозначных критериев

© Дмитриева Е.Г., Капустина В.А., 2025

отнесения тех или иных произведений к локальным и необходимость разноаспектного описания их особенностей обусловливают актуальность предпринятого исследования. Опираясь на анализ современной отечественной научной литературы и представленные в ней результаты изучения регионального текста в рамках социокультурного, литературоведческого и лингвистического подходов, авторы предлагают универсальные диагностические критерии регионального текста. Показана двойственная природа рассматриваемого объекта, сочетающего как лингвистические, так и нелингвистические характеристики. С учетом этого фактора выявлены основные черты регионального текста: отражение в его содержании специфических реалий, указывающих на географическое положение, климат, растительный и животный мир, этнический состав населения, исторические события, социально-экономическое и политическое устройство, культурные традиции; место создания, личность автора; адресат; наличие диалектизмов и/или регионализмов, локальных онимов, литературной лексики, используемой в особых функциях. Поскольку эти критерии связаны с функционально-стилевыми типами текстов, авторы статьи считают перспективным продолжением исследования обращение к реализации критериев на широком текстовом материале.

Ключевые слова: региональный текст, региональная идентичность, региональная картина мира, регионализм, регионально-маркированная лексика, признаки регионального текста.

Цитирование. Дмитриева Е. Г., Капустина В. А. Региональный текст: в поиске критериев определения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 5. – С. 175–182. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.5.13

Введение

В современных научных исследованиях *регион* предстает как сложная система, функционирование которой определяется совокупностью разных факторов: исторических, географических, политических, экономических и др., как многоаспектный феномен, отражающийся в особенностях самосознания людей, проживающих на определенной территории, и региональной культуры, способствующей укреплению социальных связей.

В филологии проявлением интереса к региональной проблематике принято считать обращение к анализу структурно-семантических, функциональных, прагматических, лингвокультурных черт *регионального языка* как отражения *региональной идентичности* и изучению воплощенной в *региональных текстах региональной картины мира*.

Лингвистика рассматривает региональный текст как специальный объект, в котором находят отражения разнообразные языковые факты и процессы. Не останавливаясь на терминологических разночтениях *региональный* VS *локальный текст*, определим круг основных вопросов, которые встают перед исследователем, начинающим работу с региональным материалом, и таким образом обозначим релевантные черты регионального текста.

Несмотря на существующий уже десятилетиями стойкий интерес к изучению региональных черт в речи, нерешенных вопросов не становится меньше. Причина этого кроется в том, что представления о «региональности» в языке опираются как на собственно лингвистические, так и экстралингвистические составляющие этого феномена.

Только учитывая эту особенность природы изучаемого объекта, по-видимому, возможно раскрыть и обосновать набор признаков-идентификаторов регионального текста, релевантный для текстов разной стилевой и жанровой отнесенности.

Результаты и обсуждение

Проблемное поле понятия *региональный текст* формируется в междисциплинарном научном пространстве как результат взаимодействия различных исследовательских подходов.

В рамках ***социокультурного подхода*** *региональный текст* представляется фактором организации современного социального пространства, частью культуры региона [Стризое, Храпова, 2022; Храпова, Карандашов, 2018; и др.] и рассматривается как особый сверхтекст, некий документ, который включает все концепты, важные для исследования региона в целом. Региональные тексты называют ключом к постижению истории, традиций определенной территории, «знаково-символическом комплексом, аккумулирующем в себе концепты региональной культуры» [Храпова, 2019, с. 102]. Научное освое-

ние культурного пространства региона через текст имеет обоснование, поскольку он хранит «в себе семантический и идеологический код, фиксирующий информацию о своеобразии пространства, позволяя его идентифицировать» [Храпова, 2019, с. 103].

Региональный текст мыслится как «уникальный конструкт, в основу которого заложена совокупность закрепленных традицией, прошедших практику языковых коммуникаций, устойчивых значений, которые спонтанно собираются или рекомбинируются в зависимости от тех целей, которые ставятся человеком и обществом» [Храпова, Карандашов, 2018, с. 130].

Отметим, что в социокультурных исследованиях *региональный текст* может рассматриваться как инструмент для изучения более крупных объектов: региона, историко-культурного наследия, социальных отношений и др. При этом на первый план выходят понятия «региональная культура», «региональное самосознание», «региональная идентичность» и др.

Г.В. Токарев понимает под *региональной культурой* «вариант национальной культуры, с которой она находится в диалоге. Базовыми для региональной культуры являются признаки специфичности самосознания, общности опыта и ценностей» [Токарев, 2022б, с. 54]. Д.А. Погосбекова подчеркивает, что «именно региональная система ценностей, возникающая в результате специфичного развития конкретной территории и связывающая личность с территорией, интегрирует в единое целое региональную культуру» [Погосбекова, 2010, с. 76].

Региональный текст как факт культуры становится узнаваемым по определенным знакам – природным, биографическим, историческим. По мнению Т.А. Сироткиной, «чем больше таких знаков мы обнаружим в тексте, чем большую семиотическую нагрузку они несут, тем больше вероятности, что данный текст является знаковым не только в региональном культурном сознании, но и в культурном сознании жителей всей России» [Сироткина, 2018, с. 357].

Важным индикатором региональной культуры выступает *региональное самосознание*, обусловленное общностью переживаний группой людей социально-исторических событий, происходящих на определенной территории и в определенной время (см. об этом: [Стризое, Храпова, 2022, с. 65–66]).

Термин *региональная идентичность* обозначает многоаспектный феномен, сложность содержания которого подчеркивается в работах ученых [Абрамова, 2022; Орешкина, 2024; Токарев, 2022а; Чибисова, 2017; и др.]. В контексте проблем, затронутых в данной статье, необходимо отметить, что изучение способов репрезентации региональной идентичности в тексте – одно из перспективных направлений исследования регионального текста. Если понимать региональную идентичность широко (как явление культуры, истории народа, совокупность ценностей, связанных с копцептом «малая родина»), то поиск языковых средств, структурных и тематических элементов, с помощью которых она реализуется в тексте, дает возможность выделить и некоторые черты самого регионального текста в содержательном и формальном аспектах.

Таким образом, с социокультурных позиций региональный текст можно определить прежде всего как текст, содержание которого в эксплицитной или имплицитной форме характеризует регион, его культуру, традиции.

Литературоведческий подход к изучению регионального текста свидетельствует о значимости стилевой принадлежности языкового материала, поскольку объектом исследования становятся в первую очередь художественные произведения региональных авторов, рассматриваемые с учетом особенностей их содержания и специфики художественных образов, помогающих воссоздать в тексте «региональную среду». Именно она, по мнению В.И. Юдиной, «стала своеобразной порождающей силой, наполненной импульсами для создания ярких художественных образов – словесно-поэтических, звуко-музыкальных» [Юдина, 2013, с. 98], то есть *региональная тематика* влияет на появление в художественном тексте образов, символов, словесных конструкций, важных для раскрытия «регионального культурного ландшафта».

Для обозначения такого пространства в работах используются обобщенные термины, в структуре которых находят отражение особенности развития литературы той или иной

территории, например: «тамбовский текст» [Кирьянова, 2009], «оренбургский текст» [Пыхтина, 2012] и т. п.

Сформировалась самостоятельная научная дисциплина – литературное краеведение, – изучающая художественные тексты с позиций их историко-культурной значимости. Некоторые исследователи используют понятие «литературный регион», подчеркивая, что именно *региональные художественные тексты* составляют значительный пласт литературы, который раскрывает особенности мироощущения жителей определенной территории. Такая литература складывается благодаря известным *региональным писателям*. Как считают В.Н. Калуцков и М.М. Морозова, «литературный, или литературно-географический, регион представляет собой фрагмент литературно-географического пространства, устойчиво связанный с определенными литературными именами... Под фрагментом литературно-географического пространства следует понимать территорию, в которой происходит постоянное взаимодействие литературного и географического пространств. Данная территория обладает определенной совокупностью природных и культурных особенностей, отраженных в региональном тексте» [Калуцков, Морозова, 2019, с. 16–17].

Таким образом, литературоведческий подход актуализирует необходимость учета личности автора при изучении регионального текста, в частности текста художественного. Представляется, что для текстов иной функционально-стилевой принадлежности (например, региональных официально-деловых или рекламных текстов) значимыми будут место создания и адресат текста.

В рамках ***лингвистического подхода*** первостепенной задачей исследователя является многоаспектная характеристика *языка региона*, а также поиск языковых средств, с помощью которых в конкретном тексте эксплицируется его связь с определенным регионом. Такие языковые средства могут принадлежать к той или иной разновидности общенародного языка – литературному языку, диалектам, регионалектам.

Территориальные особенности языка подробно рассматриваются классической филологической дисциплиной – диалектологией. Изучаемые ею народные говоры определяются через признак территориальной закрепленности. Однако функционирование русских диалектов, их изменение приводит к формированию регионалектов. По определению А.С. Герда, регионалект – это форма, не достигшая еще статуса литературного языка, а в силу наличия многих ареально варьирующихся черт, не совпадающая полностью и с городским просторечием [Герд, 2001, с. 23–24]. В таком понимании регионалект оказывается промежуточным явлением, соприкасающимся, с одной стороны, с диалектом (говором), а с другой – с территориально не ограниченными разновидностями – литературным языком и просторечием. Как отмечает Е.В. Ерофеева, областью перехода литературного языка в регионалект выступает «региональный вариант литературного языка» [Ерофеева, 2005, с. 17]. При этом речь идет об устной форме языка. Вопрос о возможности территориального варьирования в литературном языке относится к дискуссионным. Устанавливая статус регионалекта, В.И. Теркулов говорит «о параллелизме корреляций “диалект – сельские говоры” и “регионалект – городские (регионалектные) говоры”» [Теркулов, 2018, с. 11], понимая под регионалектом «некоторую надыдиомную обобщающую региональную структуру: как диалект – это совокупность однотипных взаимосвязанных сельских говоров, так и регионалект – это совокупность взаимосвязанных в первую очередь городских говоров (но в последнее время городская речь становится эталонной и для сельских жителей, переводя их речь из диалектного пространства в регионалектное)» [Теркулов, 2018, с. 11].

Регионально маркированные представления реализуются в тексте особенными языковыми средствами – диалектными языковыми единицами и регионализмами. Определяя термин *регионализм*, М.В. Орешкина отметила его многозначность, а также выявила большой синонимический ряд терминов, обозначающих слова, которые имеют региональную локализацию: «С одним и тем же значением (‘слова, имеющие определенный, территориально ограниченный ареал употребления’), наряду с термином “регионализм”, используются термины “локализм”, “провинци-

ализм”, “диалектизм”, “регионим”, “местное слово”, “региональное слово”, “региональная лексика”, “лексические регионализмы”, “регионально окрашенная лексика”, “регионально маркированная лексика”, “регионально маркированные средства языка”, нередко в качестве синонимов. Чаще всего синонимические замены происходят со словами “локализм” и “провинциализм”» [Орешкина, 2024, с. 183].

Под регионализмами можно понимать «выражения и отдельные лексемы, которые номинируют явления, присущие определенному региону, при этом они встречаются и в региональной литературе, выполняя либо стилистическую, либо номинативную функцию» [Кунавин, 2020].

Как язык региона включает в себя не только диалекты, региолекты, но и общерусские формы, так и языковая сторона регионального текста не ограничивается диалектизмами и регионализмами. Рассматривая языковые средства выражения региональной идентичности автора в литературных произведениях, лингвисты обращают внимание на специфику использования общеязыковых средств: онимов, лексем, реализующих в текстах оппозицию «свой – чужой» [Баскакова, 2012, с. 170], а также лексических единиц, принадлежащих отдельным тематическим группам [Дмитриева, 2023, с. 44].

Такая многомерность языка региона и регионального текста требует от исследователя комплексного подхода. Как утверждает Н.А. Тупикова, «...выделение общезначимых и региональных черт в исследуемом языковом пространстве должно базироваться на анализе различных динамических процессов, отражаемых в разновременных (в том числе архивных) и разножанровых текстах, и включать комплексное описание структурных и системообразующих, семантико-смысловых и функциональных параметров, характеризующих языковые средства, используемые в разных сферах общения» [Тупикова, 2008, с. 186].

Отметим, что понятия «язык региона» и «региональный язык» не совпадают по объему и не считаются тождественными. М.А. Бородина полагает, что «все региональные говоры объединяются в понятие регионального языка» [Бородина, 1982, с. 31]. Региональный язык можно рассматривать как систему всех языковых и речевых механизмов, обеспечивающих региональную идентичность авторов текстов (по мнению Т.А. Голиковой, именно художественных текстов [Голикова, 2020]).

Таким образом, применение лингвистического подхода к анализу региональных текстов позволяет выявить их речевые маркеры: территориально ограниченные языковые единицы (диалектизмы, регионализмы), локальные топонимы и общеупотребительные лексические единицы определенных тематических групп в особых функциях.

Заключение

Систематизация существующих подходов к изучению регионального текста позволяет нам выделить его условно экстралингвистические и собственно лингвистические диагностические черты (критерии).

Региональный текст – это текст, в котором на первый план выступает информационная составляющая, создающая в сознании автора и читателя облик региона во всем его многообразии – социальном, географическом, культурно-историческом. Эта концептуально важная информация воплощается с помощью специальных языковых единиц, регионально маркированной лексики, отражающей не только языковые особенности определенной территории, но и являющейся одним и способов выражения региональной идентичности автора и читателя.

К экстралингвистическим чертам (критериям) регионального текста можно отнести следующие:

1) отражение в содержании текста таких характеристик конкретного региона, как географическое положение, климат, растительный и животный мир, этнический состав населения, история, социально-экономическое и политической устройство, культурные традиции и т. д.;

2) место создания текста и/или самоидентификация автора как представителя региона;

3) ориентация на жителей определенного региона (например, при создании официально-деловых или рекламных текстов).

Собственно лингвистическими чертами (критериями) регионального текста являются функционирующие в нем:

1) фонетические, грамматические, лексические, семантические, фразеологические диалектизмы / регионализмы;

2) литературные единицы (онимы; лексемы, выражающие семантику «свой» в противопоставлении «свой / чужой» и др.).

Приведенный список, безусловно, может быть детализирован и расширен, кроме того, требует дальнейшего изучения обязательность / факультативность названных характеристик на разностилевом и разножанровом материале.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова В. И., 2022. Символы региональной идентичности Тульской области: эссенциализм, конструктивизм и полевое исследование // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. Вып. 3 (11). С. 71–80. DOI: 10.22405/2712-8407-2022-3-71-80

Баскакова В. П., 2012. Лингвистические средства выражения самоидентификации автора в тексте // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. № 1 (15). С. 169–173.

Бородина М. А., 1982. Диалекты или региональные языки? // Вопросы языкознания. № 5. С. 29–38.

Герд А. С., 2001. Введение в этнолингвистику : курс лекций и хрестоматия. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та. 488 с.

Голикова Т. А., 2000. Сущность регионального языка (Этнопсихолингвистический аспект) // Наука, культура, образование. № 4. С. 117–120.

Дмитриева Е. Г., 2023. Семантика и функции эмотивной лексики в региональном житийном тексте // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 22, № 4. С. 37–47. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.3

Ерофеева Е. В., 2005. Вероятностные структуры идиомов: социолингвистический аспект. Пермь : Изд-во Перм. ун-та. 320 с.

Калуцков В. Н., Морозова М. М., 2019. Литературный регион и вопросы его изучения // География искусства: расширение горизонта. М. : ГИТР, С. 16–25.

Кирьянова Н. А., 2009. Тамбовский региональный лексический компонент в структуре художественного текста // Вестник ТГУ. Вып. 6. С. 282–285.

Кунавин Б. В., 2020. К проблематике номинации регионально маркированной лексики // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. № 4. С. 93–103. DOI: 10.29025/2079-6021-2020-4-93-103

Орешкина М. В., 2024. Регионализмы // Социолингвистика. № 4. С. 182–197. DOI:10.37892/2713-2951-4-20-182-197

Погосбекова Д. А., 2010. Региональная культура как пространство ценностей и смыслов // Дискуссия. № 8. С. 76–78.

Пыхтина Ю. Г., 2012. Репрезентация региональной ментальности в оренбургском тексте русской литературы // Мир науки, культуры, образования. № 5 (36). С. 263–265.

Сироткина Т. А., 2018. Знаки регионального текста как ключ к постижению культуры региона // Проблемы и тенденции развития социокультурного пространства России: история и современность. Брянск : БГИТУ. С. 356–360.

Стризое А. Л., Храпова В. А., 2022. Тексты региональной культуры: инвариантные черты и конкретные особенности // Logos et Praxis. Т. 21, № 2. С. 60–72. DOI: https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.2.7

Теркулов В. И., 2018. О понятии «регионолект» // Вестник ДонНУ. Серия Д, Филология и психология. № 3/4. С. 5–16.

Токарев Г. В., 2022а. Вопросы изучения символария региональной идентичности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 21, № 6. С. 173–181. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.14

Токарев Г. В., 2022б. К вопросу о содержании понятия «региональная культура» // Русские традиции бытовой лингвокультуры в славянском пограничье : науч. докл. участников Междунар. науч.-просветит. форума. Брянск : РИСО «БГУ». С. 52–54.

Тупикова Н. А., 2008. Язык региона как объект научного исследования: задачи и перспективы // Теоретические и лингводидактические проблемы исследования русского и других славянских языков. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 185–197.

Храпова В. А., 2019. Региональный текст как фактор организации современного социального пространства // Logos et Praxis. Т. 18, № 4. С. 102–107. DOI: https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2019.4.12

Храпова В. А., Карандашов И. В., 2018. Региональный текст в современной социокультурной динамике // Logos et Praxis. Т. 17, № 4. С. 125–131. DOI: https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2018.4.14

Чибисова О. В., 2017. Конструирование региональной идентичности районными газетами Хабаровского края // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 10-1 (76). С. 73–76.

Юдина В. И., 2013. Региональный текст в контексте художественной корреляции // Вестник Томского государственного университета. № 3. С. 91–99.

REFERENCES

Abramova V.I., 2022. Simvoly regionalnoy identichnosti Tulskoy oblasti: essentsializm, konstruktivizm i polevoe issledovanie [Symbols of Tula Regional Identity: Essentialism, Constructivism and Field Research]. *Tulskiy nauchnyy vestnik. Seriya Istoriya. Yazykoznanie* [Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics], iss. 3 (11), pp. 71-80. DOI: 10.22405/2712-8407-2022-3-71-80

Baskakova V.P., 2012. Lingvisticheskie sredstva vyrazheniya samoidentifikatsii avtora v tekste [Linguistic Means of Expressing the Author's Self-Identification in the Text]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no.1 (15), pp. 169-173.

Borodina M.A., 1982. Dialekty ili regionalnye yazyki? [Dialects or Regional Languages?]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], no. 5, pp. 29-38.

Gerd A.S., 2001. *Vvedenie v etnolingvistiku: kurs lektsiy i khrestomatiya* [Introduction to Ethnolinguistics. Course of Lectures and Anthology]. Saint Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta. 488 p.

Golikova T.A., 2000. Sushchnost regionalnogo yazyka (Etnopsikholingvisticheskiy aspekt) [The Essence of the Regional Language (The Ethnopsycholinguistic Aspect)]. *Nauka, kultura, obrazovanie* [The World of Science, Culture and Education], no. 4, pp. 117-120.

Dmitrieva E.G., 2023. Semantika i funktsii emotivnoy leksiki v regionalnom zhitiynom tekste [Semantics and Functions of Emotive Vocabulary in the Regional Hagiographic Text]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 22, no. 4, pp. 37-47. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.3

Erofeeva E.V., 2005. *Veroyatnostnye struktury idiomov: sotsiolingvisticheskiy aspekt* [Probabilistic Structures of Idioms: A Sociolinguistic Aspect]. Perm, Izd-vo Perm. un-ta. 320 p.

Kalutskov V.N., Morozova M.M., 2019. Literaturnyy region i voprosy ego izucheniya [Theoretical Aspects of Stydying Literary Regions]. *Geografiya iskusstva: rasshirenie gorizonta* [Geography of Art: Expanding the Horizon]. Moscow, GITR, pp. 16-25.

Kiryanova N.A., 2009. Tambovskiy regionalnyy leksicheskiy komponent v strukture khudozhestvennogo teksta [Tambov Regional Lexical Component in the Structure of an Artistic Text]. *Vestnik TGU* [Tomsk State University Journals], iss. 6, pp. 282-285.

Kunavin B.V., 2020. K problematike nominatsii regionalno markirovannoy leksiki [On the Problem of the Nomination of Regionally Marked Vocabulary]. *Aktualnye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics], no. 4, pp. 93-103. DOI: 10.29025/2079-6021-2020-4-93-103

Oreshkina M.V., 2024. Regionalizmy [Regionalisms]. *Sotsiolignvistika* [Sociolinguistics], no. 4, pp. 182-197. DOI: 10.37892/2713-2951-4-20-182-197

Pogosbekova D.A., 2010. Regionalnaya kultura kak prostranstvo tsennostey i smyslov [Regional Culture as a Space of Values and Meanings]. *Diskussiya* [Discussion], no. 8, pp. 76-78.

Pykhtina Yu.G., 2012. Reprezentatsiya regionalnoy mentalnosti v orenburgskom tekste russkoy literatury [Revealing of Regional Mentality in the Orenburg Text of Russian Literature]. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya* [The World of Science, Culture and Education], no. 5 (36), pp. 263-265.

Sirotkina T.A., 2018. Znaki regionalnogo teksta kak klyuch k postizheniyu kultury regiona [Signs of the Regional Text as a Key the Achievement of the Culture of Region]. *Problemy i tendentsii razvitiya sotsiokulturnogo prostranstva Rossii: istoriya i sovremennost* [Problems and Trends in the Development of Russia's Sociocultural Space: History and Modernity]. Bryansk, BGITU, pp. 356-360.

Strizoe A.L., Khrapova V.A., 2022. Teksty regionalnoy kultury: invariantnye cherty i konkretnye osobennosti [The Text of Regional Culture: Invariant Features and Specific Features]. *Logos et Praxis*, vol. 21, no. 2, pp. 60-72. DOI: https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.2.7

Terkulov V.I., 2018. O ponyatii «regiolekt» [On the Concept of "Regiolect"]. *Vestnik DonNU. Seriya D, Filologiya i psikhologiya*, no. 3/4, pp. 5-16.

Tokarev G.V., 2022a. Voprosy izucheniya simbolariya regionalnoy identichnosti [Symbolary of Regional Identity: Research Issues]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 21, no. 6, pp. 173-182. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.14

Tokarev G.V., 2022b. K voprosu o soderzhanii ponyatiya «regionalnaya kultura» [On the Content of the Concept of "Regional Culture"]. *Russkie traditsii bytovoy lingvokultury v slavyanskom*

pogranichye: nauch. dokl. uchastnikov Mezhdunar. nauch.-prosvetit. foruma [Russian Traditions of Everyday Linguistic Culture in the Slavic Borderland. Scientific Reports of the Participants of the International Scientific and Educational Forum]. Bryansk, RISO «BGU», pp. 52-54.

Tupikova N.A., 2008. Yazyk regiona kak obyekt nauchnogo issledovaniya: zadachi i perspektivy [The Language of the Region as an Object of Scientific Research: Tasks and Prospects]. *Teoreticheskie i lingvodidakticheskie problemy issledovaniya russkogo i drugikh slavyanskikh yazykov* [Theoretical and Linguodidactic Problems of Researching Russian and Other Slavic Languages]. Volgograd, Izd-vo VolGU, pp. 185-197.

Khrapova V.A., 2019. Regionalnyy tekst kak faktor organizatsii sovremennogo sotsialnogo prostranstva [Regional Text as Factor of Organizing Modern Social Space]. *Logos et Praxis*, vol. 18, pp. 102-107. DOI: https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2019.4.12

Khrapova V.A., Karandashov I.V., 2018. Regionalnyy tekst v sovremennoy sotsiokulturnoy dinamike [Regional Text in Modern Socio-Cultural Dynamics]. *Logos et Praxis*, vol. 17, no. 4, pp. 125-131. DOI: https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2018.4.14

Chibisova O.V., 2017. Konstruirovanie regionalnoy identichnosti rayonnymi gazetami Khabarovskogo kraya [Developing Regional Identity by Regional Newspapers of Khabarovsk Territory]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], no. 10-1 (76), pp. 73-76.

Yudina V.I., 2013. Regionalnyy tekst v kontekste khudozhestvennoy korrelyatsii [Regional Text in the Context of Artistic Correlation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History], no. 3, pp. 91-99.

Information About the Authors

Evgeniia G. Dmitrieva, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Volgograd, Russia, eg_dmitrieva@volsu.ru, iryas@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0001-5117-5677

Valentina A. Kapustina, Postgraduate Student, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Volgograd, Russia, walentinka@yandex.ru, iryas@volsu.ru, https://orcid.org/0009-0001-9695-6810

Информация об авторах

Евгения Геннадьевна Дмитриева, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия, eg_dmitrieva@volsu.ru, iryas@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0001-5117-5677

Валентина Александровна Капустина, аспирант кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия, walentinka@yandex.ru, iryas@volsu.ru, https://orcid.org/0009-0001-9695-6810

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.5.14

UDC 81'33:323.174
LBC 81.1

Submitted: 30.03.2025
Accepted: 01.07.2025

MODELING THE CITY AND REGION ON THE BASIS OF REGIONAL TEXT AND DISCOURSE

Larisa O. Butakova

Omsk Dostoevsky State University, Omsk, Russia

Abstract. The article proposes a variant of a complex linguistic model of the city of Omsk and the Omsk Irtysh region space that is composed by analysis of regional text and discourse of the past and present. The regional text is understood as a set of various text types, styles and genres, which, with the help of semiotic means, embody a stable grid of semantic constants of a region (in this case, the city of Omsk and the Omsk Irtysh region) as dominant categories of place description. The regional discourse employs systems of institutional and personal texts that represent events of local history and modern life; scientific and cultural phenomena confined to a locus; objects of the urban architectural environment; characteristic forms of the natural landscape. The complex model was built with a multi-tiered semiotic-and-semantic reconstruction of the city and region space, carried out in the paradigm of Russian semantic, linguistic, cognitive and psycholinguistic schools in its diachronic and synchronous functionality. The model type incorporates several interconnected levels that reflect the space of Omsk and the Omsk Irtysh region in a number of areas: the system of semantic categories of space in the antinomies of the territory and the relationship "center – periphery"; the semiosphere of geographical space; the semiotics of social space in variations of forms of power and type of state; spiritual space, represented in the symbols of regional culture; and "subjective" space as a system of linguo-cultural "types," models of linguistic personalities. The sources for modeling each level were historical, scientific, and journalistic texts of the "Collection of Scientific Heritage of Siberia" (the second half of the 19th and first half of the 20th centuries), the contents of media and official regional and city portals, psycholinguistic experiments, and sociolinguistic surveys, which deliver the sense of regional self-identification.

Key words: linguistic modeling, text, regional text, discourse, regional discourse, city space, regional space, self-identification.

Citation. Butakova L.O. Modeling the City and Region on the Basis of Regional Text and Discourse. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2025, vol. 24, no. 5, pp. 183-193. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.5.14

УДК 81'33:323.174
ББК 81.1

Дата поступления статьи: 30.03.2025
Дата принятия статьи: 01.07.2025

ВОЗМОЖНОСТИ МОДЕЛИРОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВА ГОРОДА И РЕГИОНА НА ОСНОВЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ТЕКСТА И ДИСКУРСА

Лариса Олеговна Бутакова

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

Аннотация. В статье предлагается вариант комплексной лингвистической модели пространства города Омска и Омского Прииртышья на основе регионального текста и дискурса прошлого и настоящего. Региональный текст понимается как совокупность текстов разных типов, стилей, жанров, в которых с помощью семиотических средств воплощена стабильная сетка семантических констант региона (в данном случае города Омска и Омского Прииртышья) как доминирующих категорий описания места. Региональный дискурс определяется как система институциональных и персональных текстов, репрезентирующих события местной истории и современной жизни; феномены науки и культуры, приуроченные к локусу; объекты городской архитектурной среды; характерные формы природного ландшафта. Комплексная модель была создана с опорой на многоярусную семиотико-семантическую реконструкцию пространства города и региона, выполняемую в парадигме русских семантической, лингвистической, когнитивной и психолингвистической

© Бутакова Л.О., 2025

школ с учетом диахронии и синхронии. Она включает взаимосвязанные уровни, отражающих систему семантических категорий пространства в антиномиях территории и соотношении «центр – периферия»; семиосферу географического пространства; семиотику социального пространства в вариациях форм власти и типа государства; духовное пространство, репрезентированное в символах региональной культуры; «субъектное» пространство как систему лингвокультурных «типажей», моделей языковых личностей. Источниками для моделирования каждого уровня комплексной модели являются исторические, научные и публицистические тексты «Коллекции научного наследия Сибири» второй половины XIX – первой половины XX в., контенты медийных и официальных областных и городских порталов, контенты сайтов районных и городских СМИ, данные психолингвистических экспериментов и социолингвистических опросов, комплексно представляющих самоидентификацию отдельного региона.

Ключевые слова: лингвистическое моделирование, текст, региональный текст, дискурс, региональный дискурс, пространство города, пространство региона, самоидентификация.

Цитирование. Бутакова Л. О. Возможности моделирования пространства города и региона на основе регионального текста и дискурса // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2025. – Т. 24, № 5. – С. 183–193. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.5.14

Введение

Статья посвящена семантико-семиотическому изучению феномена пространства города и региона, результатом которого стала комплексная многослойная лингвистическая модель, отражающая географические, территориальные, социальные, ценностные и пр. представления жителей Омска, Омской области, Сибирского Прииртышья о месте проживания, истории, событиях, их оценки в региональном тексте и дискурсе прошлого и настоящего. Построение такой модели обусловлено необходимостью экспликации интроспективными и экспериментальными методами, а также методами корпусного и программного анализа компонентов моделей разных типов пространств как своего рода «применения теории категорий к изучению сознания» [Prentner, 2024]. Лингвистические описания «территориальных» измерений языка и речи могут быть рассмотрены как отражение процессов категоризации сознанием жителей территорий в ретроспективе и перспективе представлений о малой родине, месте и среде проживания, как составляющие модели пространства в формате языкового «овнешнения» (термин Е.Ф. Тарасова), как компоненты «опыта, данного в ощущениях» [Кравченко, 2004, с. 22]. Категоризация сознанием жителей Омского Прииртышья территории как изменяющейся среды проживания может быть описана в аспекте позиционирования истории города и региона в прошлом (особенно в период революции и Гражданской войны) и в настоящем, включая трансляции по институциональным каналам ценностных и оценочных региональных когнитивных моделей, установок. Не меньшее значение имеет выражение указанного феномена в персональных дискурсах и моделирование на их основе субъектных этических и ценностных образований. Данные аспекты изучены недостаточно, как и способы отражения в лексиконе, прагматиконе, тезаурусе жителей пространства региона и города, составляющего образ мира носителей русского языка, их речевой деятельности «здесь и сейчас» на фоне «здесь и тогда».

Цель статьи – представить вариант комплексной лингвистической модели пространства Омска и Омского Прииртышья на основе регионального текста и дискурса прошлого и настоящего. Предмет изучения – взаимосвязанные компоненты комплексной региональной пространственной модели во взаимодействии, выявленные по данным анализа корпуса текстов, коммуникативных фрагментов, дискурсов, программного анализа массива данных, компьютерного моделирования, социолингвистических опросов, психолингвистических экспериментов трендового профиля; а также принципы построения указанной модели. Объект исследования (региональный текст и дискурс как источники и основание для комплексного лингвистического моделирования) задан «пространственной ориентацией», ограничением «по горизонтали» – рамками города, региона, территории (Омского Прииртышья), применением исходного принципа многообразного (в том числе «разномодельного») воссоздания, которое определяются

сущностными признаками пространств разного типа как когнитивных категорий, задающих критерии их выделения, – «по вертикали». Главныи критерии – пространственные ориентиры (или «пространственно-временная идентификация элементов воспринимаемой действительности» [Кравченко, 2004, с. 27]), определяемые разграничением фигур – говорящего как субъекта речи, субъекта дейксиса, наблюдателя и субъекта сознания, выраженных в речи / тексте / дискурсе.

Региональный текст понимается как совокупность текстов разного типа, стиля, жанра, в которых с помощью семиотических средств воплощена стабильная сетка семантических констант региона (в данном случае города Омска и Омского Прииртышья) как доминирующих категорий описания места (ср. с понятием локального текста в: [Созина, 2010, с. 288; Павлова, Романова, 2023]. Региональный дискурс определяется как дискурсивная система институциональных и персональных дискурсов, репрезентирующих события местной истории и современной жизни; явления науки и культуры, приуроченные к локусу; объекты городской архитектурной среды; характерные формы природного ландшафта и др. Региональная семиосфера интерпретируется как сложный семиотический объект, в котором знаки разного уровня и разного типа репрезентируют смыслы, ограниченные пространственными рамками города и региона.

Материал и методы

Основной принцип исследования – принцип диалектической связи общего и отдельного, актуальный при выстраивании корреляций между лингвистическими данными диахрониного и синхронного типа, между лингвистическими, социолингвистическими, психолингвистическими данными. Составляющими комплексной методологии являются общенаучный описательный метод – на начальных стадиях исследования; интерпретирующий метод и метод моделирования, поэтапно интегрирующие данные, полученные на текстовом, дискурсивном, экспериментальном, опросном материале.

Частные методы и методики:

1) принципы сквозного синхронного и диахронного анализа для сбора и интерпретации эмпирических данных;

2) методы и методики лингвистической и когнитивной семантики, семиотики, лингвистической аксиологии, прагматики, в том числе: контент-анализа, направленного на качественно-количественное описание смысловых образований и на их основе – моделирование структуры пространственных категорий и концептов, их наполняющих; прагма-стилевого и жанрового анализа текстов разного типа, стиля, жанра;

3) дискурс-анализ – во-первых, в целях интеграции с данными, полученными в ходе применения других методов; во-вторых, для изучения когнитивной, эмотивной, оценочной структур текстов разных стилей и времени создания, фрагментов «естественной письменной речи», текстов «народной речи», создаваемых представителями социальных и территориальных групп города и региона;

4) психолингвистические экспериментальные методы (ассоциативный (свободный) эксперимент в трендовом варианте), социолингвистические методики анкетирования, глубинного интервью;

5) корпусный программный анализ, программный контент-анализ содержания информационных и СМИ-порталов и порталов мэрии города и правительства Омской области, компьютерное моделирование; построение таймлайнов для базовых концептов пространства;

6) сопоставительный метод, выявляющий степень сходства результатов, полученных при реализации текстово-дискурсивного, социолингвистического, экспериментального подходов.

Результаты и обсуждение

Проблематика семиотико-семантического моделирования пространств разных уровней и типов имеет разные линии развития в русской семантической, русских и зарубежных лингвистической, когнитивной и психолингвистической школах. В парадигме теории восприятия акцент делается на работу сознания в процессе переработки перцептивного опыта [Шиффман, 2003; Prentner, 2024;

Signorelli, Szczotka, Prentner, 2021; Space in Languages..., 2008; и др]. В междисциплинарном отношении пространства разных уровней и типов определяются на базе достижений междисциплинарной когнитивной теории, ее лингвистического (когнитивно-семантического) варианта в России и за рубежом (включая историческую концептологию, синхронный и диахронный логический анализ языка, концептологию психолингвистического, психопоэтического, когнитивно-поэтического типов), а также дискурсологии, аксиологической лингвистики, социо- и психолингвистики [Апресян, 1995; Колесов, 2021; Логический анализ языка..., 2000; Яковлева, 2004; Болдырев, 2018; Порядина, 2007; Лингвистика конструкций, 2010; Кравченко, 2004; и др.]. В указанных направлениях теми или иными методами создаются модели разных типов пространств – географического, ментального, физического, художественного, коммуникации и пр. В междисциплинарном поле активно обсуждается «необходимость лучшей разработки категориального представления сознания, в частности его феноменологической структуры» [Prentner, 2024] (перевод наш. – *Л. Б.*).

Теория пространства в части описания субъекта и его восприятия пересекается с теорией языковой личности в современной российской лингвистике. Теория языковой личности от ментально-психологических персонологических моделей (об этом см.: [Караулов, 2002; Языковая личность..., 2016]; подробный анализ см.: [Оленев, 2008; Власкова, 2012; Гуц, 2005; Карасик, 2004; и др.]) перешла в формат программного определения идентификации региональной или общероссийской направленности, когнитивно-информационного моделирования социальной реальности, миграционных процессов и пр., установления параметров (в том числе пространственных) идиолекта субъектов речи по речевым продуктам (см. работы К.И. Белоусова и его коллег из Пермского исследовательского университета [Сычев, Белоусов, 2021; Белоусов и др., 2021; и др.]). Речевое портретирование лиц и групп, сообществ лиц региона и страны, выявление идентичности, идиостиля, параметров их программного анализа связаны с концептуальным моделированием и программным анализом сознания региональных носителей русского языка, в том числе с созданием уникальной базы данных RusIdiolect [Литвинова, 2022]. Методики сбора и обработки массива данных, отражающих когнитивные, коммуникативные, эмотивные, социальные характеристики групп информантов, в которых текстовые ресурсы рассматриваются как виды данных, сигнализирующих о разных типах социальных феноменов, представлены в виде подробного анализа исследовательских областей (см.: [Nguyen et al., 2016, p. 537–593]). Т.В. Литвиновой даны обзоры русских и зарубежных работ идентификационного профиля [Литвинова, 2019; 2022]. Т.И. Ерофеевой выполнено корпусный анализ городского социолекта, в котором с помощью дисперсионного анализа «силы влияния (ДА) построена статистическую модель социолекта с максимальным учетом всей структуры изучаемого объекта» [Ерофеева, 2013, с. 94].

Пространство города как речевая среда исследовалось в рамках «пространственно-лингвокультрологического» и коммуникативного подходов [Позднякова, 2013; и др.]. А.А. Юнаковской описана речевая среда Омска [Юнаковская, 2010; 2011; и др.]. Тема «город в зеркале своего языка» была задана Н.А. Прокуровской (обзор и подробный анализ работ данной направленности см. в: [Исмагилова, Майорова, 2019]). Под руководством Н.В. Богдановой-Бегларян создан звуковой корпус русского языка повседневного общения жителей города Санкт-Петербурга [Звуковой корпус..., 2013]. Описание лингвистического ландшафта как вербальной формы существования социокультурного пространства, коммуникативного единства человека и его окружения входит «в урбанистическую лингвистику и становится продолжением изучения “языка города”» [Голикова, 2020, с. 149] (см. в этой работе подробный обзор русскоязычных исследований указанного профиля).

Психолингвистические модели обыденного языкового сознания как системы психологически реальных значений слов были предложены лингвистами Воронежа [Языковое сознание..., 2010, с. 43–44]. В наших предыдущих публикациях охарактеризованы фрагменты сознания горожан, построенные на основе психолингвистических категорий экспериментальными методами [Бутакова, 2023].

Изучение Омска в варианте социологических исследований когнитивного профиля есть в работе [Капогузов, Оводова, Чупин, 2020, с. 165–175], анализ городского имиджа по данным региональных и федеральных СМИ был сделан омскими лингвистами [Малышева, 2016; Малышева, Гриднев, 2017; и др.]. Они разработали медийные модели города в рассматриваемый период.

Междисциплинарные исследования этнических групп и процессов в Сибири проводятся сибирскими историками и этнографами [Фурсова и др., 2022; Жигунова, 2022; Этнокультурная..., 2019].

Предлагаемый вариант модели – многоярусная функциональная реконструкция диахронно-синхронного типа, включающая несколько взаимосвязанных моделей разных уровней, отражающих пространство Омска и Омского Прииртышья по ряду направлений и параметров. Уровни комплексной модели:

1. Семантические категории пространства, представленные через антиномии, отражающие территориальную оценку (центр / периферия; метрополия, империя / колония, провинция; город / область, регион), в семантике знаков языка разного уровня в тексте и дискурсе, особенностях их смыслового наполнения.

2. Семиосфера географического пространства, содержащая оппозитивные категории «верх / низ», «далеко / близко», «ограниченное / безграничное», «пустое / заполненное» (пространство как «контейнер» / система объектов), проявленные через их вербальные маркеры и смысловые поля, с ними связанные.

3. Социальное пространство города – области – региона как семиотическая система, репрезентирующая смену форм власти – типа государства, положение субъекта РФ, выраженное с помощью семантических узлов текстов и дискурсов, средств языка-речи и их смысловое наполнения.

4. Духовное пространство города – области – региона как система специфических концептов, связанных с топосом, «Сибирские Иерусалимы», «культурная столица», «театральная столица», «молодежная столица» и пр., приобретающих статус символов средоточия духовности, являющихся ценностными, эмотивными доминантами, отражающими особое положение территории, ее историческую и культурную миссии и пр.

5. Город – область – регион как «субъектное» пространство, отражающее «человеческий фактор» в языке города, система имиджевых моделей руководителей региона, ученых, исследователей, а также «обывателей» – лингвокультурных типажей обычных жителей города, реализованных в текстах и дискурсах разного типа.

Каждый этап моделирования основан на наборе текстовых, дискурсивных, экспериментальных психолингвистических и социолингвистических источниках данных. На их основе реконструируется когнитивная, смысловая, семантическая, семиотическая, лексическая, прагматическая составляющие каждого уровня комплексной модели.

Для моделирования первого уровня (первой частной модели) пространства в диахронном аспекте источниками материала являются исторические и публицистические тексты «Коллекции научного наследия Сибири» второй половины XIX – первой половины XX вв., содержащиеся в Областной научной библиотеке им. А.С. Пушкина (научные описания, исследования, очерки и обзоры, а также статистические материалы, отчеты, написанные сибирскими учеными И.Ф. Словцовым, Н.М. Ядринцевым, В.А. Обручевым, П.Л. Дравертом, Г.Н. Потаниным и др.). Данный материал дает возможность узнать о том, какие изыскания проводились и какие методы использовались в то время. Он позволяет реконструировать способы означивания и смысловой состав категорий «центр / периферия»; «метрополия / колония», «столица / провинция» и пр.

Для синхронного аспекте источниками материала послужили: раздел «Город» официального портала администрации г. Омска; раздел «О регионе» официального портала правительства Омской области; контенты медийных порталов агентства «Омскинформ», БК55 и др.; контент раздела «Краеведение Омского Прииртышья» Омской областной научной библиотеки им. А.С. Пушкина.

Для моделирования второго уровня (второй частной модели) в диахронном аспекте актуальны те же материалы, которые указаны как источники построения модели первого

уровня, а также следующие труды: Г.Н. Потанин «Материалы для истории Сибири»; Н.М. Ядринцев «Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении = La Siberie comme Colonie», «Положение ссыльных в Сибири», «Сибирские инородцы, их быт и современное положение: этнографические и статистические исследования с приложением статистических таблиц»; В.А. Обручев, «Геологический обзор Сибири».

Для построения синхронной части модели актуален тот же материал, что и для указанного аспекта первой модели, а также контент сайтов районных и городских СМИ «Тарское Прииртышье» (раздел «Новости Губернии»), «Ваш ОРЕОЛ», «Омская правда»), позволяющие выстроить категориальные оппозиции пространственного типа, их маркеры и смысловые поля, с ними связанные.

Модель третьего уровня (третья частная модель) в диахронной части базируется на материале Цифровой библиотеки Омской областной научной библиотеки им. А.С. Пушкина (раздел «Управление Сибирью и самоуправление»; Справочная книжка на 1895 г. о должностных лицах правительственных и общественных установлений Омского военного округа и Степного генерал-губернаторства и т. п.).

Синхронная часть модели обеспечивается контентом Официального портала администрации г. Омска; Официального портала правительства Омской области; медийных порталов агентства «Омскинформ»; БК55 и др.

Диахрониная и синхронная части указанной частной модели сориентированы друг на друга в процессе построения линий «образ власти прошлого и настоящего в зависимости от типа государства и отношений РФ и субъекта РФ», важны семантические узлы текстов и дискурсов, способы их означивания и смыслового наполнения.

Модель четвертого уровня (четвертая частная модель) включает модели базовых концептов этического и ценностного типа по данным СМИ прошлого и настоящего (в качестве источника материала важны городские и районные СМИ); модель специфических концептов, связанных с городом и регионом («Сибирские Иерусалимы», «Город-сад», «Сибирская столица», «театральная столица», «молодежная столица» и пр.), модели ценностных феноменов, построенные на основе ассоциативных экспериментов в регионе: трендовое исследование за 10 лет (информанты студенты), за 20 лет (информанты школьники).

Модель пятого уровня (пятая частная модель) включает модели языковых личностей (самопрезентационные), модели имиджевого типа (презентационные) руководителей региона, города, районов области, а также лингвистические «типажи» омичей по данным хрестоматии А.А. Юнаковской «Разговорная речь носителей массовой культуры (на материале г. Омска)», серии «народных мемуаров», ассоциативного эксперимента и социолингвистического анкетирования, направленных на реконструкцию компонентов частных моделей «омич», «житель региона», «житель г. Омска», «житель Омской области» по отношению к месту проживания, среде, работе / учебе. Основная линия развивает идею «субъектов» пространства города и региона.

Заключение

Предлагаемая модель имеет определенный теоретико-методологический лингвистический фундамент, который обеспечивает решение задач, сориентированных на выявление функционально значимых типов пространств, компонентов пространств города области, Омского Прииртышья не только как «городского» текста («город как текст» в интерпретации У. Эко, Р. Барт, Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова и др.) или «регионального» текста (ср. исследования «алтайского» текста по направлениям мифопоэтики, образа Алтая и т. п. в работе [Алтайский текст..., 2017; и др.], но и как сложного системного объекта, который имеет разное наполнение на разных уровнях своей организации и может быть представлен в виде системы взаимосвязанных лингвистических моделей.

Построение предлагаемой модели поможет верифицировать ряд положений когнитивной теории пространства в части влияния «среды проживания», «информационной среды», языка в его литературной и разговорной разновидности на когнитивные, коммуникативные, ценностные характеристики, сознание и речевую деятельность представителей раз-

ных социальных, возрастных групп, живущих в одном регионе и говорящих на русском языке в разных сферах публичной, личностной коммуникации, формирующих определенные представления о разных типах пространств, в которых они живут и которые связаны с наполнением определенными событиями в прошлом и настоящем.

В частности, в ходе построения модели можно подтвердить или опровергнуть утверждения о формировании в одной местности («большом» и «малом» региональном пространстве, «большой» и «малой» Родине) единых или сходных семиотических образований, наполненных определенными смыслами. Получит подтверждение известное положение психологов и лингвистов о роли языка / речи как семиотического, коммуникативного, когнитивного средства формирования «образа мира» жителей города и региона, их языкового сознания, социокультурных представлений. Имеются в виду возможности подтверждения предположения о влиянии места проживания, величины городского и регионального пространства, его природных и ландшафтных особенностей, истории, характера деятельности населения, социальной иерархии, профессионального и иного опыта, восприятия разных видов и форм информации на процессы категоризации и концептуализации, связи их с языком и культурой регионального и общероссийского социума. Указанная верификация, реализуя принцип дополнительности в науке, внесет вклад в теорию сознания в части пространственных когнитивных схем и категорий, теорию ценностей и психологическую теорию «образа мира», которые сложились и развиваются как междисциплинарные системы знаний. Особую ценность представляет материал, в полной мере до сих пор не подвергавшийся систематизации и глубокому анализу с точки зрения комплексного подхода.

Предлагаемые принципы моделирования позволят создать электронную базу текстов о пространстве Омска в диахронии и синхронии, на что в дальнейшем смогут опираться историки, краеведы, лингвисты, литературоведы, а также практические специалисты: представители власти, пиар-специалисты и брендмейкеры регионального и федерального уровней.

Данные психолингвистических экспериментов и социолингвистических опросов, сведения, полученные методами программного анализа текстовых корпусов, построение виртуальной пространственной карты распространения ряда семиотических объектов, создание корпуса текстов, отражающих город и регион как пространственные феномены, позволят сопоставить пространственные модели Омска, Омской области, Омского Прииртышья в прошлом и настоящем. Результаты сопоставления значимы для научно-практического мониторинга факторов, влияющих на психологическое, социальное, культурное благополучие города и региона, позиционирование его в СМИ и виртуальной среде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алтайский текст в русской культуре : сб. науч. ст., 2017 / под ред. Т. В. Чернышовой [и др.]. Барнаул : Изд-во АлтГУ. Вып. 7. 304 с.

Апресян Ю. Д., 1995. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Избранные труды. В 2 т. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М. : Яз. рус. культуры. С. 629–650.

Белоусов К. И., Баранов Д. А., Зелянская Н. Л., Пономарев Н. Ф., Рябинин К. В., 2021. Когнитивно-информационное моделирование социальной реальности: концепты, события, приоритеты // Вестник Томского государственного университета. Филология. № 72. С. 5–26. DOI: 10.17223/19986645/72/1

Болдырев Н. Н., 2018. Антропоцентризм пространства и времени как форм языкового сознания // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXII. С. 26–35.

Бутакова Л. О., 2023. Город как психолингвистический феномен: региональный аспект // Этнопсихолингвистика. № 3 (14). С. 7–31. DOI: 10.31249/epl/2023.03.01

Власкова М. В., 2012. Языковая личность бывшего сельского жителя : дис. ... канд. филол. наук. Арзамас. 283 с.

Голикова Т. А., 2020. Методология лингволандшафтных исследований в России: аналитико-тематический обзор // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Философия». № 4 (54). С. 149–166. DOI: 10.26456/vtphilos/2020.4.149

Гуц Е. Н., 2005. Психолингвистическое исследование языкового сознания подростка. Омск : Вариант-Омск. 260 с.

Ерофеева Т. И., 2013. Лингвистика городского пространства // Вестник Ленинградского государ-

ственного университета им. А.С. Пушкина. № 3 (1). С. 92–97.
Жигунова М. А., 2022. Русское население города Омска: идентичность, культура, традиции. Омск ; Екатеринбург : Урал. рабочий. 232 с.
Звуковой корпус как материал для анализа русской речи, 2013 / отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб. : Филол. фак. СПбГУ. 396 с.
Исмагилова Н. В., Майорова О. А., 2019. Язык города как социолингвистическая проблема: перспективы изучения // Вестник Башкирского университета. Т. 24, № 4. С. 900–906.
Капогузов Е. А., Оводова С. Н., Чупин Р. И., 2020. Доминирующие концепты благоустройства сибирского города: опыт социологического исследования в городе Омске // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. № 2 (16). С. 165–175.
Карасик В. И., 2004. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М. : Гнозис. 290 с.
Караулов Ю. Н., 2002. Русский язык и языковая личность. М. : УРС. 264 с.
Колесов В. В., 2021. Концептуальное поле русского сознания. СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена. 612 с.
Кравченко А. В., 2004. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та. 206 с.
Лингвистика конструкций, 2010 / отв. ред. Е. В. Рахилина. М. : Азбуковник. 584 с.
Литвинова Т. А., 2019. Идиолект как объект корпусной идиолектологии: к становлению нового лингвистического направления // Ученые Записки Новгородского государственного университета. № 7 (25). DOI: 10.34680/2411-7951.2019.7(25).6
Литвинова Т. А., 2022. Стилеметрическая идентификация автора текста. Воронеж : Издат. дом ВГУ. 254 с.
Логический анализ языка: Языки пространств, 2000 / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М. : Яз. рус. культуры. 448 с.
Малышева Е. Г., Гриднев Н. А., 2017. Реконструкция медиа-образа Омска (на материале текстов регионального телевизионного масс-информационного дискурса и данных ресурса «Медиалогия») // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. № 4 (17). С. 57–60.
Малышева Е. Г., 2016. Моделирование медиаобраза Омска по современной блогосфере // Коммуникативные исследования. № 4 (10). С. 92–106.
Оленев С. В., 2008. Моделирование динамики русской языковой личности. Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та. 264 с.
Павлова Л. В., Романова И.В., 2023. На пути к изучению Армянского текста русской поэзии (вместо предисловия) // Смоленский филологический сборник. Вып. XV. Ч. II. Труды молодых ученых / под ред. Л. Г. Каяниди. Смоленск : Изд-во СмолГУ. 119 с.
Позднякова Е. Ю., 2013. Языковое пространство города. Лингвокультурологическое описание. Saarbrücken : LAP LAMBERT Academic Publishing. 181 с.
Порядина Р. Н., 2007. Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте / отв. ред. З. И. Резанова. Томск : UFO-Plus. 384 с.
Созина Е. К., 2010. Локальный текст // Гуманитарная география. Вып. 6. С. 288–290.
Сычев О. А., Белоусов К. И., 2021. Связь этики автономии и этики сообщества с представлениями россиян о Родине // Сибирский психологический журнал. № 80. С. 107–127. DOI: 10.17223/17267080/80/6
Фурсова Е. Ф., Федоров Р. Ю., Шитова Н. И., Голубкова О. В., Васеха М. В. 2022. Сибирь и сибиряки: этнокультурная идентичность русского и других восточно-славянских народов в Сибири (XIX – начало XXI в.). Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН. 284 с.
Шиффман Х. Р., 2003. Ощущение и восприятие. 5-е изд. СПб. : Питер. 928 с.
Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий, 2019 / отв. ред. Е. Ф. Фурсова. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН. 592 с.
Юнаковская А. А., 2010. «Язык города»: основные компоненты и их функционирование (на материале г. Омска) // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. № 3 (23). С. 116–121.
Юнаковская А. А., 2011. «Язык города» как лингвистическая проблема // Вестник Омского университета. № 3. С. 193–197.
Языковая личность: Моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология. Вып. 2, 2016 / ред. Н. Д. Голев, Н. В. Мельник. М. : Ленанд. 432 с.
Языковое сознание жителей Воронежа, 2010 / под ред. И. А. Стернина. Воронеж : Истоки. 250 с.
Яковлева Е. С., 1994. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М. : Гнозис. 344 с.
Nguyen D., Doğruöz A. S., Rosé C. P., de Jong F., 2016. Computational Sociolinguistics: A Survey // Computational Linguistics. Vol. 42 (3). P. 537–593. URL: https://aclanthology.org/J16-3007.pdf

Prentner R., 2024. Category Theory in Consciousness Science: Going Beyond the Correlational Project // Synthese. Vol. 204, art. 69. DOI: 10.1007/s11229-024-04718-5

Signorelli C. M., Szczotka J., Prentner R., 2021. Consciousness Science and Its Theories Explanatory Profiles of Models of Consciousness – Towards a Systematic Classification // Neuroscience of Consciousness. Vol. 2021, iss. 2, niab021. DOI: 10.1093/nc/niab021

Space in Languages. Linguistic Systems and Cognitive Categories, 2008 / ed. by M. Hickmann, S. Robert. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company. 361 p. DOI: 10.1075/tsl.66

REFERENCES

Chernyshova T.V., Grebneva M.P., Safronova Ye.Yu., Trubnikovoy Yu.V., eds., 2017. *Altayskiy tekst v russkoy culture: sb. nauch. st.* [Altai Text in Russian Culture. Collection of Scientific Articles]. Barnaul, Izd-vo AltGU, iss. 7. 304 p.

Apresyan Yu.D., 1995. Deyksis v leksike i grammatike i naivnaya model mira [Deixis in Vocabulary and Grammar and the Naive Model of the World]. *Izbrannyye Trudy. V 2 t. T. 2. Integralnoe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Selected Works. In 2 Vols. Vol. 2. Integral Description of Language and Systemic Lexicography]. Moscow, Yaz. rus. kultury Publ., pp. 629-650.

Belousov K.I., Baranov D.A., Zelyanskaya N.L., Ponomarev N.F., Ryabinin K.V., 2021. Kognitivno-informatsionnoye modelirovaniye sotsialnoy realnosti: kontsepty, sobytiya, prioritety [Cognitive-Informational Modeling of Social Reality: Concepts, Events, Priorities]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Philology], no. 72, pp. 5-26. DOI: 10.17223/19986645/72/1

Boldyrev N.N., 2018. Antropotsentrizm prostranstva i vremeni kak form yazykovogo soznaniya [Anthropocentrism of Space and Time as Forms of Linguistic Consciousness]. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], iss. XXXII, pp. 26-35.

Butakova L.O., 2023. Gorod kak psikholingvisticheskiy fenomen: regionalny aspekt [City as a Psycholinguistic Phenomenon: Regional Aspect]. *Etnopsikholingvistika* [Ethnopsycholinguistics], no. 3 (14), pp. 7-31. DOI: 10.31249/epl/2023.03.01

Vlaskova M.V., 2012. *Yazykovaya lichnost byvshego selskogo zhitelya: dis. ... kand. filol. nauk* [Linguistic Personality of a Former Rural Resident. Cand. philol. sci. diss.]. Arzamas. 283 p.

Golikova T.A., 2020. Metodologiya lingvolandshaftnyh issledovaniy v Rossii: analitiko-tematicheskiy obzor [Methodology of Linguolandscape Studies in Russia: Analytical and Thematic Review]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Filosofiya»* [Vestnik of Tver State University. Series Philosophy"], no. 4 (54), pp. 149-166. DOI: 10.26456/vtphilos/2020.4.149

Guts Ye.N., 2005. *Psikholingvisticheskoye issledovaniye yazykovogo soznaniya podrostka* [Psycholinguistic Study of the Linguistic Consciousness of a Teenager]. Omsk, Variant-Omsk Publ. 260 p.

Yerofeyeva T.I., 2013. Lingvistika gorodskogo prostranstva [Linguistics of Urban Space]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Bulletin of the Leningrad Pushkin State University], no. 3 (1), pp. 92-97.

Zhigunova M.A., 2022. *Russkoye naseleniye goroda Omska: identichnost, kultura, traditsii* [Russian Population of the City of Omsk: Identity, Culture, Traditions]. Omsk, Yekaterinburg, Ural. rabochiy. Publ. 232 p.

Bogdanova-Beglaryan N.V., ed., 2013. *Zvukovoy korpus kak material dlya analiza russkoy rechi* [The Sound Corpus as a Material for the Analysis of Russian Speech]. Saint Petersburg, Filol. fak. SpbGU. 396 p.

Ismagilova N.V., Mayorova O.A., 2019. Yazyk goroda kak sotsiolingvisticheskaya problema: perspektivy izucheniya [Urban Language as a Sociolinguistic Problem: Perspectives of the Study]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of the Bashkir University], vol. 24, no. 4, pp. 900-906.

Kapoguzov E.A., Ovodova S.N., Chupin R.I., 2020. Dominiruyushchiye kontsepty blagoustroystva sibirskogo goroda: opyt sotsiologicheskogo issledovaniya v gorode Omske [Dominant Concepts of Urban Improvement in Siberia: A Sociological Case Study in Omsk]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskiye. sotsiologicheskiye i ekonomicheskiye nauki* [Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences], no. 2 (16), pp. 165-175.

Karasik V.I., 2004. *Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, and Discourse]. Moscow, Gnozis Publ. 290 p.

Karaulov Yu.N., 2002. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost* [Russian Language and Language Personality]. Moscow, URS Publ. 264 p.

Kolesov V.V., 2021. *Kontseptualnoye pole russkogo soznaniya* [Conceptual Field of Russian Consciousness]. Saint Petersburg, Izd-vo RGPU im A.I. Gertsena. 612 p.

Kravchenko A.V., 2004. *Yazyk i vospriyatiye: Kognitivnyye aspekty yazykovoy kategorizatsii*

[Language and Perception: Cognitive Aspects of Language Categorization]. Irkutsk, Izd-vo Irkut. gos. un-ta. 206 p.

Rakhilina Ye.V., ed., 2010. *Lingvistika konstruktsiy* [Linguistics of Constructions]. Moscow, Azbukovnik. 584 p.

Litvinova T.A., 2019. Idiolekt kak obyekt korpusnoy idiolektologii: k stanovleniyu novogo lingvisticheskogo napravleniya [Idiolect as an Object of Corpus Idiolectology: Towards the Formation of a New Linguistic Direction]. *Uchenyye Zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes of Novgorod State University], no. 7 (25). DOI: 10.34680/2411-7951.2019.7(25).6

Litvinova T.A., 2022. *Stilemetricheskaya identifikatsiya avtora teksta* [Stylometric Identification of the Author of the Text]. Voronezh, Izdat. dom VGU. 254 p.

Arutyunova N.D., Levontina I.B., eds., 2000. *Logicheskiy analiz yazyka: Yazyki prostranstv* [Logical Analysis of Language: Languages of Spaces]. Moscow, Yaz. rus. kultury. 448 p.

Malysheva Ye.G., Gridnev N.A., 2017. Rekonstruktsiya media-obraza Omska (na materiale tekstov regionalnogo televizionnogo mass-informatsionnogo diskursa i dannykh resursa «Medialogiya») [Reconstruction of the Media Image of Omsk (Based on the Texts of the Regional Television Mass-Information Discourse and the Data of the Medialogy Resource)]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya* [Bulletin of the Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research], no. 4 (17), pp. 57-60.

Malysheva Ye.G., 2016. Modelirovaniye mediaobraza Omska po sovremennoy blogosfere [Modeling the Media Image of Omsk Based on the Modern Blogosphere]. *Kommunikativnyye issledovaniya* [Communicative Studies], no. 4 (10), pp. 92-106.

Olenev S.V., 2008. *Modelirovaniye dinamiki russkoy yazykovoy lichnosti* [Modeling the Dynamics of the Russian Linguistic Personality]. Tomsk, Izd-vo Tom. gos. ped. un-ta. 264 p.

Pavlova L.V., Romanova I.V., 2023. Na puti k izucheniyu Armyanskogo teksta russkoy poezii (vmesto predisloviya) [Towards the Study of the Armenian Text of Russian Poetry (Instead of a Preface)]. Kayanidi L.G., ed. *Smolenskiy filologicheskiy sbornik. Vyp. XV. Ch. II. Trudy molodykh uchenykh* [Smolensk Philological Collection. Iss. 15. Pt. 2. Works of Young Scientists]. Smolensk, Izd-vo SmolGU. 119 p.

Pozdnyakova Ye.Yu., 2013. *Yazykovoye prostranstvo goroda. Lingvokulturologicheskoye opisaniye* [Language Space of the City. Linguocultural Description]. Saarbrücken, LAP LAMBERT Academic Publishing. 181 p.

Poryadina R.N., 2007. *Kartiny russkogo mira: prostranstvennyye modeli v yazyke i tekste* [Pictures of the Russian World: Spatial Models in Language and Text]. Tomsk, UFO-Plus Publ. 384 p.

Sozina Ye.K., 2010. Lokalnyy tekst [Local Text]. *Gumanitarnaya geografiya* [Humanitarian Geography], iss. 6, pp. 288-290.

Sychev O.A., Belousov K.I., 2021. Svyaz etiki avtonomii i etiki soobshchestva s predstavleniyami rossiyan o Rodine [The Connection Between the Ethics of Autonomy and the Ethics of Community with the Ideas of Russians About the Motherland]. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal* [Siberian Psychological Journal], no. 80, pp. 107-127. DOI: 10.17223/17267080/80/6

Fursova Ye.F., Fedorov R.Yu., Shitova N.I., Golubkova O.V., Vasekha M.V., 2022. *Sibir i sibiryaki: etnokulturnaya identichnost russkogo i drugikh vostochno-slavyanskikh narodov v Sibiri (XIX – nachalo XXI v.)* [Siberia and Siberians: Ethnocultural Identity of the Russian and Other East Slavic Peoples in Siberia (19th – Early 21st Century)]. Novosibirsk, Izd-vo IAET SO RAN. 284 p.

Schiffman H.R., 2003. *Oshhushhenie i vospriyatie* [Sensation and Perception]. Saint Petersburg, Piter Publ. 928 p.

Fursova Ye.F., ed., 2019. *Etnokulturnaya identichnost narodov Sibiri i sopredelnykh territoriy* [Ethnocultural Identity of the Peoples of Siberia and Adjacent Territories]. Novosibirsk, Izd-vo IAET SO RAN. 592 c.

Yunakovskaya A.A., 2010. «Yazyk goroda»: osnovnyye komponenty i ikh funktsionirovaniye (na materiale g. Omska) [“The Language of the City”: Main Components and Their Functioning (Based on Omsk)]. *Gumanitarnyy vektor. Seriya: Pedagogika, psikhologiya*, no. 3 (23), pp. 116-121.

Yunakovskaya A.A., 2011. «Yazyk goroda» kak lingvisticheskaya problema [“The Language of the City” as a Linguistic Problem]. *Vestnik Omskogo universiteta*, no. 3, pp. 193-197.

Golev N.D., Melnik N.V., eds., 2016. *Yazykovaya lichnost: Modelirovaniye, tipologiya, portretirovaniye. Sibirskaya lingvopersonologiya. Vyp. 2* [Language Personality: Modeling, Typology, Portrayal. Siberian Linguopersonology. Iss. 2]. Moscow, Lenand Publ. 432 p.

Sternin I.A., ed., 2010. *Yazykovoye soznaniye zhiteley Voronezha* [Linguistic Consciousness of Voronezh Residents]. Voronezh, Istoki Publ. 250 p.

Yakovleva Ye.S., 1994. *Fragmenty russkoy yazykovoy kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i*

vospriyatiya) [Fragments of the Russian Linguistic Picture of the World (Models of Space, Time and Perception)]. Moscow, Gnozis Publ. 344 p.

Nguyen D., Doğruöz A. S., Rosé C.P., de Jong F., 2016. Computational Sociolinguistics: A Survey. *Computational Linguistics*, vol. 42 (3), pp. 537-593. URL: https://aclanthology.org/J16-3007.pdf

Prentner R., 2024. Category Theory in Consciousness Science: Going Beyond the Correlational Project. *Synthese*, vol. 204, art. 69. DOI: 10.1007/s11229-024-04718-5

Signorelli C.M., Szczotka J., Prentner R., 2021. Consciousness Science and Its Theories Explanatory Profiles of Models of Consciousness – Towards a Systematic Classification. *Neuroscience of Consciousness*, vol. 2021, iss. 2, niab021. DOI: 10.1093/nc/niab021

Hickmann M., Robert S., eds., 2008. *Space in Languages. Linguistic Systems and Cognitive Categories*. Amsterdam, John Benjamins Publishing Company. 361 p. DOI: 10.1075/tsl.66

Information About the Author

Larisa O. Butakova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Language, Literature and Document Communications, Omsk Dostoevsky State University, Omsk, Russia, larisabut@rambler.ru, http://orcid.org/0000-0003-3210-2311

Информация об авторе

Лариса Олеговна Бутакова, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, литературы и документных коммуникаций, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия, larisabut@rambler.ru, http://orcid.org/0000-0003-3210-2311

Миссия журнала «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание» состоит в содействии развитию лингвистики посредством создания платформы для научной коммуникации представителей международного профессионального сообщества, открывающей широкому кругу читателей свободный доступ к достижениям национальных лингвистических школ и направлений.

Редакционная политика журнала направлена на решение следующих задач:

– комплексное представление достижений современной лингвистики посредством публикации результатов оригинальных исследований в области теории языка, прикладной и сравнительно-сопоставительной лингвистики, истории и современного состояния языков разных групп и семей; объединения в рамках одного номера статей схожей проблематики, авторы которых принадлежат разным научным школам, актуализируют традиционные и реализуют современные направления лингвистики, апробируют новые методы и концепции изучения языков, их функционирования в разных сферах (в том числе в интернет-коммуникации) и в разные периоды развития;

– поддержка исследований междисциплинарного характера в области компьютерной лингвистики, юридической лингвистики, социолингвистики, гендерной лингвистики, переводоведения, теолингвистики и др.;

– расширение международной аудитории журнала посредством привлечения к сотрудничеству зарубежных авторов, публикации на русском и английском языках научных обзоров современных теоретических и экспериментальных исследований, выполненных российскими и зарубежными учеными;

– повышение интереса зарубежных специалистов к российским исследованиям посредством перевода на английский язык русскоязычных статей, посвященных изучению славянских языков, в частности русского, и межкультурной коммуникации;

– поддержка интернациональных научных коллективов, объединенных сравнительно-сопоставительным изучением языков в рамках конкретных тем.

В качестве критериев отбора статей учитываются: обращение авторов к новым языковым явлениям и новым источникам, знание и использование авторами новейших отечественных и иностранных публикаций по теме исследования, научная объективность и качественный анализ фактов с применением соответствующих современному уровню развития методологии и методов научного исследования, дискуссионность. Поддерживая развитие научного взаимодействия, редакция приветствует статьи, написанные в соавторстве российскими и зарубежными исследователями в рамках международных проектов.

The mission of the *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* is to promote the development of linguistics by providing a platform for scientific communication between Russian linguists and the international scholarly community. The journal gives open access to the achievements of national schools of linguistics to a broad readership.

The editorial policy of the journal is aimed at achieving the objectives set:

– comprehensive presentation of the achievements of modern linguistics through publishing the results of original research in language theory, applied and comparative linguistics, history, and the current state of languages of different groups and families; bringing together in a single issue articles on similar research topics conducted by authors belonging to different schools of thought, publishing manuscripts using traditional and contemporary trends in linguistics, and applying new methods, research designs, and concepts to investigate linguistic phenomena and functions of languages in different discourse domains (including Internet communication) in synchronic and diachronic perspectives;

– supporting interdisciplinary research in the fields of computational linguistics, legal linguistics, sociolinguistics, gender linguistics, translation studies, theolinguistics, etc.;

– expanding the journal's international readership by publishing high-quality manuscripts by foreign authors and reviews of current theoretical and experimental research carried out by Russian and foreign scientists in Russian and English;

– enhancing interest in Russian studies on behalf of foreign professional linguists by translating into English Russian-language articles on the issues of Slavic languages, in particular Russian, and intercultural communication;

– supporting international research projects dedicated to the comparative study of languages within the framework of specific topics.

The criteria for selecting the articles to be published are the following: the authors' appeal to new linguistic phenomena and new sources, the authors' familiarity with latest publications on the research topic carried out by domestic and foreign scholars and application of their results, scientific objectivity and thorough analysis of facts using the methods of scientific research that correspond to the current level of methodology development, and actual discussion potential. The editorial board promotes the development of scientific cooperation and welcomes the articles written in co-authorship by Russian and foreign researchers in the framework of international projects.

УСЛОВИЯ И ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik2@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются **в открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik2@volsu.ru является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей смотрите на сайте журнала https://l.jvolsu.com в разделе «Для авторов».

CONDITIONS AND RULES OF PUBLICATION IN THE JOURNAL

1. The editorial staff of *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik2@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in **the Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik2@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* print periodical.

The editorial staff starts the reviewing process after receiving all cover documents via e-mail.

The decision to publish articles is made by the editorial staff after reviewing. The editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, review and publication of academic articles please refer to the journal's website https://l.jvolsu.com/index.php/en/ (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. Linguistics
is indexed by:

Scopus®

Modern Language Association MLA

copac*

crossref

Google scholar

OAJI.net Open Academic Journals Index

ULRICHSWEB™ GLOBAL SERIALS DIRECTORY

MIAR 2014 Live

CiteFactor Academic Scientific Journals

SHERPA/RoMEO

COVERED BY EMERGING SOURCES CITATION INDEX CLARIVATE ANALYTICS

ZDB

ProQuest

OCLC WorldCat®

Научная библиотека «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА LIBRARY.RU

slavistik-portal портал по славистике

DOAJ DIRECTORY OF OPEN ACCESS JOURNALS

SOCIONET

IPRbooks ЭЛЕКТРОННО-БИБЛИОТЕЧНАЯ СИСТЕМА

Университетская библиотека ONLINE

SciUp НАУЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ

ISSN 1998-9911 80>
9 771998 991007

ISSN 1998-9911. Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкозн. 2025. Том 24. № 5. 1–195.